

**ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН
В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ:
ПАРТНЕРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

18 сентября 2019 г.

г. Чита

Часть 1

**HISTORICAL DEVELOPMENT
OF THE BORDER REGION:
PARTNERSHIP AND COOPERATION**

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

September 18, 2019

Chita

Part 1

Правительство Забайкальского края
Министерство образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края
Забайкальский государственный университет
Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии
Объединённое собрание общественных наук Внутренней Монголии
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чите
Центр научных исследований российско-китайских отношений
Забайкальское общество любителей истории

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО

**Международная научно-практическая конференция,
посвящённая 80-летию Победы советских и монгольских войск
на реке Халхин-Гол**

**18 сентября 2019 г.
г. Чита**

Часть 1

Чита
ЗабГУ
2019

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)я431
ББК ТЗ(2)я431
П 755

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Т. Е. Санжиева, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории Бурятии,
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
Л. В. Камедина, д-р культурологии, доцент, профессор кафедры литературы,
Забайкальский государственный университет, г. Чита

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (отв. редактор), *Н. Г. Дятчина*, *Ю. Н. Ланцова*,
М. В. Пряженникова, *О. А. Яремчук*

П 755 **Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество** : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол : [в 2 ч.] / Забайкальский государственный университет ; ответственный редактор Е. В. Дроботушенко. – Чита : ЗабГУ, 2019.
ISBN 978-5-9293-2388-1

Ч. 1. – 2019. – 227 с.
ISBN 978-5-9293-2389-8

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников традиционной конференции, посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на р. Халхин-Гол. В работе форума нашли отражение разные аспекты истории и современного состояния приграничья Забайкалья, Северного Китая и Монголии, вопросы всеобщей и отечественной истории, проблемы осмысления категории «регион», особое внимание уделено филологическим, лингвистическим и литературоведческим аспектам, проблемам методологии филологического и лингвистического знания. Представлены материалы учёных как Российской Федерации, так и целого ряда стран дальнего и ближнего зарубежья.

Издание будет интересно учёным, общественным деятелям, преподавателям и учителям высших, средних и средних специальных учебных заведений, а также тем, кто интересуется историей и современным состоянием Забайкалья, его местом в социальных процессах российского и мирового масштаба, аспектами всеобщей и отечественной истории в целом, проблемами философского осмысления различных категорий, связанных с региональным развитием, вопросами филологии и лингвистики.

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)я431
ББК ТЗ(2)я431

ISBN 978-5-9293-2389-8 (Ч. 1)
ISBN 978-5-9293-2388-1

© Забайкальский государственный университет, 2019

Government of Zabaikalsky Krai
Ministry of education, science and youth policy of Zabaikalsky Krai
Transbaikal State University
Manchurian Institute of the University of Inner Mongolia
Joint Assembly of Social Sciences of Inner Mongolia
Baikal Regional Branch of Academy of Military Science
Zabaikalsky Regional Branch of Russian Political Scientists Society
Regional Branch of Russian Historical Society
Russia-China Relations Scientific Research Center
Zabaikalsky Historical Society

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION: PARTNERSHIP AND COOPERATION

International Scientific and Practical Conference

**Conference is dedicated to the 80th anniversary
of the Victory of Soviet and Mongolian troops on the Khalkhin Gol river**

**18 September 2019
Chita**

Part 1

Chita
Transbaikal State University
2019

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)я431
ББК Т3(2)я431
П 755

Recommended for Publication by the Organizing Committee
of the Scientific and Practical Event of Transbaikal State University

Reviewers

T. E. Sanzhieva, Dr. of History Sciences, Full Professor, Professor of the Department
of History of Buryatia of Buryat State University, Ulan-Ude
L. V. Camedina, Dr. of Culturology, associate Professor, Professor of the Department of literature
of the Transbaikal State University, Chita

Editorial board

E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), *N. G. Diatchina*,
Yu. N. Lantsova, *M. V. Pryazhennikova*, *O. A. Yaremchuk*

Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation:
П 755 proceedings of the international scientific conference, Conference is Dedicated to the
80th anniversary of the Victory of Soviet and Mongolian troops on the Khalkhin Gol riv-
er : [2 p.] / Transbaikal State University ; Chief-in-Editor E. V. Drobotushenko. – Chita :
Transbaikal State University, 2019.

ISBN 978-5-9293-2388-1

P. 1. – 2019. – 227 p.

ISBN 978-5-9293-2389-8

The collection presents the materials of reports and speeches of participants of the traditional international scientific and practical conference in the framework of the annual scientific and practical conferences on the theme "Cross-Border cooperation: historical events and modern realities", which was held in Chita in September 2019. It was dedicated to the 80th anniversary of the Victory of Soviet and Mongolian troops on the river Khalkhin-Gol. The forum reflected the different aspects of the history and current state of the Transbaikalia, Northern China and Mongolia, the issues of General and national history, the problems of understanding the category "region". Once again, the organizers paid considerable attention to philological, linguistic and literary aspects, problems of methodology of philological and linguistic knowledge. The collection presents the materials of scientists of both the Russian Federation and a number of countries Near and Far Abroad.

The publication will be of interest to scientists, public figures, teachers and teachers of higher, secondary and secondary special educational institutions, as well as to all those interested in the history and current state of Transbaikalia, its place in the social processes of Russian and world scale, aspects of General and national history in General, the problems of philosophical understanding of various categories related to regional development, issues of Philology and Linguistics.

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)я431
ББК Т3(2)я431

ISBN 978-5-9293-2389-8 (P. 1)
ISBN 978-5-9293-2388-1

© Transbaikal State University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приветственное слово</i>	9
<i>Предисловие</i>	12

Раздел 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

<i>Вэй Хунбо</i> Эвенки: вопросы историографии в России и Китае	14
<i>Харитонов А. М.</i> Варяжский вопрос в российской истории с точки зрения средневековой географии	17
<i>Мякинская А. В.</i> Правозащитная и культурно-просветительская деятельность Георгия Конисского	20
<i>Чапыгин И. В., Петрушин Ю. А., Чапыгин И. И.</i> К истории становления российско-китайских отношений	23
<i>Сотников С. А.</i> История становления и развития российско-армянских отношений	26
<i>Васильев М. В.</i> Русско-китайские отношения в контексте геополитической игры XIX века	31
<i>Постников А. В.</i> Англичане и американцы в российско-китайском приграничье после возвращения Приамурья и включения в состав Российской империи Приморья	34
<i>Камнева Г. П., Сотников С. А., Сотников А. А.</i> Государственная политика в сфере железнодорожного строительства в 1890-е – начале 1900-х годов. Транссибирская магистраль	38
<i>Карчанова Л. М.</i> «...Осчастливленны посещением драгоценного гостя...» (к 125-летию вступления на престол императора Николая II)	41
<i>Кузьмин Ю. В., Ванина И. Ю.</i> Изучение тибетской медицины в России: П. А. Бадмаев и Н. В. Кирилов	45
<i>Ашмаров И. А., Ершов Б. А.</i> Роль российского духовного образования в формировании культуры в светском обществе XIX – начала XX века	50
<i>Ковалёва Н. Н.</i> Влияние реформ С. Ю. Витте и П. А. Столыпина на экономическое развитие западно-белорусского региона	54
<i>Сотников С. А., Сотников А. А., Камнева Г. П.</i> Мирные переговоры в городе Портсмут (США) 9 августа 1905 года (освещение подготовки и хода переговоров в англоязычной прессе)	57
<i>Кальмина Л. В.</i> «Монгольский вопрос» глазами российского военного агента	61
<i>Ланцова Ю. Н.</i> К вопросу о разработке иммиграционного закона для китайских и корейских подданных в 1910 году	64
<i>Костяев Э. В.</i> Отношение ОК РСДРП и Центральной инициативной группы меньшевиков Петрограда к Первой мировой войне (1914–1917)	68
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Секретные донесения агентов Штаба охранной стражи КВЖД как источник по истории создания бурят-монгольской государственности в 1919 году	71
<i>Косых Е. С.</i> Правовое регулирование советской концессионной политики в годы НЭПа	74
<i>Федосеева К. В.</i> История г. Нижнего Новгорода 1920-х годов в творчестве доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского	77
<i>Косых В. И.</i> Чеканка монет Монголии 1925 года в СССР	81
<i>Гребенкин А. Н.</i> Социокультурное пространство кадетских корпусов Русского зарубежья	82
<i>Богомазов Н. И., Петров И. В., Пригодич Н. Д.</i> «Возвращенцы» из Харбина и их судьба на родине на примере биографии Н. В. Устрялова	86
<i>Карасёв С. В.</i> Яков Давидовский и противоречивые 1930-е годы	89
<i>Якунин В. Н.</i> Куйбышевская епархия в 1937–1940 годах	93
<i>Суходолов А. П., Василенко В. А., Кузьмин Ю. В.</i> Историография России и Монголии о войне на Халхин-Голе 1939 года и её влиянии на мировую историю и внешнюю политику нашей страны	97
<i>Ставропольский Ю. В.</i> События 1939 года в районе реки Халхин-Гол в исторической ретроспективе: усилия Советского Союза по формированию системы международной безопасности	102
<i>Гавриков А. А.</i> Неопределённость линии границы – причина или повод начала войны на Халхин-Голе: подходы в отечественной и зарубежной историографии	104
<i>Мясникова Г. В.</i> Фронтовые будни в окопах Халхин-Гола	107
<i>Пешков И. Г.</i> Газета «На боевом посту» и районные газеты Читинской области в ретроспективе событий 1939 года в районе р. Халхин-Гол	110
<i>Лобанов К. Н.</i> 22 июня 1941 года: уроки истории для России и Запада	113
<i>Ашмаров И. А.</i> Историография военной экономики СССР: общие подходы и перспективы исследований	117
<i>Томас Вайраух</i> Фашизм в Китае (1931–1945): идеология, преступления и жертвы	121
<i>Черепанов К. В.</i> Забытая победа	131

Кузнецов В. В. Установление дипломатических отношений Советского Союза и Китайской Народной Республики. «Славное десятилетие дружбы»	139
Клестова М. С. Жизнь потомков русских эмигрантов в городе Сан-Франциско и его окрестностях	141
Макеева С. Б. Вклад китайского учёного Син Гуанчэна в изучение регионального развития приграничных районов	144
Посаднев Ю. В. Современные попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны	147
Чирков М. С. Великая Победа в современном массовом сознании: к проблеме исторической памяти на пространстве бывшего СССР	152
Митыпова Г. С. Артефакты военной истории в образовательном пространстве	155

Раздел 2. Сибирь и Забайкалье в исторической ретроспективе

Ковычев Е. В. Средневековые памятники Приононья: итоги археологических исследований	157
Батуева И. Б., Бабаков В. В. Демографические процессы на приграничных территориях проживания селенгинских бурят в XVIII–XIX веках	162
Филимонов А. В. Миссионерская деятельность старца Варлаама	167
Мясников А. В. Организация охраны Карийских золотых приисков	170
Константинова Н. Н. Состояние южного участка забайкальской границы и его охрана во второй половине XIX века	173
Волочаева А. В. Положение преступников разряда исправляющихся на Нерчинской уголовной каторге во второй половине XIX века	178
Еетехов Р. А., Фартусов Д. Б. Организация и штат полиции Забайкальской области после реформы 1867 года	182
Севостьянова Е. В. Комиссии Елизаветинского благотворительного комитета в сельских поселениях Забайкалья в годы Первой мировой войны	185
Костяев Э. В. Из забайкальской ссылки во Временное правительство: российский революционер и историк Николай Рожков	189
Беспалько Д. Н. Развитие законодательной базы Дальневосточной республики (1920–1922) о торговле пушниной и сырьём	192
Пряженникова М. В. Этнографические экспозиции читинского краеведческого музея им. А. К. Кузнецова в 1920–1930-е годы	195
Жданов С. А. Пограничники Забайкалья в боях на Халхин-Голе. Горячий 1939 год	198
Яремчук О. А. Военно-физическая подготовка школьников г. Читы в предвоенные годы	204
Дроботушенко Е. В. Антирелигиозная работа в Бурятской Автономной Советской Социалистической Республике в преддверии единовременного учёта религиозных организаций 1961 года	206
Мезенцева И. В. Балей: «золотая» история флагмана золотодобычи Забайкалья и реалии современности	211
Урожаева Т. П. Деятельность областного совета профсоюзов Приангарья во второй половине 1990-х – середине первого десятилетия 2000-х годов	215
Кляус В. Л. «Турецкая компания» в устной истории потомков забайкальских казаков в Австралии	218
Сведения об авторах	221

CONTENTS

<i>Welcom Address</i>	9
<i>Preface</i>	12

SECTION 1. Actual Issues of the Fatherland and World History

<i>Wei Hongbo</i> Evenks: Historiography in Russia and China	14
<i>Kharitonov A. M.</i> Varangian Question in Russian History from the Point of View of Medieval Geography	17
<i>Miakinkaya A. V.</i> Human Rights and Cultural and Educational Activities of George Konissky	20
<i>Chapygin I. V., Petrushin Y. A., Chaplygin I. I.</i> On the History of Development of Russian-Chinese Relations	23
<i>Sotnikov S. A.</i> The History of Formation and Development Russian-Armenian Relations	26
<i>Vasiliev M. V.</i> Russian-Chinese Relations in the Context of the XIX–Century Geopolitical Game	31
<i>Postnikov A. V.</i> British and Americans in Russian the Border-Zone with China after Return of Priamurye and Inclusion of Marytime Region in Structure of the Russian Empire	34
<i>Kamneva G. P., Sotnikov S. A., Sotnikov A. A.</i> State Policy in the Sphere of Railway Construction at the 1890-e – Beginning of the 1900th. Trans-Siberian Railway	38
<i>Karchanova L. M.</i> “Focused by Visiting a Precious Guest...” (to the Memorable Date – 100 years Since the Death of Emperor Nicholas II)	41
<i>Kuzmin Y. V. Vanina I. Yu.</i> Study of Tibetan Medicine in Russia: P. A. Badmaev and N. V. Kirilov	45
<i>Ashmarov I. A., Ershov B. A.</i> The Role of Russian Spiritual Education in the Formation of Culture in the High Society XIX – beginning XX	50
<i>Kovaleva N. N.</i> Influence of Reforms S. Yu. Witte and P. A. Stolypina on the Economic Development of the Western Belarusian Region	54
<i>Sotnikov S. A., Sotnikov A. A., Kamneva G. P.</i> Peace Talks in Portsmouth (USA) August 9, 1905 (Coverage of the Preparation and Progress of Negotiations in the English Press)	57
<i>Kalmina L. V.</i> “Mongolian Issue” Russian Military Agent’s Point of View	61
<i>Lantsova Y. N.</i> To the Question about the Development of Immigration Law for Chinese and Korean Nationals in 1910	64
<i>Kostyaev E. V.</i> Relation of the OK RSDLP and the Central Initiative Group of Petrograd Mensheviks to the First World War (1914–1917)	68
<i>Drobotushenko E. V.</i> Secret Reports of Agents of the Headquarters of the Security Guards Cer as a Source Of History Buryat-Mongolian Statehood In 1919	71
<i>Kosykh E. S.</i> Legal Regulation of the Soviet Concession Policy in the Years of the NEP	74
<i>Fedoseeva K. V.</i> History of the City of Nizhny Novgorod in the Works of Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR, S. I. Arhangelsky in 1920-s	77
<i>Kosyh V. I.</i> Coinage of Mongolia in 1925 in the USSR	81
<i>Grebenkin A. N.</i> Sociocultural Space of Cadet Corpses of Russian Diaspora	82
<i>Bogomazov N. I., Petrov I. V., Prigodich N. D.</i> “Returnees” from Harbin and their Fate in the Homeland on the Example of the Biography of N. IN. Ustryalov	86
<i>Karasev S. V.</i> Yakov Davidovsky and the Controversial 1930s	89
<i>Yakunin V. N.</i> The Kuibyshev Diocese in 1937–1940	93
<i>Sukhodolov A. P., Vasilenko V. A., Kuzmin Y. V.</i> Historiography of Russia and Mongolia on the War on Khalkhin-Gol in 1939 and its Impact on World History and Foreign Policy of Our Country	97
<i>Stavropolsky Y. V.</i> The Events of 1939 Near the River of Khalkhin Gol in the Historical Perspective: the Soviet Union’s Efforts to Build a System of International Security	102
<i>Gavriko A. A.</i> The Uncertainty of the Boundary Line is the Cause or Occasion of the Beginning of the War in Khalkhin Gol: Approaches in Russian and Foreign Historiography	104
<i>Maysnikova G. W.</i> Front-Line Everyday Life in the Trenches of Khalkhin Gol	107
<i>Peshkov I. G.</i> Newspaper “In the Line of Duty” and Regional Newspapers in Chita Region in Retrospect of the Events of 1939 in the Region of the Khalkhin-Gol	110
<i>Lobanov K. N.</i> 22 June 1941: Lessons of History for Russia and the West	113
<i>Ashmarov I. A.</i> Historiography of the USSR Military Economy: General Approaches and Prospects of Research	117
<i>Thomas Weyrauch</i> Fascism in China (1931–1945): Ideology, Crime and Victims	121
<i>Cherepanov K. V.</i> Forgotten Victory	131
<i>Kuznetsov V. V.</i> Establish Diplomatic Relations the Soviet Union and the People’s Republic of China. “The Glorious Decade of Friendship”	139

Klestoff M. S. Life of Descendants of the Russian Diaspora in the San Francisco bay Area	141
Makeeva S. B. The Contribution of the Chinese Scientist Sin Guangchen to the Study of the Regional Development of the Frontier Districts	144
Posadnev Y. V. Modern Attempts of Falsification of History of the Great Patriotic War	147
Chirkov M. S. The Great Victory in Modern Mass Consciousness: to the Problem of Historical Memory on the Space of the Former USSR	152
Mitipova G. S. Artifacts of Military History in the Educational Space	155

SECTION 2. Historical Retrospective of Siberia and Zabaikalye

Kovychev E. V. Medieval Monuments of Prionoia: Results of Archaeological Researches	157
Batueva I. B., Babakov V. V. Demographic Processes in Border Areas to Stay Selenginskih Bore in the XVIII–XIX centuries	162
Filimonov A. V. The Missionary Activity of the Elder Barlaam	167
Myasnikov A. V. Organization of Protection of the Karian Gold Mines	170
Konstantinova N. N. Southern Segment of the Transbaikalye Border and Border Control in the second half of the XIX century	173
Volochaeva A. V. The Position of the Criminals of the Category of Correct Nerchinsk Penal Servitude in the second half of the XIX century	178
Evtekhov R. A., Fartusov D. B. Organization and Staff of the Police of the Transibikal Region after the Reform of 1867	182
Sevostyanova E. V. Commission Elizabeth’s Charity Committee in Rural Settlements of Transbaikalia during the First World War	185
Kostyaev E. V. From Transbaikal Exile to the Provisional Government: Russian Revolutionary and Historian Nicholas Rozhkov	189
Bespalko D. N. The Development of the Legislative Framework of the Far Eastern Republic (1920–1922) about the Fur Trade and Raw Materials	192
Pryazhennikova M. V. Ethnographic Expositions of the Chita Museum of Local Lore A. K. Kuznetsova in 1920–1930s	195
Zhdanov S. A. The Border Guards Transbaikal in the Battles at Khalkhin Gol. Hot 1939	198
Yaremchuk O. A. Military-Physical Training for Schoolchildren of the City of Chita in the Prewar years	204
Drobotushenko E. V. Antireligious Work in the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic on the Eve of One-Time Registration of Religious Organizations in 1961	206
Mezentseva I. V. Baley: “Golden” History of A Gold Mining Flagship of Zabaikalye and the Realities of Today	211
Urozhaeva T. P. The Activities of the Regional Council of Trade Unions Angara in the second half of the 1990s – the middle of the first decade 2000’s	215
Klyaus V. L. “Turkish Company” in the Oral History of the Descendants of the Transbaikal Cossacks in Australia	218
Information about authors	221

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

WELCOM ADDRESS

Уважаемые участники, организаторы и гости международной научно-практической конференции «Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество»!

Позвольте поприветствовать вас на открытии этого большого международного научного форума в крупнейшем вузе региона.

Уже не одно десятилетие Забайкальский государственный университет выступает организатором крупного международного научного мероприятия, которое вносит вклад не только в исследование политических, социальных и культурных вопросов, но и в развитие межкультурных связей и сотрудничества.

Проблематика приграничного сотрудничества как никогда актуальна и востребована в непростой геополитической обстановке. Считаю, что обсуждение заявленных в конференции аспектов будет иметь большое научное и практическое значение и поможет найти ответы на многие вызовы сегодняшнего дня.

Также хотел бы особо отметить представительный состав участников, в число которых входят известные зарубежные исследователи и политики, занимающиеся проблемами развития приграничных регионов и регионального сотрудничества. Такое сочетание теории и практики помогает выработать комплексные и взвешенные решения.

Искренне желаю всем участникам интересных и плодотворных дискуссий, новых подходов и путей решения проблем, открытого диалога и успехов в научной и практической деятельности.

А. Д. Жуков,
Первый заместитель Председателя
Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации седьмого созыва

**Уважаемые участники и гости
международной научно-практической конференции
«Приграничный район в историческом развитии:
партнёрство и сотрудничество»!**

От имени Правительства Забайкальского края и от себя лично приветствую вас в стенах крупнейшего вуза региона, на большой международной научно-практической конференции, посвящённой вопросам приграничного сотрудничества.

Важнейшими для обсуждения являются вопросы истории и современного состояния межэтнических и межконфессиональных отношений, развития стратегического партнёрства как в Забайкалье, так и на приграничных к нему территориях. Все они находят отражение в работе форума.

Большой интерес наша конференция вызывала у представителей научных и образовательных организаций Китая и Монголии, и они приняли в ней самое активное участие.

В форуме также участвуют учёные из других стран дальнего и ближнего зарубежья, научных центров и учебных заведений Российской Федерации.

Выражаю огромную благодарность организаторам столь представительного научного форума, Забайкальскому государственному университету, Маньчжурскому институту Университета Внутренней Монголии (г. Маньчжурия), Объединённому собранию общественных наук Внутренней Монголии (г. Хух-Хото), общественным организациям Забайкальского края за профессиональную работу, интересную, насыщенную программу конференции, тёплую дружескую атмосферу и за предоставленную возможность познакомиться с единомышленниками!

Желаю участникам конференции успешной работы, новых идей и конструктивных решений, интересных встреч и плодотворного общения.

Желаю участникам конференции успешной работы, новых идей и конструктивных решений, интересных встреч и плодотворного общения.

А. М. Осипов,
Глава Забайкальского края

**Уважаемые организаторы и участники
международной научно-практической конференции
«Приграничный регион в историческом развитии:
партнёрство и сотрудничество», гости!**

Я рад приветствовать вас в стенах Забайкальского государственного университета, на площадках которого проходит очередная международная научно-практическая конференция «Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество».

Конференция этого года посвящена памятной дате – 80-летию Победы советских и монгольских войск на р. Халхин-Гол. Для Забайкалья, в силу географической расположенности региона, данная дата важна вдвойне.

Хочу поблагодарить организаторов конференции. Помимо Забайкальского государственного университета, крупнейшего высшего учебного заведения региона, над сегодняшним научным форумом работали представители многих самых разных структур. Особо отмечу вклад в организацию конференции руководства Забайкальского края. Идею проведения мероприятия поддержал целый ряд общественных организаций региона. В этом году соорганизаторами конференции выступили Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии (г. Маньчжурия) и Объединённое собрание общественных наук Внутренней Монголии (г. Хух-Хото), делегации которых представлены на форуме.

В конференции принимают участие учёные из многих городов Российской Федерации, а также стран дальнего и ближнего зарубежья. Особо отметим, что к нам приехали представители научных кругов Китая и Монголии.

В рамках работы форума планируется обсудить множество самых разных проблем истории и современного состояния как Забайкальского края, так и многих иных территорий.

Желаю участникам конференции здоровья и успехов в начинаниях, а в рамках работы нашего форума – плодотворных научных дискуссий и серьёзных взвешенных оценок.

С. А. Иванов,
ректор Забайкальского государственного университета

A handwritten signature in blue ink, consisting of a stylized 'S' followed by 'A' and 'I'.

ПРЕДИСЛОВИЕ

PREFACE

2019 год ознаменован рядом значимых событий. Для Забайкалья основным, пожалуй, является 80-летие Победы советских и монгольских войск над японскими империалистами. В 1939 году Чита и Читинская область стали центром снабжения советских войск в Монголии. На территории региона располагались госпитали для раненых во время боёв. Несомненно, что столь значимая международная научно-практическая конференция, проводимая по программе ежегодных научных форумов по теме «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии», могла быть посвящена только 80-летию нашей Победы на р. Халхин-Гол. Часть материалов форума посвящена тем событиям.

2018 год Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным объявлен Годом единения российской нации. Данной проблематике посвящён целый ряд различного рода мероприятий. Несмотря на то, что год прошёл, сама идея не потеряла своей актуальности. Забайкалье – полиэтничный и поликонфессиональный регион. Важнейшим является создание и культивирование условий толерантного восприятия людей иной этнической принадлежности и иной веры. Многие наши земляки в силу самого разного рода обстоятельств оказались на чужбине. Их судьба и связь с Родиной, какой она была и как выстраивалась, – данное значимое, на наш взгляд, направление для анализа также нашло отражение в работе научного форума.

На страницах сборника можно встретить материалы по истории и современному состоянию не только Забайкалья, но и приграничных с ним территорий. Ряд статей представлен китайскими и монгольскими учёными. Отдельные исследования посвящены проблемам исторического развития и современным реалиям территорий Сибири и Дальнего Востока, иных регионов Российской Федерации, стран дальнего и ближнего зарубежья.

В работе форума звучали доклады по проблемам социально-экономического развития, теории и практике межрегионального взаимодействия, обсуждались лингвистические и литературоведческие вопросы, вопросы философии и политических отношений.

Организаторы предложили для работы конференции несколько направлений:

- Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории.
- Исторические аспекты развития приграничных территорий России, Китая и Монголии в XVII–XXI веках.
- Русско-японская война и события в мировой истории до 1930-х годов.
- События 1939 года в районе р. Халхин-Гол в исторической ретроспективе.
- Вторая мировая война: предыстория, события, уроки.
- Регион как объект изучения.
- Приграничный регион в историческом развитии.
- Филологические проблемы трансграничья: литературоведческий, лингвистический и методологический аспекты (филологическое и лингвистическое направление).
- Соотечественники: жизнь за рубежом и связь с Родиной. История и современность.
- Российско-китайское, российско-монгольское и китайско-монгольское экономическое сотрудничество.
- Правовое сотрудничество приграничных регионов России, Китая и Монголии.
- Российско-китайские, российско-монгольские и китайско-монгольские контакты в сфере образования, науки и культуры. Особенности приграничного взаимодействия.

В 2019 году соорганизаторами конференции выступили Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии (г. Маньчжурия) и Объединённое собрание общественных наук Внутренней Монголии (г. Хух-Хото) Китайской Народной Республики. По нашему мнению, это является признанием уровня мероприятия и показателем интереса к нему со стороны иностранных учёных. Значительным стало участие и представителей Монголии. В конференции также приняли участие учёные, общественные деятели, краеведы, студенты, магистранты и аспиранты из Соединённых Штатов Америки, Германии, Кыргызстана, Белоруссии. Российская Федерация представлена высшими учебными заведениями и ведущими научными центрами из двадцати четырёх городов.

Материалы сборника будут интересны учёным, преподавателям высших и средних специальных учебных заведений, учителям средних общеобразовательных школ, студентам, магистрантам и аспирантам, краеведам, всем тем, кто интересуется историей и современным состоянием Забайкалья и приграничных с ним территорий. Они могут быть использованы при изучении всемирной и отечественной истории, истории Сибири и Дальнего Востока, краеведения, философии, политологии, социологии, филологии, лингвистики, экономики и т. д.

Редакционная коллегия

РАЗДЕЛ 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

SECTION 1. Actual Issues of the Fatherland and World History

УДК 930(47+57:510)
ББК Т1(2Рос+5Кит)

Вэй Хунбо,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: tavoronch@mail.ru*

Эвенки: вопросы историографии в России и Китае

В статье рассматривается историография этногенеза эвенков, анализируются исследования учёных, занимающихся изучением истории, культуры и языка эвенков в России и Китайской Народной Республике. Отдельное внимание уделяется изучению подходов современных учёных из КНР к вопросам самоидентификации эвенков в культурном пространстве Китая.

Ключевые слова: эвенки, этногенез, тунгусы, ороконы, забайкальские эвенки, эвенки в Китае

Wei Hongbo,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: tavoronch@mail.ru*

Evenks: Historiography in Russia and China

The article examines the historiography of the Evenks' ethnogenesis, investigates the studies of history, culture and language of the Evenks in Russia and the People's Republic of China. Special attention is paid to the approaches of modern Chinese researchers to the Evenks self-identification in the cultural space of China.

Keywords: Evenks, ethnogenesis, Tunguses, Orochons, Transbaikal Evenks, Evenks in China

Труды отечественных и зарубежных исследователей создают широкую научно-исследовательскую базу для изучения этногенеза эвенкийских племён и жизни современных эвенков, проживающих как на территории России, так и на территории Китая. Одним из первых отечественных учёных, обращающимся к вопросам этногенеза эвенков, был профессор минералогии и академик Императорской академии наук и художеств Иоган Готтлиб Георги

(1729–1802). Несмотря на то, что профессор Георги родился в Германии, большинство его работ, в том числе и про эвенков, было написано и опубликовано в Российской империи [2, с. 43]. В «Комментариях к путешествию по Российской империи в 1772–1774 годах» учёный впервые упоминает об эвенкийских племенах, населяющих дальневосточный регион Российской империи, а также проводит достаточно глубокий анализ эвенкийского социума и

эвенкийской культуры в целом. В частности, И. Г. Георги выделяет три группы тунгусов: пеших, оленных и конных. Исследования немецкого учёного-натуралиста И. Г. Георги помогли привлечь внимание научной среды того времени к вопросам культуры, быта и этногенеза множества ранее малоизученных этнических групп, в том числе и к эвенкам.

Также одним из первых об эвенках в своих научных трудах упоминал и знаменитый немецкий и русский учёный-энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник XVIII–XIX веков Петер Симон Паллас (нем. *Peter Simon Pallas*; 1741–1811). После своего путешествия по Даурии в 1772 году Паллас публикует книгу «Собрания исторических сведений о монгольских народностях», в которой содержатся ценные сведения о тогда ещё малоизученных племенах тунгусов и забайкальских эвенков [1].

На рубеже XIX–XX веков в России началась вторая волна научного интереса к эвенкийским племенам. Появилось достаточно большое количество глубоких научных исследований и ряд фундаментальных работ, посвящённых конкретно эвенкам, проживающим как на территории России, так и на территории Китая. Одними из самых подробных были труды писателя, журналиста, сибиреведа-этнографа и фольклориста, первого исследователя забайкальских эвенков Елпидифора Иннокентьевича Титова (1896–1938), обратившего внимание на вопросы самоидентификации эвенков в России и в Китае.

Большое внимание исследованию эвенков уделял советский учёный Михаил Григорьевич Воскобойников (1912–1979). Будучи талантливым переводчиком, литературоведом, фольклористом и педагогом, М. Г. Воскобойников успешно проводил исследования фольклора, литературы, культуры народов Севера и Дальнего Востока России, переводил на эвенкийский язык русскую художественную прозу, а на русский язык – произведения художественной словесности эвенков и других северных народов, подготовил ряд сборников литературы и фольклора Севера: «Эвенкийские народные сказки» и другие, участвовал в создании школьных и вузовских учебников для северян. Среди других советских исследователей эвенков нельзя не отметить работы Ю. Д. Талько-Грынцевича, В. И. Сосновского, К. Гикиша, Г. М. Василевич, А. М. Золотарева, С. М. Широкогорова. В своих работах такие исследователи, как Ю. Д. Талько-Грынцевич, В. И. Сосновский, К. Гикиш, считали, что этногенез эвенков происходил в степных районах,

южнее Байкала. А. П. Окладников, Г. М. Василевич, А. М. Золотарев также полагали, что этногенез эвенков начался III–IV тыс. лет назад, и связывали его с памятниками глазковской культуры Восточной Сибири. С. М. Широкогоров считал, что у эвенков и маньчжуров были общие предки, а их прародиной являлись территории между реками Хуанхэ и Янцзы.

В постсоветское время исследования эвенков отечественными учёными продолжались, однако их количество заметно сократилось. Связано это, прежде всего, с сокращением численности самих этнических эвенков, проживающих на территории современной России, а также с постепенной утратой исконной эвенкийской культуры вследствие глобализации и ассимиляции народов Севера.

Среди работ зарубежных лингвистов, этнологов, антропологов и культурологов, занимавшихся исследованием эвенков, стоит отметить работы Дж. Кэмпбелла «Эвенки» [5], Льюиса «Этнология эвенков» [7], Дж. Форсита «История народов Сибири: Русское Северно-Азиатское сообщество» [6]. Немало научных исследований языка и культуры эвенкийского этноса проводилось и в Китае. Одним из наиболее известных китайских учёных, занимающихся проблемами эвенков в Китае, является профессор Академии социальных наук КНР, лингвист и культуролог Дулар Осор Чао Кэ (кит. 杜拉尔·敖斯尔·朝克). Среди его работ есть как исследования лингвистического, культурологического и этнографического плана. Наиболее популярными считаются: «Грамматика эвенкийского языка» (Chaoke, D. O. (2009), 《鄂温克语参考语法》, 北京: 中国社会科学出版社, ISBN 978-750-048-14-30), «Религия и культура эвенков» (D. O. Chaoke (an Evenk), WANG Lizhen (2002) (Zipped NLC (Modified JBIG)). 鄂温克族宗教信仰与文化. Beijing: 中央民族大学. ISBN 978-781-056-70-08) и т. д.

Согласно данным последних исследований, большинство представителей народности проживают в основном в Хулунбуир-эвенкийском автономном аймаке и соседних аймаках Автономного района Внутренняя Монголия, уезде Нэхэ провинции Хэйлуцзян и других регионах. Вышеуказанные районы изначально являлись местом компактного проживания эвенкийских племён, а после культурной революции коммунистическая партия Китая официально закрепила эти районы в качестве территорий свободного проживания и ремесленничества эвенкийских племён. Исторически расселённые в различных местностях эвенки прежде назывались «солонями», «тунгусами»,

«якутами». Предки эвенков жили в лесах за Байкалом и в верховьях р. Хэйлунцзян (Амур), занимались рыбной ловлей, охотой и оленеводством. Впоследствии они стали перемещаться на восток [3, с. 188].

После образования нового Китая незначительная часть эвенков, населявших сомон Аргунь, придерживалась патриархально-общинной системы позднего первобытного общества, жила в первобытных лесах в юртах – «цолоцзы», вела скитальческий образ жизни. В силу того, что они занимались оленеводством, их часто называли «эвенками, использующими прирученных оленей». Вели они первобытнообщинный образ жизни, характерными моментами которого являются совместная охота и равномерное распределение добычи [3, с. 190]. Позже правительством Китая в целях сохранения культуры древнего народа искусственно был создан ряд новых поселений эвенков, стало развиваться оседлое скотоводство, и в корне изменился кочевой образ жизни.

Проживая на территории Китая, большинство эвенков по-прежнему говорят на исконном эвенкийском языке, относящемся к алтайской языковой семье тунгусо-маньчжурской языковой группы тунгусской языковой ветви. Однако в современном Китае естественным путём образовались три диалекта эвенкийского языка: халар, чэнбаэрху и аолугур [4, с. 68].

На сегодняшний день эвенки в Китае представлены четырьмя этнолингвистическими группами, которые объединены в две официальные национальности: ороконы и собственно эвенки. Преимущественно представители этих двух национальностей населяют Эвенкийский автономный хошун Автономного района Внутренняя Монголия и провинцию Хэйлунцзян (уезд Нэхэ). Около половины ороконов (букв. «оленоводы») (кит. 鄂伦春族, пиньинь Èlúnchūn Zú) говорят на диалекте эвенкийского языка, который иногда рассматривается как отдельный язык, остальные только по-китайски. Эвенки (кит. 鄂温克族, пиньинь Èwēnkè Zú), проживают в Хулунбуире, включают в себя небольшую группу собственно эвенков – около 400 представителей в деревне Аолугуя (уезд Гэньхэ).

В современном Китае эвенки продолжают оставаться отдельной и полностью культурно автономной малой народностью. Этот статус гарантирует полное сохранение культуры, быта, истории и языка эвенкийского народа. Правительство КНР и КПК проявляют исключительную заботу об эвенках, проживающих на территории их страны, и оказывают всевозможное содействие развитию их национальной культуры. Все вышеперечисленные факторы позволяют этническим эвенкам чувствовать себя комфортно, а также обеспечивают безболезненное прохождение процессов инкультурации и самоидентификации этноса внутри китайского общества.

Источники и литература

1. Беспалько Д. Н. Тунгусы Забайкалья в материалах академических экспедиций XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 15. – URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/tungusy-zabaykalya-v-materialah-akademicheskikh-ekspeditsiy-xviii-veka> (дата обращения: 19.02.2019). – Текст: электронный.
2. Козлов С. А. Россия, открывшаяся миру: академические экспедиции 1768–1774 гг. – СПб.: Изд-во СГУ, 2001. – Ч. 1–2. – URL: <http://www.old.journal.spbu.ru/2001/29/23.html> (дата обращения: 01.04.2019). – Текст: электронный.
3. Токарев С. А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). – М.: Наука, 1966. – 455 с.
4. Цинциус В. И. Эвенкийский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. – М.: Индрик, 1997. – 384 с.
5. Campbell G. L. Evenki // *Compendium of the World's Languages: Abaza to Kurdish*, 1 (2, revised ed.). – London: Routledge, 2000. – 1854 p.
6. Forsyth J. A history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony 1581–1990. – Cambridge University Press, 1994. – 476 p.
7. Lewis M. P. Evenki // *Ethnologue: Languages of the World*. – URL: <https://www.ethnologue.com/product/ethnologue-16th-edition> (дата обращения 01.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 93/94
ББК ТЗ(0)4

Александр Михайлович Харитонов,
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия,
e-mail: mavr@tig.dvo.ru

Варяжский вопрос в российской истории с точки зрения средневековой географии

Происхождение народа варанков – варягов – достаточно сложный вопрос в отечественной и зарубежной истории, который осложняется взаимными геополитическими амбициями. В рамках исторической географии с общегеографических представлений средневековья автор пытается выдвинуть собственную концепцию появления данного народа на исторической арене средних веков.

Ключевые слова: Варанголимен, Варяжское море, Азовское море, Древняя Русь, Скифия

Alexander M. Kharitonov,
Pacific Institute of geography Feb RAS,
Vladivostok, Russia,
e-mail: mavr@tig.dvo.ru

Varangian Question in Russian History from the Point of View of Medieval Geography

The origin of the Varangian people is a rather complicated issue in domestic and foreign history, which is complicated by mutual geopolitical ambitions. Within the framework of historical geography with General geographical representations of the middle ages, the author tries to put forward his own concept of the appearance of this people in the historical arena of the middle ages.

Keywords: Varangaliman, the Varangian sea, Azov sea, Ancient Russia, Scythia

«Варяжский вопрос» разделяет всех современных историков на две большие группы. Те, кто считает варягов славянами, называют себя антинорманистами, а те, кто исходит из их скандинавского происхождения – норманистами. Вопрос о том, что варяги могут быть кем-то ещё, вообще, похоже, в исторической науке не рассматривался. А между тем имеются достаточно интересные факты, противоречащие подобным взглядам историков, которые в упор не замечает заикленная на двух своих концепциях историческая наука.

Колыбелью возникновения варяжской нации считаются берега современного Балтийского моря. Антинорманист А. Г. Кузьмин при этом считал, что варяги обитали только по его южному берегу, что не слишком сильно отличается от концепций норманизма (географически это практически один регион со Скандинавией).

Но вот что любопытно: тот же А. Г. Кузьмин первым заметил, что описание европейскими учёными (Адам Бременский) народов по берегам Варяжского (т. е. Балтийского, по

мнению историков, моря) уводит нас совсем в другой регион, а именно на берега моря Азовского [2]!

Какие же выводы из этого сделал маститый историк? А практически никаких. Ведь это бы резко противоречило его концепции южно-балтийских варягов. При этом он же искал и находил соответствия между историей народов Чёрного и Балтийского морей. А поискать новые выводы было возможно, стоило только обратить внимание на сообщение арабского географа Ал Хараки, который тоже считал морем варанков... Азовское море [4]!

Как известно любому обывателю – два снаряда в одну воронку не попадают (из этого принципа видимо и исходит историческая наука), хотя математика и практика утверждают обратное. В данном случае два совпадения оказались налицо и можно приступить к их взаимной сверке и проверке.

Наличие в Крыму на средневековых картах некоего Варанголимена вполне может указывать опять же на Азовское море в качестве его источника. Судя по картам, составлявший

их наш средневековой коллега тоже не очень хорошо представлял себе положение Варяжского залива (варягов здесь не было уже несколько столетий). По этой причине на карте название Варанголимен вытянулось от озёр на западе Крыма в сторону востока. Такой приём в географии существует, когда положение объекта точно не зафиксировано, или он по размерам не подходит для изображения на слишком мелкой по масштабу карте.

Любопытно, что на приписываемой Птолемию карте у берегов Крыма в Азовском море можно найти даже некий залив Вик (Вук), название которого иногда приводят в качестве этимологии к происхождению имени викингов. Область с таким названием платила дань русскому князю (ср. Бык и Тавр). Вот только обычно относят её совсем к другому региону на севере Русской равнины.

Впрочем, перемещение топонимов вслед за передвижением их носителей, как выяснилось, дело обычное [5]. Некоторые из них при этом вполне могут не только появиться, но и исчезнуть во время долгого пути.

Между тем еще Аристотель утверждал, что пригодным для жизни являются только умеренный климатический пояс (древние греки считали таковым лишь климат вокруг Средиземного моря), а холодные пояса необитаемы. Этих знаний в отношении севера придерживалась и наиболее передовая географическая наука средних веков – арабская. Так что ранняя география средневековья (в т. ч. и отечественная!) не знала и знать не могла о территориях к северу от Причерноморья – они для неё как обитаемые земли не существовали!

Нашелся ещё один достаточно любопытный пример, который историческая наука наверняка отвергнет с порога. В. А. Чудинов утверждает, что ему удалось раскрыть секреты древнерусской письменности, названной им руницей. На карте св. Евсевия [10, с. 297] ему удалось прочитать даже надпись «Рим, море варяг», написанную ею.

Сам В. А. Чудинов отнёс эту надпись к Балтийскому морю. Он при этом всецело доверился историкам и не обратил внимания, что на карте Евсевия нет современной Балтики! То, что он за неё принял – на самом деле Азовское море. Формально на этом основании можно даже считать, что руница Чудинова прошла географическую проверку на возможность своего существования, хотя филологи и будут против этого. Ведь «Рим» в данном случае – Византия (последнее название принято историками для удобства, чтобы отличать её от Римской империи античности).

Любопытно, что на карте Евсевия даже название реки Висла можно отнести к... Дунаю (ср. Истр). Не исключено, что Висла позднее появилась в Польше по той же причине, что и река Буг, имеющая южный вариант топонима в Причерноморье.

Заметим, что автор данной работы однажды заинтересовался неким явно повторяющимся значком на суздальских знамёнах на новгородских иконах в книге по геральдике [6, с. 65]. Представьте себе наше удивление, когда после двух дней мучений с чтением руницы по методике Чудинова нам всё же удалось прочитать на стягах надпись «С нами Бог!». Кстати, изображения самого Спаса на знаменах как раз нет! Так что возможно современные специалисты слишком строги к методам философа-эпиграфиста Чудинова. Да, ошибок, в т. ч. географических, у него хватает, но никогда не ошибаются в науке почему-то только историки с примкнувшими к ним лингвистами.

Кем же на самом деле могли бы быть варяги-варанки? Мы обратили внимание на возможно тюркский оттенок в этом этнониме. Ведь тюркское «янги-» обозначает «новый». Правда, с «новый» современные тюркские топонимы обычно начинаются (ср. Янгиер, Янгиюль и т. п.), а здесь явно присутствует чужая грамматика. Однако существует и северный пласт топонимов, которые заканчиваются на «-еньга», видимо, связанный с финно-угорским субстратом. Вот только многие этнонимы давались их носителям соседями, поэтому самих варягов относить к уральской или алтайской языковой семье на этом основании сложновато.

Наличие же в этнониме «вар» навело нас на мысль, что перед нами... авары. Этот народ под именем обры хорошо известен отечественным летописцам по хрестоматийному описанию мучений ими славянского племени дулебов. Вот только к моменту появления варягов народ этот давно сгинул с мировой арены. Или всё же нет? Но авары-то получают какие-то «новые».

Автор вспомнил, что в византийских источниках (Феофилакт Симокатта [7] и др.) упоминается, что некий новый народ выдавал себя за аваров, чем изрядно перепугал окружающее население. Это были «псевдоавары», но не они ли и есть наши позднейшие варяги? Тогда поднимаемые Л. Н. Гумилевым [3, с. 190–196] вопросы об их происхождении всё-таки имеют решение.

Ведь река Тиль (Чёрная), с которой связывают племена уар и хунни, вероятно, современный... Терек. От него современную же

реку Волгу и стали именовать позднее также Итиль, что порождает путаницу в исторических умах в географических вопросах в истории. Ведь не только Волга впадает в Каспийское море и даже 70 рукавами, если взглянуть на географическую карту поближе да ещё в ракурсе исторической географии с её постоянными изменениями береговой черты того же Каспия.

Не учитывают историки, что топонимы также склонны к перемещению вслед за их носителями, что для ряда примеров показывают работы В. А. Курбатова. К их некоторому оправданию стоит заметить, что и в географию, и топонимику веяния от работ последнего автора ещё толком не проникли.

Однако, похожий на аваров этноним напращивается и для вышедшего из хазарской среды народа под названием хабары (ср. с этнонимом кабардинцы). Нет ли здесь связи? Напомним, что расположенная западнее река Кубань в средние века называлась также **Вардан**.

Кстати, **Аварисом** называли когда-то столицу гиксосов в Древнем Египте. Хотя название это и несколько условное, но, тем не менее, довольно показательное. Учитывая, что некоторые скифские этнонимы до сих пор в ходу среди народов в Эфиопии [8], то даже подобная связь выглядит уже не настолько «си-

реной созвучия», как, может быть, хотелось бы историкам.

Соседями наших варанков вполне могут быть и норманны, но не пришедшие из Скандинавии, а местные жители, которые были предками как норманнов Западной Европы, так и нас с вами. Ведь норманны («**северные люди**») производили себя от народа, проживавшего когда-то в Скифии и на нижнем Дунае, где жили наши летописные **северяне**. Вот только европейские историки напрочь отрицают историческую и легендарную традицию своих предков.

На наш общегеографический взгляд, теории происхождения варягов и норманнов давно уже нуждаются в пересмотре. Ведь они полностью игнорируют положения средневековой географии, которая считала необитаемой не только территорию Древней Руси от Киева до Великого Новгорода, но и всю Скандинавию. Даже географические карты на территорию последней появляются не ранее 1424 года, тогда как центра и севера Русской равнины ещё столетием позже [1].

Вот только большинство современных историков с этим не стали считаться и, похоже, так и не собираются. А жаль! Ведь на предлагаемом нами пути их могут ожидать поистине неожиданные и не только географические открытия.

Источники и литература

1. Багров Л. История картографии. – М.: Центрполиграф, 2004. – 320 с.
2. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. – М.: Вече, 2002. – 430 с.
3. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Рольф, 2002. – 384 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / Т. Н. Джаксон [и др.]. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – 264 с.
5. Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). – М.: Эксмо: Алгоритм, 2005. – 382 с.
6. Силаев А. Г. Истоки русской геральдики. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 240 с.
7. Феофилакт Симокатта. История. – М.: Арктос: Вика-пресс, 1996. – 272 с.
8. Харитонов А. М. Вопросы этногенеза в современной географии населения // Актуальные проблемы современной экономической, социальной и политической географии. – М.: МГПУ, 2011. – С. 215–219.
9. Харитонов А. М. О географической природе варягов // VI Семеновские чтения: наследие П. П. Семенова-Тян-Шанского и современная наука: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения П. П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк, 19–20 мая 2017 г.). – Липецк: ЛГПУ им. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 253–257.
10. Чудинов В. А. Вагрия. Варяги Руси Яра. – М.: ФАИР, 2010. – 624 с.

УДК 27
ББК 3372-3

Анна Владимировна Мякинская,

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Беларусь,
e-mail: mav@bsuir.by*

Правозащитная и культурно-просветительская деятельность Георгия Конисского

Статья посвящена изучению деятельности Георгия Конисского по защите прав и свобод православного населения Речи Посполитой. Духовный пастырь, педагог, просветитель стал создателем оригинальных сочинений по истории православной церкви на белорусско-украинских землях, которые стали историко-правовым компендиумом.

Ключевые слова: Георгий Конисский, диссиденты, история православной церкви, белорусско-украинские связи, книгоиздательство

Anna V. Miakinkaya,

*Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
Minsk, Belarus,
e-mail: mav@bsuir.by*

Human Rights and Cultural and Educational Activities of George Konissky

The article is devoted to the study of the activities of George Konissky to protect the rights and freedoms of the Orthodox population of the Commonwealth. Spiritual pastor, teacher, educator became the Creator of original works on the history of the Orthodox Church in the Belarusian-Ukrainian lands, which became a historical and legal compendium.

Keywords: George Konissky, dissidents, history of the Orthodox Church, Belarusian-Ukrainian relations, book publishing

Георгий Конисский – яркий представитель белорусско-украинского культурного пограничья, славный сын двух восточнославянских народов. Тесные связи Украины и Беларуси обусловлены общими древнерусскими религиозными и правовыми традициями и культурным сотрудничеством двух народов, которые длительный исторический промежуток находились в одном государственном образовании – Речи Посполитой.

Среди острейших общественно-политических проблем Речи Посполитой – проблема диссидентов (понятие употреблялось для обозначения человека, который не придерживался господствующего вероисповедания). Термин «диссидент» употреблялся в Речи Посполитой со времени Реформации для обозначения лютеран, кальвинистов, антитринитариев. Но широчайше стал применяться после заключения Брестской церковной унии 1596 года, когда вероисповеданием Речи Посполитой стало учение римско-католической церкви. Православных, не принявших Брестскую унию, начали называть дизунитами. Таким образом,

после Брестской церковной унии дизуниты, лютеране, кальвинисты и назывались диссидентами.

Права диссидентов в Речи Посполитой постоянно нарушались, ограничивались, особенно в годы правления предпоследнего короля Речи Посполитой Августа III. Это стимулировало борьбу православных за свои права.

По оценкам Г. Я. Киприановича, до первого раздела в Речи Посполитой насчитывалось около 40 православных монастырей и 200 приходов [1, с. 188–189]; Ю. А. Лабынцев говорит о полумиллионном православном населении [2, с. 96]; А. Миронович считает, что в Беларуси православными были небольшое количество мещан и крестьян и почти не было шляхты [4, с. 10–18]. Единственная православная епархия – Белорусская с кафедрой в Могилёве.

Деятельность могилёвских иерархов получила международное значение в историографии и нашла отражение в многочисленных изданиях белорусских, российских, украинских, польских исследователей. Но из всех архиереев наибольшее внимание уделялось Георгию

Конисскому, служение которого на Могилёвской кафедре было долгим и наиболее продуктивным.

Георгий Конисский (светское имя Григорий) родился в г. Нежин на Черниговщине, пограничной с Гомельщиной, в семье Иосифа Ивановича Конисского, сотенного урядника Нежинского казачьего полка. Выпускник Киево-Могилянской академии во времена её наивысшего расцвета, пройдя путь от рядового преподавателя до ректора академии, окружённый почётом и признанием, принял решение оставить благополучный Киев и возглавить в качестве епископа Могилёвскую епархию в трудное для неё время.

Монархии Пруссии и России использовали диссидентский вопрос для поддержания борьбы магнатских группировок против попыток проведения социально-экономических реформ в Речи Посполитой и её дальнейшее ослабление. С другой стороны, на сохранении правового положения (дискриминации) религиозных меньшинств настаивал Ватикан.

В 1755 году начался белорусский этап деятельности Георгия Конисского, когда его кандидатуру на могилёвскую кафедру поддержали власти Российской империи, а польский король и великий князь литовский Август III санкционировал назначение белорусским епископом.

С первых дней перед Г. Конисским встала проблема борьбы с политикой дискриминации православного населения Беларуси. В своей правоохранительной деятельности (защита имущественных прав; возвращение собственности, захваченной католиками и униатами; религиозная полемика; культурно-просветительская и религиозно-издательская деятельность) Георгий Конисский опирался на свои энциклопедические знания, полученные в Киево-Могилянской академии, позже пополненные изучением древнерусских летописей, западноевропейских хроник, трудов польских историков, полемической богословской литературы, правовых компендиумов.

Будучи знакомым с законодательством Речи Посполитой, он понимал значение архивных документов для обоснования гражданских прав православных. Важным направлением его деятельности стало формирование епархиального архива на системной основе. В целях поиска утраченных или уничтоженных документов Георгий Конисский обратился в Синод, коллегии иностранных дел Российской империи, Киевскую митрополию за помощью в поисках юридических документов, касающихся положения православной церкви в Речи Посполитой. Полученные пра-

вовые акты положили начало знаменитого «Архива Конисского».

На основе собранного корпуса правовых актов Г. Конисский составил реестр незаконно отобранных православных храмов, издал в 1767 году в Варшаве на польском языке юридический справочник со своими комментариями – «Права и вольности исповедующих греко-восточную веру в Польше и Литве», ставший практическим пособием в спорах между православными и униатами.

Важным направлением защиты прав православного населения Речи Посполитой стала политическая и дипломатическая деятельность святителя. Георгий Конисский ставил перед собой задачу обозначить свою активную общественно-политическую позицию представителя православного населения, донести до руководящих кругов Речи Посполитой и Российской империи информацию о дискриминации православных, добиться конкретных действий в их защиту. Так, Г. Конисский в 1762 году выступил на коронации Екатерины II с речью (в литературных традициях украинского барокко) от имени белорусского народа с просьбой о защите и покровительстве. Можно считать, что в дальнейшем он пользовался полным доверием и поддержкой российской императрицы Екатерины II.

В 1765 году, находясь в Варшаве по случаю представления новому королю польскому и великому князю литовскому Станиславу Августу Понятовскому и получения от него подтвердительных грамот на епископскую кафедру, Г. Конисский выступил с речью на польском языке, которая не только произвела впечатление на присутствующих, но и стала известна всей Европе. Епископ Могилёвский просил монарха обеспечить свободу вероисповедания для православного населения Речи Посполитой, апеллируя к историческому опыту толерантного сосуществования христианских конфессий в ВКЛ и Речи Посполитой. Георгий Конисский передал королю «Мемориал об обидах православных», к нему прилагался «Реестр греко-русских монастырей и церквей, в разные годы в унию насильно отобранных».

В значительной степени деятельность Г. Конисского ускорила разделы Речи Посполитой и присоединение Беларуси к Российской империи, которую епископ Могилёвский принял с восторгом. Отношение к разделу 1772 года не могло быть другим: Г. Конисский критически относился к особенностям государственно-политического строя Речи Посполитой и видел идеал для Беларуси в проведении социально-политических преобразований,

аналогичных тем, что были проведены Петром I в России.

Георгий Конисский понимал необходимость просвещения как сферы интеллектуальной деятельности, направленной на повышение авторитета православной церкви и образовательного уровня паствы. С его архипастырским служением связывают основание Могилёвской духовной семинарии по образцу Киево-Могилянской академии. Проведённая епископом Георгием реорганизация (1776 г.) превратила духовную семинарию в открытое высшее образовательное учреждение. Создание при местном Спасском монастыре школьных классов выявило проблему с преподавательскими кадрами, которая решалась приглашением преподавателей из Киевской митрополии.

В то же время Могилёвский епископ вёл активную литературно-издательскую деятельность. Им был создан ряд исторических работ, например, «Записки о том, что в России до конца XVI в. не было никакой унии с Римской церковью», написанная на польском и латинском языке. В своих «Записках» Георгий Конисский стремился убедить читателя в ошибочности распространённой тогда теории о существовании на восточнославянских землях унии задолго до 1596 года, опираясь в качестве источников на польские хроники (Я. Длугоша, М. Стрыйковского, М. Кромера), работы идеологов унии (П. Скарги и А. Поссевино), утверждал, что Русь приняла христианство от Константинополя в то время, когда возникло расхождение между Восточной и Западной церквями.

Первой попыткой изложения истории православной церкви на Беларуси от истоков «до недавних лет» с краткими биографическими сведениями об её иерархах, которая заложила систематическое изучение истории православной церкви Киевской митрополии, стала

ещё одна известная работа – «Исторические известия о епархии Могилёвской».

Для просвещения белорусской паствы Георгий Конисский пытался популяризовать наиболее доступные богослужебные издания, например, «Катехизис» Феофана Прокоповича в собственном переводе на русский язык, и после ряда неудачных попыток пришёл к мысли открыть типографию при Могилёвском архиерейском доме, которая и была основана в 1757 году. Типография стала удовлетворять потребности в учебниках для открытой Могилёвской духовной семинарии.

Произведения предстоятеля Могилёвской епархии Георгия Конисского выявили широкую сферу интеллектуальных интересов, актуализировали острые проблемы Белорусской православной церкви, получили широкое распространение среди православной общественности и в значительной степени повлияли на богословскую мысль Беларуси, Украины, России.

Несмотря на официальное признание заслуг Георгия Конисского, его передовые взгляды и его личность неоднозначно воспринимались российской правящей элитой. Это объясняется тем, что его мировоззрение формировалось на украинских и белорусских землях под влиянием самобытных правовых, политических и культурных традиций. Как отмечает украинский исследователь Я. И. Фощан, непосредственное влияние на формирование как церковного и культурного деятеля оказала украинская экогеографическая и социокультурная среда [3, с. 11].

Правовые, политические, богословские идеи мыслителя, правозащитная деятельность, основанная на теории естественного права, способствовали сохранению религиозной и этнической идентичности православного населения Речи Посполитой (белорусов и украинцев) во второй половине XVIII века.

Источники и литература

1. Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. – Вильна: Тип. И. Блюмовича, 1895. – 235 с.
2. Лабынцев Ю. А. Белорусское актовое собрание архиепископа Георгия Конисского // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: сб. науч. ст. / под ред. Е. В. Кодина. – Смоленск: СмолГУ, 2016. – Вып. 1. – С. 96–104.
3. Фощан Я. І. Георгій Кониський як носій українських церковних та культурних традицій на землях Білорусі: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 09.00.12. – Київ, 2011. – 16 с.
4. Mironowicz A. Jerzy Koniski, biskup mohylewski. – Białystok: EcoPress, 2017. – 155 p.

УДК 94(47+57:510)
ББК ТЗ-6(2Рос:5Кит)

Игорь Викторович Чапыгин,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: IGOR_VCH@mail.ru

Юрий Александрович Петрушин,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
г. Иркутск, Россия

Иван Игоревич Чапыгин,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: IGOR_VCH@mail.ru

К истории становления российско-китайских отношений

В статье рассматривается становление российско-китайских отношений в период с XIII по конец XVII века. Автор показывает, что Россия и Китай к концу XVII века подошли с диалогом двух различных культур, приобретавших весьма своеобразные формы в силу принципиально разного подхода к оценкам содержания данных отношений. Нерчинский договор 1689 года явился не только первым российско-китайским договором, но и первым договором, заключённым Китаем с иностранной державой. Договор предопределил установление мирных отношений России и Китая на долгое время и позволил планомерно хозяйственно осваивать российскую часть Дальнего Востока.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, Россия, Китай, Нерчинск, Дальний Восток, освоение территорий

Igor V. Chapygin,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: IGOR_VCH@mail.ru

Yuri A. Petrushin,
Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russia

Ivan I. Chaplygin,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: IGOR_VCH@mail.ru

On the History of Development of Russian-Chinese Relations

The article discusses the development of Russian-Chinese relations in the period from XIII to the end of the XVII century the Author shows that Russia and China by the end of the XVII century came up with a dialogue between two different cultures, acquires a very peculiar form, owing fundamentally different approach to the evaluation of the content of these relations. The Treaty of Nerchinsk of 1689 was not only the first Russian-Chinese Treaty, but also the first Treaty concluded by China with a foreign power. The Treaty predetermined the establishment of peaceful relations between Russia and China for a long time and allowed the planned economic development of the Russian part of the Far East.

Keywords: Russian-Chinese relations, Russia, China, Nerchinsk, Far East, development of territories

Сегодня наука не может дать конкретный ответ на вопрос об истории появления первых упоминаний о Китае на Руси. С большой долей вероятности, к их появлению привела торговля. Русские купцы истари торговали и бывали

в странах Востока, поэтому сведения о далёком Китае могли проникнуть на Русь через соседние с ней страны. Похожим образом и в Китай могла поступить информация о наших землях. Таким образом, благодаря диалогу на-

родов, в данном случае торговому посредническому интересу шёл процесс накопления первых представлений.

Первые китайцы могли попасть на Русь во времена монгольских завоеваний. Китайцы вполне узнаются в описаниях «срединных жителей», которых привёл с собой в Восточную Европу хан Батый. Практически в один период происходило завоевание монголами Китая и русских княжеств. Известно, что в 1234 году монгольские войска во главе с великим ханом Угэдэем овладели Кайфэнгом – столицей империи Цзинь, и развернули наступательные действия против южнокитайской империи Сун. С разницей в три года войска другого хана – Батыя пошли на завоевание Европы и в 1237 году напали на Рязань, тем самым начав разорение русских земель. Огромная Монгольская держава включила в свою орбиту практически одновременно и Китай, и Русь, распространив своё влияние на значительную часть Евразии и коренным образом повлияв на геополитику в мире той эпохи. Завоевательное включение в состав этой державы самых различных народов, безусловно, на наш взгляд, вынужденно, привело к активизации контактов между ними. К этому времени относится первое, документированное в китайских источниках упоминание о русских в Китае.

Практически одновременно происходило и освобождение Китая и России от монголов. Восстание «красных войск» Чжу Юаньчжана в Китае привело к власти китайскую династию Мин (1368–1644). На Руси Дмитрий Донской в 1380 году выиграл Куликовскую битву, знаменовавшую процесс освобождения Руси от ордынского завоевания. Парадоксально, но уход с международной арены монгольской державы и изменения на пространствах Евразии вновь отдалили Китай и Россию друг от друга. Практически на столетия отодвинули начало прямого контакта. В китайских источниках раннего периода правления династии Мин мы не найдём информации о России и русских.

В Россию же информация о Китае, хотя и эпизодически, но поступала через другие страны. Известный путешественник и купец Афанасий Никитин, поехавший в Индию и интересовавшийся возможностями торговли через неё с другими землями, писал в своём «Хождении за три моря»: «а от Певгу до Чини да до Мачина месяц итти, морем всё то хождение. А от Чини до Китаа итти сухом 6 месяц, а морем 4 дни итти...» [3, с. 11].

В XVI веке Европа начинает интересоваться Китаем. Особенную активность высказали

португальцы, которым удалось основать в южном Китае свою факторию в Макао (Аомэнь). Миссионеры-иезуиты появляются в Китае. Представители разных европейских стран интересуются Китаем, ищут дороги, пытаются попасть туда через Московское государство. С началом освоения Сибири и Россия пытается установить прямой контакт с Китаем. Уже при царе Василии Шуйском была предпринята попытка отправить послов в Монголию и «Китайское царство». Попытка не удалась, поскольку помешала Смута и серьёзная внутриполитическая ситуация в России.

Но уже в 1618 году в Пекин отправилось первое русское посольство. Поехало оно из Тобольска и возглавил его томский казак Иван Петлин. Всего четыре дня находились русские в Пекине. Императорского двора Ивана Петлина не удостоили: думается, что при дворе минского императора не смогли чётко определить своего отношения к неожиданному посольству от неизвестных правителей и предпочли отказать в аудиенции под формальным предлогом отсутствия достойных даров у посольства.

Однако миссия И. Петлина имела известные результаты для становления отношений России с Китаем. Во-первых, это был первый планируемый Россией контакт своего представителя с китайскими правящими кругами. Во-вторых, И. Петлин в процессе разведывания маршрута открыл приемлемый путь из Европы в Китай через Сибирь и Монголию. В-третьих, и это выяснилось значительно позже, при переводе, китайские чиновники вручили русскому посланнику грамоту. В ней разрешалось от имени императора торговать русским в Китае и присылать представителя (отсюда пошло русское крылатое выражение «китайская грамота» (*примеч. автора*)). И, в-четвёртых, И. Петлин оставил подробный отчёт «Роспись» о поездке, в котором были изложены неизвестные до этого сведения о Китае и сопредельных странах, а также составлен «чертёж Китайского государства» [2, с. 18].

Таким образом, миссия казака Петлина не привела к установлению отношений с Китаем на постоянной основе. Тем не менее, Петлин стал пионером в развитии прямых контактов между представителями России и Китая и способствовал взаимному интересу стран друг к другу.

В конце XVI века к Русскому государству были присоединены обширные территории Западной Сибири. В XVII веке русские землепроходцы активно устремились в Сибирь и на Дальний Восток, изменив тем самым геополитическую ситуацию в мире, совершив, по сути,

новый этап эпохи Великих географических открытий, тем самым начав процесс превращения России в крупную азиатскую и тихоокеанскую державу.

Присоединив колоссальные территории, Россия укрепилась на Дальнем Востоке, начав осваивать и охранять природные ресурсы: лес, рыбу, добывая пушного зверя и полезные ископаемые. Государственная переселенческая политика с 50-х годов XVII века направила туда партии малоземельцев из центральной России, которые занимались земледелием и различными промыслами, добычей зверя. Начало увеличиваться население Забайкалья, административным центром которого с 1658 года стал Нерчинский острог. В 1665 году был построен Албазинский острог, в районе которого к середине 80-х годов XVII века проживали уже сотни казаков и крестьян. В 1684 году было учреждено одноимённое воеводство.

В этот период присоединение новых земель по Амуру к России и встречное продвижение маньчжуров на север и северо-восток от своих владений привело к территориальному соприкосновению двух империй. Стали возникать первые конфликтные ситуации из-за противодействия маньчжурских отрядов продвижению русских, и наоборот. С этого момента в цинском Китае стали рассматривать русских как неизвестное «варварское» племя, а походы против них интерпретировались как «карательные».

К середине XVII века в России и Китае сложилось прямо противоположное отношение к тому, как должны строиться двусторонние контакты. Россия предполагала установить паритетный равный диалог, развивать торговые связи и взаимодействовать по вопросам размежевания в приграничье. Для решения подобных вопросов и реализации такой политики Россия получила уже опыт на западе. Цинская же администрация стремилась навязать русским статус «вассала» и отодвинуть границы Русского государства как можно дальше от Китая и собственно маньчжурских земель, расположенных на территории современного Северо-Восточного Китая.

Поэтому китайская дипломатия старалась трактовать все российские посольства как даннические. Непослушание же «вассалов» надлежало наказывать силой и «карательными» походами.

Дальнейшие недружелюбные встречи российских представителей цинским правительством являлись ярким подтверждением такого подхода. Иван Петлин, который был

принят весьма коротко, но достаточно дружелюбно минским императором, был, видимо, для него ещё «дальним варваром». Тогда между империями лежали большие пространства, населённые более опасными «ближними варварами» и китайцы, руководствуясь традиционной внешнеполитической доктриной, были готовы привлечь «дальних варваров» с тем, чтобы проще было усмирять «ближних». Тогда как после соприкосновения территориальных владений двух государств русские оказались уже непокорными и опасными «ближними варварами», которых надлежало, следуя традиционным установкам, «усмирять».

Ещё более жёсткой стала политика «усмирения» после вступления на престол в Пекине маньчжурского императора Канси (1662–1722). Император, которого многие исследователи ставят в один ряд его современников, таких как Петр I и Людовик XIV, поставил задачу покончить с «русскими варварами» в Приамурье. Целью главного удара был избран Албазинский острог, который в 1685 году подвергся осаде маньчжурскими войсками. После ожесточённой борьбы маньчжуры вышли с предложением сохранить жизнь защитникам крепости, если те прекратят сопротивление и откажутся от неминуемой гибели. Надо отметить, что полководцы Канси сдержали слово и 300 человек во главе с воеводой А. Толбузиным смогли уйти в Нерчинск. Какая-то группа отправилась в Якутск, а 25 казаков, пленённые и самые отчаянные, двинулись вместе с маньчжурами вглубь Китая.

В августе 1689 года в Нерчинске прошли переговоры между дипломатическими посланниками России и империи Цин, которые завершились подписанием первого в истории русско-китайского договора.

По договору, Россия была первой иностранной страной, с которой Китай заключил равный трактат. Это предопределяло установление мирных отношений с гигантским восточным соседом на долгое время. Это позволяло планомерно хозяйственно осваивать российскую часть Дальнего Востока. Россия сохраняла свой статус азиатской и тихоокеанской державы, хотя и лишалась приамурских земель. Безусловно, самое главное, что отмечают и российские, и китайские учёные, договор почти на два столетия обеспечил мир на Дальнем Востоке. Выражаясь современным языком, Нерчинский договор заложил основы системы региональной безопасности России и Китая.

Таким образом, Россия и Китай к концу XVII века подошли с диалогом двух различ-

ных культур, приобретавших весьма своеобразные формы в силу принципиально разного подхода к оценкам содержания данных отношений. Так называемая «стратегическая дипломатия ставила субъективные стремления выше объективных тенденций развития реального мира; в её действиях приоритет был на стороне политики диктата и произвола, противопоставлявшихся дипломатии обо-

юдоприемлемого компромисса» [1, с. 264]. Специфическое восприятие взаимоотношений с другими странами и народами со стороны Китая ещё накладывало отпечаток на контакты между двумя странами, но Россия набралась терпения и не сглаживала неровности в отношениях, благоразумно предпочитая и ценя мирное сосуществование со своим соседом.

Источники и литература

1. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
2. Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. – М.: Весь Мир, 2013. – 701 с.
3. Хожение за три моря Афанасия Никитина / подгот. Я. С. Лурье и Л. С. Семёнов. – Л.: Наука, 1986. – 231 с.

УДК 93 (47+57)

ББК ТЗ(2)-38

Сергей Александрович Сотников,

*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия,
e-mail: sergey@histr.ru*

История становления и развития российско-армянских отношений

В статье анализируется история российско-армянских отношений с момента становления и до образования Республики Армения. Рассматривается политика Российской империи по переселению армян из Турции и Персии. Уделяется внимание геноциду армян в 1915 году. В заключении автор говорит о том, что российско-армянские отношения имеют довольно длительную историю взаимоотношений, отмеченную взаимопомощью и стратегическими интересами в сотрудничестве.

Ключевые слова: российско-армянские отношения, Российская империя, Армения, Турция, Персия, плацдарм, стратегическое значение

Sergey A. Sotnikov,

*Moscow Region State University,
Moscow, Russia,
e-mail: sergey@histr.ru*

The History of Formation and Development Russian-Armenian Relations

The article analyzes the history of Russian-Armenian relations from the formation to the formation of the Republic of Armenia. The policy of the Russian Empire on resettlement of Armenians from Turkey and Persia is considered. Attention is paid to the Armenian genocide in 1915. In conclusion, the author says that the Russian-Armenian relations have a long history of relations, marked by mutual assistance and strategic interests in cooperation.

Keywords: Russian-Armenian relations, Russian Empire, Armenia, Turkey, Persia, bridgehead, strategic importance

История взаимоотношений русского и армянского народов имеет довольно глубокие корни. Первые связи, имеющие в основном

торговую и культурную направленность, зародились ещё при Киевской Руси. Изначально народы пересекались на пограничных терри-

ториях, а затем, в силу исторически сложившихся обстоятельств, уже непосредственно на территории Армении и Руси. «Армяне не ограничивались торгом внутри и на границах своего царства с сопредельными племенами: они проникали в отдалённые страны, как то сухим путём во внутренние области Персии, в Индию. По Чёрному морю в Грузию, Крым, в русское Тьмутараканское княжество на острове Тамань, по Каспийскому морю и по реке Волге к Болгарам и далее на Север Руси» [11, с. 282–283].

В связи с весьма непостоянной и неустойчивой политической ситуацией в Армении, которая зачастую оказывалась подчинённой тому или иному государству, угнетаемая тем или иным народом, многие армяне были либо насильно переселены в другие районы, либо бежали сами. Так стали появляться армянские поселения в разных городах близлежащих стран, в том числе и на Руси.

Что касается начала военного сотрудничества, то можно отметить, что первый такой опыт относится к временам той же Киевской Руси, а именно, при службе и русских, и армян в византийской армии. С XIV века видные деятели Армении стали обращаться к русским правителям с тем, чтобы те оказали помощь армянскому народу в освобождении от угнетателей.

Во времена Петра I, когда русское государство встало на ноги и стало заявлять о себе в мировом сообществе, связи с армянским народом укрепилась. В 1699 году армянские мелики отправили письмо Петру I с просьбой о помощи. «Всегда имели надежду, яко чрез величество ваше можем отбыти ига неверных, ко умножению веры христианской. И имели сию надежду даже до сегодняшнего дня, и к тому ещё имеем, что сие удобно есть вашему величеству совершити» [1, с. 68]. Это обстоятельство говорит о вере армянского народа в силу российского государства и о готовности связать с ним свою судьбу.

А в Сенатском указе от 2 марта 1711 года читаем: «Армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чём пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда» [5, с. 257]. Это было связано с тем, что они обеспечивали посреднические связи в торговой и культурной отраслях, да и сами являлись мастерами и ремесленными людьми, что обеспечивало развитие и доход российского государства.

В 1701 году деятель армянского движения Исраэл Ори прибыл в Россию к Петру I с планом по освобождению армянского государства от угнетения, который состоял в том, что рус-

ская армия, с помощью грузин и армян в Закавказье, через Дарьяльское ущелье и через Каспийское море проникнет в Персию. Реализация плана была начата, но не завершилась в связи со смертью Исраэла.

Однако на этом ничего не закончилось. Петр I совершил Персидский военный поход 1722–1723 годов, одной из целей которого было оказание помощи христианскому народу. Несмотря на то, что территории Армении не были освобождены, этот поход пробудил национально-освободительные силы армян, которые восстали против своих угнетателей и вместе с русскими войсками принимали активное участие в боевых действиях. Их предводителем был князь Давид-бек Мелик-Парсаданян.

Выдающимся деятелем, имеющим армянские корни, является Александр Васильевич Суворов. Наиболее знаменитым было его участие в Семилетней войне, Русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 годов, Итальянском и Швейцарском походах 1799 года.

А. В. Суворов был активным участником переселения армян из Крыма и освобождения от персидского гнёта. Он общался с видными деятелями национально-освободительного движения Иваном Лазаревым и Осипом Аргутинским, сыграл определённую роль в деле укрепления вековых русско-армянских отношений [13, с. 6].

Российская империя была заинтересована в дальнейшей помощи Армении, так как этот регион стал стратегически значимым для неё. Интерес был обусловлен тем, что благодаря удобному географическому положению Закавказья, оно стало плацдармом для борьбы с влиянием Англии и Франции на Ближнем Востоке [6, с. 23].

Самые серьёзные попытки по освобождению Армении были приняты российской властью при русско-персидских войнах 1804–1813 и 1826–1828 годов. В это время Армения представляла собой поделённую надвое страну. Восточная Армения находилась под властью шахской Персии, Западная – султанской Турции. Что в одной, что в другой частях государства экономическое и социальное положение населения оставляло желать лучшего: непосильные налоги на всё без исключения, религиозный гнёт, закрепощение крестьян, нищета, непризнание политических прав армян. Такое беззащитное положение ставило народ на грань выживания и толкало на бегство в другие страны.

Российская империя с начала XVIII века стала вести активную политику в Закавказье с

целью закрепления в этом регионе для реализации своих интересов. Русско-персидская война 1804–1813 годов стала одним из решающих событий для осуществления этого плана. Война с Персией началась из-за присоединения к Российской империи Восточной Грузии (ещё в 1801 г.). Фетх-Али в июне объявил войну России. Как русская, так и персидская армия и претерпевали неудачи, и выигрывали сражения, но, в конечном счёте, успех сопутствовал русским войскам, которые возглавляли генерал Павел Дмитриевич Цицианов, генерал-фельдмаршал Иван Васильевич Гудович и генерал Петр Степанович Котляревский. В ходе данной войны были присоединены Шурагельский султанат и такие ханства, как Карабахское, Ширвинское, Дербентское, Бакинское, Кубинское, Талышское.

Несмотря на то, что Фетх-Али пользовался поддержкой Англии и Франции, это не спасло Персию, которой в итоге пришлось заключить Гюлистанский мирный договор в октябре 1813 года. По этому договору все присоединённые в ходе войны ханства, а также Дагестан, Восточная Грузия были признаны за Российской империей [9, с. 144]. Стоит отметить, что эта война стала началом геополитического соперничества между Британской и Российской империями за господство в Азии.

В 1812 году началась Отечественная война, которая потребовала огромного мужества и сил от народов империи. Наряду с главнокомандующим русской армии генерал-фельдмаршалом Михаилом Илларионовичем Кутузовым, полководцем Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли, генералом от инфантерии Петром Ивановичем Багратионом внесли свой вклад в победу в Отечественной войне и армянские военнослужащие генерал-майор Давид Делянов, генерал-лейтенант Валериан Мадатов, генерал от инфантерии Василий Бебутов и др.

Спустя непродолжительное время, в 1826 году персидское правительство, подталкиваемое Англией, развязало новую русско-персидскую войну, которая продолжалась два года. Для немногочисленных русских отрядов вторжение персидских войск в Восточную Армению было весьма неожиданным, что привело к отступлению наших войск. Но выдающиеся командующие Алексей Петрович Ермолов, Иван Федорович Паскевич, Валериан Григорьевич Мадатов и Афанасий Иванович Красовский смогли переломить ход событий и выиграть эту войну. Со стороны армянского народа с призывом объединиться в отряды и помочь русским войскам в борьбе с врагом вы-

ступили общественно-политический деятель Нерсес Аштаракец и его соратник Арутюн Аламдарян. Также героями этой войны среди армян можно назвать Григора Манучарянца, Мартироса Велилева и Таира Калантарова.

Главными сражениями и операциями были: оборона Шуши, битвы под Шамхором и Елизаветполем, сражение у села Мирак, взятие Нахичевани, Джеван-булага и Аббас-Абада, Ошаканское и Сардарабадское сражения, взятие Еревани, Тавриза, Хоя и Салмаста, Мараги, Ардебиля и Урмии [2, с. 12]. В феврале 1828 года был подписан Туркменчайский мирный договор, по которому Персия уступила Восточную Армению Российской империи.

Русско-персидские войны стали для армян освободительными. Народ и видные деятели осознанно выбрали путь сближения с Россией, путь сотрудничества с ней, потому что самим им было не освободиться от шахской зависимости, а оставаться в таком бесправном положении было невыносимо. Стоит отметить, что местное население помогало русским войскам всеми силами и средствами: продовольствием, информацией, борьбой. Армянский народ (его часть) был освобождён от иноземного гнёта, что позволило ему выйти на мирный уровень развития и наладить утраченные связи. Таким образом, армянский народ обрёл спасителя в лице Российской империи, вновь получил права и свободы.

З. Т. Григорян так высказался о взаимоотношениях русского и армянского народов: «Если сравнивать с опытом отношений, которые армяне имели с агрессивными государствами греков, римлян, персов, арабов, византийцев, сельджуков, татаро-монголов, османов, то отношения с Российским государством были совершенно иными. Все вышеперечисленные империи использовали любую возможность для того, чтобы завоевать армянские территории, завладеть их богатствами, превратить армянскую землю в театр затаенных и кровавых военных действий, а народ подвергнуть физическому уничтожению. Совершенно по-другому складывались отношения с русским народом, который всегда протягивал дружескую руку помощи» [7, с. 6].

Российскому правительству предстояло многое наладить в присоединённом регионе. Во-первых, нужно было включить его в административную систему империи. В марте 1828 года была образована Армянская область, начальником которой был назначен генерал-майор Василий Осипович Бебутов, которую сменила в 1849 году Эриванская губерния во главе с генерал-майором Иваном Ива-

новичем Назоровым. Во-вторых, нужно было восполнить человеческий ресурс на данной территории, так как многие жители бежали из страны или погибли во время войны. Так правительство империи начало политику переселения армян из Персии и Турции.

Также спустя некоторое время стал заметен прогресс в развитии экономики Армении, которая начала выходить из состояния застоя. С каждым годом всё активнее привлекался банковский капитал, как самой Российской империи, так и зарубежных стран. После 1870 года на Армению стала распространяться реформа по отмене крепостного права. Стали развиваться промышленная деятельность. Ведущими отраслями стали медное и вино-коньячное производство. Также было представлено и лёгкое производство. Однако основная часть заводов и фабрик была размещена в таких городах, как Баку, Тифлис, Батуми, Кутаиси, куда местным жителям приходилось ездить на заработки. Параллельно с ростом предприятий шло увеличение числа рабочих. Началось строительство железных дорог, которые соединили Армению с остальными регионами Российской империи, а именно:

1. Тифлис – Ереван.
2. Александрополь – Горис.
3. Баку – Тифлис – Батуми.
4. Тифлис – Ереван – Джульфа.

Начала оживляться и культурная жизнь Восточной Армении. Опираясь на опыт империи в литературе, искусстве и науке, стали создаваться свои национальные проекты. Многие армянские деятели культуры, в особенности писатели и публицисты, в своих произведениях особо подчёркивали дружбу русского и армянского народов, перешедшую впоследствии в политическую идею, значимость изучения русского языка, проповедовали принципы равноправия народов.

Армяне принимали активное участие в Крымской войне 1853–1856 годов. «И для грузин, и для армян эта война с самого начала была как бы продолжением вековой борьбы против беспощадного “наследственного” врага, от которого только Россия могла оградить жизнь, достояние, безопасность населения» [14, с. 291]. Среди армян, участвовавших в этой войне, проявили себя командующий Кавказским корпусом, генерал от инфантерии Василий Осипович Бебутов, адмирал Лазарь Маркович Серебряков, генерал от кавалерии Иван Малхазович Андроников, полковник Михаил Тариелович Лорис-Меликов и др.

Начавшаяся в 1877 году новая русско-турецкая война также затронула интересы ар-

мянского населения, которое оказало поддержку русским войскам. Среди офицеров-армян, принявших участие, можно выделить следующих: командующий корпусом генерал от кавалерии Михаил Тариелович Лорис-Меликов, генерал-лейтенант Иван Давидович Лазарев, генерал-лейтенант Арзас Артемьевич Тер-Гукасов, генерал-майоры Бегбут Мартиросович Шелковников, Яков Кайхосрович Алхазов, Николай Яковлевич Денибеков [12, с. 67].

С начала XX века по всей территории Российской империи начали прокатываться революционные волны. Восточная Армения не осталась в стороне и была вовлечена в данный процесс. Стали появляться группы и кружки, объединённые марксистской идеологией. Первый был создан в 1899 году в Джагал-оглы (Степанаван). В конце 1902 года был организован «Союз армянской социал-демократии» в Тифлисе, который имел свою газету «Пролетариат». Он полностью поддерживал принципы Ленина. В мае 1905 года был создан Эриванский комитет РСДРП.

Главными деятелями революционного движения в Армении, сподвижниками Ленина, были такие деятели, как Степан Шаумян, Сурен Спандарян, Исаак Лалаянц, Богдан Кнунянц.

В 1914 году началась Первая мировая война. До 10 тысяч армянских добровольцев и 50 тысяч армян в русской армии сражались на Кавказском фронте, главнокомандующим которого был генерал Илларион Иванович Воронцов-Дашков. За годы войны было сформировано семь добровольческих отрядов, которыми руководили Андраник, Драстамат Канаян, Амазасн, Кери, Саргис Меграбян, Аршак Джанполадян, Григор Авишарян, Гайк Бжшкян, Овсен Аргутян [8, с. 297–298].

Все проявили огромное мужество в борьбе с турецкими войсками, лелея в душе надежду на объединение армянского народа. Однако армянский вопрос так и не был разрешён. Западная Армения так и осталась под властью Турции, а армяне, проживающие там, подверглись страшному геноциду. Его начало было связано с идеологией пантюркизма и панисламизма, с идеей создания «Большого Турана». В феврале 1915 года был отдан приказ военным министром Эвером об уничтожении армян, служащих в турецкой армии. С мая–июня 1915 года началась массовая депортация армянского населения турецких провинций.

Посол США в Турции так высказывался о действиях турок: «Истинной целью депортации было ограбление и уничтожение. Когда турецкие власти отдавали приказ об этих высыл-

ках, они фактически выносили смертный приговор целой нации» [10, с. 132].

«В результате геноцида армян, осуществленного младотурками в 1915–1918 годах, погибло от 1,5 до 2 млн человек. Около 800 тыс. армян стали беженцами; они рассеялись по многим странам мира, пополнив собой уже имеющиеся и образовав новые армянские общины» [3, с. 25].

Значимым событием для народов Российской империи и для всей мировой общности стала Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года, которая спасла Россию от нависшей угрозы. В самом начале установления советской власти она добилась благоприятной обстановки в стране: введён восьмичасовой рабочий день, предоставлено бесплатное образование и медицина, приравнены права мужчин и женщин, народы освобождены от империалистической политики и т. д.

Население Армении встретило весть об Октябрьской революции с радостью и надеждами. Однако, националистические партии, сотрудничающие с Англией и ожидающие уступок от Турции, не приняли советскую

власть, в результате чего в ноябре 1917 года был создан Закавказский комиссариат, а 28 мая 1918 года была провозглашена Демократическая Республика Армения.

Просуществовало независимое государство всего несколько лет. Дашнаки проводили антинародную политику, приведшую к разорению страны. Без помощи Советской России Армения не смогла противостоять турецкой угрозе, в результате чего потеряла население и территории. Также она не смогла решить территориальные претензии со стороны враждебно настроенных Азербайджана и Грузии.

Попытки установления советской власти оставлены не были. В мае 1920 года большевики подняли восстание, но оно было подавлено. Затем, в ноябре произошло антидашнакское восстание, после которого 29 ноября 11-я Красная армия заняла Ереван, и была провозглашена советская власть [4, с. 23]. Так началась новая страница в истории Армении.

Таким образом, российско-армянские отношения имеют довольно длительную историю взаимоотношений, отмеченную взаимопомощью и стратегическими интересами в сотрудничестве.

Источники и литература

1. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Перевод послания армянских меликов Петру I / под ред. А. Иоаннесяна. – Ереван: АН АрмССР, 1964. – Т. 2, ч. 1. – 204 с.
2. Асадов Ю. А. Армянский генеральский корпус царской России: историко-библиографические очерки (1724–1921). – М.: Перо, 2016. – 304 с.
3. Барсегов Ю. Г. Геноцид армян – преступление по международному праву. – М.: XXI век-Согласие, 2000. – 238 с.
4. Гарибджанян Г. Великая Октябрьская социалистическая революция и освобождение армянского народа // Известия академии наук Армянской ССР. Общественные науки. – 1954. – № 2. – С. 13–28.
5. Грамоты Петра Первого об армянах // Полное собрание законов Российской империи: в 50 т. Т. 7. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 257.
6. Григорян З. Т. Краткая история армяно-русских отношений (с момента их начала и до наших дней) // День и ночь. – 2015. – № 6. – С. 23–42.
7. Григорян З. Т. Вековая дружба армянского и русского народов. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1960. – 198 с.
8. История армянского народа (в вопросах и ответах). – Ереван: Изд-во РАУ, 2009. – 421 с.
9. История армянского народа: с древнейших времён до наших дней / Г. Х. Саркисян [и др.]; под ред. М. Г. Нерсисяна. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1980. – 458 с.
10. Кибальник А. Г., Мартиросян А. С. О геноциде армянского населения в Первую мировую войну // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 131–133.
11. Краткое историческое описание Древнего Армянского государства, составленное из разных летописей // Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа / под ред. С. Н. Глинки. – М., 1838. – Ч. 2. – С. 282–283.
12. Крбемян В. Г. Участие армян в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. – Ереван: Антарес, 2004. – 168 с.
13. Нерсисян М. Г. А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770–1780-х гг. – Ереван: Айстан, 1981. – 178 с.
14. Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 2003. – С. 463.

УДК 93
ББК ТЗ(3)522-6

Максим Викторович Васильев,
Псковский государственный университет,
г. Псков, Россия,
e-mail: maksim_vasilev2009@mail.ru

Русско-китайские отношения в контексте геополитической игры XIX века

В статье рассматривается история русско-китайских отношений в контексте геополитического противостояния мировых держав XIX века. Прослеживается изменение внешней политики Китая по отношению к России. Анализируются дипломатические успехи России в этом регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Великобритания, Франция, Япония, Китай, дипломатия, геополитика, приграничное пространство, опиумные войны, «управляемый» хаос

Maxim V. Vasiliev,
Pskov State University,
Pskov, Russia,
e-mail: maksim_vasilev2009@mail.ru

Russian-Chinese Relations in the Context of the XIX–Century Geopolitical Game

The article deals with the history of Russian-Chinese relations in the context of the geopolitical confrontation of the world powers of the XIX century. Changes in China's foreign policy towards Russia are traced. The diplomatic successes of Russia in this region are analyzed.

Keywords: Russian Empire, Great Britain, France, Japan, China, diplomacy, geopolitics, border area, opium wars, "controlled" chaos

Во второй половине XIX столетия противоречия России и Англии наметились в трёх направлениях. *Первое* – желание России усилиться на Балканах и Закавказье, взяв под свой контроль стратегически важные проливы Босфор и Дарданеллы, что позволило бы нам не только контролировать регион, но и иметь возможность оперативного выхода Черноморского флота в Средиземное море. Для сдерживания нашей страны использовались Турция и Иран, а также горские народы Кавказа, активно воюющие с русскими войсками английским оружием. *Второе* – усиление России в Средней Азии, покорение Хивинского, Кокандского и Бухарского ханств и выход к границам Афганистана. Российская империя успела обойти Великобританию и первой взять под свой контроль эти территории. В противном случае Средняя Азия превратилась бы в колонию англичан и была бы экономически разоряема ими. *Третья* зона противоречий связана с территориями Восточной Азии. Со второй половины XIX века внимание целого ряда держав было приковано к Китаю – огромной стране, богатой природными ресурсами, но потеряв-

шей былую мощь и силу. Китай переживал сложные времена, и во многом был вынужден подчиняться воли англичан. Вторая опиумная война 1856–1860 годов имела две главных цели англичан: сделать Китай полуколонией и мировой торговой площадкой, а также вытеснить Россию из этого региона. Так, ещё в 1854 году иностранные державы потребовали от китайского руководства пересмотреть Нанкинский договор с Россией и изменить границы. После того как Китай отказался это сделать, военная агрессия Запада была неизбежна. Поводом для начала войны стал арест властями Гуанчжоу британского судна «Эрроу», которое было заподозрено в контрабанде и транспортировке наркотиков.

Совсем скоро войну Китаю объявила Франция. Предлогом стало убийство французского миссионера в провинции Гуанси. Объединённая эскадра англичан и французозов достаточно легко разгромила китайский форт Даго в 1858 году и практически безнаказанно высаживала свои десанты на территории Китая. На первом этапе боевых действий против китайцев действовали и военные корабли

США. Слабо вооружённая китайская армия была просто не в состоянии дать отпор мощнейшим державам мира. Единственной страной, относительно дружелюбно настроенной по отношению к Китаю, была Российская империя. Несмотря на то, что Россия также преследовала свои цели в этом регионе, российская дипломатия предлагала Китаю равноправный диалог, не основанный на диктате военной силы. В сложившихся обстоятельствах в 1858 году русские дипломаты убедили руководство Циньской империи заключить Айгунский договор, по которому Россия получала право на левый берег Амура и контроль над Уссурийским краем. Но сам по себе Айгунский договор мало что давал России, необходимо было утвердиться на этих территориях и удерживать их. Именно в этих целях в 1859 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский, обходя на корабле берега залива Петра Великого, обратил особое внимание на хорошо укрытую бухту и приказал основать на её берегах пост, который назвал Владивостоком. А 20 июня 1860 года сорок солдат третьей роты 4-го Восточносибирского линейного батальона под командованием капитан-лейтенанта А. К. Шефнер и прапорщика Н. В. Комарова разбили в удобном месте палаточный городок, где был поднят русский трёхцветный флаг. Через месяц после первой высадки на берег в бухту Золотой Рог пришёл винтовой корвет «Гридень» под командованием капитан-лейтенанта Г. Х. Эгершельда. Корвету была поставлена задача нести охрану поста Владивосток и обеспечивать гарнизон необходимыми припасами [7].

Важнейшую роль в усилении России в Дальневосточном регионе сыграл Н. Н. Муравьев-Амурский. Именно этот исторический деятель одним из первых понял стратегическое значение дальневосточных территорий, за которые разворачивалась большая борьба во второй половине XIX века. Так, 25 июля 1859 года он сообщал в Иркутск генерал-майору Михаилу Корсакову следующее: «Бухту Посьета мы отмежевываем себе и границу проводим до устьев Тюмень-Улы, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но, оказывается, необходимо: в бухте Посьета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы её захватили при первом разрыве с Китаем... При устье реки Суй-Фуна, немного северо-восточнее бухты Посьета, множество прекрасных заливов. Вообще всё это пространство морского берега, от Посьета до Поворотного мыса, вёрст на 200, изобилует прекрасными залива-

ми и гаванями, столь привлекательными для морской державы, что англичане (если бы это оставалось китайским) всё захватили бы, тем более что в 1855 г. они все эти места видели, описали и даже карты издали» [5]. Именно это обстоятельство заставляло Россию проявить максимум усилий как в военном, так и дипломатическом плане. Именно Муравьев-Амурский будет автором идей строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и создания Тихоокеанского флота. Все эти идеи реализуются в среднесрочной перспективе.

Но в 1859 году проблема пребывания России на этих приграничных территориях усугублялась ещё и тем, что китайцы достаточно долго отказывались ратифицировать Айгунский договор, что порождало множество споров и трудностей в вопросе разграничения территорий. Направленный в Пекин для подписания окончательных договорённостей о границе граф И. П. Игнатьев натолкнулся на мощный протест со стороны китайских дипломатов. Китайской стороной было заявлено, что Айгунский договор был самовольной ошибкой чиновников, которые уже наказаны императором, а сам документ не имеет никакой юридической силы. Переговоры зашли в тупик, в результате чего русскому посланнику пришлось тайно покинуть Пекин и примкнуть к англо-французской делегации. В это время западные союзники продолжали делить Китай. В 1860 году англо-французские войска встретились в Гонконге и высадились в Бэйтане, затем союзные войска заняли Тяньцзинь, был разграблен Летний императорский дворец Юаньминъюань. Этот дворец был настоящей сокровищницей, в которой маньчжурские богдыханы собрали ценности и произведения искусства всех императорских династий Китая. Союзники тут же сочли дворец своим военным трофеем и начали его грабёж. Поначалу экспроприацию проводили централизованно, чтобы разделить ценности поровну между Англией и Францией. Однако в дальнейшем европейские солдаты и офицеры приступили к грабежу ценностей «самостоятельно». Объём и стоимость похищенных ценностей не поддаются учёту [4]. Пекину также угрожала участь разорения, ставился вопрос о сохранении правящей династии. Именно в этих условиях проявился талант И. П. Игнатьева.

Подходя к Пекину, русский посланник всячески стремился защитить местное население от бесчинств французов и англичан. И чем сильнее было мародерство союзников, тем больше симпатии китайцев склонялись на русскую сторону. Именно русский посол уговорил

европейских интервентов не уничтожить династию и защитил Пекин от разграбления, выступив посредником в переговорах. Китайцы, в свою очередь, попросили графа И. П. Игнатьева смягчить притязания европейцев, которые требовали немедленной выплаты за погибших, наказания виновных, уничтожения до основания Летнего дворца. Игнатьев обещал содействие по девяти пунктам из десяти. И гарантировал полную безопасность китайским дипломатам при подписании всех договоров. Все данные обещания русский посол в дальнейшем исполнил. Вторая опиумная война и агрессия европейских коалиционных войск заставила китайское правительство уступить воле Запада. 12 и 13 октября 1860 года в Пекине князем Гуном были подписаны трактаты с англичанами и французами. В соответствии с Тяньцзинским договором Англия, Франция и США получали свободное право торговли по всему Китаю, в Пекине открывались иностранные миссии, а сами миссионеры получали практически неограниченные права, снижались пошлины для иностранных торговцев и легализовалась опиумная торговля. Под управление Англии отходила южная часть Цзюлунского полуострова [2]. Когда европейцы покидали Пекин, началась секретная часть русско-китайских переговоров. Китайская сторона в сложившихся обстоятельствах и в знак благодарности русскому послу за спасённый Пекин согласилась принять русские требования. В окончательном варианте Пекинского трактата от 2 ноября 1860 года подтверждался Айгунский и Тяньцзинский договоры и устанавливалась новая пограничная линия от устья Уссури до реки Ту-мынь-дзян на границе с Кореей. Также оговаривались равные и свободные торговые отношения между государствами. Чуть позже, весной 1861 года, была согласована карта разграничения территорий [9]. Н. Н. Муравьев-Амурский писал министру иностранных дел России князю А. М. Горчакову следующее: «Все сомнения рассеяны, теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами, и приобрели право сухопутной торговли из Кяхты, и учреждения консульств в Урге и Кашгаре. Всё это без пролития крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника, а дружба с Китаем не только не нарушена, но скреплена более прежнего. Игнатьев превзошёл все наши ожидания...» [6].

Пекинский трактат, подписанный в тайне от наших «западных партнёров», был одним из колоссальных успехов русской геополитики и большой неожиданностью для англичан.

Усиление России в Китае и установление контроля над Японским морем существенно нарушило планы Великобритании и Франции. Известно, что захватывая китайские территории, англичане планировали зимой 1860 г. высадить десанты для занятия пролива Посьет, который находится вблизи Владивостока. Как показала история, опасения и прогнозы Н. Н. Муравьева-Амурского были совершенно справедливы. Россия смогла опередить англичан всего на пару месяцев. 2 октября 1860 года к берегам Китая подошла сводная русская эскадра из Средиземного моря, взяв под охрану новые русские земли и прикрыв Владивосток [10, с. 47]. В такой ситуации англичане сразу отказались от идеи с морским десантом. Борьба за влияние в регионе мировых держав вступила в новую фазу. Поняв, что побережье Японского моря для Англии потеряно, наши «западные партнёры» сконцентрировали свои усилия на создании среднесрочных и долгосрочных проблем для России на её границах. Попыткой реванша за Пекинский договор стало масштабное восстание националистов в Польше 1863 г. и террористов-народников в самой России [3].

При Александре III русско-китайские отношения вышли на новый уровень. В 1881 году был подписан договор «Об урегулировании пограничных вопросов» по которому был решён ключевой вопрос о передаче Китаю Кашгарской провинции (западный Китай, Синьцзян). Суть проблемы заключалась в том, что в 1876–1877 годах в результате восстания местных мусульман в Кашгарской провинции была свергнута китайская власть. Повстанцы провозгласили образование независимого исламского государства Йеттишаар. В этой ситуации Китай обратился с просьбой о помощи к России, на основании чего были введены русские войска в Кашгарскую провинцию, а силы повстанцев разгромлены. В 1881 году, согласно Петербургскому договору, Россия вывела войска из Кашгарской провинции, вновь передав её Китаю. Помимо решения вышеизложенного вопроса, была окончательно определена российско-китайская граница в районе реки Чёрный Иртыш [8]. Сторонником сближения с Китаем был и министр финансов России С. Ю. Витте. Так, по его инициативе в 1895 году был учреждён Русско-Китайский банк, а в следующем году заключён договор «О союзе и постройке Китайско-Восточной железной дороги» (КВЖД). Статья 1 договора предусматривала военный союз, который должен был вступить в силу в случае нападения Японии на Россию, Китай или Корею [1]. Также этот дого-

вор предусматривал строительство железнодорожной ветки «Чита – Харбин – Владивосток». Данная ветка имела большое значение для двух стран как в военно-стратегическом, так и в экономическом плане. Главным успехом России в тихоокеанском регионе стало подписание «Русско-китайской конвенции о Ляодунском полуострове» в 1898 году, в результате чего Россия получила в аренду на 25 лет Порт-Артур и его торгового соседа порт Дальний. Отдельно оговаривалось, что Порт-Артур будет открыт только для русских и

китайских кораблей. С одной стороны, это открыло дорогу русскому флоту к берегам Жёлтого моря, с другой – приобретение Порт-Артура стало отправной точкой будущей войны России с Японией. Важно отметить, что именно японцы, оказывая военное давление на Китай, рассчитывали получить в аренду этот порт и разместить в нём свои военные корабли. Державы моря не могли смириться с таким усилением России, приобретающей возможность оперативного использования своего Тихоокеанского флота.

Источники и литература

1. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). – М.: Кучково поле, 2016. – 606 с.
2. Бутаков А., Тизенгаузен А. Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. – М.: АСТ, 2002. – 400 с.
3. Васильев М. В. Народничество в России как оружие геополитической борьбы // Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании. – URL: https://www.mcito.ru/publishing/best_article/2019/participants.html (дата обращения: 31.03.2019). – Текст: электронный.
4. Волынец А. Третья «опиумная» война: битва за Пекин // Warspot. – URL: <https://www.warspot.ru/7064-tretya-opiumnaya-voyna-bitva-za-pekin> (дата обращения: 31.03.2019). – Текст: электронный.
5. Волынец И. Кому мы обязаны присоединением Дальнего Востока и почему либералы стараются забыть этого человека? // Военное обозрение. – URL: <https://www.topwar.ru/40071-komu-my-obyazany-prisoedineniem-dalnego-vostoka-i-pochemu-liberaly-starayutsya-zabyt-etogo-cheloveka.html> (дата обращения: 31.03.2019). – Текст: электронный.
6. Густерин П. В. Е. П. Ковалевский – дипломат и востоковед // Вопросы истории. – 2008. – № 8. – С. 148–150.
7. Основание Владивостока // История.РФ. – URL: <https://www.histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/osnovaniie-vladivostoka> (дата обращения: 31.03.2019). – Текст: электронный.
8. Парамонов В., Строков А. Российско-китайские отношения: историческое наследие // Уроки прошлого. – URL: <https://www.mashinavremeni1.ru/blog/43164301258/Rossiysko-kitayskie-otnosheniya-istoricheskoe-nasledie> (дата обращения: 31.03.2019). – Текст: электронный.
9. Ткачев А. Китайский гамбит дипломата Игнатъева // Военное обозрение. – URL: <https://www.topwar.ru/85647-kitayskiy-gambit-diplomata-ignatjeva.html> (дата обращения: 31.03.2019). – Текст: электронный.
10. Широкоград А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. – М.: АСТ, 2003. – 506 с.

УДК 93/94(571:510)

ББК ТЗ(2)521(2Рос:5Кит)

Алексей Владимирович Постников,

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук,

г. Москва, Россия,

e-mail: Postnikov.1939@mail.ru

Англичане и американцы в российско-китайском приграничье после возвращения Приамурья и включения в состав Российской империи Приморья

В 1848–1854 годах английский архитектор, художник и путешественник Томас Уитлам Аткинсон (1799–1861) посетил Сибирь, Монголию и Центральную Азию, описав своё путешествие в трёх томах. Томас Аткинсон уделил особое внимание Амуру и истории исследования этой реки русскими в XVII веке. Его книга даёт яркую картину борьбы русских с китайцами за Приамурье, мужественной обороны русскими их главной крепости Албазина под руководством полковника Байтона (Байдона), которого Аткинсон (как и некоторые другие ав-

торы) считал англичанином, хотя по современным исследованиям он был родом из Пруссии. Яркие воспоминания о российском Дальнем Востоке и о русских сохранились в книгах военно-морских офицеров, которые участвовали в нападениях кораблей объединённой англо-французской флотилии на русские поселения и фактории в Охотском море и на Камчатке. Книга знаменитого географа, картографа и историка географии, британца немецкого происхождения Эрнста Георга Равенштайна (1834–1913) «Русские на Амуре» была историко-научным социальным и экономическим исследованием, целиком посвящённым истории возвращения Приамурья Россией с глубоким описанием страны, основанном как на трудах русских путешественников, так и на собственных странствиях автора. Труды Равенштайна заложили прочный фундамент зарубежной историографии русской Сибири, Приамурья и Дальнего Востока.

Ключевые слова: река Амур, безуспешные операции, англо-французский флот, открытие судоходности

Alexey V. Postnikov,
Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute
of the History of Science and Technology,
Moscow, Russia,
e-mail: Postnikov.1939@mail.ru

British and Americans in Russian the Border-Zone with China after Return of Priamurye and Inclusion of Marytime Region in Structure of the Russian Empire

In 1848–1854 English architect, artist, and traveler Thomas Whitlam Atkinson (1799–1861) visited Siberia, Mongolia, and Central Asia, describing his journey in three volumes. Thomas Atkinson paid special attention to the Amur River and the history of the study of this river by the Russians in the XVII century. His book gives a vivid picture of the struggle of Russians with the Chinese for the Priamurye, the courageous defense of their main fortress Albazin under the leadership of Colonel Bayton (Baydon), whom Atkinson (like some other authors) considered an Englishman, although according to modern research he was from Prussia. Vivid Russian memories of the far East and the Russian preserved in the books of naval officers who participated in the attacks of ships of the United Anglo-French flotilla on Russian settlements and trading posts in the sea of Okhotsk and Kamchatka. The book by the famous geographer, cartographer and historian of geography, the English subject German origin Ernst George Ravenstein (1834–1913) “Russkiye on Amur” was the first historical and scientific and social and economic work devoted to return by Russia of Priamurye; its opening, gain and colonization; with the description of the country, its inhabitants, efficiency and commercial opportunities; and also personal descriptions of the Russian travelers. Ravenstein’s works laid a solid Foundation for foreign historiography of Russian Siberia, the Priamurye and the Far East.

Keywords: Amur river, unsuccessful naval operations, Anglo-French fleet, opening of navigation

При всей секретности действий, предпринятых российскими властями для возвращения в состав Империи Приамурья и присоединения Приморья, активизация восточно-сибирской и дальневосточной политики России не могли остаться незамеченными за рубежом, что, как и в прошлом, привлекло к этим районам внимание иностранных путешественников, не говоря уже об участниках англо-французской морской интервенции в период Крымской войны [2; 7] на Камчатку и побережье Охотского моря, которые, в частности, воочию убедились в эффективности российских исследований на Амуре и их стратегических последствий.

В 1848–1854 годах английский архитектор, художник и путешественник Томас Уитлам Аткинсон (1799–1861) посетил Сибирь, Монголию и Центральную Азию, описав в трёх томах (1858–1860 г.) [5; 4] свои впечатления о путешествии, иллюстрируя их акварелями, рисунками и картой.

Томас Аткинсон обратил пристальное внимание на реку Амур и историю её исследования русскими в XVII веке. Его книга рисует яркую картину борьбы за Приамурье между русскими и маньчжурами, борьбы известной отважной защитой русскими их основной крепости Албазин и выдающейся роли в этом деле полковника Байтона (Байдона), иностранного офицера (по

современным сведениям, скорее всего родом из Пруссии), которого Аткинсон, так же, как и ряд других авторов, считал англичанином.

Яркие воспоминания о российском Дальнем Востоке и русских остались у военно-морских офицеров, участвовавших в рейдах англо-французского флота на Камчатку и российские фактории на побережье Охотского моря.

В частности, есть интересное описание российского Дальнего Востока, опубликованное капитаном Бернардом Уиттингэмом (Bernard Whittingham), который участвовал в неудачном нападении англичан на побережья Камчатки и Охотского моря во время Крымской войны [11]. В то время англичане не знали, что устье реки Амура судоходно для морских судов и, благодаря этому, российский флот смог скрыться в Амуре, в то время как британские и английские суда объединённой военно-морской флотилии безуспешно пытались его найти. Их единственным трофеем стало грузовое судно «Охотск», едва не погибшее от пожара. Автор повествования не скрывает своих симпатий к русским.

В порту Аян англичанин встретился со знаменитым русским священнослужителем, архиепископом Восточной Сибири и Аляски преподобным Иннокентием (Вениаминовым) (который позже стал Московским митрополитом и недавно причислен к лику святых). Встреча Св. Иннокентия (в то время священника Ивана Вениаминова – А. П.) была описана в книге об этой британской экспедиции.

Другой английский офицер, Дж. М. Тронсон на борту парового шлюпа «Барракута» Королевского флота Великобритании посетил в 1854–1856 годах побережья Китая, Японских островов, Камчатки, Сибири, а также остров Сахалин. Он детально поведал о своих впечатлениях в книге, изданной в Лондоне в 1859 году [10].

Представляют определённый интерес наблюдения Тронсона на принадлежавшем в то время Японии Южном Сахалине, касающиеся айнов, о которых сказано, в частности, следующее: *Они бы с радостью поменяли их правителей на более добрую администрацию правительств, которую русские обычно применяют по отношению к завоёванным расам [народам]* [5, с. 145].

Не менее интересны суждения Тронтона о тех русских «пленных», которых англичане держали в неволе, в полном противоречии с существовавшими и существующими до сих пор международными правилами отношения к потерпевшим кораблекрушение.

Первым историко-научным и социально-экономическим трудом, посвящённым возвращению Россией Приамурья, была книга известного географа, картографа и историка географии, английского подданного немецкого происхождения Эрнста Георга Равенштейна (1834–1913) *«Русские на Амуре»; его открытие, завоевание и колонизация; с описанием страны, её обитателей, продуктивности и коммерческих возможностей; а также личных описаний русских путешественников* [3; 6]. Судя по всему, именно исходя из актуальности темы, а также благодаря свойственным Равенштайну пунктуальности и научной добросовестности, он разрабатывает её вполне объективно, используя наиболее достоверные материалы, главными из которых для него являются труды академиков Миллера и Миддендорфа. Фактически Эрнст Равенштайн был первым иностранным автором, детально и объективно ознакомившим англоязычных читателей с историей Нерчинского договора и его последствий, а также с полевыми этнографо-зоогеографическими изысканиями Миддендорфа и Усольцева, доказавшими неопределённость и несовместимость с традиционными приёмами природопользования местных племён границы между Россией и Цинским Китаем, установленной в 1689 году. Территориальные результаты Нерчинского договора отображены Равенштайном на *Карте районов Амура для иллюстрации событий XVII столетия*.

В конце книги Равенштайн поместил *Карту районов Амура 1860 [года]* (Map of the Regions of the Amur 1860. Scale 1,800,000), на которой по материалам Миддендорфа нанесена обнаруженная им на склонах Станового хребта «Нерчинская граница» с шестью китайскими амбонами, а также – новая граница между двумя империями по Амуру и Уссури, причём в устье Уссури она показана проходящей по южной протоке Амура, «оставляя», таким образом, острова в пределах России. Специальная карта в книге – *Нижний Амур* – отображает результаты детальных гидрографических съёмок, проведённых русскими моряками под руководством Невельского, доказавшими судоходность этих акваторий.

Во второй части книги Равенштайн даёт детальное географическое, статистическое (экономико-географическое) и коммерческое описание Амура, также основанное на работах российских авторов.

Наиболее значительная группа зарубежных путешественников и авторов периода возвращения Приамурья и включения Приморья в состав Российской империи связана с попыт-

кой воплощения в жизнь планов Перри Мак Д. Коллинса по созданию Транстихоокеанской телеграфной линии [3, с. 3–38; 6, с. 237–276].

Планы эти были в определённой мере отражением геополитических устремлений Северо-Американских Соединённых Штатов, экспансионизм которых в 1840-х годах приобретает характер ясно выраженной государственной политики. В 1845 году был аннексирован Техас и затем присоединена Калифорния, таким образом, что граница, определённая в результате войны Соединённых Штатов против Мексики (1846–1848 гг.), стала проходить по реке Рио Гранде. Именно в этот период редактор журнала *Democratic review* и нью-йоркской газеты *Morning News*, Джон

Л. О'Сулливан John L. O'Sullivan «отчеканил» выражение *Manifest Destiny*. Этот термин использовался для оправдания экспансионизма тем, что, якобы, сам Божий Промысел предназначил Соединённым Штатам править всем Американским континентом [1, с. 49–50; 8; 9, с. 793–798]. Наиболее упорным проводником этой политики был Уиллиам Х. Сьюард, губернатор штата Нью-Йорк (1838–1842 гг.), сенатор (1849–1861 гг.) и государственный секретарь Соединённых Штатов (1861–1869 гг.), который считал себя учеником и продолжателем Джона Квинси Адамса, скончавшегося в 1848 году. На наших глазах происходит «воскрешение» этого проекта в отношении стран Латинской Америки.

Источники и литература

1. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. – М.: Наука, 1990. – 367 с.
2. Постников А. В. История водно-сухопутных транспортных путей Северо-Западной Руси в XVI – начале XX века и создание Беломорско-Балтийского канала. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 248 с.
3. Постников А. В. Продажа Аляски и международная телеграфная экспедиция // Вопросы истории естествознания и техники. – 1997. – № 1. – С. 3–38.
4. Atkinson T. W. Travels in the Regions of the Upper and Lower Amoor and the Russian on the Confines of India and China. With Adventures among the Mountain Kirghis; and the Masjours, Manyargs, Toungous, Touzemts, Goldi, and Gelyaks; the Hunting and Pastoral Tribes. By Thomas Witlam Atkinson, F. G. S., F. R. G. S. – New York: Harper & Brothers, Publishers, Franklin Square, 1860.
5. Atkinson Thomas Witlam. Oriental Siberia: A Narrative of Seven Years Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and Part of Central. – New York: Harper & Brothers, Publishers, Franklin Square, 1858. – 533 p.
6. Postnikov A. V. The Sale of Alaska and the International Expedition to Effect Telegraph Link between North America and Europe via Siberia. Archives Internationales D'Histoire des Sciences. Estratto dal. – Institute della Enciclopedia Italiana, Fondata de Giovanni Treccani, 2002. – Vol. 52/2002, no. 149.
7. Postnikov Alexey, Falk, Marvin. Exploring and Mapping Alaska. Russian America Era, 1741–1867 / Translated by Lydia Black. – University of Alaska Press – Rasmuson Library Historic Translation. – Fairbanks, 2015. – 450 p.
8. Pratt J. W. The Ideology of American Expansion. Essays in Honor of William E. Dodd / Ed. by A. Craven. – Chicago, 1935.
9. Pratt J. W. The Origin of “Manifest Destiny” // American Historical Review. – 1927. – Vol. 32, no. 4. – P. 793–798.
10. Tronson J. M. Personal Narrative of a Voyage to Japan, Kamtschatka, Siberia, Tartary, and various parts of the coast of China, in H. M. S. Barracouta ... With charts and views. – London, 1859.
11. Whittingham Capt. Bernard (Royal Engineers) Notes on The Late Expedition against Russian Settlements in Eastern Siberia; and of a Visit to Japan and the Shores of Tartary, and of the Sea of Okhotsk. By Capt. Bernard Whittingham, Royal Engineers. – Whittingham – London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1856.

УДК 625.1
ББК У315.372

Галина Петровна Камнева,
Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия,
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Сергей Александрович Сотников,
Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия,
e-mail: sergey@histr.ru

Андрей Александрович Сотников,
Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия,
e-mail: microlabuss@mail.ru

Государственная политика в сфере железнодорожного строительства в 1890-е – начале 1900-х годов. Транссибирская магистраль

Статья посвящена истории развития железнодорожного транспорта России. Прогресс человеческого общества неотделим от истории развития транспорта. Транспорт – это отрасль народного хозяйства, связанная с перевозкой людей и грузов, а также тот или иной вид перевозочных средств. Под словом «транспорт» понимается, прежде всего, процесс перемещения. Именно в этом состоит его главная функция. Возрастающие потребности человека – физиологические, экономические, культурные, социально-бытовые, духовные и другие – стимулируют его деятельность по созданию и совершенствованию орудий труда, технических средств, в том числе и средств передвижения. В результате трудом многих поколений людей создана громадная техносфера – вторая, рукотворная (искусственная) «природа». Её неотъемлемой составной частью является транспорт, и прежде всего, – железнодорожный.

Ключевые слова: история развития транспорта, Транссибирская магистраль, железнодорожное строительство в России, Комитет сибирских железных дорог (КСЖД)

Galina P. Kamneva,
Moscow Region State University,
Moscow, Russia,
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Sergey A. Sotnikov,
Moscow Region State University,
Moscow, Russia,
e-mail: sergey@histr.ru

Andrey A. Sotnikov,
Moscow Region State University,
Moscow, Russia,
e-mail: microlabuss@mail.ru

State Policy in the Sphere of Railway Construction at the 1890-e – Beginning of the 1900th. Trans-Siberian Railway

The progress of human society is inseparable from the history of transport. Transport – a branch of the economy associated with the transport of people and goods, as well as a particular type of transportation. The word “transport” means, first of all, the process of movement. This is its main function.

The increasing human needs – physiological, economic, cultural, social, spiritual, and other – to stimulate its activity on the creation and improvement of tools, equipment, including vehicles. As a result, the work of many generations of people

created a huge technosphere – the second, man-made (artificial) “nature”. It is an integral part of transport, especially rail

Keywords: History of development of transport, the Trans-Siberian Railway, railway construction in Russia, the Committee of the Siberian Railroads (CSR)

В современном мире крайне редко можно встретить человека, который хотя бы раз в жизни не воспользовался железнодорожным видом транспорта. Но мало кто задумывался, какую богатую историю имеет железнодорожное строительство в России. В настоящее время железные дороги занимают важное место в жизни России, так как являются главным видом грузового и пассажирского транспорта. Поэтому изучение истории появления в нашей стране железных дорог никогда не перестанет быть актуальным.

Государственная политика, проводимая в 1890-е – начале 1900-х годов, обеспечила высокие темпы железнодорожного строительства. В этот период начали функционировать магистрали Рязань – Казань, Рузаевка – Сызрань, Инза – Симбирск, соединявшие центр государства с волжскими городами. Из-за введения в строй железнодорожной линии Москва – Брянск уменьшилось время, проводимое поездами в пути из Москвы до Киева. Железную дорогу Ростов-на-Дону – Владикавказ – Петровск довели до Баку. Закавказская дорога (с новой линией Тифлис – Карс) была соединена со всей сетью железных дорог России. В 1896 году Средний и Южный Урал были связаны транспортной сетью благодаря введению в строй железной дороги Челябинск – Екатеринбург. Именно в этот период начинается строительство железных дорог в малообжитых и недостаточно экономически развитых районах Севера, Сибири, Средней Азии (железнодорожные линии Пермь – Вятка – Котлас, Тюмень – Омск).

Конец XIX – начало XX века ознаменовалось строительством Великой Сибирской магистрали, проходившей через всю Сибирь и Дальний Восток от Челябинска до Владивостока. В 30–50-е годы XIX века идея о строительстве железной дороги в Сибири казалась невыполнимой. Однако с течением времени она начала привлекать внимание учёных, инженеров, экономистов. В 60-е годы начинаются обсуждения выбора направления, которое соединит европейскую часть страны с Сибирью. Готовились различные проекты, вокруг которых всё сильнее разворачивались дискуссии. Оппоненты представляли различные мнения о пользе того или иного проекта, об их технической составляющей. Стало ясно, что «освоение сибирских богатств – тернистый путь» [История железно-

дорожного транспорта..., с. 74], а строительство железной дороги в Сибири имеет множество противников, как среди местного населения, так и в столичных кабинетах.

В 1864 году генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель в своём отчёте Александру II указал на плохое состояние транспортных путей, которое препятствует развитию промышленности в регионе, обладающем большим количеством природных богатств. Его преемник Хрущов в 1869 году в записке к императору указал на необходимость строительства железной дороги в Сибири. Поэтому со временем вопрос о Сибирской железнодорожной магистрали регулярно обсуждается в правительственных кругах, Императорском географическом обществе и Обществе содействия торговле и промышленности, однако решительных действий не предпринималось. После гибели императора Александра II к власти пришёл Александр III, пообещавший продолжить дело отца в железнодорожном строительстве. Вопрос, как и прежде, рассматривался, но строительство не начиналось. Императора возмущало это обстоятельство: «Уж сколько отчётов генерал-губернаторов Сибири я должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, очень пора» [История железнодорожного транспорта..., с. 76]. Александр III снова дал указание рассмотреть вопрос Кабинету министров и как можно скорее принять решение. К обсуждению строительства Сибирского пути были привлечены Министерство путей сообщения, военное, финансовое, морское, внутренних дел, земледелия и др. В итоге 6 июня 1887 года было принято правительственное решение о необходимости строительства железной дороги. Начались работы изыскательских партий, инженеров, рассматривались и проектировались направления будущей дороги. Постановление о строительстве Великой Сибирского пути было издано в феврале 1891 года, но крупномасштабные работы по созданию Транссибирской магистрали начались только после подписания Александром III 17 марта 1891 года Указа о строительстве дороги от Челябинска до Владивостока.

Александр III, понимая всю важность Транссибирской железной дороги в решении

военно-стратегических и экономических задач, признал её строительство «великим народным делом». Это повлияло на отношение к сооружению железнодорожной магистрали всех правительственных органов, таких как Управление по сооружению Сибирских железных дорог (ведавшее всеми делами стройки), Инженерный совет Министерства путей сообщения, Мостовая комиссия. Они находились в подчинении Временного управления казённых железных дорог, входившего в состав Железнодорожного департамента Министерства путей сообщения. Однако через какое-то время стало ясно, что необходимо рационализировать принятие решений по вопросам строительства, сократить время различных согласований. По инициативе министра финансов С. Ю. Витте в конце 1892 года был создан межведомственный орган – Комитет сибирских железных дорог (КСЖД), в который входили министры разных ведомств. Именно этот комитет стал во главе проектирования и строительства Сибирской железнодорожной магистрали.

Осуществлённые изыскания выявили обоснования для выделения на магистрали семи железных дорог:

1. Западно-Сибирской (Челябинск – Обь, 1418 км).
2. Средне-Сибирской (Обь – Иркутск, 1818 км).
3. Кругобайкальской (Иркутск – Мысовая, 307 км).
4. Забайкальской (Мысовая – Сретенск, 1104 км).
5. Амурской (Сретенск – Хабаровск, 2051 км).
6. Северно-Уссурийской (Хабаровск – Графская, 361 км).
7. Южно-Уссурийской (Графская – Владивосток, 408 км) [История железнодорожного транспорта..., с. 79].

Комитет сибирских железных дорог попросил у китайского правительства разрешения построить линию на Владивосток через территорию Китая и Маньчжурии для значительного сокращения Амурской магистрали. В результате его получения в 1897 году началось сооружение Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Не первый взгляд, КСЖД имел узкоспециальное назначение. Однако комитет, просуществовавший до 1905 года, рассмотрел большое количество вопросов по развитию Сибири. Им были разработана система мероприятий для помощи как строительству дороги, так и заселению, промышленному развитию при-

легающих к железной дороге местностей. КСЖД решал проблемы, связанные с использованием природных ресурсов края, развитием сухопутного и морского транспорта, а также некоторые внешнеполитические вопросы, связанные с КВЖД. Комитет сибирских железных дорог на десятилетие стал высшим государственным органом, вырабатывающим правительственную политику по отношению к Сибири и Дальнему Востоку.

Транссиб финансировался полностью из государственной казны. Отвергались все предложения иностранных предпринимателей о помощи, предоставлении своих услуг в обустройстве Сибири железнодорожными коммуникациями. В 1892 году государство выделило 170 млн рублей на развёртывание строительства. Позднее финансирование Сибирской дороги было для правительства важнейшим делом, особенно при возглавлявшем Министерство финансов и Комитет министров С. Ю. Витте.

Строительство Транссибирской железной дороги протяжённостью более 7 тыс. км началось одновременно от Челябинска на западе и Владивостока на Тихом океане. 19 мая 1891 года наследник престола Николай II во Владивостоке благословил начало сооружения железной дороги. Планировалось завершить строительство на участках Челябинск – Красноярск – в 1896 году, Красноярск – Иркутск – к 1900 году, Владивосток – Графская – к 1894–1895 годам.

Строительство осуществлялось в довольно сложных природно-климатических условиях. На территории встречались болота, реки, участки вечной мерзлоты, горы. Учёные, инженеры, проявив огромный профессионализм, творчески решали задачи, не встречавшиеся ранее в мировой практике железнодорожного строительства.

Постоянная эксплуатация Транссибирской магистрали на всём её протяжении от Челябинска до Владивостока началась в 1903 году. К тому времени часть Сибирской дороги проходила по территории Китая (КВЖД). Однако, после поражения в русско-японской войне (1904–1905 гг.) встала необходимость сооружения Амурской магистрали, проходящей по территории России. В 1908 году Государственная Дума приняла решение о строительстве такой магистрали. В 1916 году ввели в строй мост через Амур, это положило конец строительству. Именно с этого года железная дорога, соединявшая Челябинск и Владивосток, стала полностью проходить по территории России.

Подводя итоги пореформенного периода железнодорожного строительства, необходи-

мо сказать, что в 1890-е годы ежегодно в эксплуатацию вводилось 2,5–3 тыс. км железнодорожных магистралей. Далее, вплоть до 1917 года, сооружалось более 20 тыс. км железных дорог. К 1913 году российская железнодорожная сеть равнялась 70 тыс. км и являлась второй в мире после США по протяжённости железнодорожных линий. Но и такая протяжённость железных дорог не могла полностью удовлетворить экономические и социальные потребности страны. России необходимо было продолжать строительство, однако этот процесс был приостановлен Революцией 1917 года и Гражданской войной.

Тема строительства железных дорог в России очень обширна и интересна.

Таким образом, рассмотрев лишь часть материала, касающегося двух периодов железнодорожного строительства Российского государства (дореформенного и пореформенного), можно сделать выводы о большом влиянии же-

лезнодорожных магистралей на историю нашей страны. О значении железных дорог для России говорил Н. Г. Гарин-Михайловский: «Нам железные дороги необходимы как воздух, как вода». Долгое время развитие железнодорожной сети шло медленнее, чем на Западе, и встречало на своём пути много препятствий, таких как крепостное право, общественное мнение, неправильная политика государства. Однако постепенно российское общество осознало важность железнодорожного транспорта для экономики, обороны и промышленности страны. Положительно повлияли на эту ситуацию энтузиасты: учёные, изобретатели, инженеры, государственные деятели. Подъём железнодорожного строительства, ввод в эксплуатацию новых железнодорожных линий послужили мощным импульсом для дальнейшего развития металлургической, машиностроительной промышленности России, экономических и торговых связей с другими странами.

Источники и литература

История железнодорожного транспорта в России / под ред. А. В. Гайдамакина, В. А. Четвергова. – М.: Учеб.-метод. центр по образованию на ж.-д. транспорте, 2012. – 312 с.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(2)53 (2Рос-4Чит)

Людмила Мусалимовна Карчанова,

Государственный архив Забайкальского края,

г. Чита, Россия

e-mail: zulay.331@mail.ru

«...Осчастливлены посещением драгоценного гостя...»

(к 125-летию вступления на престол императора Николая II)

Статья на основе архивных документов освещает посещение наследником российского трона Николаем Александровичем в 1891 году Забайкальской области в одном аспекте – вручение местным жителям его высочеством наград и подарков как символов своего пребывания в отдалённой окраине и как материальных свидетельств приобщённости забайкальцев к персоне цесаревича.

Ключевые слова: Его высочество, цесаревич, подарки, награды, архивные документы, Забайкальская область, тайша, губернатор, М. П. Хорошкин, вице-губернатор, фон Кубе

Lyudmila M. Karchanova,

State Archive of Zabaikalsky Krai,

Chita, Russia,

e-mail: zulay.331@mail.ru

“Focused by Visiting a Precious Guest...” (to the Memorable Date – 100 years Since the Death of Emperor Nicholas II)

On the basis of archival documents, the article illuminates the visit of the heir to the Russian throne, Nikolai Alexandrovich, in 1891 to the Trans-Baikal region in one aspect: the presentation of awards and gifts to local residents by His Highness, as

symbols of his stay in the remote outskirts and as tangible evidence of Zabaikalis' involvement in the person of the crown prince.

Keywords: His Highness, Tsesarevich, gifts, awards, archival documents, Transbaikal region, taisha, governor, M. P. Horoshkhin, vice-governor, von Cube

В Государственном архиве Забайкальского края хранится комплекс документов, раскрывающих «небывалое событие» в истории Забайкальской области – посещение с 10 по 19 июня 1891 года его императорского высочества государя наследника цесаревича Николая Александровича, через три года ставшего императором Российской империи. История его пребывания на забайкальской земле отражена в нескольких архивных фондах, но в основном документы, повествующие об этом событии сосредоточены в фонде высшего органа местной исполнительной власти «Забайкальское областное правление». Этому событию посвящен выпуск забайкальского исторического журнала «Хронограф» [2]. В хронографе опубликованы отрывки из «Дневника великого князя Николая Александровича» и книги автора-издателя Э. Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891».

Также на основе документов Госархива в журнале описаны мероприятия, связанные с встречей наследника трона и обеспечением его охраны. Интересна тема подарков, вручённых наследником жителям Забайкалья, начиная от высших чинов области до казачат-малолеток. В составе фонда «Забайкальское областное правление» хранится дело «О подарках, милостиво пожалованных разным лицам Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем в проезде по Забайкалью». Дело открывает памятная записка военного губернатора Забайкальской области М. П. Хорошхина от 27 июня 1891 года, в которой «по всем ведомствам» запрашивались сведения «о подарках, денежных выдачах, сделанных во время проезда по следующей форме: кто получил, что получил, при какой обстановке». Необходимо было заготовить печатные или «литографированные отзывы», где значилось: «такому-то... считаю признать долгом при сем пожалованные Его Императорским Высочеством за Ваш труд...». Такие отзывы готовились для забайкальцев, не получивших подарки непосредственно из рук наследника, а передавались либо кем-то из его свиты, либо представителями высшей областной власти. А тем, кому будущий император лично вручал свои подарки – выдавались удостоверения. Подарки, полученные из рук цеса-

ревича, воспринимались забайкальцами как «драгоценный» дар. Ведь даже будучи ещё наследником, Николай Александрович и для образованной части населения, и для неграмотных крестьян и казаков являлся носителем сакральной власти и особой миссии, почти помазанником божьим.

Больше всего наследником было подарено золотых и серебряных карманных часов. Причём многие часы имели свой индивидуальный номер, который тоже указывался в документах. Часы отличались не только металлом, но и разнообразием механизмов и дизайнов. Дарились часы «ремонтур», то есть заводящиеся без ключа, когда завод пружины и перевод стрелок производился посредством головки. Но в основном часы были с ключами и имели цепочки, тоже золотые или серебряные. Крышки часов украшали: «вензель и корона», «корона и инициалы», «инициалы», «литеры Н. А.», «вензелевое изображение Его Императорского Высочества», «герб». Всего подарено 28 золотых и 44 серебряных часов. Так, временно исполняющий обязанности Митрофановского станичного атамана старший урядник Дмитрий Назарович Абрамов получил серебряные часы за № 17043 с литерами «Н. А.» с цепочкою «лично от Его Высочества, причём Его Высочество всемилостивейшее изволил спросить, с которого года в службе и объявил спасибо». Пристав 1-го участка Баргузинского округа канцелярский служитель Гавриил Григорьевич Шешунов – «золотые глухие, завод ключом часы, с золотой цепочкою с золотым ключом с вензелем». А исполняющему должность Нерчинского окружного начальника потомственному дворянину Виктору Апполоновичу Абаза подарены «золотые часы ремонтур за № 18251 с золотой цепью и инициалами Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича лично в посёлке Казановском, причём Его Высочество изволил выразить Всемилостивейшую благодарность за состояние округа». Сам подарок, при таком особенном ритуале дарения, когда преподносился лично цесаревичем и сопровождался его «милостивыми словами» – незримо устанавливал связь между дарителем и одариваемым, в определённом смысле удовлетворял социальные потребности получателя подарка.

Цесаревич вручал не только подарки, но и награды – золотые и серебряные медали с

надписью «За усердие» на Андреевской, Аннинской и Станиславской лентах, для ношения как на шее, так и на груди. В наградной системе царской России эта медаль была самая распространённая. Ею награждались все сословия многонациональной империи. Высшей считалась медаль для ношения на шее на Андреевской ленте. Такой золотой шейной медалью «За усердие» на Андреевской ленте цесаревич лично награждал почётного тайшу Хоринского ведомства Бадму Очирова. Всего было вручено 17 золотых медалей. Такое же количество – 17 – было и серебряных медалей «За усердие», для ношения не только груди и шее, но и в петлице – как на Аннинской, так и на Станиславской лентах. Например, Главному тайше Хоринского ведомства Цыдэно Ангибаеву цесаревич лично вручил серебряную шейную медаль на Станиславской ленте, а почётному тайше Цыдыбу Бадмаеву – шейную золотую медаль на Аннинской ленте. В Баргузинском округе заседателя Степной думы Бато Малисаева наследник награждал нагрудной золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте, родового голову Иринчина Сотиева – нагрудной серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте. Медали для ношения на шее были большего размера, чем для ношения на груди. Размер «шейной» медали – 50 мм, нагрудной – 30 мм. В тот период времени медали ещё изготавливались из золота 990 пробы. Медали цесаревич вручал, в основном, лично. Так награды становились не только признанием за «весьма полезную службу» и за верность отечеству, но и материальным свидетельством приобщённости к особе наследника, к династии.

Бриллиантово-золотая россыпь булавок ошачливила 15 забайкальцев. Член Читинской городской управы отставной канцелярский служитель Александр Павлович Кульмин получил лично из рук наследника бриллиантовую булавку «с вензелем Его Высочества, переданную ему на месте ловли диких лошадей при словах: «благодарю, это от меня на память». На своих лошадях Кульмин возил цесаревича по Чите, а потом в городском экипаже довёз его до места ловли диких лошадей, за это и «удостоился подарком и благодарности». Почётный гражданин Алексей Кириллович Кузнецов через князя Барятинского и нерчинский мещанин Иван Васильевич Багашев через губернатора – получили золотые булавки с камнями. Баргузинскому городскому голове Тихону Ивановичу Кожевину подарена «золотая булавка, усыпанная бриллиантами с короной и вензелем “Н.А.”». Булавки отличались

ювелирным разнообразием – золотые булавки с вензелями, с драгоценными камнями, с бриллиантами, с литерами «Н. А.», булавки для ношения на правой стороне груди, с короной и инициалами, «с короной и вензелями, усыпанные бриллиантами». Дамам предназначались броши. Начальница и попечительница Нерчинской Софийской женской прогимназии супруга купца 1-й гильдии Капитолина Александровна Бутина «из собственных рук Его Высочества получила брошь с бриллиантами в серебряной оправе». Через вице-губернатора области фон Кубе получила брошь с бриллиантами начальница Читинской женской прогимназии Надежда Николаевна Кущинская. Всего было подарено пять брошей. А начальнице Верхнеудинской женской прогимназии Елизавете Ивановне Анохиной подарком послужил флакон для духов – с пометкой в документе: «через кого неизвестно». Из четырёх подаренных перстней – один «золотой перстень с рубином посередине и двумя бриллиантами по бокам, вручен лично Его Императорским Высочеством» в посёлке Казановском дочери потомственного дворянина Марии Викторовне Абаза. Вручая ей перстень, наследник «изволил благодарить за декорировку зданий и хлопоты по устройству удобных помещений». Другой перстень, также украшенный бриллиантами, лично из рук цесаревича получил начальник Забайкальского почтово-телеграфного округа коллежский асессор Георгий Федорович Данилевич. Будучи Августейшим Атаманом, наследник особое внимание уделял своим забайкальским казачьим соединениям. К тому же 1891 год стал годом празднования 40-летия образования Забайкальского казачьего войска. Специально для цесаревича организовывались стрельбы на призы, где он лично, в качестве этих самых призов, вручал винтовки системы «Бердана», более известные как берданки. Такие номерные ружья получили, например, старший урядник Ломовской станицы Никон Пестерев, казак Ломовской станицы Тимофей Литвинцев, Усть-Уровский станичный атаман фельдфебель Павел Кононович Пономарев и Сретенский станичный атаман младший урядник Василий Степанович Таскаев. Причём у последнего наследник поинтересовался: «сколько лет, где служил и который год служишь». Каждый из победителей в призовой стрельбе, кроме винтовки, получил и карманные серебряные часы с серебряной цепочкой.

Особое значение имели подаренные будущим императором его собственные портреты. Читинская городская управа получила в подарок «фотографический портрет Государя На-

следника Цесаревича с собственноручной надписью Его Высочества «Николай 1891 г.». Через генерал-губернатора Забайкальской области Хорошхина портрет наследника с надписью получило Нерчинское городское общество. Лично его высочеством был подарен портрет купцу Николаю Дмитриевичу Бутину, в доме которого Николай Александрович остановился во время пребывания его в Нерчинске. Крупные торговые центры Забайкалья – Кяхта и Троицкосавск – остались в стороне от маршрута следования цесаревича, но кяхтинское купечество пожелало принять участие во встрече и приветствии его высочества «присылкой депутации». Представление купечества произошло 22 июня 1891 года в Мысовой. Здесь старшины купечества – потомственный почётный гражданин купец 1-й гильдии Николай Лукич Молчанов, потомственный почётный гражданин купец 1-й гильдии Михаил Иванович Корзунин и купец 1-й гильдии Михаил Александрович Перевалов были одарены портретами наследника «в серебряных рамах, в размере фотографического кабинетного». Из донесения из Гусино-Озёрского дацана первенствующего ламы Бандидо-хамбо Ламайского духовенства Восточной Сибири Гонбоева от 28 ноября 1892 года № 371 исправляющему должность губернатора Забайкальской области известно, что военный губернатор области генерал-майор Хорошхин из Санкт-Петербурга прислал пожалованный ему портрет Николая Александровича и копию с письма Заведующего делами Августейших детей от 27 июня. Портрет его императорского высочества первенствующий лама Бандидо-хамбо Гонбоев «имел счастье получить» 25 ноября 1892 года. Всего семь подаренных портретов наследника украшали стены забайкальских учреждений и частных домов. У вещей своя душа и даже после того, как вещь подарена, в ней сохраняется что-то от бывшего владельца. Сознание того, что к этой вещи прикасались руки будущего помазанника божьего, делали самую обычную вещь необыкновенной. Тем более портреты с изображением будущего императора, они содержали ещё и глубокий сакральный смысл.

Настоятель Нерчинского Воскресенского собора протоиерей Павел Родионович Затопляев из рук наследника получил «напрестольный крест серебряный резной работы, убранный бирюзой с позолотой для собора, и золотые часы за № 11430 с цепочкою и вензелем Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Николая Александровича». Деятельность Преосвященного Макария была

«отмечена чемоданом с отделением для миссионера». Директор Читинской мужской гимназии статский советник Карл Фридрихович Бирманн через вице-губернатора фон Кубе удостоился получить «яшмовую корзинку, оправленную в золото и в футляре с государственным гербом». Нерчинский городской голова купец Григорий Иванович Шульгин лично от его высочества получил серебряное небольшое блюдо для визитных карточек с эмалью и золотой резьбой. Яшмовую коробочку с подушечкой для булавок – начальница детского приюта Муромова. Читинский городской голова Иван Александрович Колеш через вице-губернатора Забайкальской области, под расписку – «серебряную пепельницу, изображающую плетёный лапотъ». Верхнеудинский городской голова получил «подарок из металлической, как надобно полагать серебряной под золотом и украшенной разноцветною эмалью солонки или чарки». Верхние крышки подаренных 22 серебряных портсигаров или папиросниц были украшены золотым гербом. Один из портсигаров получил пристав 2-го участка Баргузинского округа губернский секретарь Юлий Иванович Меттус. В числе подарков значились также три серебряные табакерки и два ларца. Щедро одаривал цесаревич забайкальцев и деньгами – кредитками, золотыми и серебряными рублями, золотыми полуимпериалами (достоинством в пять рублей). Им было пожаловано на нужды Онирнской церкви – 150 р., миссионерской школы – 100 р., Курбинской миссионерской школы – 150 р., Нерчинскому обществу музею – 500 р., бедным жителям г. Нерчинска – 500 р., Обществу попечения о начальном образовании в г. Нерчинске – 300 р., Кабанскому двухклассному училищу – 200 р., посёлку Горбический – 200 р., на угощение народу – 500 р. и ещё два раза по 200 р. (из документов неясно их предназначение). Членом свиты его высочества дано 18 кредитных рублей на водку, 5 кредитных рублей на «конфеты». Казаки и урядники станиц получали по одному серебряному рублю. Было роздано 42 полуимпериала, 15 золотых рублей, 171 серебряный рубль, 96 кредиток, 216 медных 50-копеечных монет.

Особую привлекательность подаркам Николая Александровича придавало то, что основная их масса была изготовлена в мастерских знаменитого ювелира Фаберже. Царский заказ на ювелирные изделия выполнялся специально для путешествия по азиатской части Российской империи. И хотя такое количество изделий характерно для массового производства, всё же ювелирная марка Фаберже

даже при массовом производстве придавала изделиям особую ценность. Даже если местные жители и не ведали о ювелирной фирме Фаберже, но качество изделий должно было быть очевидным. Учитывая, что ритуал дарения проходил в праздничной обстановке и, зачастую при вербальном сопровождении, при личном обращении, по имени – всё это поднимало статус одариваемого забайкальца. Независимо от того, какую матери-

альную форму имел подарок, будь то портрет, часы, винтовка, булавка или просто монета, невольно каждый подарок, особенно, преподнесённый лично, из рук цесаревича, обретал свою необыкновенную историю. Любой самый заурядный подаренный наследником предмет начинал иметь в числе своих свойств ещё и символическое значение, становился интересным объектом для рассматривания и изучения.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1. – Оп. 1 (общ.). – Д. 2886. – Л. 1, 7, 9, 11 об., 36, 59, 62, 72.
2. Дневник Великого князя Николая Александровича // Хронограф. – 2016. – № 1. – С. 18–37.

УДК 61
ББК Р359

Юрий Васильевич Кузьмин,
*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: kuzminuv@yandex.ru*

Ирина Юрьевна Ванина,
*Иркутский национально-исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: polina22K09@yandex.ru*

Изучение тибетской медицины в России:

П. А. Бадмаев и Н. В. Кирилов¹

В статье представлена история изучения тибетской медицины в России в конце XIX – начале XX века. Основное внимание уделено научному вкладу в изучении и публикации трактата тибетской медицины «Жуд-ши» Петра Бадмаева: врача, дипломата, предпринимателя. Сделана попытка сравнить оценки тибетской медицины П. А. Бадмаевым и врачом Н. В. Кириловым.

Ключевые слова: тибетская медицина, история изучения, перевод «Жуд-ши», П. А. Бадмаев, врач Н. В. Кирилов, Монголия, публичный диспут

Yuri V. Kuzmin,
*Baikal State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: kuzminuv@yandex.ru*

Irina Yu. Vanina,
*National Research Irkutsk State Technical University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: polina22K09@yandex.ru*

Study of Tibetan Medicine in Russia:

P. A. Badmaev and N. V. Kirilov

The report presents the history of the study of Tibetan medicine in Russia in the late XIX – early XX centuries the Main attention is paid to the scientific contribution to the study and publication of the treatise of Tibetan medicine “Zhud-Shi” Peter Bad-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Российского фонда фундаментальных исследований 18-514-94002 МОН_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия – Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

maev: doctor, diplomat, entrepreneur. An attempt is made to compare the scores of Tibetan medicine P. A. Badmaev and doctor N. V. Kirilov.

Keywords: Tibetan medicine, the translation of “Zhud-Shi”, P. A. Badmayev, doctor N. V. Kirilov, Mongolia, in a public disputation

Главной областью деятельности П. А. Бадмаева была врачебная деятельность, лечение методами тибетской медицины, а также перевод и публикация «Жуд-ши» – основного трактата тибетской медицины. Много сил и времени потратил он и на обоснование необходимости научного изучения этой восточной медицины, часто писал «Записки» в различные официальные правительственные и медицинские органы и в периодическую печать. К сожалению, длительное время в России, а затем и в СССР существовало стойкое негативное отношение российского общества и европейской медицины к тибетским методам врачевания. В полной мере это отразилось на личной судьбе Петра Александровича Бадмаева [5].

Для того чтобы добиться успеха в области тибетской медицины, необходимо было сочетание многих знаний и умений. Практику тибетской медицины Бадмаев освоил под руководством своего старшего брата Сультама, знатока и большого практика тибетской медицины. П. А. Бадмаев получил лучшее в России востоковедное образование, изучив китайский, тибетский и монгольский языки на восточном факультете. Знание восточной культуры и восточных языков позволили ему знакомиться с первоисточниками тибетской медицины, её канонами и трактатами, национальными вариантами в Китае, Монголии, Бурятии и Калмыкии. Кроме того, он основательно изучил европейскую медицину, пройдя полный курс в Медико-хирургической академии. Поэтому называть его лекарем-шарлатаном, как это делается во многих публикациях, совершенно безосновательно. Органическое соединение трёх частей: практической традиционной медицины врачей-лам, востоковедное филологическое образование и европейское медицинское образование позволили П. А. Бадмаеву подняться на качественно новый уровень знаний [6; 7].

С 1871 года Жамсаран Бадмаев, параллельно с обучением в университете, работает в аптеке брата: готовит лекарства, изучает методику диагностики заболеваний. В летние месяцы он уезжал в Монголию и Бурятию, где собирал и изучал старинные рукописи по тибетской медицине, консультировался у ведущих лам-эмчи. Такие консультации он получает в Монголии и Китае. Позднее много времени он отдаёт переводу тибетского трактата «Жуд-ши» на русский язык. По воспоминаниям

Е. И. Вишневого, секретаря и родственника П. А. Бадмаева, перевод осуществлялся следующим образом: старый лама переводил текст с тибетского на бурятский, а П. А. Бадмаев, уже с ходу, переводил текст на русский язык, который фиксировался двумя секретарями. Разумеется, такой способ перевода не мог не сказаться на его качестве.

Автор современного научного перевода «Чжуд-ши» с тибетского Д. Б. Дашиев считает, что работа П. А. Бадмаева представляет собой «вольное переложение». Более резкая оценка переводу была дана в Большой энциклопедии, изданной в 1904 году (т. 18): «Перевод двух книг “Жуд-ши”, сделанный П. Бадмаевым, фальсифицирован введением несоответственных предмету терминов современной медицины, не говоря уж о массе вводных рассуждений переводчика». Разумеется, и сам Бадмаев понимал и отдавал отчёт в сложности переводимого текста, По этому поводу он писал: «Тяжело изучать неизвестный предмет, искать истину, выработанную и изложенную где-то, в далёкой Азии, на языках, мало кому понятных».

Первую информацию о тибетской медицине европейцы получили ещё в XVII–XVIII веках. Однако специальные научные публикации появились только в XIX веке (И. Реман, А. Чома де Кереш, архиепископ Нил, П. А. Бадмаев, Г. Лауфер, А. М. Позднеев и др.). Характеристики и оценки тибетской медицины были самыми различными: от резко негативных до восторженных.

Тибетская медицина – это одна из самых древнейших и оригинальных медицинских систем, широко распространённая в странах Восточной Азии 2–3 тысячелетия назад. Она представляет собой своеобразный синтез различных восточных медицинских систем, в том числе древнеиндийской, китайской и монгольской. Тибетская медицина имеет богатый арсенал лекарственных препаратов естественного происхождения: растительного, животного, минерального, используемых для лечения различных заболеваний человека. Феномен данной медицинской системы, её невероятные возможности привлекают пристальное внимание учёных различных специальностей. К сожалению, до сих пор многое окутано тайнами, которые только приоткрываются. Это связано со спецификой хранения и передачи

информации в тибетской медицине: большая часть знаний передаётся непосредственно от учителя к ученику и сохраняется в очень узком и посвящённом кругу.

Тибетская медицина была широко распространена в Забайкалье, Тыве, Калмыкии, регионах присутствия ламаизма. Во второй половине XIX века в России делаются первые попытки перевода на русский язык основного канона тибетской медицины – «Чжуд-ши». Попытка перевести на русский язык «Чжуд-ши» профессором восточного факультета Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунским и А. А. Бадмаевым оказалась неудачной. Осуществить задуманное не позволили плохое знание русского языка Сультимом и отсутствие информации о специфике тибетской медицины К. Ф. Голстунским.

В 60-х годах XIX века под руководством ламы Агинского дацана Г. Ж. Дылгырова «Чжуд-ши» был переведён на монгольский язык. По данным Ш. Б. Чимитдоржиева и Б. Д. Цыбикова, Галсан-Жымба Дылгыров родился в 1816 году в улусе Судунтуй Агинского ведомства. В дацанской школе освоил монгольский и тибетский языки. Являлся одним из ведущих лам Цугольского дацана, опубликовал в 1850–1870-е годы значительное количество буддийских сочинений. В 1857 году приобрёл в Пекине Ганджур в 108 томах и доставил его в Цугольский дацан. П. А. Бадмаев должен был знать о переводе Г. Ж. Дылгырова. Не ясно, использовал ли П. А. Бадмаев результаты перевода своего старшего брата Сультима? Правда, трудно использовать чужие переводы, и обычно делают свои собственные. Странной была техника перевода: лама переводил с тибетского на монгольский, а Бадмаев с монгольского на русский. Выпускник восточного факультета должен был овладеть тибетским и монгольским языками.

Позднее, в 1898 году, П. А. Бадмаев опубликовал книгу «О системе врачебной науки Тибета», состоящую из извлечений и вольного перевода двух книг «Чжуд-ши», а в 1903 году в новом переводе – «Главное руководство по врачебной науке Тибета: Жуд-ши» [2]. В 1901–1903 годах с тибетского на русский осуществлён ещё один перевод ламой – лекарем войска Донского Дамбо Ульяновым – калмыком по национальности: «Тибетская медицина. Часть 1». В 1908 году профессор А. М. Позднеев опубликовал «Учебник тибетской медицины» (перевод был осуществлён за 30 лет до публикации). Таким образом, мы видим, что в России шла интенсивная работа по научному освоению основных источников тибетской медицины.

Выход в свет этих книг в России, практическая деятельность лам-эмчи вызвали в российском обществе самые различные отклики и мнения. Высокая оценка уровня развития тибетской медицины дана профессором С. М. Васильевым, опубликованная в газете «Медицина» (1899 г.): «Тибетская медицина достигла поразительного развития и несомненно в некотором отношении опередила надолго европейскую». О благотворной роли ламской медицины написал в брошюре «О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье» (1892 г.) востоковед, журналист, предприниматель Э. Э. Ухтомский: «Достаточно заметить, что ориенталисты довольно благосклонно смотрят на практические результаты, а за помощью к ней обращаются как язычники, так и православные» [10, с. 9].

Но было достаточно и негативных откликов европейских врачей. И не только на книгу П. А. Бадмаева, но и на его медицинскую практику. Оппонентами выступили врачи: Н. В. Кирилов, А. Лозинский, Крайндель. Так, А. Лозинский опубликовал в газете «Врач» (1899 г.) статью, в которой высказал мнение, что «сочинения г. Бадмаева представляют изумительный сборник нелепостей, изложение коих в форме общедоступного лечебника, несомненно, может принести крупный вред общественному здоровью».

Особенно ценны суждения медиков. И не просто европейских врачей, но специалистов, знающих практику тибетской медицины в Забайкалье, Монголии, Индии, Китае, изучивших восточные языки (тибетский и монгольский) и знакомых с основными медицинскими трактатами. В этом значении уникален опыт доктора Н. В. Кирилова (1860–1921).

По данным известного сибирского краеведа Е. Д. Петряева, Николай Васильевич Кирилов родился в Вышнем Волочке Тверской губернии в августе 1860 года в семье военного фельдшера. В 1878 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, но в 1879 году перешёл на медицинский факультет, который заканчивает в 1883 году [8]. По собственному желанию Н. В. Кирилов решает поехать в Сибирь в качестве сельского врача Баргузинского округа Забайкальской области. Он сразу же столкнулся с ламами-врачами, их методами и приёмами лечения. В Забайкальской области было 52 врача и тысяча лам-эмчи, только лекарственных препаратов и трав из Урги привозили не менее 2 тыс. пудов. Тибетская система врачевания заинтересовала Н. В. Кирилова, он стал собирать материал

по данной проблеме, увлекся изучением истории, этнографии, филологии монгольских народов. В 1886 году Н. В. Кирилова переводят сельским окружным врачом в Вернеудинск, в 1890 году он переезжает в Бичуру, где три года прожил среди «семейских», а в 1893 году переезжает в Читу.

Врач Н. В. Кирилов становится активным членом ВСОРГО, собирает и публикует материалы по этнографии, тибетской медицине, часто выступает на заседаниях отделений Географического общества. По совету и при действенной поддержке Г. Н. Потанина и ВСОРГО он совершил две поездки в 1887 и 1891 годах в Монголию для изучения монгольского языка, сбора материала о тибетской медицине и лечебных приёмах и способах тибетских лам. В 1887 году была совершена 4-месячная командировка по Монголии. В Ургинской школе переводчиков и толмачей он берёт уроки монгольского языка, собирает источники по тибетской медицине, общается с ламами-эмчи.

В 1891 году он выступил во ВСОРГО с докладом на тему: «Современное значение тибетской медицины как часть ламайской доктрины», в котором дал развёрнутый обзор тибетской медицины. Он публикует результаты собственных исследований в материалах ВСОРГО, периодической сибирской печати. По мнению И. И. Попова, Н. В. Кирилов «первый из европейских врачей занялся изучением тибетской медицины и собрал богатую коллекцию лекарств, образцы которых отправлял для анализа в лаборатории и университеты» [9, с. 132].

Было опубликовано несколько его статей: «Разоблачение тайны тибетской медицины и средства борьбы с ламами» (1889), «О тибетской медицине бурятских лам» (1889), «Тибетская медицина» (1890), «Фокусы шаманства» (1885), «Характеристика тибетской медицины в Забайкалье» (1891), «Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье» (1893), «Отношение тибетской медицины к современной» (1897), «О тибетской и китайской медицине. О развитии медицинского дела в Японии» (1906).

Известно, что Н. В. Кирилов мечтал написать обобщающую работу по данной теме. Он приобрёл медицинские сочинения на монгольском и тибетском языках, с помощью лам переводил их, собрал значительную коллекцию лекарственных трав и препаратов, изучал в Урге монгольский и тибетский языки. В Иркутском краеведческом музее до сих пор бережно хранятся подаренные врачом тибетские лекарства и атлас человека с активными точками. Они были частично представлены в октя-

бре 2001 года на выставке, посвящённой 150-летию ВСОРГО.

Очень любопытным представляется факт своеобразного публичного диспута по проблемам тибетской медицины, который состоялся в Чите между Н. В. Кириловым и врачом тибетской медицины П. А. Бадмаевым. Краевед Е. Петряев так написал об этом: «Многие помнят заседание Читинского общества врачей, на котором ему удалось вызвать П. А. Бадмаева на некоторые объяснения относительно теории и практики тибетского врачевания» [8, с. 42].

После одного из выступлений Н. В. Кирилова с публичной лекцией в Иркутске в газете «Восточное обозрение» (1899 г.) было опубликовано изложение доклада врача. «В Петербурге, на одной из видных улиц, один обрусевший бурят, выдав себя за знатока тибетской медицины, вот уже несколько лет привлекает многочисленную публику и пациентов из разных, даже высших слоёв общества». По мнению Кирилова, успех и популярность тибетской медицины объясняется легковерием людей: «В обществе и среди больных (часто безнадёжных) есть немало легковерных и суеверных». Однако в докладе тибетская медицина определяется как «народная медицина», в которой «кроме суеверных средств, конечно, есть много и полезного, случайно открытого и испытанного в практике».

П. А. Бадмаев также, в свою очередь, в предисловии к работе «О системе врачебной науки Тибета» (1898) дал следующую оценку уровня познания тибетской медицины Кириловым, Лобановым, Птицыным: «...лица эти ещё далеко не ознакомившись с изучаемым предметом, пытались выставить бесполезность тибетской врачебной науки с теоретической и практической точки зрения» [2, с. 32].

Современные исследователи тибетской медицины отмечают определённую противоречивость вклада Н. В. Кирилова. Кандидат биологических наук, научный сотрудник Института экспериментальной медицины Академии медицинских наук Т. И. Грекова считает, что «глубоко осмыслить основополагающие представления тибетской медицины он не смог. Его публикации, хотя и содержали множество верных наблюдений и интересных фактов, но в целом укрепляли позиции противников тибетской медицины. Действительно, европейцу проникнуть в суть тибетской медицины нелегко, даже владея языком её оригиналов. Фундаментальные источники тибетской медицины формировались в течение длительного времени. В результате многие понятия и термины утратили исходный смысл, а сама основопола-

гающая доктрина обросла целой системой комментариев и дополнений» [4, с. 15].

Т. А. Асеева и Ц. А. Найдакова в книге «Пищевые растения в тибетской медицине» (1991) высоко оценивают вклад Н. В. Кирилова, называя его «замечательным этнографом и врачом», несмотря на то, что в целом негативно оценивал тибетскую медицину... «Н. В. Кирилов приходит к выводу, что теоретические познания лам ограничены и связаны между собой лишь механически, нередко противоречат друг другу, а их практический опыт нуждается в экспериментальной проверке» [1, с. 12]. По их мнению, работы Н. В. Кирилова и Г. А. Стукова были положены в основу дальнейших исследований уже в XX веке тибетолога Семичова и А. Ф. Гаммерман.

Вернемся к Бадмаеву. Его кабинет и амбулатория с 1873 по 1915 годы приняли 573 856 больных, было отпущено 8 140 276 лекарственных порошков. Из этих данных хорошо видно, что режим работы был напряжённым, а её популярность была значительной.

Кроме того, лекарственные препараты по заказам также высылались в Германию, Италию, Турцию, Китай и др. На собственные средства П. А. Бадмаев создал школу для бурятских детей, которых обучал методам тибетской медицины, учил составлять рецепты и готовить лекарства. П. А. Бадмаев планировал открыть пять медицинских школ при дацанах для бурят в Сибири. Для лечения сложных заболеваний у него был небольшой пансионат, в котором больные находились под его постоянным и внимательным наблюдением. В годы Первой мировой войны на Поклонной был организован госпиталь.

В кяхтинской газете «Байкал» за ноябрь 1903 года помещён отзыв на только что изданную книгу Бадмаева «Главное руководство по врачебной науке Тибета: Жуд-ши». Рецензент предполагает, что сведения, изложенные автором о развитии человеческого зародыша, не содержатся в лечебнике «Жуд-ши». «Прожив среди монголов, тибетцев и китайцев более 30 лет и зная множество их сказок, легенд и поверий, я никогда не слышал ничего подобного. Поэтому я обратился к некоторым монгольским и тибетским докторам, которые в своей практике руководствуются преимущественно лечебником “Жуд-ши”, знают ли они что-нибудь об этом и получил ответ отрицательный». И, заключая свою статью, автор отзыва, назвавшийся «Любознательным», задаёт вопрос: «Не приукрасил ли г. Бадмаев свой перевод новейшими данными европейской медицины, а между прочим и теорией Д-ра Шенка».

В определённой степени такую отрицательную реакцию спровоцировал сам Бадмаев, когда объявил врачебную систему Тибета самой совершенной, противопоставлял её европейской медицине. «Тибетская медицина на много веков опередила европейскую», – писал П. А. Бадмаев в своём острополюемическом труде «Ответ на необоснованные нападки членов Медицинского Совета на врачебную науку Тибета» (1911) [3]. По его мнению, критические и негативные оценки тибетской медицины определяются незнанием и непониманием системы лечения в тибетской медицине, предупреждением к ней.

В ответ на его просьбу узаконить лекарственные препараты, сделать известными их составы, Медицинский Совет решил не допускать «продажу лекарственных препаратов неизвестного содержания» [3, с. 32]. А в ответ на просьбу разрешить организовать общество, с приютами и амбулаториями для исследования и лечения больных, было получено согласие, но без выделения денежных средств. «Из этого получается вывод, – писал П. А. Бадмаев, – что если средства тибетской медицины, как они говорят, ядовиты, то, по мнению членов Медицинского Совета, даром отравлять людей можно, а за деньги нельзя». Сделал он и прозорливое предсказание относительно будущего тибетской медицины: «Вполне сознаю, что эта врачебная наука сделается достоянием образованного мира только тогда, когда даровитые специалисты-европейцы начнут изучать её» [3, с. 34].

В 1910 году П. А. Бадмаев поставил перед министром внутренних дел вопрос об официальном признании тибетской медицины, докладная записка для заключения была передана в Медицинский Совет. Ответ был отрицательным, как и в 1905 году на аналогичную просьбу бурят и калмыков. Решением Министерства внутренних дел от 11 января 1911 года Бадмаеву отказывалось во врачебной практике: «Медицинский Совет нашёл, что “закрепить право государственности за тибетской медициной, представляющей собою не что иное, как сплетение зачаточной архаической науки с невежеством и суеверием, нельзя, а потому Совет принял ходатайство г. Бадмаева об узаконении права практики за лицами, врачующими по системе, так называемой тибетской медицины, не подлежащим удовлетворению» [3, с. 57].

Не разрешалась также и продажа лекарственных препаратов тибетской медицины. Заключительная фраза звучит следующим образом: «Деятельность не только не может быть

названа бесполезной, но, как заключающая в себе все признаки знахарства, должна быть признана безусловно вредной». Таково было отношение официальной медицинской науки к лечению методами тибетской медицины.

Иногда обвинения в шарлатанстве Бадмаева, ненаучности его методов лечения приводили к судебным разбирательствам. В газете «Байкал» за 26 ноября 1903 года опубликована следующая заметка: «В скором времени в С.-Петербургском окружном суде будет разбираться дело доктора медицины Крайндель, по обвинению его “врача тибетской медицины” Бадмаева в клевете. Не лишено интереса то обстоятельство, что г. Крайнделю удалось доставить официальное подтверждение медицинского департамента о том, что Бадмаев не имеет права врачевания в России».

Врач Крайндель опубликовал в петербургской газете «Новости» несколько статей, в которых считал лечение П. А. Бадмаевым знахарством, приносящим больным муки и страдания. Известно, что суд Крайнделя оправдал. Судебные тяжбы возникали ни единожды, а конфликт Бадмаева с официальной медицинской наукой носил затяжной характер, принимая временами обострённый характер.

Пользуясь неофициально широким распространением в петербургском обществе, тем не менее, методы тибетской медицины не получили официального признания. В тибетской медицине столичная публика искала и разнообразия, и восточную экзотику, способы скорейшего излечения, желание вылечиться, когда европейская медицина оказывалась бессильной.

Источники и литература

1. Асеева Т. А., Найдакова И. А. Пищевые растения в тибетской медицине. – Новосибирск: Наука, 1991. – 129 с.
2. Бадмаев П. А. О системе врачебной науки Тибета. – СПб.: Скоропечатня «Надежда», 1898. – 234 с.
3. Бадмаев П. А. Ответ на необоснованные нападки членов Медицинского Совета на врачебную науку Тибета. – СПб.: Т-во худож. печати, 1911. – 72 с.
4. Грекова Т. И. «Жуд-ши» в переводе П. А. Бадмаева // Бадмаев П. Основы врачебной науки Тибета: Жуд-ши. – М., 1991. – С. 3–12.
5. Кузьмин Ю. В. Тайны доктора П. А. Бадмаева / науч. ред. В. В. Свинин. – Иркутск: Оттиск, 2003. – 124 с.
6. Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – 184 с.
7. Кузьмин Ю. В. Доктор П. А. Бадмаев: учёный, дипломат, предприниматель. – М.: Т-во науч. изд. КМК, 2014. – 183 с.
8. Петряев Е. Н. В. Кирилов – исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. – Чита: Кн. изд-во, 1960. – 79 с.
9. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – 384 с.
10. Ухтомский Э. Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. – СПб.: Синод. тип., 1892. – 48 с.

УДК 271.2

ББК 3216

Игорь Анатольевич Ашмаров,

*Воронежский государственный институт искусств,
г. Воронеж, Россия,
e-mail: Dobrinka75@mail.ru*

Богдан Анатольевич Ершов,

*Воронежский государственный технический университет,
г. Воронеж, Россия*

Роль российского духовного образования в формировании культуры в светском обществе XIX – начала XX века

В статье сделана попытка выявить роль духовного образования в формировании системы и культуры религиозных взаимоотношений в XIX – начале XX века в жизни русского общества того времени. Материал статьи показывает, что

популярность церковно-приходских школ росла в XIX веке, но затем заметно снизилась в начале XX века, уменьшилось их финансирование со стороны государства. Эта общероссийская тенденция также получила своё отражение и в Центральном Черноземье, и в Восточном Забайкалье, и в других регионах нашей страны.

Ключевые слова: церковь, Русская Православная церковь, духовное образование, церковное воспитание, церковно-приходские школы, духовная жизнь общества

Igor A. Ashmarov,
Voronezh State Institute of Art,
Voronezh, Russia,
e-mail: Dobrinka75@mail.ru

Bogdan A. Ershov,
Voronezh State Technical University,
Voronezh, Russia

The Role of Russian Spiritual Education in the Formation of Culture in the High Society XIX – beginning XX

The article attempts to identify the role of spiritual education in shaping the system and culture of religious relations in the XIX – early XX centuries in the life of the Russian society of the time. The material of the article shows that the popularity of parochial schools grew in the XIXth century, but then it noticeably decreased at the beginning of the XXth century, and their funding from the state decreased. This all-Russian trend is also reflected in the Central Black Soil Region, and in Eastern Transbaikalia, and in other regions of our country.

Keywords: Church, Russian Orthodox Church, spiritual education, ecclesiastic education, parochial schools, spiritual life of society

В XIX – начале XX века Русская Православная церковь играла значительную роль в духовной жизни всего русского общества, и это наиболее заметно в формировании русской культуры и менталитета православия. Мы кратко рассмотрим здесь эту роль.

Духовное образование в Русской Православной церкви включало в себя воспитание и образование будущих священнослужителей, а также православных мирян, которые трудились в богословском просвещении. Чтобы жить церковной жизнью полностью, каждому христианину следовало определить свои ценностные приоритеты, и необходимо было глубоко изучить церковные традиции.

Основы православия преподавались на всех уровнях дореволюционной системы образования: в гимназиях и реальных училищах, в средних учебных заведениях, в высшей школе. Российское государство традиционно оказывало всемерную поддержку религиозному просвещению через систему народного образования. Этому способствовало активно действовавшее в 1812–1824 годах в России Библейское общество, которое имело 57 отделений и 232 «сотоварищества» в губернских и уездных городах. Целью общества было распространение религиозных книг на русском,

славянском и других языках народов России. Два отделения Российского Библейского общества существовали в Воронежской епархии – в Острогжске и Ольховатке.

5 ноября 1804 года в Российском государстве был принят новый «Устав учебных заведений, подведомственных университетам». По этому Уставу уездными училищами заменялись малые народные училища, а главные народные училища преобразовывались в гимназии. Учебные заведения Воронежской губернии в 1824 году были присоединены к Московскому учебному округу, а в 1831 году они были переданы в Харьковский учебный округ. Для создания приходского училища становится необходимым письменное согласие священника проводить религиозные уроки во вновь открываемой школе. Изучение религии становится обязательным во всех школах и в перечне учебных предметов занимает первую строку. На обучение религии в уездном училище отводилось времени меньше, чем в приходских училищах. Занимать должность законоучителя в училищах могли только церковные лица. Закон рассматривал обучение религии как основу нравственного воспитания.

В начале XIX века появляются женские духовные училища. Они помещались в зданиях,

пригодных к учебным занятиям, и содержались на монастырские средства.

Реформа 1860-х годов в российской духовной школе стала переломным моментом, она включала административные, военные, судебные, социально-экономические и другие преобразования, которые были осуществлены при Александре II. В «Положении о начальных народных училищах» 1864 года обозначались меры, которые российское просвещение повернули на путь массовой школы. Целью начального образования являлось распространение полезных знаний и получение народом религиозных и нравственных понятий. Начальные школы стали доступными для всех сословий, в них могли обучаться крестьянские дети. Священники и раньше учили детей крестьян грамоте, но таких учеников у него могло быть не более четырёх-пяти, что для большого села было слишком мало. Изменить такое положение могли только церковно-приходские школы.

По высочайшему повелению, утверждённому в 1862 году, приходские школы должны были остаться в ведомстве духовенства, а Министерство имело право ведать школами, какие оно само откроет. В 1864 году были созданы губернские и уездные училищные советы, представляющие ведомства и земства под началом архиереев для объединения деятельности народных школ. Многие в этих советах не сочувствовали деятельности духовенства, и поэтому церковные школы в этих советах не получили даже моральной поддержки. Земства мечтали о светских школах, с новыми методами, культурным направлением и новыми преподавателями, и поэтому в 1864 году выступили против школ духовенства. Приходские школы стали переходить в ведение земств, так как у духовенства не было денежных средств для их поддержания и развития. Число школ, подведомственных духовенству, поэтому резко сократилось.

Приходские школы как часть общероссийской системы образования действовали в 1803–1864 годах под названием приходских училищ. По Уставу 1804 года предусматривалось создание одноклассных и двухклассных училищ со сроком обучения 2 и 4 года (в начале XX в. курс был увеличен до 3 и 6 лет). В программу обучения входили Закон Божий, церковное пение, церковнославянское чтение, русский язык, арифметика, чистописание. В двухклассных школах преподавались также начала русской и церковной истории. Все предметы, кроме арифметики, рассматривались как развитие и до-

полнение Закона Божьего, а обучением руководил священник [1].

Большие изменения в народном просвещении произошли в царствование Александра III. Он придавал большое значение в просвещении религиозным основам. Церковно-приходские школы стали возрождаться в 1882 году. Из фондов Министерства народного просвещения по Высочайшему повелению в Синод были перечислены денежные средства на устройство и содержание духовенством школ народного образования. В 1884 году при Александре III выходит новый Устав семинарий и духовных Академий. Министерство народного просвещения увеличило по новому Уставу преподавателям оклады и пенсии [3].

Храмы и церковно-приходские школы в конце XIX – начале XX века были просветительскими и культурными центрами, оказывающими огромное влияние на нравственно-духовное развитие православного человека. Богатство христианской религии и православной культуры население получало в церковно-приходских школах, которые находились под началом Русской Православной церкви, так как в церковно-приходских школах преподавали священнослужители или светские лица, окончившие духовные учебные заведения. В церковно-приходских школах преподавались начальные предметы и арифметика, а в четырёхлетних – церковная и отечественная история. Общее наблюдение за школами осуществлял священник. Количество церковно-приходских школ росло, и с 4500 к 1890 году дошло до 24 600 [2].

С 1883 года на содержание школ из государственной казны ежегодно поступали небольшие суммы, а в 1895 году государственное казначейство на содержание церковно-приходских школ выделило 700 000 р., с 1896 года эта сумма была повышена до 3 279 145 р., благодаря чему церковно-приходское образование обрело достойную поддержку государства. Церковно-приходские школы играли большую роль в нравственном воспитании будущих поколений. В Курской епархии в 1891–1892 годах было всего 405 церковных школ, из них 202 школы – церковно-приходские, и 206 – школ грамоты. В 1893 году стало всего 486 школ, из них 221 школа – церковно-приходская и 265 – школ грамоты. Начальных народных училищ, принадлежащих другим ведомствам, в регионе было 592. Начальное образование духовного ведомства заняло в регионе прочные позиции. В дальнейшем в Курской губернии продолжали распространяться церковные школы, особенно церков-

но-приходские. Духовенство оказывало церковно-приходским школам большую поддержку, ответственно относилось к обучению и воспитанию молодых людей.

Развитию народного просвещения и воспитания в России начало положили духовные школы, они-то и заложили основы светской науки. В развитие культурного и научного потенциала Воронежской губернии большой вклад внесли духовные школы. В Воронежской губернии в конце XIX века насчитывалось 7 церковно-приходских школ; епархиальный Учительский Совет и Святейший Синод оплачивали их содержание. В 1890 году в этих школах обучалось 270 детей [2].

Среди населения Орловской губернии наивысший процент грамотных людей давало духовное сословие: мужчин – 83,1 % и женщин – 68,1 %. Высшее университетское образование имели 0,4 % от всего духовенства. Технические высшие учебные заведения закончили 0,03 %, специальные средние учебные заведения – 0,3 %. Большая часть духовенства обучалась в средних учебных заведениях – 49,2 % человек: мужчин – 76,8 %, женщин – 23,2 %. В высших средних военных учебных заведениях орловское духовенство не обучалось. С 1883 по 1893 год число церковных школ увеличилось более чем в пять раз с 5516 до 29 944. А число школ в Орловской епархии в это же время возросло в 50 раз, с 10 до 550 школ. Для Воронежской, Курской и Тамбовской епархий были характерны аналогичные показатели.

В 1865 году в Чите было открыто приходское Михайло-Архангельское училище, преобразованное впоследствии в городское. Это было первое в городе учебное заведение. Одноэтажное деревянное здание училища находилось у современного железнодорожного вокзала. В 1877 году было построено новое здание для училища. В 1895 году было открыто второе приходское училище. В 1894 году

была образована самостоятельная Забайкальская епархия.

К началу XX века в Чите было несколько приходских училищ. В 1904 году для приходских училищ № 5 и 6 городской управой был построен двухэтажный дом из красного кирпича. В 1906 году в доме был открыт городской педагогический музей при дирекции народных училищ. К 1917 году в Чите было двадцать приходских училищ. После 1917 года церковная школа была ликвидирована Постановлением СНК от 24 декабря 1917 года «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению» [4].

Во второй половине XIX века в России, в Центральном Черноземье и Восточном Забайкалье церковно-приходские школы получили повсеместное распространение. Это явление стало результатом проведения государственной образовательной политики, целью которой было привлечение духовенства к начальному образованию и усиление влияния религии на просвещение. Недостаточность правительственных светских школ компенсировали созданием школ грамоты. Церковная школа была удобна для правительства, так как она отражала идеологию государства, а также снимала часть расходов по содержанию школ и перекладывала их на население. Церковная школа была популярна среди крестьянства: будучи традиционной, церковно-приходская школа была и более доступной для плохо обеспеченного простого народа. Церковно-приходские школы и школы грамоты, действовавшие на территории Центрального Черноземья, Восточного Забайкалья во второй половине XIX века, внесли свой значимый вклад в развитие российской системы начального образования. Силами одной правительственной школы осуществить всеобщее образование в России XIX столетия было весьма затруднительно.

Источники и литература

1. Авдеев С. Приходские училища // Читинская и Краснокаменская епархия. – URL: <http://www.chita-eparhia.ru/eparx/hist/nov/prihuchil> (дата обращения: 15.04.2019). – Текст: электронный.
2. Ершов Б. А. Русская Православная церковь в структуре государственного управления в XIX – начале XX в. – Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 2013. – 245 с.
3. Никольский Н. М. История русской церкви. – М.: Политиздат, 1983. – 448 с.
4. Яцечко Л. А. Развитие начального образования в Восточном Забайкалье во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2006. – 26 с.

УДК 33
ББК У02(2)53

Наталья Николаевна Ковалёва,
Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь,
e-mail: nnkovaliova@mail.ru

Влияние реформ С. Ю. Витте и П. А. Столыпина на экономическое развитие западно-белорусского региона

В статье анализируется влияние реформ С. Ю. Витте, направленных на индустриализацию страны, включавших и косвенную поддержку сельскому хозяйству. Используя статистические данные и архивные материалы, автор статьи приходит к выводу, что в западно-белорусском регионе деятельность правительства содействовала переориентации сельского хозяйства на производство товарных культур, развитию отраслей сельскохозяйственной промышленности и подготовила почву для реализации столыпинской аграрной реформы.

Ключевые слова: регион, тарифная политика, налоговая политика, сельскохозяйственная промышленность, интенсификация

Natalia N. Kovaleva,
Brest State Technical University,
Brest, Belarus,
e-mail: nnkovaliova@mail.ru

Influence of Reforms S. Yu. Witte and P. A. Stolypina on the Economic Development of the Western Belarusian Region

The article analyzes the impact of reforms S. Yu. Witte, aimed at the industrialization of the country, including indirect support for agriculture. Using statistical data and archival materials, the author of the article concludes that in the western Belarusian region, the government's activity promoted the reorientation of agriculture to the production of cash crops, the development of agricultural industries and prepared the ground for the implementation of the Stolypin agrarian reform.

Keywords: region, tariff policy, tax policy, agricultural industry, intensification

Важнейшей составной частью «системы» С. Ю. Витте являлась таможенная защита отечественной промышленности от иностранной конкуренции с помощью высоких пошлин на импортируемые товары. Промышленный протекционизм Витте вызывал острое неприятие в определённых кругах, требовавших оказания поддержки основной отрасли российской экономики – сельскому хозяйству ввиду обеднения крестьян и снижения уровня потребления ими пищевых продуктов. Противники Витте доказывали, что главная причина такой ситуации – непосильное налоговое бремя, которое несёт население России. Действительно, в условиях аграрного кризиса в Европе Россия не только не снижает, а увеличивает экспорт зерна по демпинговым ценам, что уменьшает доходность сельского хозяйства и снижает потребление на внутреннем рынке. Одобряя деятельность министра Н. Х. Бунге, реализовавшего «меры к облегчению податного бремени, падающего на крестьян» [4, с. 39], ярый противник С. Ю. Витте В. С. Ключев

евич пишет, что И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте «сделали совершенно обратное, обложив многострадальное наше сельское хозяйство, и уже в то время полугодного мужика в пользу крупной промышленности, попросту субсидируя промышленность за счёт земледелия» [4, с. 40].

Действительно, Витте был противником прямых капиталовложений в сельское хозяйство. «Понимая необходимость государственной поддержки сельского хозяйства, Витте выступал против прямого государственного вмешательства в отрасль, которая, по его мнению, меньше и медленнее всего поддается “правительственному воздействию”» [2]. Если противники Витте отстаивали сохранение экстенсивного пути развития, то реформы нового министра финансов стимулировали переход сельского хозяйства на путь интенсификации. По его мнению, «государство могло содействовать развитию сельского хозяйства созданием дешёвого кредита, строительством железных дорог и, главное, расширением внутреннего

рынка через «развитие отечественной фабрично-заводской промышленности» [2].

Косвенным образом на повышение доходности производства зерна в основных зерновых районах, особенно в Поволжье, повлияла реформа тарифного законодательства 1889–1893 годов, понизившая провозные платы на дальние расстояния, и тем самым расширившая возможности транспортировки грузов по территории страны до южных портов из окраинных регионов России. По отношению к белорусским губерниям эти тарифы носили явно дискриминационный характер (транспортировка грузов на короткие расстояния обходилась значительно дороже). Если учесть, что белорусские губернии, особенно западно-белорусский регион в своих экспортных операциях традиционно ориентировался на западную Европу, логичным представляется преимущественное использование водных путей в развитии международной торговли. Важнейшими пунктами хлебной торговли в западно-белорусском регионе становятся Брест и Пинск, в которых предприимчивые люди получили возможность обогащения на транзите грузов. Отсюда зерно отправлялось в Мемель, Данциг и Кёнигсберг [9, с. 28].

В конце XIX века в условиях аграрного кризиса в Европе при низкой рентабельности производства зерна на белорусских землях и дискриминационных железнодорожных тарифах экспорт зерна из западно-белорусского региона сокращается, а с 1884 года ввоз зерна в белорусские губернии превышает вывоз. Однако выгодное географическое положение и благоприятная рыночная конъюнктура стимулируют развитие в регионе других более высокодоходных отраслей сельского хозяйства, способствуя его переходу на путь интенсификации: выращивание картофеля и так называемых технических культур: льна, пеньки, конопли, свёклы и табака. Значительный процент этих культур поставлялся на рынок. Картофель подвергался промышленной переработке и поступал на рынок в виде крахмала и спирта. С 1881 по 1913 год площади, отведённые под посадку картофеля, выросли в 2,7 раза в Гродненской губернии и в 4,4 раза – в Виленской [3, с. 138]. Активно развивается мясомолочное животноводство. К 1911 году Гродненская губерния заняла 2-е место в России после Курляндской по численности свиней в расчёте на 100 жителей (22,5) [3, с. 163]. С 1856 до 1911 года стадо крупного рогатого скота в 5 западных губерниях выросло более чем в 2 раза. Причём самыми высокими были темпы прироста в Виленской гу-

бернии (в 2,3 раза). По нашим подсчётам, за 30 лет численность крупного рогатого скота в Лидском уезде выросла в 1,7 раза, в Вилейском – в 1,5 раза, в Дисненском – в 3 раза [6, л. 44–45; 7, л. 8–10, 167].

Важную роль в интенсификации сельского хозяйства западно-белорусского региона сыграли и мероприятия правительства, прежде всего, отмена многих политических ограничений репрессивного характера, введённых после восстания 1863–1864 годов. В 1897 году для землевладельцев католического вероисповедания отменяется 10-процентный контрибуционный сбор. Это обстоятельство, так же, как и появление кредитных учреждений в крае, позволили землевладельцам активнее вкладывать средства в приобретение сельхозтехники и создание небольших предприятий по переработке продукции земледелия и животноводства.

Налоговая политика министерства Витте стимулировала развитие промышленной переработки продуктов земледелия. Эти отрасли он рассматривал «в первую очередь как источник заработка для крестьян и средство повышения доходности помещичьих имений и потому выступал за предпочтение в этих отраслях кустарного и мелкого производства» [2]. Принятый в 1898 году закон о промысловом налоге делал объектом налогообложения не предпринимателя, а предприятие и предоставлял существенные налоговые льготы предприятиям первичной обработки сельскохозяйственной продукции. В официальных отчётах губернских статистических комитетов к отраслям «сельскохозяйственной промышленности» относились все предприятия, перерабатывающие продукцию сельского хозяйства «по сбору и сбыту льна, конопли, пеньки в пудах, отдельно волокна и семени, а также табака, садоводство с выделкой фруктовых вод и ягодных вин, скотоводство с промышленным его характером, молочное хозяйство, птицеводство и вообще всё то, что имеет характер вспомогательной отрасли сельского хозяйства [5, л. 34].

Министерство финансов направляло усилия, прежде всего, на упорядочение прямых торговых связей. Предложенная С. Ю. Витте реформа государственных закупок предполагала ослабление зависимости землевладельцев от института торговых посредников. Этому же содействовало введение в 1894 году так называемой государственной винной монополии, которая не только принесла казне дополнительные финансовые поступления, но и стимулировала развитие сельскохозяйственной промышленности.

Модернизацию сельского хозяйства Витте связывал с отменой круговой поруки, разрешением свободного выхода крестьян из общины и реализацией других мер, которые должны были сформировать слой зажиточных, платёжеспособных крестьян и тем самым расширить рынок сбыта для отечественной промышленности. В 1902 году Особое совещание по вопросам сельскохозяйственной промышленности высказалось за расширение прав крестьянства, свободный выход из общины. В это же время будущий премьер-министр П. А. Столыпин, являясь Гродненским губернатором, начинает процесс внедрения хуторской системы землепользования в Гродненской губернии. И, хотя Гродненская губерния была в большей степени, чем другие, подготовлена к хуторизации (здесь ещё накануне реформы 1861 г. 64 % крестьянских дворов принадлежали к подворной системе землепользования и только 36 % – к общинной), сохранение чересполосицы создавало препятствия развитию крестьянского хозяйства, обрекая его на устаревшую систему земледелия (трёхполье) и использование ручного труда.

На первом же заседании Гродненского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности 11 июля 1902 года П. А. Столыпин заявляет, что «главнейшими факторами улучшения экономических условий в губернии и сельскохозяйственной промышленности, в частности, следует считать: расселение крестьян на хутора, переход от так называемого шнурового пользования наделной землей к хуторскому хозяйству, устранение чересполосицы земель, ликвидацию сервитутов и мелиоративный кредит» [1, с. 1]. Кроме того, он проявляет заинтересованность в распространении сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Благодаря

настояниям П. А. Столыпина и губернского предводителя дворянства П. В. Верёвкина Гродненский губернский Совет принял решение ходатайствовать перед Министерством просвещения об открытии такого числа мужских и женских школ, при котором «желательная обязательность народного образования могла бы получить осуществление» [1, с. 33]. Было признано также необходимым и желательным иметь хотя бы по одному на губернию инструктору (по молочному хозяйству, по разработке торфа, по улучшению лугов и т. д.). Действительно, должность инструктора становилась чрезвычайно необходимой в условиях роста товарности сельского хозяйства для выполнения требований zahraniчного рынка.

Нельзя сказать, что все начинания были доведены до конца, однако определённая база для проведения реформы была создана уже в самом начале XX века. К 1914 году, в результате реализации известной столыпинской реформы, степень распространённости хуторской и отрубной форм землеустройства в белорусских губерниях оказались намного выше, чем в других губерниях России: 97,4 % – в Виленской, 61,9 % – в Гродненской [8, с. 148].

Таким образом, реформы, реализованные в России в конце XIX века, стали важным фактором интенсификации экономики западных регионов Беларуси. Стимулируя экспорт продукции за пределы страны путём совершенствования системы железнодорожных тарифов, и в то же время используя налоговое законодательство и систему государственных закупок, реформы содействовали переориентации сельского хозяйства региона на производство товарных культур (картофеля, льна) и развитию отраслей сельскохозяйственной промышленности.

Источники и литература

1. Гродненская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903.
2. Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства (выбор пути экономического развития России. 1892–1914 гг.) // История СССР. – 1991. – № 3. – URL: <http://www.cornholio.narod.ru/history5/dyakin.htm> (дата обращения: 05.09.2018). – Текст: электронный.
3. Жытко А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму (1861–1914 гг.). – Мінск: БДПУ, 2003. – 233 с.
4. Ключарев С. В. Крестьянская нищета и финансово-экономическая система С. Ю. Витте. – Киев: Тип. Т. Г. Мейнандера, 1906. – 67 с.
5. ЛГИА (Литовский государственный исторический архив). – Ф. 388. – Оп. 1. – Д. 790.
6. ЛГИА. – Ф. 388. – Оп. 1. – Д. 822.
7. ЛГИА. – Ф. 388. – Оп. 1. – Д. 1168.
8. Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 335 с.
9. Статистическое описание Виленского военного округа по отраслям промышленности, имеющим значение для Интендантского ведомства / сост. в Интендантском управлении Виленского военного округа. – СПб.: Тип. Цедербаума и Гольденблума, 1876. – 96 с.

УДК 930
ББК Т(2)531-68

Сергей Александрович Сотников,
*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия,
e-mail: sergey@histr.ru*

Андрей Александрович Сотников,
*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия,
e-mail: microlabuss@mail.ru*

Галина Петровна Камнева,
*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия,
e-mail: kamnevagp@gmail.com*

Мирные переговоры в городе Портсмут (США) 9 августа 1905 года (освещение подготовки и хода переговоров в англоязычной прессе)

В статье рассматривается позиция именно американских и английских современников, которая имеет особое значение из-за роли Англии и США в развязывании русско-японской войны 1904–1905 годов. Современная историография во многом продолжает идеи советской историографии. Единственное отличие – исследователи стали больше уделять внимание истории Китая. Современники того периода пытались найти причины, по которым Россия проиграла войну, ведь русская армия тогда была самой многочисленной в Европе и, казалось, была вооружена в соответствии со временем.

Ключевые слова: русско-японская война 1904–1905 годов, причины поражения России, англоязычная пресса, Дальний Восток, европейская политика, проведение переговоров, посредничество американского президента

Sergey A. Sotnikov,
*Moscow Region State University,
Moscow, Russia
e-mail: sergey@histr.ru*

Andrey A. Sotnikov,
*Moscow Region State University,
Moscow, Russia
e-mail: microlabuss@mail.ru*

Galina P. Kamneva,
*Moscow Region State University,
Moscow, Russia
e-mail: kamnevagp@gmail.com*

Peace Talks in Portsmouth (USA) August 9, 1905 (Coverage of the Preparation and Progress of Negotiations in the English Press)

The study of the positions of the American and English contemporaries has a special significance because of the role of Britain and the United States at the outbreak of the Russo-Japanese war 1904 – 1905 the Modern historiography remains largely the idea of the Soviet historiography. The only difference is that researchers began to pay more attention to the history of China. Contemporaries of that period tried to find the reasons why Russia lost the war, because the Russian army was then the largest in Europe and seemed to be armed in accordance with time.

Keywords: The Russian-Japanese war of 1904–1905, the reasons for the defeat of Russia, the English press, the Far East, European politics, negotiations, American President

Цусимское сражение, завершившееся 15(28) мая 1905 года, стало финальной точкой войны: «По моему мнению, это начало конца войны» [5], – так говорил американский адмирал Джордж Дуэй (George Dewey). Силы обеих сторон на исходе: в России началась первая революция. В Санкт-Петербурге после известий о поражении при Цусиме начались волнения: «На улицах столпотворение. Со всех сторон слышно: “Негодяи!”, “Скоты!”, “Долой самодержавие!”, “Долой войну!”. К всеобщему изумлению, посреди толпы появилась кучка солдат, которых толпа подняла на смех. “Труссы! Вы не можете победить Японию, поэтому решили сокрушить нас!”...» [10]. Финансы Японии тоже были истощены, патриотические настроения также пошли на спад.

Современники того периода пытались найти причины, по которым Россия проиграла войну, ведь русская армия тогда была самой многочисленной в Европе и, казалось, была вооружена в соответствии со временем.

Первая причина поражения России – это плохая подготовка армии и флота к войне: разведка плохо работала, в армию попадали солдаты, не пригодные для службы, не хватало образованных кадров, не было современного оружия, затруднения в доставке продовольствия и раненых и т. д.

Из всего этого вытекает вторая причина – это низкая дисциплина в войсках и непонимание у солдат, за что они воюют. Как подметил Морис Бэринг (Maurice Baring): «Если бы меня спросили о моём впечатлении от русской армии, я бы ответил бы, что армия была хорошей, а система плохой» [3]. Причина, по которой Россия плохо подготовилась к войне, была в том, что: «Россия в настоящее время не ожидала, что война разразится на Дальнем Востоке» [4]. С. Ю. Витте впоследствии написал о причине поражения таким образом: «И не Россию разбили японцы, не русскую армию, а наши порядки, или правильнее, наше мальчишеское управление 140 миллионным населением в последние годы» [1, с. 337].

Японская экономика тоже начала переживать трудности: «В ходе вооружённой борьбы на сухопутном и морском театрах Япония добилась крупных успехов. Но это потребовало огромного напряжения её материальных и моральных ресурсов. Экономика и финансы были истощены. Росло недовольство войной среди широких слоёв населения» [2, с. 363], а в России случилась первая революция. К тому же, Россия потеряла немало солдат на войне, по некоторым данным около 300 офицеров и 11 тыс. солдат [23].

В том, чтобы стороны подписали мир, были заинтересованы и другие страны. США было невыгодно усиление Японии, такой же позиции придерживалась и Англия. Единственная страна, которой было выгодно на фоне нового политического кризиса вывести Россию с европейской арены, была Германия, но, надеясь в будущем на союз с Белым домом, немецкая дипломатия не стала мешать американской инициативе по заключению мира. Франция напротив, стремилась вернуть Россию в европейскую политику в качестве союзника и способствовала скорейшему заключению мира.

Стороны идут на переговоры. Конференция открылась в городе Портсмут (США) 9 августа 1905 года. “New York Times” отмечала ещё в феврале 1905 года, что война в России непопулярна, ею недоволен не только рабочий класс, но высшие круги, и что правительству нужно проводить реформы [9]. Поэтому, по мнению издания, Россия заинтересована в прекращении войны.

В свою очередь, западные страны стали опасаться, что Япония может сильно укрепиться на Дальнем Востоке. В результате посредником в переговорах стал американский президент Теодор Рузвельт, и как хвастливо заявляла американская пресса: «...благодаря посредничеству Соединённых Штатов и Франции вопрос о мире стал реальностью» [8]. «Сразу же после Цусимского сражения японскому послу в США было дано поручение обратиться к президенту Теодору Рузвельту с просьбой о посредничестве. Рузвельт ответил согласием. Американский посол в Петербурге получил указание склонить Россию к переговорам» [2, с. 364]. Отмечалось, что для «Американского правительства, никогда раньше не имевшего такой возможности, получив её, важно воспользоваться ею по максимуму» [22]. Проведение переговоров при посредничестве американского президента повышало авторитет и влияние США в мире.

Но с началом переговоров происходили всяческие задержки, так, уже в апреле 1905 года газета “The Washington Post” пишет, что немецкие и французские послы просят Т. Рузвельта провести переговоры летом 1905 года. [20]. В это время “The Washington Post” отмечает, что в ожидании мирных переговоров обстановка в России и Японии накаляется [21].

Излишне оптимистичным выглядел данный в эти дни газетой “New York Times” прогноз, что мир «...может быть достигнут в течение шести недель» [7]. Правда, давая такой прогноз, издание отмечало, что в целом ин-

формация о переговорах окутана тайной и содержится в строжайшей секретности. Ссылаясь на секретный источник, журналисты предполагают, что площадкой для переговоров станет Париж или Копенгаген.

О выборе места С. Ю. Витте писал в своих мемуарах так: «Рузвельт желает, чтобы переговоры велись в Америке, но что было бы удобнее съехаться в Европе. Я ему сказал, что было бы всего удобнее съехаться где-либо недалеко от театра военных действий, но если делать выбор между Америкой и Европой, то, пожалуй, будет удобнее в Америке, чтобы по возможности устранить от интриг европейских держав» [1, с. 322].

Выбор площадкой переговоров американской территории, конечно, значительно усилил внимание прессы США к данному вопросу. Газета "The Observer" в выпуске от 18 июня одной из первых сообщила: «Происходят переговоры между Токио и Санкт-Петербургом при посредничестве Вашингтона, обсуждается встреча на Дальнем Востоке генерала (Н. П.) Линевича и маршала Ойямы (Оуата), рассматривается вариант проведения конференции в Вашингтоне» [13]. Журналисты газеты буквально по часам отслеживали передвижения японских и российских дипломатов, и даже следили за передвижением императорской семьи из Царского Села в Петергоф. А с самого прибытия в США пресса следовала по пятам за С. Ю. Витте, о чём он впоследствии написал в своих мемуарах: «Со дня приезда и до дня выезда из Америки меня постоянно снимали кодаками любопытные» [1, с. 342].

После определения с местом переговоров, в самом начале конференции англоязычные журналисты недоумевали, как она будет проходить: «На каком языке будут проводиться переговоры? Ведь нет никакого общего языка. Барон Комура и мистер Такахиро говорят по-английски, но не знают французского. Министр Витте говорит по-русски и по-французски и не знает английского. Барон Розен говорит и по-английски, и по-французски» [18]. Но, скорее всего, по мнению журналистов, основным языком станет английский, потому что из присутствующих на переговорах его знало большинство, правда, для МИДа России протоколы должны составляться на французском языке. Так и произошло.

Во время начавшихся переговоров англоязычная пресса сосредоточилась на описании противоречий, возникавших в ходе переговорного процесса.

Отмечалось, что стороны не могли договориться об острове Сахалин, как отмечалось

"The Times" уже после заключения мира: «...японские представители не соглашались на делёж Сахалина» [17]. Корреспондент "The Observer", ссылаясь на профессора Мартена (Париж), писал 27 августа о Сахалине, что «всё зависит от Японии. Если она поддерживает мир, то отдаст остров, т. к. Россия его никогда не уступит» [14]. Хотя Япония не собиралась отказываться от Сахалина. Вот что говорил в эти дни член японского парламента Матсумато: «Россия крупно ошибается, если воображает, что Япония откажется от двух главных пунктов – контрибуции и Сахалина. Если барон Комура уступит, то общественное настроение в Японии сделается серьёзным, и он будет убит по возвращении домой» [12]. Но волнений в Японии из-за заключения мира избежать не удалось: «Действительно, когда в Японии сделались известными мирные условия, в Токио вспыхнула смута, памятник, сооружённый при жизни Ито, был разрушен толпой. Токио было объявлено на военном положении, войскам пришлось действовать, были раненые и убитые. Когда Комура вернулся в Японию, ему не только не дали никакой награды, но он был вынужден покинуть пост министра иностранных дел и удалиться в частную жизнь» [1, с. 351].

Соответственно, Россия была не согласна с выплатой компенсации и не собиралась уступать территории, поскольку «Россия не побеждена» [12]. Так же думал и С. Ю. Витте: «Я всё время выражал свои суждения так, что однажды вызвал у Комуры восклицание: "Вы говорите постоянно так, как победитель", на это я ему ответил: "здесь нет победителей, а потому нет и побеждённых"» [1, с. 343]. К тому же, по мнению русской стороны, у Японии нет никаких прав на Сахалин, что до 1850 года у японцев не было прав на остров, проживало их там крайне мало, и то только на юге Сахалина. Япония пыталась колонизировать остров в 1850-е, но безуспешно. А окончательно спор об острове решился в 1875 году, когда стороны подписали договор, по которому Сахалин полностью переходит России [11]. О конфликте, кому должен принадлежать остров, писала и газета "The Times", правда, кому остров должен принадлежать, в газетной статье так и не решили: «Если эта территория не принадлежит России, то кому? Или вернее, кому она принадлежала до того, как Япония ею завладела?» [16]. В результате, южная часть Сахалина перешла Японии, по воспоминаниям С. Ю. Витте, Николай II сам уступил часть острова, т. к. без этого не получилось бы заключить мир [1, с. 354].

Вызывал спор вопрос о проливах: «Японская сторона настаивала на открытости Пролива (Лаперуза), но русская сторона настаивала на том, что Японией никакие укрепления не должны возводиться для поддержки флота, или для оружия, которое мог бы использовать флот» [15].

Не менее спорным оказался вопрос об эвакуации как русской, так и японской армий. «Япония требует уточнить методы и время вывода войск, а также указать количество охранников железной дороги, которые должны будут остаться в стране» [15].

Пока шли переговоры, согласно газете «The Washington Post», были зафиксированы случаи нарушения перемирия [19].

«The Washington Post» отмечала напряжение, царившее при подписании договора: «Все в комнате выдохнули с облегчением, когда на бумаге были поставлены последние подписи. Тишина длилась секунду или две. Молчание нарушил барон (P. P.) Розен, встав со своего места и наклонившись к мистеру Такахино, барон сказал по-английски: «Жму

руку нашим старым друзьям, а теперь новым» [22].

Но помимо официальных переговоров, вполне возможно, что были некие тайные договорённости. «New York Times» описывает такую картину: «Министр Витте и барон Комура провели тайные переговоры в комнате Витте. Известно, что барон очень плохо говорит по-французски, а Витте не знает английского». Журналист предполагает, что они обсуждали будущее Маньчжурии, а также интересы России и Японии на Дальнем Востоке [22]. Только в одной газете приводится такая информация, в остальных не встречалось похожего эпизода, возможно, это выдумки журналиста, но нельзя исключать возможность тайных переговоров Японии и России, т. к. понятно, что Дальний Восток представляет интерес для обеих стран, и Россия так просто свою сферу влияния не уступит. «Русское правительство должно колонизировать Сибирь и с течением времени расширить своё влияние на Тихоокеанский регион. Россия хочет как только можно быстрее избавиться от угрозы японской агрессии» [6].

Источники и литература

1. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II: в 3 т. Т 1. – Л.: Гос. изд-во, 1924. – 504 с.
2. Ростунов И. И. История русско-японской войны 1904–1905 гг. – М.: Наука, 1977. – 383 с.
3. Baring Maurice With the Russians in Manchuria / translation Maurice Baring. – London: Methuen & Co, 1906. – 195 p.
4. Los Angeles Herald. – 1904. – 29 Febr.
5. Los Angeles Herald. – 1905. – 30 May.
6. New York Times. – 1905. – 26 Aug.
7. New York Times. – 1905. – 26 March.
8. New York Times. – 1905. – 29 March.
9. New York Times. – 1905. – 8 Febr.
10. The Manchester Guardian. – 1905. – 12 June.
11. The Manchester Guardian. – 1905. – 22 Aug.
12. The Observer. – 1905. – 13 Aug.
13. The Observer. – 1905. – 18 June.
14. The Observer. – 1905. – 27 Aug.
15. The Observer. – 1905. – 3 Sept.
16. The Times. – 1905. – 22 Aug.
17. The Times. – 1905. – 4 Sept.
18. The Times. – 1905. – 9 Aug.
19. The Washington Post. – 1905. – 2 Sept.
20. The Washington Post. – 1905. – 29 Apr.
21. The Washington Post. – 1905. – 31 Aug.
22. The Washington Post. – 1905. – 6 Sept.
23. The Washington Post. – 1906. – 5 Dec.

УДК 93(517.3)
ББК ТЗ(5Мон)5

Лилия Владимировна Кальмина,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия,
e-mail: kalminal@gmail.com*

«Монгольский вопрос» глазами российского военного агента¹

В статье анализируется отчёт военного агента поручика Кушелева, предпринявшего поездку по Монголии в 1911 году. Её целью было изучение Монголии на случай ведения здесь Россией военных действий. Агент считал присоединение Монголии к России лучшим способом решения «монгольского вопроса», хотя не исключал её экономического завоевания путём создания здесь транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: Монголия, военный агент, отчёт, «монгольский вопрос», военные действия.

Lilia V. Kalminal,

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of RAS,
Ulan-Ude, Russia,
e-mail: kalminal@gmail.com*

“Mongolian Issue” Russian Military Agent’s Point of View

The article dwells upon military agent lieutenant Kushelev’s report made up after the trip around Mongolia in 1911. The aim of his activities was investigation of Mongolia before possible Russian military intervention. He believed that the annexation of the country was the best way to solve the Mongolian issue, though he did not deny the economic submission of the country through transport infrastructure development.

Keywords: Mongolia, military agent, report, Mongolian issue, military activities

Основным источником для написания статьи послужил отчёт военного агента, поручика Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка Кушелева, в 1911 году предпринявшего поездку по Монголии. О самом авторе ничего не известно, даже его имя. Однако его отчёт говорит о нём как о человеке наблюдательном, способном к глубокому анализу и государственному видению, но в то же время рисковом, с авантюрной жилкой, радикалом, не терпящим полутонов.

Поездка по Монголии с военно-научной целью была предпринята Кушелевым по собственной инициативе и «без расходов от казны» [5, с. 289]. До него исследование Монголии с той же целью предпринималось и другими военными агентами [4; 6]. Но во время поездки Кушелева расклад политических сил на Востоке существенно изменился. Синьхайская революция привела к распаду Цинской империи и обретению независимости Монголией, которая в экономической сфере была предметом значительного интереса со стороны России. В частности, кяхтинская торговля, долгое

время бывшая «китайской», приобрела ярко выраженный «монгольский» оттенок: в 1908 году денежная сумма ввоза русскими купцами монгольских товаров почти в десять раз превысила сумму китайских [2, с. 22].

Поручик провёл в Монголии шесть недель, пройдя за это время 1106 вёрст по маршруту, «впервые исследуемому русским офицером» [5, с. 289, 325]. Подстегиваемый мнением «авторитетов о жёлтой опасности» [1] – результате «приближения Китая к нашим границам посредством окитаивания Монголии», он, как указывается в отчёте, «задумал посмотреть своими глазами на эту страну, чтобы осветить интересовавшие меня вопросы:

1. Признавать ли Монголию страной, в которой возможны военные действия в широких размерах и, прежде всего, в зависимости от той или иной степени её проходимости?

2. Что представляет из себя население Монголии, можно ли признать, что оно в состоянии оказать самостоятельно какое-либо сопротивление Китаю или оно нуждается в нашей поддержке и в какой степени?

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9).

3. Как относятся монголы к нам, русским?» [5, с. 288].

В отчёте Кушелева можно выделить три направления: анализ геополитической роли Монголии в контексте сложившейся на Востоке политической ситуации; предлагаемая им военная стратегия Российского государства с целью территориального поглощения Монголии; российская экономическая концепция в регионе для обеспечения монопольного положения на монгольском рынке в случае неприятия верховной властью военного способа решения «монгольского вопроса».

Анализируя политическую ситуацию на Востоке, Кушелев оценивает её как опасную для России в связи с военным усилением Китая. По его мнению, из-за протяжённости – свыше 6 тыс. вёрст – российско-китайской границы Россия первой прочувствует на себе всю мощь «жёлтой угрозы» и в недалёком будущем «именно России придется считаться как с национальными пожеланиями Китая, так и с его вооружённой силой». Это вывод он сделал, основываясь на двух позициях: слабости России, которую она показала в недавнем столкновении с хорошо подготовленным в военном отношении сильным врагом на Дальнем Востоке (Японией) и «пробуждении Китая как нации», «начавшегося с создания его военной организации соответственно принципам военного искусства». Поэтому следует, прежде всего, указывает военный агент, обезопасить российско-китайскую границу, для чего он рассматривает три возможных способа. Политику дружбы и миролюбия он сразу отверг, поскольку, по его мнению, азиатские народы признают только силу. Политический союз с другими государствами ему тоже показался нереальным, т. к. народы Европы, отсиживающиеся за спиной России, недооценивают «жёлтую опасность» и недопонимают серьёзности развития вооружённых сил азиатскими народами, хотя после русско-японской войны это осознание могло бы уже и прийти. «Единственным надёжным и при этом вполне осуществимым» способом уменьшения этой опасности военный агент считал «ослабление энергии воздействия вооружённых сил Китая на нашу границу» [5, с. 285–286], а это фактически означало военные действия между двумя странами. Автор отчёта считает абсолютно нелогичным мнение, что Россия уничтожила Маньчжурию как буфер между собой и Китаем, «войдя» туда со своими железными дорогами. По его мнению, не лишённому оснований, Маньчжурия – слишком лакомый кусок, чтобы остаться в стороне от интересов многих держав. Если

бы там не проложила рельсы Россия, опередившая конкурентов, это бы сделали японцы, англичане или американцы. Россия, не принявшая участия в процессах заселения и культурного развития Маньчжурии, тогда подверглась реальной опасности. «Можно с уверенностью сказать, – пишет далее в отчёте агент, – что для России несравненно выгоднее иметь в настоящее время кратчайшее соединение между Владивостоком и Забайкальем в своих руках, а не чужих». Настоящим буфером он считает Монголию – «первое препятствие для направления Китаем своей энергии и своей предприимчивости к нашим пределам», которая обеспечивала «нас от спавшего столько столетий Китая и будет и должна обеспечивать от Китая проснувшегося и вооружающегося». Уверенность в этой оценке он черпает во взаимоотношениях между монголами и китайцами – народами друг другу чуждыми, с диаметрально противоположными интересами [5, с. 286, 287]. Враждебность между китайцами и монгольскими племенами отмечали и его предшественники, считавшие, что некоторые монгольские племена в случае военных действий между Россией и Китаем «охотно переменяют китайское подданство на русское» [3, с. 72].

Считая возможность военных действий в Монголии вполне реальной, автор отвечает на поставленные в задачах отчёта вопросы. Во-первых, оценивает Монголию как территорию, пригодную для их ведения, с высокой степенью проходимости, бесперебойным снабжением армии продовольствием, фуражом, водой и топливом. Во-вторых, считает, что «сепаратическое» движение монголов приняло такой размах, что при поддержке России хотя бы оружием они готовы выступить против Китая. Наконец, отмечает добродушное отношение монголов к русским, причину чего видел «в привольном житье всяких азиатских народностей» в России, о чём, несомненно, были слышаны и в Монголии, и в близости русского народа, который никогда не притеснял монголов и не нарушал их интересов. В возможных военных действиях Кушелев оценивал монголов как союзников России и настаивал на необходимости использования в своих интересах сопротивление монголов, которое непременно последует в случае наступательного движения Китая к нашей границе. Будучи уверенным, что монголы уже готовы принять подданство русского царя, поручик Кушелев считает своевременной возможностью протянуть им «ту руку помощи, которую они просят», и принять Монголию под своё покровительство. Момент, по его мнению, тем более благоприят-

ный, что Монголия уже официально объявила о своей независимости от Китая. В отчёте открытым текстом говорится о возможности присоединения Монголии к России при полной поддержке и одобрении этих действий монголами как единственном средстве «защиты и заступничества против насилия ненавистных китайцев» и как способе уберечь российские границы от китайской колонизационной волны [5, с. 291, 292, 294–298, 313, 323]. Радикализм Кушелева мешал ему реально оценить ситуацию: одно одобрение военных действий России со стороны монголов ещё не могло служить гарантией успеха.

Параллельно с военным способом окончательного освобождения монголов Кушелев предлагал и экономический – полное избавление от китайской зависимости, являющейся ничем иным, как китайским порабощением [5, с. 294]. Экономическую ситуацию в Монголии он оценивал верно: Россия проигрывала своему сопернику, «виртуозу в деле коммерции», в конкуренции в Монголии. По мнению чиновника особых поручений при военном губернаторе Забайкальской области В. Заболотного, причиной падения экономического влияния России в Монголии при стремительном возрастании влияния Китая следовало считать дороговизну русских товаров и удобное географическое положение Китая относительно Монголии, дающее возможность быстрой доставки туда товаров за сравнительно низкую провозную плату [7, л. 33, 34]. Осознавая «китайскую опасность» для России в монгольском торговом пространстве, военный агент настаивал на немедленном восстановлении экономического влияния России на монголов, для чего предлагал мобилизовать энергичных торговых людей, оказав им широкую правительственную поддержку кредитом и учреждением отделений банков; увеличить число консулов и консульских агентов из людей мобильных, «способных разъезжать по вверенным им районам, а не сидеть только на местах и присутствовать при событиях»; провести географическое, статистическое, экономическое и научное изучение Монголии; улучшить пути сообщения. На последнем предложении следует остановиться подробнее. Идея создания транспортной

инфраструктуры как способа монополизации монгольского рынка витала в деловых и правительственных кругах, а возможность проведения предложенной им траектории будущей Кяхтинской железнодорожной ветки, одним концом соединившейся с Транссибирской магистралью, а другим – протянувшейся по Монголии до Урги, уже несколько лет назад обсуждалась на совещаниях у Иркутского генерал-губернатора. По справедливому предположению агента, этот путь имел стратегическое значение, т. к. давал возможность не только успешно конкурировать с китайской торговлей в Монголии, но и вовсе её убить [5, с. 299, 300].

Таким образом, анализируя ситуацию в Монголии, автор отчёта настаивает на необходимости вовлечения её в орбиту российских интересов, для чего предлагает два способа: 1) использование конфликтных моментов во взаимоотношениях монголов и китайцев для силового присоединения Монголии к Российской империи; 2) создание транспортной инфраструктуры для выхода на монгольский рынок и экономического закрепления России на территории Монголии. Сам агент явно склоняется в пользу радикального решения «монгольского вопроса»: по его мнению, монголы ненавидят китайцев настолько, что подчинить их своему влиянию будет несложно, тогда как полумеры неэффективны и вряд ли приведут к достижению желаемой цели. Однако его радикализм не нашёл поддержки в правительственных кругах: было понятно, что вторжение российской армии на территорию Монголии сильно осложнит обстановку на Востоке, где имели свои интересы английский, германский и американский капитал. А вот экономический путь вовлечения Монголии в сферу российского влияния был взят на вооружение. В 1913 году Государственная Дума приняла решение о сооружении Кяхтинской ветки железной дороги. Авторы экономической записки о её значении были солидарны с военным агентом, что с её использованием как средства укрепления в Монголии русского купечества «вопрос о вытеснении иностранных фабрикатов имеет шансы превратиться в факт недалёкого будущего» [8, с. 68, 75].

Источники и литература

1. Жёлтая опасность; Жёлтая Россия: доклад И. Левитова // Русский вестник. – 1901. – Т. 274. – Июль. – С. 199–202.
2. Курас Л. В., Кальмина Л. В., Михалев А. В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. – Иркутск: Оттиск, 2018. – 112 с.
3. Материалы по Западному Китаю, собранные Р. А. Сыртлановым, во время его поездки из Урумчи на Алтай в 1909 году // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб.: Военная тип., 1913. – Вып. 86. – С. 53–241.

4. Монголия. Опыт военно-статистического очерка командира 2-го драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка А. А. Баторского. С приложением 41 маршрут и 2 карт // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб.: Изд. Военно-учёного комитета главного штаба, 1891. – Вып. 48. – 277 с.

5. Отчёт о поездке с военно-научной целью в Монголию Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка поручика Кушелева // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб.: Военная тип., 1913. – Вып. 86. – С. 284–374.

6. Отчёт о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган) / сост. Стрельбицкий // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб.: Изд. Военно-учёного комитета главного штаба. – С. 32–156.

7. РГВИА (Российский военно-исторический архив). – Ф. 1482. – Оп. 1. – Д. 136.

8. Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении / под ред. П. П. Червинского. – СПб.: Тип. т-ва С. Суворина «Новое время», 1913. – 212 с.

УДК 94

ББК ТЗ(2)533

Юлия Николаевна Ланцова,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия,

e-mail: astra205@yandex.ru

К вопросу о разработке иммиграционного закона для китайских и корейских подданных в 1910 году¹

В статье анализируются причины и процесс разработки «Закона об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве». По архивным данным, поток восточных рабочих был достаточно велик, а после русско-японской войны ещё более усилился, и правительство начинает принимать активные меры по контролю за иностранцами. Результатом такой законотворческой политики становится закон 1910 года. Просуществовал он фактически до 1914 года, с началом же Первой мировой войны о нём практически забыли. Точнее, он был полностью нейтрализован новыми постановлениями правительства, разрешавшими вербовку рабочих в Китае и провоз их в Россию.

Ключевые слова: Забайкальская область, китайские, корейские подданные, законодательство

Yuliya N. Lantsova,

Transbaikal State University,

Chita, Russia,

e-mail: astra205@yandex.ru

To the Question about the Development of Immigration Law for Chinese and Korean Nationals in 1910

The article analyzes the reasons and the process of development of the “Law on the establishment within the Amur General-governorship and the Transbaikal region, the Irkutsk General-governorship, some restrictions for persons who are foreign nationals”. According to archival data, the flow of Eastern workers was quite large, and after the Russian-Japanese war, even more intensified, and the government begins to take active measures to control foreigners. The result of this legislative policy is the law of 1910. It existed in fact until 1914, with the beginning of the First world war it was almost forgotten. More precisely, it was completely neutralized by the new government regulations that allowed the recruitment of workers in China and their transportation to Russia.

Keywords: Transbaikal region, Chinese, Korean subjects, legislation

¹ Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Нормативное регулирование конфессиональных отношений на приграничных территориях Забайкалья, Северного Китая и Монголии: история и современность (компаративный анализ)».

Процесс самоопределения наций и народностей на территории дореволюционного Забайкалья и Дальнего Востока не привёл к широким разногласиям между местным населением и китайскими и корейскими подданными, хотя и содержал в себе потенциал некоторой конфликтности. Тем не менее, утверждённые границы по Нерчинскому договору 1689 года разграничили сферу распространения суверенитета Российского государства, а сам договор определил, что на территории России индивид независимо от его подданства подпадает под влияние и управление Российского государства.

Кроме того, формирование правового поля в отношении иностранцев, особенно в отношении подданных азиатских государств, происходило в условиях становления дипломатических отношений между государствами сопредельных территорий, в частности, китайского и корейского государств. Причём если в начале данного становления партнёры были равны, то к концу XIX века, в ходе усиления позиций России на Дальнем Востоке, наблюдаются правовые диспропорции по отношению к подданным азиатских государств. Усиление России привело к принятию ряда положений и норм, которые позволяют говорить об ограничении прав иностранцев, причём не всех лиц – иностранных подданных, а лиц, чьи правовые и личные связи на государственном уровне не способствовали укреплению российского суверенитета в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Одним из первых мероприятий по контролю над иммиграцией из Китая после заключения русско-китайских договоров 1860 года стало учреждение 9 февраля 1863 года в Забайкальской области должности Кяхтинского пограничного комиссара. Его функции определялись на основании «Высочайше утверждённого в 9-й день Февраля 1863 года положения, для сношений с Цзаргучеем Кяхтинского Маймачена и заведывания собственно пограничными делами в Кяхтинской слободе». Он должен был подчиняться непосредственно военному губернатору Забайкальской области, а по дипломатическим вопросам – генерал-губернатору Восточной Сибири. По этому же положению комиссар должен был постоянно находиться в Кяхтинской слободе [1, с. 204].

В Амурской и Приморской областях, с учреждением местных административных органов власти, им постепенно подчинялись все китайцы, находившиеся там. Однако судя по последующим событиям конца 1860-х годов, контроль над иммиграцией в этом регионе был

явно недостаточен. Приморский губернатор И. В. Фуругельм 6 июня 1867 года направил на имя начальника Новгородского поста предписание за № 726 следующего содержания: «Генерал-Губернатор Восточной Сибири в предложении ко мне от 13 августа 1866 г. за № 390, озабочиваясь установлением определённого порядка в управлении местными жителями в южной части Приморской области, признал необходимым: 1) Все местное народонаселение, как состоящее из туземцев и китайцев, так и переселённых корейцев и русских со всеми окрестностями залива Петра Великого, подчинить начальнику Новгородского поста; 2) ...Округ этот наименовать Суйфунским...; 3) ...заведование отдельными частями его управления под непосредственным его начальством и руководством возложить на обязанности отдельных лиц назначаемых из офицеров, находящихся в его распоряжении при полевой Новгородской команде и таким образом всё местное гражданское народонаселение подчинить одному из них на правах земского исправника» и т. д. [1, с. 204].

По архивным данным, поток «жёлтых иностранцев» был достаточно велик, и единственным средством борьбы с этим наплывом было предоставленное Приамурскому генерал-губернатору право облагать китайцев и корейцев особыми сборами. В силу п. 4 ст. 344 Учреждения Сибирского в Приамурском крае и в Забайкальской области были установлены особые паспортные правила для прибывающих в край китайцев и корейцев, «на основании коих означенные иностранцы обязаны выбирать при въезде, в край особые билеты сроком на один год с уплатою пятирублевого налога, а в случай уклонения от сего, сверх того уплачивать ещё и штраф в том же размере» [3, л. 1].

Резкое же увеличение китайской трудовой иммиграции в Россию после русско-японской войны вызвало у администрации Приамурского края большую озабоченность в связи с тем, что ей было все труднее контролировать такую массу иностранцев, прибывавших из соседней империи. Центральное правительство в этот период стремилось к тому, чтобы, с одной стороны, ситуация на местах не вышла из-под контроля, а, с другой, чтобы принимаемые меры к ограничению наплыва китайцев и корейцев в российские пределы не нанесли вреда взаимоотношениям с Китаем и Японией. 7 июня 1907 года, например, приморский губернатор издал циркуляр за № 8421 «Должностным лицам, визирующим и выдающим китайским и корейским подданным русские билеты». Циркуляр предписывал: «По 217 ст. т.

XIV уст. о паспортах издания 1903 г. каждый иностранный подданный, какой бы он нации не был, намеревающийся прибыть в пределы России, обязан иметь при себе национальный паспорт, визированный в наших Консульствах. Он на основании 234 ст. вышеприведённого закона не должен быть допущен в пределы России за исключением порубежных жителей, переходящих границу без паспортов для обыкновенных ежедневных сношений. Между тем установлено, что многие, в особенности из китайских и корейских подданных..., не совсем имеют национальных паспортов, а если таковые имеются, то не визированы в наших Консульствах...» [1, с. 265].

Прежде чем вводить ограничительные меры в отношении китайцев, российское правительство предприняло ряд шагов, направленных на то, чтобы выяснить, какая реакция может последовать со стороны Китая. В этой связи МИД направил в русскую миссию в Пекине запрос, в котором просил действительного статского советника Коростовца высказать своё мнение по существу обсуждаемого вопроса. Дипломат в своём ответе выразил уверенность, что введение в действие намечаемых мер по ограничению въезда китайцев в Россию вызовет «энергические протесты» китайского правительства, с которыми российской стороне придётся считаться при осуществлении новых правил, что, в общем, было и понятно.

Однако, несмотря на установленный сбор, наплыв иностранцев продолжал усиливаться. Масштабы безбилетного проживания китайцев и корейцев были действительно заметными. Поэтому в целях борьбы с этим наплывом, Министерством внутренних дел был разработан и внесён в Государственную Думу от 28 октября 1908 года № 22431 проект правил, регулирующих допуск китайцев и корейцев [3, л. 1]. Основы этих правил были выработаны администрацией Приамурского генерал-губернаторства во главе с П. Ф. Унтербергером при поддержке товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Б. Е. Иваницкого.

Этим проектом значительно усиливались меры, ограждающие от наплыва иностранцев: повышались штрафы для безбилетных китайцев и корейцев, а также для лиц, пользующихся трудом безбилетных, и, наконец, предполагалось создать новые штаты администрации, полиции и врачей специально для надзора за иностранцами. Все расходы по надзору предполагалось отнести на особый фонд, пополняющийся за счёт взимаемых сборов и штрафов

с китайцев и корейцев, и подчиняющийся Министерству внутренних дел. Однако проект не получил силы закона вследствие того, что Государственная Дума признала предполагаемые штаты сотрудников, призванных проводить новые правила в жизнь, «недостаточно обоснованным статистическим материалом». Она также указала на желательность издания правил в отношении не только китайцев и корейцев, но и вообще всех иностранцев в виде общего иммиграционного закона.

Одновременно Государственную Думой был принят проект законов, который затем получил одобрение Государственного Совета, утверждённый «Высочайшей властью 21 июня 1910 г., коим действие п. 4 ст. 344 Учр. Сибир. было продлено до издания общего иммиграционного закона, а сверх того устанавливалось воспрещение найма иностранцев на казённые работы, сдачи им казённых подрядов, а равно аренды казённых земель» [3, л. 2].

21 июня 1910 года был принят «Закон об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства, некоторых ограничениях для лиц, состоящих в иностранном подданстве» [4; 5], подписанный императором Николаем II. Он состоял из четырёх отделов, причём 2-й отдел включал в себя три статьи и одно примечание. Безбилетных китайцев и корейцев, а также совершающих проступки и преступления, нарушающих обязательные постановления губернаторов и другие, относящиеся к их пребыванию в России законы и распоряжения, выселяли за границу. Вся документация по выселяемым (на основании ст. 205 т. XIV Уст. о пред. и прес. прест.) иностранцам была отнесена ко II делопроизводству, что повлекло изъятие дел из дипломатического и других делопроизводств. Закон содержал в себе следующие статьи:

«I. Действие пункта 4 статьи 344 Учреждения Сибирского (Св. Зак., т. II, изд. 1892 г.) продлить до введения в действие общего иммиграционного закона и установления в законодательном порядке денежного налога с проживающих в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства, китайцев и корейцев, состоящих в иностранном подданстве.

II. В изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить:

1. Воспрещается в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области и Иркутского генерал-губернаторства, сдача казённых земель для поселения лицам, состоящим в иностранном подданстве, а рав-

но сдача в аренду тем же лицам казённых земель и оброчных статей.

Примечание: Указанная мера не отменяет примечаний 1 и 4 к пункту 6 статьи 267 Устава Горного (Св. Зак., т. VII, по Прод. 1906 г.), а равно не отменяет прав иностранных подданных, предоставленных им действующими трактатами, заключёнными с иностранными государствами.

2. Воспрещается в указанных в статье 1 местностях сдача всем лицам, состоящим в иностранном подданстве, казённых подрядов и поставок.

3. Воспрещается в указанных в статье 1 местностях наём на работы, производимые для надобностей казённого управления, лиц, состоящих в иностранном подданстве.

III. Меры, указанные в статьях 1 и 2 отдела II, ввести в действие со дня опубликования закона; меру же, указанную в статье 3, ввести в действие с 1 января 1911 г.

IV. Впредь до введения в действие общего иммиграционного закона и установления в законодательном порядке денежного налога с проживающих в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства, китайцев и корейцев состоящих в иностранном подданстве, предоставить Совету Министров право допускать в указанных местностях наём на срочные, для надобностей казённого управления, работы лиц, состоящих в иностранном подданстве, в том случае, если окажется невозможным произвести сии работы исключительно при помощи лиц русского подданства» [1, с. 275].

Это был вполне обычный закон, запрещавший государственным предприятиям наём на работу иностранцев, владельцам государственной земли – сдачи им же в аренду. Вместе с тем следует отметить, что закон ограничивался запрещением найма только представителей двух национальностей, что выглядело дискриминацией по отношению к ним. Объяснялось же это тем, что других иностранных рабочих на Дальнем Востоке практически не было. Что касается японцев, то они являлись представителями государства «наибольшего благоприятствования» в России.

Закон вступил в силу с 1 января 1911 года, однако сразу же выяснилось, что руководители некоторых предприятий были не в состоянии его выполнить. Одна из причин этого заключалась в удалённости предприятий от центральной части страны, вследствие чего не имелось возможности нанимать русских рабочих. Другая причина состояла в том, что предприятия не имели средств для увеличения заработной платы, чтобы нанять русских рабочих, так как сметы составлялись с учётом оплаты труда китайцев и корейцев. Вместе с тем именно в 1911 году надзор за исполнением нового закона был наиболее строгим, и, поскольку некоторыми агентами местных переселенческих организаций были допущены на казённые работы китайцы и корейцы, главноуправляющий землеустройством и земледелием осенью сделал распоряжение «о производстве строгого расследования с целью выявления виновных и наложение на них взыскания».

Недостатком закона с точки зрения региональной администрации было отсутствие мер, обеспечивавших полный охват китайцев и корейцев регистрацией и борьбу с беспаспортными лицами, поэтому на региональном уровне продолжались попытки не только выработать соответствующие предложения и выйти с ними на уровень правительства, но и самостоятельно решить эту проблему. 25 февраля 1911 года Приамурский генерал-губернатор издал обязательное для всех городов края постановление № 5, где запрещалось иметь в качестве прислуги, низших служащих и домашних рабочих китайцев без «личных наёмных книжек». Городские полицейские управления устанавливали форму книжек и вели регистрацию китайцев. Ответственность за несоблюдение постановления возлагалась на работодателей [2].

Закон 21 июня 1910 года часто нарушался, просуществовал до Первой мировой войны, несколько позже, из-за увеличения спроса на дешёвую иностранную рабочую силу его действие было приостановлено. В дальнейшем отношения с восточными рабочими стали регулироваться постановлениями властных органов Российской империи.

Источники и литература

1. Петров А. И. История китайцев в России. 1856–1917 годы. – СПб.: Береста, 2003. – 960 с.
2. Позняк Т. З. Миграционные режимы российско-китайской границы на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/v/migratsionnye-rezhimy-rossiysko-kitayskoy-granitsy-na-dalнем-vostoke-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 11.04.2019). – Текст: электронный.
3. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 23.

4. Соколенко А. В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи на Дальнем Востоке в борьбе с иностранной разведкой в 1905–1911 гг.: в 2 ч. Ч. 2. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3. – С. 148–158. – URL: http://www.scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2016_3-2_43.pdf (дата обращения: 10.04.2019). – Текст: электронный.

5. Тесленко А. М. Об ограничении имущественных прав иностранцев (физических лиц) в России в середине XIX – начале XX в. // Российский юридический журнал. Электронное приложение. – 2016. – № 6. – URL: <http://www.electronic.ruzh.org/ru/system/files> (дата обращения: 10.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 93
ББК ТЗ(2)535–5

Эдуард Валентинович Костяев,
Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Россия,
e-mail: edikost@bk.ru

Отношение ОК РСДРП и Центральной инициативной группы меньшевиков Петрограда к Первой мировой войне (1914–1917)

В статье впервые в отечественной историографии проводится детальный анализ теоретических взглядов известных деятелей меньшевизма: Бориса Батурского, Петра Гарви, Сергея Ежова, Осипа Ерманского, Фёдора Дана, Матвея Скобелева, Моисея Урицкого, Николая Чхеидзе и других, на отношение русского народа вообще и рабочего класса в частности к участию страны в Первой мировой войне в 1914–1917 годах. При этом делается вывод, что их воззрения имели явно утопический и практически неприменимый характер, поскольку не учитывали реалий обстановки на фронтах войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, РСДРП, меньшевизм, интернационализм, оборончество

Eduard V. Kostyaev,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Saratov, Russia,
e-mail: edikost@bk.ru

Relation of the OK RSDLP and the Central Initiative Group of Petrograd Mensheviks to the First World War (1914–1917)

The article is the first in the national historiography to carry out a detailed analysis of the theoretical views of such famous Menshevik figures as Boris Batursky, Peter Garvi, Sergey Ezhov, Osip Ermansky, Theodor Dan, Matvey Skobelev, Moses Uritsky, Nikolai Chkheidze and others on the attitude of the Russian people in general and working class in particular to the country's participation in the First World War in 1914–1917. At the same time, it is concluded that their views were clearly utopian and practically inapplicable, since they did not take into account the realities of the situation on the war fronts.

Keywords: First World War, RSDLP, Menshevism, internationalism, defencism

Одним из первых партийных меньшевистских органов, высказавшим своё отношение к разразившемуся летом 1914 года мировому конфликту, стал Организационный комитет Российской социал-демократической рабочей партии (ОК РСДРП), избранный в 1912 году на

Венской конференции организаций РСДРП и выполнявший функции центрального органа меньшевиков в России до 1917 года. В годы Первой мировой войны в его неоднократно менявшийся состав входили: Б. Батурский (Цейтлин), Б. Богданов, Е. Бройдо (Гордон), П. Гарви

(Бронштейн), Е. Гудков, Ф. Дан (Гурвич), М. Скобелев, А. Смирнов, М. Урицкий, В. Хаустов, Н. Чхеидзе, А. Чхенкели, представители ЦК Бунда М. Рафес и Г. Эрлих. ОК РСДРП проявлял себя эпизодически (в 1914–1915 гг. им было выпущено всего 3 антивоенные прокламации), фактически уступив роль меньшевистского центра в России партийной фракции IV Государственной Думы.

Невозможно согласиться с мнением, что Организационный комитет РСДРП, заняв в начале войны антиимпериалистическую позицию, впоследствии колебался «между национализмом и интернационализмом», перешёл на «путь социал-шовинизма» [9, с. 273; 10, с. 377]. Его члены не только не поддерживали шовинистических настроений, но и критиковали их с позиций пролетарского интернационализма. Полагая, что «победа как одной стороны, так и другой несёт Европе новые... беды», и поэтому *«интересы демократии и пролетариата не могут быть связаны ни с одной из воюющих сторон»* (курсив документа – Э. К.), ОК РСДРП в листовке «Война и пролетариат» (октябрь 1914 г.) высказался за необходимость содействия «прекращению войны солидарными усилиями пролетариата во всех странах». Задачами рабочего класса России, выполнение которых могло бы способствовать достижению данной цели, по мнению авторов листовки, являлись «борьба с шовинизмом, панславизмом и германофобией, просвещение... масс насчёт истинного характера войны и роли в ней правительства и господствующих классов, борьба с... стремлением русской реакции к захвату чужих территорий под флагом “освобождения подъяремных народов”...». ОК подчёркивал в декабре того же года, что пролетариат чужд «... национализма и шовинизма», и призывал партию бороться «с шовинистическими настроениями в народе, и особенно в рабочем классе, противопоставляя свой интернационализм точке зрения... национализма» [3, с. 357, 369, 371, 372].

По свидетельству меньшевистского историка Бориса Николаевского, одним из основных функционеров ОК РСДРП, «вынесшим на своих плечах, быть может, самую значительную часть его работы» с начала войны до лета 1916 года, был Пётр Абрамович Гарви. Его главными помощниками в определении политики ОК в этот период были Борис Батурский и Генрих Эрлих [4, с. 31–33]. Постепенно функции ОК, как меньшевистского центра в России, перешли к партийной фракции Думы, члены которой Н. Чхеидзе, В. Хаустов, М. Скобелев и

А. Чхенкели в годы войны входили и в состав ОК РСДРП.

Справедливости ради следует признать, что активность ОК РСДРП в данный период только и заключалась в выпуске листовок. С началом войны, когда закрытие легальных учреждений (культурно-просветительских обществ, профсоюзов), газет и аресты подорвали работу партии, её ОК распался и фактически не проявлял активности [8, л. 11]. Один из его руководителей, Борис Соломонович Батурский (1879–1920), объяснял это тем, что война застигла партию врасплох и формирование отношения её лидеров к ней шло медленно. ОК не считал себя при таких условиях вправе выступать с заявлением, не выяснив позиции партийных вожаков, что вызывало «известную осторожность и сделало его в значительной степени бездеятельным». К тому же члены ОК полагали, что раз он является руководящим органом партии в целом, то должен выдвигать антивоенную платформу, которая могла бы объединять вокруг себя её большинство. Учитывая большую разницу в подходах лидеров меньшевистских течений к войне, такая платформа получилась компромиссной – в ней ОК подчёркивал интернациональные причины возникновения мирового конфликта, необходимость борьбы за мир в международном масштабе и недопустимость заключения мира сепаратного. Но с течением времени идейное расхождение внутри партии углублялось, и ОК всё трудней было проводить ту или иную антивоенную политику. А когда это расхождение стало принимать формы партийного раскола, констатировал Батурский, «деятельность Комитета была окончательно парализована». Этот фактический раскол означал «невозможность существования Комитета, а созвать более или менее правильную конференцию в условиях военного времени и при чрезвычайной слабости не было возможности и поэтому Комитет... вынужден был находиться в состоянии паралича». Если некоторые его члены и работали, то лишь в направлении предотвращения окончательного раскола партии. Однако в итоге, завершал Батурский, ОК как таковой перестал существовать, а постановление его членов было таково: «мы не считаем себя распущенными, единственный выход – революция в России... В тот момент, когда она произойдёт, создастся почва для единства нашей старой партии и понадобится деятельность Организационного комитета» [2, с. 289]. Действительно, в первые же дни Февральской революции 1917 года работа ОК теми его

членами, которые находились в Петрограде, была возобновлена.

Сказанное о взглядах ОК РСДРП на войну относится и к численно небольшой и маловлиятельной Центральной инициативной группе меньшевиков Петрограда («Инициативке») (А. Гриневиц, О. Ерманский, С. Ежов), насчитывавшей не более 200 человек [5, л. 1]. Даже один из её лидеров, Осип Аркадьевич Ерманский (Коган) (1866–1941), называл группу слабой и признавался, что существовала она скорее «как сумма единиц, но не как целое» [2, с. 59]. О взглядах её членов можно судить по письму-декларации, с которым она обратилась, совместно с Московской группой меньшевиков, к партийным товарищам после международной социалистической конференции в Циммервальде (1915). В документе подчёркивалось, что пролетариат «не может быть безучастным к судьбе своей родины», однако участие его в обороне России объявлялось неприемлемым. Такую позицию авторы объясняли тем, что в этом конфликте нападение и защита «не распределяются одесную и ошую между борющимися странами, они слиты воедино в действиях каждой из них», защита может легко переходить в нападение и часто от него неотделима. Это утверждение иллюстрировалось рядом примеров: «Призывы наших либеральных империалистов присоединить Константинополь и Галицию..., уничтожить морской деспотизм Англии и... не только оборонительное, но и агрессивное значение английского морского владычества, вторжение в Сербию на помощь туркам и блокада Греции для спасения Сербии – открывают широкий простор для произвольных толкований». Таким образом, отмечалось в документе, в условиях «агрессивности обеих враждующих империалистических групп» говорить о принятии на себя пролетариатом «...ответственности за военную борьбу того или иного государства» было невозможно. «В нынешнем международном конфликте, – подчёркивали авторы письма-декларации, – нас должен отделять от буржуазного... понимания задач и событий... наш интернационализм, забота не только об отечестве, но и о международном пролетариате... Не оборона, а только *борьба за мир* отвечает и интересам интернационального пролетариата,

и интересам каждого из воюющих народов» [6, л. 2, 3].

Это последнее высказывание, которое можно считать политическим кредо членов «Инициативки», позволяет сделать вывод, что по отношению к войне они занимали позицию пролетарских интернационалистов-пацифистов. Наиболее лаконичное изложение взглядов группы на войну можно обнаружить в резолюции собрания её членов 10 ноября 1916 года: «Мы... готовы вести борьбу за немедленное прекращение войны, – гласила резолюция. – Мы требуем мира без аннексий и контрибуций. Мы считаем, что вывести Россию из того политического и экономического тупика, в котором она очутилась, может только сам народ, взявший власть... Мы требуем созыва Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права». Заканчивался же документ стандартными лозунгами – «Долой войну», «Долой самодержавие» и «Да здравствует международная солидарность» [7, л. 2].

Правда, на практике воззрения членов ОК РСДРП и петроградской «Инициативки» были труднореализуемыми, поскольку ими в должной мере не учитывался факт оккупации неприятелем части территории России (Польша, Волынь, часть Прибалтики и Белоруссии). Согласиться при таких обстоятельствах на немедленное заключение мира российское правительство, как и любое другое, конечно, не смогло бы. Французский социалист Жюль Гед подметил в 1916 году, что если бы он был кайзером, то всеми мерами поощрял бы пропаганду мира без аннексий и контрибуций, поскольку при сложившихся тогда условиях она могла принести только один результат – внести смуту в умы и чувства рабочей демократии и усилить военное могущество германского империализма. Мир, заключённый сейчас, подчёркивал он, был бы «немецким миром, то есть заговором против свободы народов» [1, с. 10]. Таким образом, антивоенная позиция руководителей этих двух партийных центров российского меньшевизма в 1914–1917 годах стала примером того, как отрыв теоретических установок от фронтовых реалий Первой мировой войны превратил эти установки в утопические и труднореализуемые на практике.

Источники и литература

1. Иорданский Н. Война, мир и социализм. Беседы с Брантингом, Вандервельде, Гэдом, Лонгэ, Плехановым, Турати, Серрати. – Петроград: Современный мир, 1916. – 19 с.
2. Меньшевики в 1917 году: в 3 т. Т. 1. Меньшевики в 1917 году: От января до июльских событий / общ. ред. З. Галили, А. Ненароков, Л. Хеймсон. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 752 с.
3. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. – М.: РОССПЭН, 1996. – 408 с.

4. Николаевский Б. И. Воспоминания социал-демократа. Статьи о жизни и деятельности П. А. Гарви: П. А. Гарви в России. – Нью-Йорк: Фонд по изданию литературного наследия П. А. Гарви, 1946. – С. 1–35.
5. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). – Ф. 362. – Оп. 1. – Д. 49.
6. РГАСПИ. – Ф. 451. – Оп. 1. – Д. 99.
7. РГАСПИ. – Ф. 451. – Оп. 1. – Д. 108.
8. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). – Ф. 13251. – Оп. 11. – Д. 56.
9. Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 1883–1903–1917. – Париж: Тип. «Франко-русская печать», 1922. – 477 с.
10. Троицкий Л. Сочинения. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – Т. 9. – 422 с.

УДК 94(571.54–517)

ББК ТЗ(2)533(2Рос.Бур-5Мон)

Евгений Викторович Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: drzz@yandex.ru

Секретные донесения агентов Штаба охранной стражи КВЖД как источник по истории создания бурят-монгольской государственности в 1919 году¹

В статье делается попытка рассмотреть как источник по истории создания бурят-монгольской государственности в 1919 году секретные донесения агентов Штаба охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Автор отмечает, что история государства Бурят-Монголия, роль атамана Г. М. Семенова в развитии идей панмонголизма, позиция японских властей по проблеме становились предметом научного анализа. В то же время анализ имеющихся публикаций показывает, что исследователи, традиционно, используют не все архивные документы по данному вопросу. Автор характеризует некоторые из неизвестных или малоизвестных источников, отмечая, что они содержат данные, широко ранее не известные. Это проект бурят-монгольского государства Ц.-Е. Цыдыпова.

Ключевые слова: бурят-монгольская государственность, Штаб охранной стражи КВЖД, агент, Ц.-Е. Цыдыпов, Г. М. Семенов

Evgeny V. Drobotushenko,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: drzz@yandex.ru

Secret Reports of Agents of the Headquarters of the Security Guards CER as a Source Of History Buryat-Mongolian Statehood In 1919

The article attempts to consider as a source on the history of the Buryat-Mongolian statehood in 1919 secret reports of agents of the Headquarters of the Guard of the Chinese-Eastern railway (CER). The author notes that the history of the state of Buryat-Mongolia, the role of ataman G. M. Semenov in the development of the ideas of panmongolism, the position of the Japanese authorities on the problem, became the subject of scientific analysis. At the same time, the analysis of available publications shows that researchers traditionally do not use all archival documents on this issue. The author characterizes some of the unknown or little-known sources, noting that they contain data not previously widely known. This is the project of the Buryat-Mongolian state T.-E. Tsydyпов.

Keywords: Buryat-Mongolian statehood, the Headquarters of the Security Guards CER, agent, T.-S. Tsydyпов, G. M. Semyonov

¹ Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГП Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Нормативное регулирование конфессиональных отношений на приграничных территориях Забайкалья, Северного Китая и Монголии: история и современность (компаративный анализ)».

Бурят-монгольская государственность в первые десятилетия XX века нашла отражение в научных публикациях. Первые же работы по вопросу бурят-монгольской государственности в рассматриваемое время, роли в процессах атамана Г. М. Семенова, а также японских властей в Забайкалье появились ещё в 1920-е годы XX века. Это, к примеру, публикации А. Ф. Сперанского [17, с. 154].

Первый опыт национального бурятского строительства достаточно подробно проанализирован В. В. Бабаковым [1].

Национальное движение бурят и монголов в конце второго десятилетия XX века анализируется в контексте развития идей панмонголизма. Панмонголистская тематика, в связи с атаманом Г. М. Семеновым, становилась предметом анализа исследователей. Одним из ведущих специалистов по данному вопросу является Л. В. Курас [11–15].

Занимались рассматриваемой проблематикой и иные авторы, такие как М. Н. Балдано, П. К. Варнавский, И. В. Наумов, Е. А. Рубанов, Л. А. Юзефович и др. [2; 16–18 и др.]

Проанализировав имеющиеся публикации, можно сделать вывод, что основная масса авторов используют для работы по проблематике имеющиеся публикации и документы Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации либо архива Управления ФСБ по Республике Бурятия. Отдельные авторы делают отсылки к некоторым делам Государственного архива Российской Федерации или Государственного архива Республики Бурятия (ранее – Национальный архив). В то же время складывается устойчивое ощущение, что не все источники стали достоянием широкой общественности. Так, богатейшую информацию по проблематике даёт одно из дел «Переписка с Министерством иностранных дел в г. Омске с генеральным консулом в Харбине и др. о проекте Бурят-Монгольской республики, поддержанном атаманом Семеновым» («Дело о монгольской аванюре атамана Семенова (1918–1919)») первой описи «1918–1919» фонды Р1383 «Советник Министерства иностранных дел на Дальнем Востоке на правах товарища министра (Российское правительство). Владивосток. 1918–1919» [5].

Названное дело содержит выдержки из донесений негласных агентов Штаба охранной стражи. Как известно, общероссийская охранная стража просуществовала до Февральской революции 1917 года [3; 4]. Здесь же речь идёт о Штабе охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), который располагался

в г. Харбине. Документы о его деятельности относятся и к 1919 году, включительно. Рассматриваемые нами документы заверены старшим адъютантом Штаба охранной стражи КВЖД полковником Балкалиным [6–10].

Отметим, что имеющиеся публикации не содержат информации, которая приводится в названных донесениях. Сказанное предопределяет актуальность данной статьи.

Мы не ставим целью данной статьи подробную характеристику национального движения бурят в рассматриваемое время, панмонголитских устремлений атамана Г. М. Семенова. Об этом написано достаточно много. Задача настоящего исследования видится во введении в научный оборот новых, не известных широкой общественности ранее документов с упором на констатацию отдельных конкретных фактов, связанных с донесениями секретных агентов Штаба охранной стражи КВЖД.

Как известно, буферное национальное государство Бурят-Монголия было образовано решением I Всебурятского Съезда 25 апреля 1917 года и просуществовало до октября 1920 года [1].

В рассматриваемых нами документах речь идёт о проекте бурят-монгольской государственности, предложенным Ц.-Е. Цыдыповым и поддержанном атаманом Г. М. Семеновым. Согласно им, Г. М. Семенов благожелательно относился к созданию бурят-монгольской государственности на новых, иных основаниях. Он находился в постоянных контактах с бурятским национальным комитетом (Бурнацком), располагавшимся в г. Чите. По некоторым данным даже принимал участие в одном из заседаний [5, л. 1].

Следует сказать, что в отдельных документах организация бурят именуется не комитетом, а советом. Также отметим, что уже в 1918 году в Бурнацкоме происходит раскол из-за несогласия части членов с позицией Г. М. Семенова, он, преобразовавшись в Бурятскую народную думу (Бурнардуму), по сути, прекратит существование (формально просуществует до осени 1920 г.) [1, с. 21; 5, л. 2].

Со стороны Г. М. Семенова в переговорах с представителями комитета участвовал бывший переводчик Штаба округа Ц.-Е. Цыдыпов. Он наиболее авторитетен. Авторитет исходил из кругов бурятского духовенства, которое его воспринимало очень хорошо. Иной документ говорит нам о том, что Ц.-Е. Цыдыпов являлся членом бурятского национального комитета [5, л. 1, 2].

Именно ему отводилась основная роль в реализации проекта. Помимо него активно в

процессе участвовал некто подполковник Шадрин, который был войсковым старшиной в армии Г. М. Семенова, состоял на должности начальника штаба туземного отряда на правах начальника штаба дивизии. Как отмечается в документе, подполковник Шадрин, помимо роли сугубо военной, пытался играть роль политическую как связующее звено между атаманом Семеновым и национальным бурятским комитетом. Значимую роль в организации новой государственности играло ещё два человека, буряты, оба российские подданные. Один из отрядов Г. М. Семенова, второе лицо не военное.

Проект бурят-монгольского государства был составлен Ц.-Е. Цыдыповым и одобрен монгольскими духовными властями. Сам Ц.-Е. Цыдыпов был пожалован «званием князя», получил монгольский орден I степени, ему прочилась должность «заведующего» внешними делами будущего государства. Княжеское достоинство было пожаловано Ургинским хутухтой (духовное лицо в буддизме, наряду с «гэгэном» второй по важности титул хубилганов – перерожденцев). Предложенный Ц.-Е. Цыдыповым проект Бурят-Монгольской республики предполагал наличие духовного главы в лице Ургинского хутухты и Национального Совета для управления светской составляющей в государстве. Члены предполагаемого Национального Совета вышли на контакт, в связи с данным вопросом, с Далай-ламой в Тибете. Важнейшим было решение вопроса административной принадлежности граждан нового государства, так как забайкальские буряты до того были российскими подданными, а монголы были к 1919 году автономными. В Забайкалье прибыл посланец Далай-ламы, официально для духовной помощи. Он не владел русским языком, плохо владел китайским. Два его помощника «немного говорили по-русски». По мнению агента, прибывший посланец имел «соответствующие инструкции», приезд его обставляется таинственно, в Чите он инкогнито. Он принят атаманом Г. М. Семеновым, который, как и его офицеры, полностью поддерживает идею [5, л. 2, 3].

Появление бурят-монгольской государственности должно было вызвать определённые вопросы со стороны Верховного правителя России А. В. Колчака, главы Российского правительства в Омске. Под влиянием Ц.-Е. Цыдыпова данный вопрос на обсуждение не выносили. Как отмечается в документах, буряты к Омскому правительству А. В. Колчака относились не враждебно, но и не стремились принять его.

Скорее их отношение было безразличным [5, л. 1, 2].

Японские власти в г. Чите были не только осведомлены о попытке переговоров Г. М. Семенова с лидерами бурятского национального комитета о создании новой государственности, но и распространяли среди бурят воззвание, текст которого, однако не был установлен [5, л. 1].

Ситуация с созданием нового государства развивалась достаточно стремительно. В Мугдене в начале апреля 1919 года должно было состояться совещание по поводу содействия атамана Г. М. Семенова монголам в их желании организации государственности с бурятами. Проведение совещания было вызвано тем, что незадолго до этого, в «Даурию» (куда конкретно не ясно, но, представляется, что под ней могли понимать всё Забайкалье) прибыл отряд монголов и хутухта Внутренней Монголии Мендумбаир. На совещание должны были, согласно источникам, прибыть представители китайских властей начальник штаба Чжань и Даоинь Вань. Предполагалось предъявить Г. М. Семенову ультиматум о прекращении содействия монголам и высылке их обратно. Приведённые данные содержатся в одном из писем, где также отмечается, что в решении монгольского вопроса, во избежание больших осложнений, требуется искать компромисс [5, л. 7].

Иное донесение секретного характера в виде телеграммы говорит о том, что в рамках заявленного проекта уже во Внутренней Монголии активно ведётся панмонголистская агитация, а также отмечаются волнения с лозунгами против Ургинского правительства. Поступали также сведения о том, что туда планируется приход вооружённых частей из Даурии. В телеграмме рекомендовалось воздействовать на Г. М. Семенова с целью его подчинения Российскому Правительству А. В. Колчака в Омске, а также с прекращением его самостоятельной политики в Монголии [5, л. 8].

Через некоторое время начались беспорядки в «туземных» войсках Г. М. Семенова. Значительная часть бурят ушла в Монголию. Самому Г. М. Семенову со стороны правительства А. В. Колчака было рекомендовано отказаться от самостоятельной политики в Монголии [5, л. 9]. Так закончилась одна из попыток создания бурят-монгольской государственности на территории Монголии, Внутренней Монголии и Забайкалья.

Таким образом, донесения агентов Штаба охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги являются ценнейшим источником, дополняющим историю создания и существо-

вания бурят-монгольской государственности. картины требуется дальнейшая серьёзная работа с архивными источниками. Очевидно, что воссоздания наиболее полной

Источники и литература

1. Бабаков В. В. Бурнацком – Бурнардума: первый опыт национально-государственного строительства в Бурятии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 1997. – 23 с.
2. Балдано М. Н., Варнавский П. К. «Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка её реализации (1900–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 99–108.
3. Глебов С. С. Охранная стража и её место в системе политической полиции Российской империи в 1866–1881 гг. // История государства и права. – 2006. – № 1. – С. 39–42.
4. Глебов С. С. Охранная стража и её место в системе политической полиции Российской империи в период 1866–1881 гг. // Вестник Московского университета. – 2006. – № 1. – С. 154–157.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р1383. – Оп. 1. – Д. 3.
6. ГАРФ. – Ф. Р-540. – Оп. 1. – Д. 1.
7. ГАРФ. – Ф. Р-540. – Оп. 1. – Д. 2.
8. ГАРФ. – Ф. Р-540. – Оп. 1. – Д. 3.
9. ГАРФ. – Ф. Р-540. – Оп. 1. – Д. 4.
10. ГАРФ. – Ф. Р-540. – Оп. 1. – Д. 5.
11. Курас Л. В. Атаман Семенов и национальное движение бурят // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 7. – С. 36–39.
12. Курас Л. В. Геополитические амбиции атамана Семенова: попытка создания федеративного «Велико-монгольского государства» // Гуманитарный вектор. Востоковедение. – 2011. – № 4. – С. 255–262.
13. Курас Л. В. Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова // Власть. – 2010. – № 8. – С. 31–34.
14. Курас Л. В., Бабаков В. В. Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX в.) // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. История. – 1997. – Вып. 1. – С. 32–42.
15. Курас Л. В. Атаман Семенов в эмиграции (по материалам первого допроса) // История белой Сибири: материалы 5-й Междунар. науч. конф. (г. Кемерово, 4–5 февр. 2003 г.). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – С. 224–226.
16. Наумов И. В. Панмонгольское движение и атаман Г. М. Семенов // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2012. – № 2, ч. 1. – С. 165–168.
17. Рубанов Е. А. «Великая Монголия»: несостоявшийся японский проект буферного государства в Восточной Азии в 1919 году // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2014. – № 3. – С. 149–155.
18. Юзефович Л. А. Начало панмонгольского движения и атаман Семенов // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты (История. Археология. Культура. Антропология и этнография). – М.: Наука, 1996. – С. 179–182.

УДК 327(470+571)+(73)
ББК 67.2(4Рос)

Елена Семеновна Косых,

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г. Стерлитамак, Россия,
e-mail: kossES@yandex.ru*

Правовое регулирование советской концессионной политики в годы НЭПа

В статье анализируется советское концессионное право 1920-х годов. Его целью было создание благоприятного инвестиционного климата для привлечения иностранного капитала в советскую экономику. Концессионный договор являлся специальным соглашением, допускавшим отступление от советского законодательства. Законодательство давало государству право контролировать производственную деятельность концессии и в любой момент досрочно расторгнуть договор.

Ключевые слова: привлечение иностранного капитала, концессии, концессионное право, договоры о технической помощи, Главный концессионный комитет, концессионное соглашение

Elena S. Kosykh,
Sterlitamak branch of the Bashkir State University,
Sterlitamak, Russia,
e-mail: kossES@yandex.ru

Legal Regulation of the Soviet Concession Policy in the Years of the NEP

The Soviet concession law of the 1920s is analyzed in this article. Its purpose was to create a favorable investment climate for attracting foreign capital to the Soviet economy. The concession contract was a special law allowing derogation from the Soviet legislation. The legislation gave the right to the state to control the production activity of the concession and at any time break the contract ahead of schedule.

Keywords: attraction of foreign capital, concessions, concession law, agreements on technical assistance, the Main Concession Committee, concession agreement

Мировая и российская практика доказала, что гибким и действенным способом привлечения инвестиций в различные отрасли экономики являются концессии, для которых необходимо лишь создать чёткие и привлекательные условия реализации. Однако в Российской Федерации концессионные соглашения не получили должного развития. Среди причин такого положения можно назвать несовершенство законодательства, сложные международные условия и непростой инвестиционный климат в России.

Между тем в нашей стране накоплен богатый исторический опыт использования концессий. В экономике дореволюционной России иностранный капитал занимал прочные позиции. Он инвестировался в горную, угольную, электротехническую, химическую промышленность, нефтедобычу. Концессионные соглашения получили широкое распространение на железнодорожном транспорте и в кредитных организациях. До 1917 года в российскую промышленность иностранцами было вложено 1343 млн р. [6, л. 193]. В начале 1920-х годов Советская Россия остро нуждалась в зарубежной технике, технологии и инвестициях для восстановления и модернизации промышленности. 23 ноября 1920 года был принят «Декрет о концессиях» [3]. Концессия означала нераспространение на отдельных предпринимателей законов о государственной монополии на разработку полезных ископаемых, ведение внешней торговли, о запрете или ограничении найма рабочей силы и т. д.

Предоставлял концессии только Совет народных комиссаров РСФСР (с 1923 г. – СНК СССР), при котором был создан Главный концессионный комитет (ГКК). Концессионный договор являлся специальным законом СССР, его нормы имели примат над правовыми нормами аналогичных законов СССР и союзных

республик. В то же время государственная власть новым специальным законом могла изменить или даже отменить акт о предоставлении концессии.

По действовавшему законодательству имущество концессионного предприятия состояло из зданий, оборудования, переданного в пользование государством, и имущества, привнесённого самим концессионером в виде воздвигнутых им строений, оборудования и т. д. Это имущество находилось в собственности государства, концессионер был лишь наемателем. Такое правовое положение концессионного предприятия ограничивало предпринимательскую свободу, так как концессионер не мог получать кредиты под обеспечение этого имущества. На праве собственности у концессионера были только сырьё, материалы и продукция концессионного предприятия [1, с. 36, 37, 40, 41, 43].

Концессионные предприятия включались в общую систему советского планового хозяйства. Государство оговаривало себе преимущественное право приобретать их продукцию по заранее согласованным ценам. Невыполнение производственных программ могло служить поводом для расторжения концессионного договора. Ввоз оборудования был беспрошльным в течение определённого срока. Оно должно было быть новейшим для своей отрасли. Ввоз сырья разрешался в исключительных случаях, когда советское сырьё было худшего качества или его не хватало. Ввоз капитала в денежной форме допускался только в иностранной валюте через Госбанк СССР, который конвертировал её в рубли. Трудовые отношения регулировались КЗОТ или коллективными договорами с отраслевыми профсоюзами.

Платежи концессионера были трёх видов:
1) долевые отчисления за предоставление

права на концессию. Они устанавливались в денежной или натуральной форме и исчислялись в определённом проценте к продажной стоимости реализованной продукции концессионного предприятия за операционный срок; 2) плата за пользование имуществом; 3) налоги (всесоюзные и местные) [1, с. 45]. Отчётность концессионного предприятия осуществлялась в соответствии с правилами, существовавшими в СССР, хотя в отдельные концессионные договоры включались пункты о коммерческой тайне. Условием всех концессионных договоров был безвозмездный переход основного имущества концессионного предприятия правительству после окончания срока концессии. В концессионных договорах предусматривалась возможность его выкупа, а не безвозмездная передача правительству. Готовая продукция, денежные капиталы и требования концессионера к третьим лицам оставались его собственностью.

Срок действия концессионных договоров был достаточно продолжительным: до 15–25 лет. Все договоры содержали условия досрочного прекращения концессий как путём одностороннего акта правительства, так и в связи с решением спора в судебной инстанции. Причиной расторжения могло быть объявление концессионера несостоятельным должником; невыполнение концессионером своих обязательств по выполнению производственных программ; невыплата долевых отчислений; нарушение порядка перевода за границу валюты и др. Предусматривалась также общая оговорка о возможности расторжения договора «в случае других существенных нарушений договора концессионером» [1, с. 95]. Во всех случаях вину концессионера должен был установить суд или арбитраж. Концессионер имел право на судебное обжалование действий правительства.

В ведении Главного концессионного комитета при СНК СССР были все типы концессий: чистые концессии, смешанные акционерные общества и договоры о технической помощи. В дореволюционные времена иностранные капиталы предпочитали участие в русских акционерных обществах [4, с. 87]. В советское время иностранные предприниматели не верили в эффективность социалистической организации экономики, стремились дистанцироваться от неё, поэтому предпочитали чистые концессии, без участия советского государства.

Несмотря на неурегулированность правового статуса концессий, сопротивления части партийной верхушки, концессионные договоры начали заключаться. В 1920-е годы было заключено 154 концессионных договора [10,

с. 133]. Но в широком масштабе иностранный капитал не пошёл в советскую экономику: советский режим казался ему слишком нестабильным и непредсказуемым. Прямые вложения иностранного капитала в экономику СССР были невелики. На 1 октября 1928 года инвестированный концессионерами капитал составил около 60 млн р. [8, с. 319]. В общем объёме продукции промышленности СССР доля продукции концессионных предприятий составляла около 1 %. Но в ряде отраслей значение концессий было велико. К концу 1927 года они добывали 40 % марганца, 35 % золота, 62 % свинца, производили 22 % одежды, 40 % всех моторов и 100 % шарикоподшипников [9, с. 264, 266].

Концессионная политика дала возможность приобщиться к западной технической мысли, приобрести новейшие технологии. Покупались патенты, чертежи, выписывались западные технические журналы, приглашались специалисты. Отдельные образцы западной техники просто копировались, как например, трактор фирмы «Форд» [11, с. 202]. Во многих договорах предусматривалась стажировка советских специалистов за рубежом [5, с. 101]. Для модернизации советской промышленности большое значение имели договоры о технической помощи. Такой договор подразумевал: проектирование завода, консультации в процессе строительства и выбора оборудования, руководство монтажными работами, пуск производства. Фирма передавала патенты, чертежи и обучала специалистов. Сначала договоры о технической помощи заключались в основном с германскими специалистами, затем их сменили англичане и американцы. Общие расходы по договорам о технической помощи были невелики: в 1926/1927 годах стоимость технической помощи составила 2,165 млн р., в 1927/1928 годах – 6 млн р. [7, л. 118]. Значительная часть договоров о технической помощи была заключена в 1929 году – 50. Из них 22 – с германскими фирмами, 13 – с американскими, 6 – с французскими [2, л. 18].

С помощью импортного оборудования были построены Горьковский автомобильный завод и Государственный подшипниковый завод, Магнитка и Кузнецк, Уралмашзавод и завод грузовых машин в Ярославле, Днепрогэс. Американский историк Э. Саттон считает, что 95 % советских промышленных предприятий получали западную помощь в форме машин, технологии, прямой технической помощи [12, с. 348]. Помощь Запада позволила советской власти быстро восстановить экономику в

1920-е годы и осуществить план первой пятилетки.

Концессии были инородным элементом в советской экономике. В начале 1930-х годов, когда был взят курс на автаркию, большинство концессий было ликвидировано. Причин несколько. Серьёзным препятствием был нерешённый вопрос о дореволюционных долгах. Крупные западные банки не давали кредиты СССР, а промышленный капитал больших свободных средств, как правило, не имел. Мелкие концессии могли выжить, но крупные терпели фиаско. Сами концессионеры жаловались на бюрократизм, волокиту, давление профсоюзов, вмешательство ОГПУ и нарушение контракта со стороны советских органов. Далеко не все концессионеры получили компенсации.

Арманд Хаммер смог вывезти прибыль, полученную от концессии, а шведские предприятия «Сепаратор», «СКФ-Шарикоподшипник» не смогли перевести доход за рубеж. А. Гарриману, «Мологолесу» было возмещено до 25 % всех инвестиций, а «Интернешнл Харвестер» и «Вестингхаус» были национализированы без компенсации.

Итоги концессионной политики были весьма скромными. Концессия существовала до тех пор, пока в ней было заинтересовано государство по каким-либо причинам международного, внешнеэкономического и внутриэкономического характера. Свою роль также сыграли неурегулированные международные вопросы и неблагоприятная экономическая конъюнктура конца 1920-х годов.

Источники и литература

1. Бернштейн И. Н. Очерк концессионного права СССР. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 128 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 8350. – Оп. 6. – Д. 259.
3. Декрет СНК от 23 ноября 1920 г. Текст декрета, объекты концессий, карты. – Петроград: Госиздат, 1921. – 23 с.
4. Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и в СССР. – М.: Международные отношения, 1990. – 168 с.
5. Косых Е. С. Становление советско-американских торгово-экономических отношений (1918–1923 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10-3. – С. 99–102.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 3429. – Оп. 6. – Д. 87.
7. РГАЭ. – Ф. 5240. – Оп. 2. – Д. 295.
8. СССР. Год работы правительства (Материалы к отчёту за 1928/1929 бюджетный год). – М.: Отд. печати и информации СНК СССР и СТО, 1930. – 461 с.
9. Шишкин В. А. «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР. 1924–1928 гг. – Л.: Наука, 1983. – 366 с.
10. Юдина Т. В. Привлечение иностранного капитала в советскую экономику в годы НЭПа // Власть. – 2009. – № 7. – С. 132–134.
11. Sorensen C. E. My Forty Years with Ford. – New York: Norton, 1956. – 345 p.
12. Sutton A. C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917–1930. – Stanford: Stanford University, 1968. – 381 p.

УДК 93/94(470.341-25)
ББКТЗ(2)614(2Рос-4Чит)

Ксения Владимировна Федосеева,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,
e-mail: kvfedoseeva@yandex.ru

**История г. Нижнего Новгорода 1920-х годов
в творчестве доктора исторических наук, профессора,
члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского**

В статье рассматривается одно из направлений творчества известного отечественного историка С. И. Архангельского, посвящённое истории г. Нижнего Новгорода. Эту тему историк разрабатывал в течение всей жизни. В статье представлен лишь один из этапов изучения им Нижегородского края – 1920-е годы. В ходе исследования сделаны выводы о том, что, во-первых, С. И. Архангельский использовал в работе материалы по истории г. Нижнего Новгорода,

собранные им в годы его работы в НГУАК (1902–1917 гг.), во-вторых, его интересовала, главным образом, проблема торгового капитала и апробация этой теории на источниках по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края, и, в-третьих, он был руководителем ННОИМК и активным деятелем краеведческого движения, пик которого пришёлся на 1920-е годы, что также диктовало актуальность изучения этой темы и возможность публикации работ в печати краеведческой направленности. Важной особенностью изучения г. Нижнего Новгорода С. И. Архангельским являлось то, что он формировался в этот период как специалист по всеобщей истории (как специалист по истории Английской революции XVII в., как историк городов (переводчик трудов А. Пиренна по истории средневековых городов и др.)). Эти обстоятельства повлияли на его подходы к изучению г. Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: С. И. Архангельский, НГУАК, история городов, ННОИМК, краеведение, история Нижегородского края, торговый капитал, Волжский водный путь, р. Волга, история торговли, экономическая история

Kseniia V. Fedoseeva,
Moscow State University,
Moscow, Russia,
e-mail: kvfedoseeva@yandex.ru

History of the City of Nizhny Novgorod in the Works of Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR, S. I. Arhangelsky in 1920-s

The article discusses one of the directions of creativity of the famous Russian historian S. I. Arhangelsky dedicated to the history of Nizhny Novgorod. The historian developed this topic throughout his life. The article presents only one of the stages of the study of the Nizhny Novgorod region – the 1920s. The study concluded that, firstly, S. I. Arhangelsky used in his work materials on the history of the city of Nizhny Novgorod, collected during the years of his work at NGUAK (1902–1917), and secondly, he was mainly interested in the problem of trade capital and testing this theory on sources on the history of Nizhny Novgorod. Novgorod and Nizhny Novgorod region, and, thirdly, he was the head of NNOIMK and an active activist of the local history movement, which peaked in the 1920s, which also dictated the relevance of studying this topic and the possibility of publishing works in the local history press. An important feature of the study of the city of Nizhny Novgorod S. I. Arhangelsky was the fact that it was formed during this period as a specialist in universal history (as a specialist in the history of the English revolution of the 17th century, as a historian of cities (translator of A. Pyrenees in the history of medieval cities, etc.)). These circumstances influenced his approaches to the study of Nizhny Novgorod.

Keywords: S. I. Arhangelsky, NGUAK, history of cities, NNOIMK, local history, history of Nizhny Novgorod region, trade capital, Volga waterway, river Volga, history of trade, economic history

Во время и после Октябрьской революции 1917 года Сергей Иванович Архангельский (1882–1958) продолжал работать в учебных учреждениях г. Нижнего Новгорода [12; 14]. В его личном фонде в Архиве РАН (Ф. 1530) отложился «Отчёт о прочтении курса лекций по истории Греции и Рима в Нижегородском народном университете» [1], прочитанных им в 1916–1918 годах. В эти годы он продолжил общение с коллегами из Нижегородской губернской учёной архивной комиссии (НГУАК), сотрудничество с которой начал ещё в студенческие годы в 1902 году. Таким образом, С. И. Архангельский занимался преподаванием и административной работой в учебных учреждениях Нижнего Новгорода и параллельно

обрабатывал материал по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края, собранный за годы работы в НГУАК. Кроме того, из годового отчёта Нижегородского научного общества по изучению истории местного края (ННОИМК), отчасти продолжившей работу НГУАК, следует, что Нижегородский педагогический институт, где также преподавал С. И. Архангельский и которому принадлежала инициатива создания ННОИМК, «уже в продолжение нескольких лет проводил краеведческую работу» [10].

Главным направлением работы ННОИМК было изучение истории Нижегородского края. В ходе этой работы С. И. Архангельский подготовил многочисленные доклады и статьи. На

одном из заседаний ННОИМК 1927 года С. И. Архангельский прочитал доклад «Ранняя культура Нижегородского края (XIII–XV вв.) и её хозяйственные основы» [10, с. 22]. Как сообщила его ученица и секретарь этого общества Н. Ф. Ржига, «работа была основана на изучении летописей, говорящих о Нижегородском крае, актов, грамот, литературы; её целью являлось – вскрыть в экономике Нижегородского края роль волжского пути, как проводника раннего торгового капитализма, обрисовать верхнюю военно-дружинную группу местного общества, связанную с торговлей на Волге и противопоставить этой системе хозяйства другую, покоившуюся на добывающей промышленности и земледелии, на местных рынках и захватывающую основную массу населения. Эта двойственность хозяйственного уклада жизни, конечно, создавала и соответствующие культурные отложения. Рядом с предметами восточной индустрии, с накоплением значительных денежных богатств, с многообразием типов судов, налицо примитивная охота, рыболовство, бортничество, низкая земледельческая техника. Работоторговля сигнализирует один из главных предметов экспорта, а равным образом и социальные различия, жажду наживы и воинственность» [10, с. 22–23].

Как видно из описания, С. И. Архангельский одновременно изучал торговый капитализм в работах зарубежных учёных Г. Белова, А. Пиренна, А. Допша и др. Нижегородский историк консультировался по этим вопросам и со своим учителем из Императорского Московского университета Д. М. Петрушевским [11]. В результате изучения этих вопросов С. И. Архангельскому удалось опубликовать несколько статей, посвящённых Нижнему Новгороду. В 1926 году была опубликована его статья «Краткий очерк истории Н. Новгорода» [3]. С. И. Архангельский проследил динамику развития города с момента основания до революции 1905 года. Вступление и основная часть этой статьи касались основных вех развития Нижнего Новгорода. Работа была опубликована при посредничестве Комиссии по улучшению быта детей при Нижегородском ГИК, и, вероятно, поэтому оканчивалась рассуждениями о предпосылках создания университета в Нижнем Новгороде. «Нижний Новгород становится мощным культурным очагом, – рассуждает С. И. Архангельский, – Любопытно, что революция 1905 года, поднимая к политической жизни новые городские слои, развившие в то время необычайную организационно-творческую энергию, приносит мысль о необходимости иметь в городе университет.

Мысль эта тогда лишь реализовалась в форме постановления городской думы. Но разве это постановление не символизировало союза революции и культуры» [3, с. 81]. Более подробно эта мысль нашла отражение в работе А. В. Седова «Упущенный шанс», посвящённой попытке создания университета в Нижнем Новгороде в те годы [9].

В 1929 году увидела свет статья С. И. Архангельского «Волжский водный путь и Нижегородский край в XIII–XIV вв.» [2] и его рецензия на работу И. А. Шубина «Волга и волжское судоходство» [5]. Следует отметить, что рецензия на работу И. А. Шубина [15] вышла в журнале «Краеведение», издаваемом Центральным бюро краеведения. С. И. Архангельский отметил: «Историк русского капитализма найдёт в работе Шубина богатый материал по промышленной революции XIX и начала XX вв., который приводил к замене единоличных предприятий акционерными, к тестированию волжского пароходства, к зависимости его от владельцев нефти, в свою очередь творивших на Волге волю международного капитала» [5, с. 53]. Статья С. И. Архангельского «Волжский водный путь и Нижегородский край в XIII–XIV вв.» также была посвящена изучению торгового капитализма в Нижегородском крае. Как указал Архангельский: «Выясняя создавшуюся связь с мусульманскими купцами и генуэзцами, мы должны сказать, что в изучаемой исторической обстановке крупнейшую роль сыграли два факта, волжский речной путь и восточный рынок, которые через генуэзцев были связаны с средиземно-морской торговой системой. Таким образом, Волга связывала Нижегородский край с очень отдалёнными районами. И если до последнего времени истоков торгового капитала, оперирующего в московском государстве, главным образом искали в ганзейско-новгородских связях, в том, что Москва захватила громадные богатства Новгорода, то нам представляется целесообразным отметить и крупную роль волжского водного пути, прорезавшего нижегородское княжество и разветвлявшегося в нём, как артерии, связывавшей центральные области Восточной Европы с далёкими рынками и вводившей в торговый оборот разнообразные товары...». Важное замечание и вывод С. И. Архангельского: «...здесь составлялась психология авантюризма, такая характерная для зари первоначального накопления» [2, с. 142, 143].

Обращает на себя внимание список литературы к работе. Среди работ, на которые опирался С. И. Архангельский при изучении торгового капитализма, встречаем фамилии

А. Допша, А. Пиренна, В. Зомбарта [19]. В первом примечании к статье, делая ссылку на Допша, С. И. Архангельский указывает: «Мы имеем в виду работу Dopsh Grundlagen der Europeischen... [16; 17] и его Die Karolingerzeit [16; 17]. Pirenne Mediaeval cities and revival of the commerce [18] (даёт оригинальную точку зрения на историю экономики Западной Европы, отчасти и Восточной, отличную и от старой школы и от школы Штернега и Бюхера и нового допшевского направления)» [2, с. 144]. С. И. Архангельского заинтересовали работы и современных ему авторов: университетского учителя Н. А. Рожкова «Русская история...» [8] и И. М. Кулишера «История русского народного хозяйства...» [6; 7].

Таким образом, можно констатировать, что С. И. Архангельский на протяжении 1920-х годов занимался изучением теории торгового капитализма, изучал работы ведущих в те годы европейских историков, успешно применял их методы для изучения истории Нижнего Новгорода. По сути, главной проблемой, интересовавшей С. И. Архангельского в те годы, была история европейских городов. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, следует объяс-

нить причину того, что он принялся за перевод книги А. Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли» в те годы. Поэтому для него важно было и поддержание рабочих контактов с Д. М. Петрушевским [11; 13], в чьих работах отражены результаты изучения торгового капитала, первоначального накопления и др. А. Пиренн же важен для Архангельского, как исследователь торговли. Во введении к переводу книги Пиренна «Средневековые города» Архангельский отметил: «Торговля всегда стояла в центре внимания Пиренна. Она, как это ни странно сказать, сливалась с другим явлением, которым также интересовался Пиренн, – капитализмом» [4]. Из-за того, что перевод книги Пиренна был опубликован лишь в 1941 году, долгое время не удавалось понять мотивы С. И. Архангельского относительно целей и задач публикации. Всё встало на свои места, когда была изучена переписка С. И. Архангельского с Д. М. Петрушевским. Все работы, которые С. И. Архангельский направлял Д. М. Петрушевскому, объединяла одна тема – история капитализма, торговли и современные подходы к изучению этих проблем. С. И. Архангельский живо интересовался ими в 1920-е годы.

Источники и литература

1. АРАН (Архив Российской академии наук). – Ф. 1530. – Оп. 3. – Д. 41.
2. Архангельский С. И. Волжский водный путь и Нижегородский край в XIII–XIV вв. // Нижегородский краеведческий сборник. – Н. Новгород, 1929. – Т. 2. – С. 136–145.
3. Архангельский С. И. Краткий очерк истории Нижнего Новгорода // Нижегородский ежегодник: Административно-хозяйственный справочник по Нижнему Новгороду и губернии. – Н. Новгород: Комиссия по улучшению быта детей при Нижегород. ГИК, 1926. – С. 77–86.
4. Архангельский С. И. Пиренн (1862–1935) // Пиренн Анри. Средневековые города и возрождение торговли / пер. с англ. и предисл. С. И. Архангельского. – Горький: Изд. ГПИ, 1941. – С. 3–14.
5. Архангельский С. И. Рец. на Шубин «Волга и волжское судоходство» // Краеведение. – 1929. – Т. 4, № 1. – С. 51–53.
6. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства: в 2 т. Т. 1. – М.: Мир, 1925. – 215 с.
7. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства: в 2 т. Т. 2. – М.: Мир, 1925. – 440 с.
8. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). – 2-е изд., испр. и доп. – Петроград; М.: Книга, 1923.
9. Седов А. В. Упущенный шанс // Вестник ННГУ. – 2002. – № 1. – С. 179–182.
10. Третий год работы ННОИМК. – 1927–1929. – 30 с.
11. Федосеева К. В. «Шлю Вам наилучшие пожелания и маленький подарок на добрую память о провинциальном историке»: к публикации переписки С. И. Архангельского и Д. М. Петрушевского // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013 / под ред. А. Н. Маслова и А. А. Кузнецова. – Н. Новгород: М-Принт, 2013. – С. 118–128.
12. Федосеева К. В. Новый источник к биографии С. И. Архангельского // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 897–909.
13. Федосеева К. В. Переписка С. И. Архангельского с Д. М. Петрушевским // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: материалы международного науч. конф. / отв. ред. В. Ю. Афиани. – М.: Архив РАН, 2013. – С. 495–501.
14. Федосеева К. В. Формирование идейно-теоретических и методологических взглядов д. и. н., члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского // Вестник ННГУ. – 2017. – № 5. – С. 59–72.
15. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). – М.: Транспечать НКП, 1927. – 920 с.
16. Dopsh A. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit: vernehmlich in Deutschland. – Weimar: Hermann Boehlaus Nachfolger, 1922. – 440 p.

17. Dopsh A. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung aus der Zeit von Cäsar bis auf Karl den Großen. – 2. Aufl. – W., 1923–1924. – Bd. 1–2.

18. Pirenne H. Medieval Cities: Their Origins and the Revival of Trade. – Updated Edition. – Princeton University Press, 2014. – 208 p.

19. Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Bd. 2: Die Theorie der kapitalistischen Entwicklung. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1902. – VIII. – 646 p.

УДК 94

ББК ТЗ(2)61

Владимир Иванович Косых,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия,

e-mail: ifotdel@yandex.ru

Чеканка монет Монголии 1925 года в СССР

Статья посвящена помощи СССР в организации чеканки первых монет для дружественной Монголии на Ленинградском монетном дворе. Автор статьи затрагивает проблемы, связанные с поиском дизайна монет, подготовленного советским художником, в установлении количества номиналов, выполнении технических работ для чеканки, размера эмиссии.

Ключевые слова: монетный двор, Монголия, номинал, тугрик, монгу, металл

Vladimir I. Kosyh,

Transbaikal State University,

Chita, Russia,

e-mail: ifotdel@yandex.ru

Coinage of Mongolia in 1925 in the USSR

The article is devoted to the support of the USSR in the organization of coinage of the first coins for friendly Mongolia in Leningrad mint. The author of the article describes problems associated with the coin design search, prepared by the Soviet artist, with setting the number of nominal, performing technical works for coinage, the size of the issue.

Keywords: mint, Mongolia, nominal, tugrik, mongu, metal

13 июня 1924 года Монголия объявила себя вседружественной народной республикой. Налаживание развития страны потребовало введения национальной валюты. В 1924–1925 годах правительство МНР, проводя денежную реформу, получило помощь от СССР в организации чеканки монет для своей страны. 2 июня 1924 года в Урге Наркомат финансов СССР и правительство МНР на акционерных началах основали Монгольский торгово-промышленный банк (Монголбанк). Постановлением правительства МНР от 22 февраля 1925 года объявило о проведении денежной реформы и право выпуска национальной валюты, получившей название «тугрик» («круг»), представлялось Монголбанку.

6 мая 1925 года Валютное управление Наркомфина СССР предложило Ленинградскому монетному двору начать срочное изго-

товление матриц монгольских монет. Их описание представил Монгольский торгово-промышленный банк. В письме от 18 июля 1925 года Валютное управление НКФ СССР направило монетному двору 8 рисунков монет, которые утвердил политический представитель Монголии в Москве Данзан [1, с. 8].

Эскизы семи номиналов монет разработал известный бурятский художник Цыренжап Сампилов (1899–1953). Родился он в улусе Домно-Еравно Забайкальской области. Учился в художественной студии знаменитого скульптора И. Жукова, в 1918 и 1919 годах – в Читинской художественно-промышленной школе. В Чите жил до 1920-х годов, занимался живописью и графикой, работал художником в периодических изданиях Дальневосточной Республики. В 1923 году он принимал участие в оформлении бурятского отдела Всероссий-

ской сельскохозяйственной выставки, где за альбом своих рисунков получил «Диплом признательности». Здесь сотрудники Гознака отметили нужного им человека, художника, знатока монгольского искусства и письменности [2, с. 38–39].

На лицевой стороне монет изображался древний монгольский государственный герб «Золотая Соёмба», сложный знак из 11 элементов. Из текста видно, что эти деньги принадлежат «всесудружественной Монгольской Народной Республике». Цифра «15» под гербом означала, что отсчёт времени начат с 1911 года (даты независимости страны) [1, с. 9]. Валютное управление Наркомата финансов СССР 28 июня 1925 года направило на завод рисунки монет, утверждённые Данзаном, номиналами в 1, 2, 5, 10, 15, 20 и 50 мунгу, 1 тугрик. Изображение монет, полученные Монетным двором, пришлось несколько изменить применительно к техническим условиям производства. При этом работники допустили несколько ошибок: в частности, на монете в 5 мунгу в надписях отсутствует одна важная завитушка, некоторые монеты в 20 мунгу аверс и реверс относительно друг друга повернуты на 180° (эти монеты очень редкие) [2, с. 41].

По размеру и весу монеты Монголии сделали идентичными тогдашним монетам СССР, чтобы не переделывать оборудование Монет-

ного двора. С 14 ноября 1925 года началась чеканка монет в 1 тугрик, 50 и 10 мунгу. Этот заказ монетный двор исполнил 30 января 1926 года. В Монголию они поступили в обращение в начале февраля 1926 года. (Монголь-банк выпустил монет в обращение сначала на 23 тыс. тугриков, затем – на 62 тыс.). Интересно, что население страны почти все серебряные тугрики оставило у себя в качестве своеобразных монет-амулетов.

Таким образом, Ленинградский монетный двор отчеканил монеты для Монголии из серебра 900-й пробы – тугрик (18 граммов) и 50 мунгу (9 граммов), из биллона (серебро 500-й пробы): 20 мунгу (вес – 1,8 грамма), 15 мунгу (1,35 грамма) и 10 мунгу (0,9 грамма), из меди – 1, 2 и 5 мунгу [6].

Монетному двору пришлось в марте 1926 года подчеканивать 300 тыс. монет в 1 мунгу на 3 тыс. тугриков. В апреле состоялся ещё один дополнительный чекан серебряных монет (1 741 667 штук) на 500 тыс. тугриков. В конце 1926–1927 годов и в 1931 году Монетный двор выполнил второй и третий заказ правительства Монголии.

В итоге Ленинградский монетный двор отчеканил для МНР около 14 млн монет на сумму более 4 млн тугриков [5]. Для коллекционеров большой интерес представляют монеты в 5 и 15 мунгу, 1 тугрик.

Источники и литература

1. Глейзер М. Чеканка монгольских монет в Советском Союзе // Санкт-Петербургский коллекционер. – 2003. – № 3.
2. Нестеренко Ю. К. От Хубилая до Сухэ-Батора. – Чита: Экспресс-изд-во, 2012. – 46 с.
3. Standard catalog of world coins. 1979 edition by Chester Krause and Clifford Mishler. – Iola; Wisconsin, 1979. – P. 1218–1219.
4. The coins and banknotes of Mongolia. – Ulaan-Batar: ADMON, 2005. – P. 49–50.

УДК 94

ББК ТЗ(2)53-52

Алексей Николаевич Гребенкин,

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,

г. Орёл, Россия

e-mail: angrebyonkin@mail.ru

Социокультурное пространство кадетских корпусов Русского зарубежья

В статье дана характеристика социокультурного пространства кадетских корпусов Русского зарубежья. Автор рассматривает изменения, которые произошли в духовно-нравственном облике воспитанников и их поведении под влиянием чрезвычайных условий Гражданской войны и беженских скитаний. В работе также анализируется процесс трансформации неофициальных кадетских традиций.

Ключевые слова: эмиграция, Русское зарубежье, кадетские корпуса, социокультурное пространство, традиции

Alexey N. Grebenkin,

Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA,

Orel, Russia,

e-mail: angrebyonkin@mail.ru

Sociocultural Space of Cadet Corpses of Russian Diaspora

This article gives the characteristic of sociocultural space of cadet corpses of Russian Diaspora. Author touches upon the changes which took place in spiritual and moral character of cadets and their behavior under the influence of emergency circumstances of Civil War and refugee wanderings. The work also presents the analysis of process of transformation of unofficial cadet traditions.

Keywords: emigration, Russian Diaspora, cadet corpses, sociocultural space, traditions

Кадетские корпуса Российской империи представляли собой целостный, устойчивый социокультурный феномен. Система духовно-нравственного и военного воспитания, созданная в начале XX века главным начальником военно-учебных заведений великим князем Константином Константиновичем, позволила кадетам и юнкерам не утратить своё лицо и в страшные годы Гражданской войны. Питомцы военной школы не только ценой жизни отстаивали свою форму и погоны, но и едва ли не в одиночку выступили на защиту той России, офицерами которой они готовились стать. Корпоративная сплочённость и истинный дух товарищества явились одной из главных предпосылок возрождения кадетских корпусов в эмиграции. Однако, несмотря на все усилия воспроизвести дореволюционную модель кадетского воспитания, Крымский, Донской и Русский корпуса существенно отличались от корпусов старой России.

Модификация, отражавшаяся и на социокультурном облике воспитанников, была обусловлена в первую очередь трагическими обстоятельствами исхода из России и последующих скитаний. По мере изживания последствий Гражданской войны жизнь корпусов приобретала формы, близкие к дореволюционному. В вышедшем уже в 1970 году очерке истории эмигрантских кадетских корпусов их выпускники, оглядываясь назад и анализируя пройденный путь, выделили три этапа развития военной школы Русского зарубежья. Первый этап («период собирания») охватил Гражданскую войну и первые годы пребывания за рубежом. В корпуса группами и поодиночке прибывали чудом выжившие кадеты, каждый из которых нёс на себе трудно смываемую печать лихолетья. Эту пёструю, нестройную толпу трудно было дисциплинировать и вернуть к привычному укладу жизни. Вторым этапом, пришедшийся на 1922–1925 годы, представлял собой «соединение в одно стройное це-

лое этой массы разнородных частиц» [6, с. 128].

Наконец, третий этап, который наступил во второй половине 1920-х годов, ознаменовался преодолением неблагоприятных обстоятельств и переходом к нормальной жизни военно-учебного заведения. Процесс слияния корпусов, пришедшийся на конец 1920-х – начало 1930-х годов, внёс в жизнь кадет нежелательные явления, обусловленные притиркой друг к другу неоднородных социокультурных элементов, но их удалось достаточно быстро изжить, «создав в последнем зарубежном корпусе (1-м Русского великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе – А. Г.) кадет, впитавших в себя лучшие традиции трёх основных кадетских корпусов» [6, с. 128]. То, что последний из зарубежных кадетских корпусов носил имя великого князя, внушало и воспитанникам, и их наставникам уверенность в том, что «...в эпоху российского помутнения будут всё же сохранены старые традиции кадетского духа, воспитательные принципы воинской чести, долга, рыцарства и самоотверженного служения» [5, с. 181].

Гражданская война крайне негативно отразилась на душевном состоянии и нравственном облике кадет, и последствия чересчур раннего знакомства воспитанников с изнанкой жизни ещё долго давали о себе знать. Кодекс чести кадет приобрел крайне уродливые формы. Двусмысленное поведение некоторых педагогов и офицеров-воспитателей в 1917 году внушили неуважение к ним, что не замедлило отразиться на правилах традиционной жизни. Так, заведомая ложь офицеру-воспитателю, неисполнение его приказа стали считаться не тяжким проступком, а героизмом. Экстраординарные условия жизни, когда кадеты ходили голодные, разутые и раздетые, вынудили их копировать модель поведения беспризорников. Поэтому воровство у торговки на базаре, даже грабёж стали считаться дозволенными

ми поступками. Командир роты Крымского кадетского корпуса подполковник Е. А. Худыковский отмечал: «На кадет же период эвакуации и Гражданской войны произвёл самое растлевающее действие. У них произошла полная переоценка ценностей: всё, что до этого считалось безнравственным, стало нормальным, всё недопустимое – вполне возможным. Особенно резко изменился взгляд на отношение к чужой собственности» [4, с. 152]. Кадеты стали совершать немыслимые с точки зрения дореволюционной жизни поступки – выносить из корпуса и продавать («загонять», как говорили они) казённые вещи – постельное бельё, обмундирование и т. п.

Настоящим бичом зарубежных корпусов в первые годы их существования стали распущенность и цинизм воспитанников. Среди кадет распространилось пьянство, в обиход вошла площадная брань, занесённая в корпуса старшими кадетами-«фронтовиками». Однако это было временное, наносное явление, с которым достаточно быстро справились офицеры-воспитатели. Дисциплина и внешняя благопристойность постепенно восстанавливались.

Гораздо более тревожным явлением была тоска кадет по Родине, по потерянным семьям. Постоянные душевные переживания мешали учёбе, прорывались наружу в виде диких, необузданных выходок, направленных против порядков заведения и лиц учебно-воспитательного состава. Некоторые воспитанники, будучи не в силах справиться со своим душевным разладом, добровольно уходили из жизни. Случаев суицида в первые годы жизни эмигрантских корпусов было так много, что появилась легенда о созданном кадетами клубе самоубийц. Во главе клуба, где велась игра в карты не на деньги, а на жизнь, якобы стоял советский агент Хасанов. Впоследствии сами зарубежные кадеты разоблачили эту легенду, доказав, что «...клуба не было, что юноши, прерывавшие свою жизнь, делали это только в силу создавшегося положения, а частично и моды, желая показать своё бесстрашие» [1, с. 14]. Но так или иначе глубокий пессимизм, неожиданно прерываемый вспышками разнузданного буйства, долго отравлял жизнь кадет и их наставников, и его тягостная тень исчезла лишь с уходом из корпусов последних кадет-«фронтовиков».

Воспитанники, за годы Гражданской войны отвыкшие от дисциплины, с трудом подчинялись её требованиям. Уходы с уроков как в одиночку, так и целыми отделениями, в первые годы существования эмигрантских кадетских корпусов были достаточно широко распро-

странённым явлением. Имели место быть пререкания с преподавателями и воспитателями, часто перераставшие в затяжные конфликты. Эти конфликты зачастую приобретали весьма острые формы, поэтому «бунты» и «бенефисы», устраиваемые кадетами эмигрантских корпусов, были во многом аналогичны грандиозным побоищам эпохи упадка старых кадетских корпусов на рубеже 1850–1860-х годов.

Упадок учебно-воспитательной работы и бытовая неустроенность в первые годы эмигрантского бытия корпусов вели к разладу сложившихся в течение десятилетий форм работы. Офицеры и педагоги, сами обременённые проблемами, не обладали должной энергией, чтобы воссоздать корпуса по образу и подобию дореволюционных. Им на помощь пришла здоровая, сохранившая силы часть старших воспитанников, сумевшая превратить старые кадетские традиции в опору дисциплинарных требований и надёжное средство воспитания младших товарищей. Самоуправление, до революции не игравшее заметной роли в жизни кадет и служившее лишь подспорьем традиции противостояния начальству, в эмиграции выдвинулось на авансцену и стало одной из опор системы воспитания. «Генерал выпуска» был уже не столько организатором шалостей и ночных парадов, сколько деятельным помощником официального начальства, зорко следившим за нравственностью кадет и принимавшим меры, по своей эффективности зачастую даже превосходившие приказы директора заведения. Разумеется, эта ситуация не может считаться нормальной. Но тяжёлое положение, в котором находились корпуса, вынуждали руководство смириться с существованием добровольных помощников, а те, в свою очередь, редко злоупотребляли своим положением и прилагали все силы, чтобы внушить младшим кадетам уважение к начальству, любовь к родному заведению, благоговение перед далёкой Россией.

Итогом стала трансформация самих кадетских традиций, превращение их в принципиально отличный от дореволюционных традиций социокультурный феномен. Один из кадет-эмигрантов, Н. Воробьев, отмечал, что традиции корпусов Русского зарубежья отчасти утратили присущую им карнавальность и приобрели возвышенный характер: «...мы иначе стали относиться к соблюдению кадетских традиций. Теперь мы смотрели на это уже не как на мальчишеские выходки и весёлую игру. Нет, это было для нас чем-то священным, чуть ли олицетворявшим для нас далёкую поработщённую Родину» [6, с. 290]. В знаменитой

«Звериаде» появились куплеты, прославлявшие Россию, военную службу, традиции русской армии. К концу 1920-х годов сложился взгляд на кадетские традиции не как на свод правил, регламентировавших взаимоотношения воспитанников и их отношение к порядкам заведения, начальству и педагогам, а как на духовные основы их бытия и проникнутый глубоким смыслом *modus vivendi*. В 1929 году выпускники расположенного в Софии Родного корпуса «...подняли вопрос о кадетских традициях и единодушно сформулировали их так: “В основе наших традиций как цель деятельности всех кадет лежит девиз: Жизнь за Веру, Царя и Отечество. Как способ же действия: Сплочение, достигаемое жертвенной взаимной дружбой, строгой дисциплиной, безграничным доверием и любовью к начальству нашему, самоотверженной, честной и энергичной работой во исполнение его предначертаний и поведением, достойным русского имени”» [3, л. 3].

Трогательным напоминанием о перенесённых испытаниях были призваны служить вновь созданные традиции, «преследовавшие цель укрепить в кадетских сердцах память о родном корпусе и его “Голгофе”» [7, с. 335]. Например, в 1920 году цветком-символом воспитанников Одесского корпуса стал василёк, напоминавший кадетам, навсегда покинувшим родную Одессу, об их старых погонах василькового цвета.

Но главным предназначением кадетских традиций являлось сплочение воспитанников различных корпусов в единую корпорацию. В 1930 году выпускник Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса А. Шавров призывал своих младших товарищей: «Кадеты

славных императорских российских корпусов, послужите же Отечеству. Объединитесь в верную национальным заветам – общую кадетскую семью, сберегите священные старые кадетские традиции и передайте их молодому поколению кадет во всей их рыцарской чистоте, полноте и сохранности...» [2, л. 2].

Таким образом, социокультурное пространство кадетских корпусов Русского зарубежья, сохранив контуры, сложившиеся ещё до революции, претерпело достаточно серьёзную трансформацию, вызванную главным образом экстремальными условиями эмигрантской жизни. Изменилась, в первую очередь, экзистенциальная сущность корпусов – раньше они готовили детей к офицерской карьере, теперь перед ними встала задача их физического спасения и воспитания в духе национальных традиций. Это повлекло за собой изменение мировоззрения воспитанников, уже достаточно серьёзно искажённого событиями Гражданской войны и беженскими скитаниями. Они рано повзрослели, и этот факт нельзя оценивать исключительно с отрицательной точки зрения. Последствия преждевременного знакомства с изнанкой жизни были, хотя и ценной колоссальной напряжённости сил, преодолены. Осталось трагически-возвышенное чувство сопричастности священной миссии сохранения национальных идеалов, русской культуры и завещанных предками воинских традиций в чуждой кадетам-беженцам и не всегда дружелюбно настроенной среде. Оно было пронесено зарубежными кадетами сквозь десятилетия и бережно передано в 1990-е годы последними членами их семьи кадетам новой России.

Источники и литература

1. Бодиско В. Дед // Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле. – 1983. – № 13. – Март. – С. 10–14.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р-6797. – Оп. 1. – Д. 87.
3. ГАРФ. – Ф. Р-6808. – Оп. 1. – Д. 10.
4. Гурковский В. А. Крымский кадетский корпус. 1920–1929 гг. // Вестник архивиста. – 2010. – № 2. – С. 147–169.
5. Досуг одесского кадета. 1955. Декабрь. – Париж, 1955. – 206 с.
6. Кадетские корпуса за рубежом. 1920–1945. – Нью-Йорк: Изд. Объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов, 1970. – 502 с.
7. Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899–1924 / сост. В. А. Качоровский. – Нью-Йорк: Изд. Инициативной группы и нью-йоркского объединения кадет Одесского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, 1974. – 365 с.

УДК 325.5
ББК Т-3284.6

Николай Иванович Богомазов,

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: nbogomazov@ya.ru

Иван Васильевич Петров,

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: nbogomazov@ya.ru

Никита Дмитриевич Пригодич,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: ndprigodich@gmail.com

**«Возвращенцы» из Харбина и их судьба на родине
на примере биографии Н. В. Устрялова**

В статье рассматривается проблема «возвращенцев» в Советский Союз в середине 30-х годов XX века на примере харбинских реэмигрантов. В центре статьи биография виднейшего деятеля национал-большевизма Н. В. Устрялова. Авторы приходят к выводу о том, что решение вернуться на родину было для учёного непростым, но оно всё же логично следовало в русле его общественно-политической деятельности.

Ключевые слова: Н. В. Устрялов, «возвращенцы», Харбин, КВЖД, реэмигранты

Nikolai I. Bogomazov,

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: nbogomazov@ya.ru

Ivan V. Petrov,

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: nbogomazov@ya.ru

Nikita D. Prigodich,

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: ndprigodich@gmail.com

**“Returnees” from Harbin and their Fate in the Homeland
on the Example of the Biography of N. IN. Ustryalov**

The article deals with the problem of “returnees” to the Soviet Union in the mid-30s of the XX century on the example of Harbin reemigrants. The article biography of a prominent figure in the national Bolshevism N. V. Ustryalov. The authors come to the conclusion that the decision to return home was not easy for the scientist, but it still logically followed in the course of his socio-political activities.

Keywords: N. V. Ustryalov, “returnees”, Harbin, Chinese Eastern railway, the re-emigrants

Во второй половине 1980-х годов и в 1990-х годах большинство работ, посвящённых проблеме российской эмиграции, были заострены на изучение основных центров расселения русских после окончания активной фазы Гражданской войны, а также политическим и военным организациям рассеяния. Лишь в

2002 году в серии «Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы» вышел третий том, полностью посвящённый публикации документов по «возвращенцам», в том числе из ведомственных архивов СВР и ФСБ [13]. В то же время в Твери была защищена диссертация на соискание учёной степени

кандидата исторических наук А. В. Винника по реэмиграции из Германии в 1920-е годы [5]. В 2004 году под редакцией З. С. Бочаровой вышел сборник документов «Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы)», в котором ряд документов посвящён не только вопросу постановки и разрешения Лигой Наций проблем русских беженцев, но и проблемы возвращения желающих на Родину [14].

Имеющаяся на сегодняшний день историография проблемы характеризуется фрагментарностью и отрывочностью сведений, большинство исследований посвящены более общим вопросам и затрагивают данную проблематику лишь поверхностно. Комплексных исследований по всему периоду межвоенной русской реэмиграции и феномену «возвращенчества» на данный момент не существует, хотя в научной среде имеется запрос на такой труд.

Сибирские авторы Н. Н. Аблажей и Е. Н. Комиссарова в издании «Гуманитарные науки в Сибири» в 2007 году опубликовали статью «Амнистия рядовых белогвардейцев и их реэмиграция из Китая в 1920-е гг.», частично затрагивающую поставленную проблему [3]. Различные сюжеты, пристально рассматривающие судьбы «харбинцев», вернувшихся на родину после продажи КВЖД, являются на сегодня наиболее изученными. Однако речь в первую очередь идёт об обобщённых последствиях их возвращения, правового статуса и затронувшего практически всех «харбинского дела», санкционированного НКВД [1; 7; 10; 11]. Кроме того, далеко не все из вернувшихся в Советский Союз в 1935 году были белоэмигрантами. Согласно данным внутренних органов, их было чуть менее половины от общего числа приехавших из Харбина [1, с. 84].

Тяжёлая ситуация на Дальнем Востоке, в первую очередь, в Маньчжурии, где проживало большое количество эмигрантов, покинувших Россию по окончании Гражданской войны, была обусловлена сразу несколькими факторами. Регион, находившийся под слабым контролем Китая, на который с двух сторон давили Япония и СССР, был относительно безопасным местом пребывания до конфликта на КВЖД 1929 года. Уже в это время многие эмигранты и советские граждане, в том числе сотрудники дороги вынуждены были покинуть Харбин. Ситуация стала ещё более напряжённой после начала японской оккупации и сохранялась в таком виде вплоть до начала 1935 года, когда во избежание прямого кон-

фликта Советский Союз предложил Японии выкупить КВЖД [2, с. 229–230]. С этого момента для многих настало время тяжёлого выбора: остаться жить под контролем Страны восходящего солнца, уехать вместе с работниками дороги в СССР или покинуть Дальний Восток, чтобы перебраться на другой континент. Практически всех, кто выбрал второй вариант, уже через два года накрыла волна большого террора, когда 20 сентября 1937 года вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00593, в котором было названо точное количество вернувшихся из Китая лиц, подпадавших под маховик репрессий, – около 25 тысяч человек, и говорилось о необходимости «ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности» [1, с. 82].

При обобщённом рассмотрении судьбы «возвращенцев» из Харбина неизбежно затрагивается тот широкий спектр личных причин многих реэмигрантов, побудивших их к этому тяжёлому шагу. Многие имели прямую альтернативу для своего решения, но их выбор пал именно в пользу СССР. В данном ряду наиболее ярко выделяется персона одного из основателей идеи национал-большевизма и автора сборника «смена вех» Николая Васильевича Устрялова.

Видный русский учёный и философ, после окончания Московского университета был заключён водоворотом событий революции. После краткосрочного пребывания в родной Калуге, транзитом через Москву он оказался в Перми, где стал работать ординарным профессором университета [14, с. 83–133]. После того как из города отступили Советы, Н. В. Устрялов перебирается в Омск и, по его собственным словам, «принимает живейшее участие в белой борьбе» [8, л. 13]. Вместе с армией Колчака он затем перемещается в Иркутск, откуда вместе с японским эшелом ему удаётся выбраться в Харбин. Именно здесь, в административном центре Маньчжурии, Н. В. Устрялов будет жить вплоть до своего возвращения в 1935 году [12, с. 143–189].

Период пребывания в эмиграции оказался наиболее ярким и плодотворным этапом в жизни учёного. Уже в 1921 году раскрываются его националистические идеи в рамках сборника «смена вех», который заложил основу новому идеологическому направлению в рядах русской эмиграции. В 20-е годы Н. В. Устрялов подробно раскрывает свои идеи как в статьях и других работах, так и в переписке с друзьями и соратниками. Именно чрезвычайно богатая подробностями переписка является одним из

важнейших источников в изучении его биографии [6; 16]. Кроме активной политико-теоретической и редакторской деятельности, Устрялов в Харбине работает преподавателем юридического факультета. Его жизнь заметно меняется в 1925 году, когда он совершает полуторамесячную поездку в СССР, где успел побывать в Москве и Калуге [12, с. 350–363]. После возвращения в Харбин он начинает работу в качестве советника и начальника учебного отдела КВЖД, впоследствии, после конфликта 1929 года, он будет переведён на должность директора библиотеки. Это обстоятельство позволяло семье учёного жить в Маньчжурии в собственном доме с хорошим достатком. Таким образом, к моменту продажи железной дороги в 1935 году у Н. В. Устрялова был накоплен некоторый капитал и имелись обширные связи в странах Европы и Америки. В этой связи выбор между переездом в СССР и за океан был для него более чем актуален [8, л. 106–107].

Очевидным является тот факт, что Н. В. Устрялов не питал особых иллюзий в отношении сталинского режима к собственной персоне. В своих письмах к С. Н. Дикому учёный констатирует, что вести с родины довольно печальны, «во всяком случае, улучшения в нынешнем году нет, – скорее, условия существования ещё ухудшились... Очень закручивается идеологическая диктатура, до геркулесовых столпов» [8, л. 23–24]. В то же время он неоднократно подчёркивает всю опасность ситуации, сложившуюся в Маньчжурии, что исключает его пребывание в регионе на долгосрочной перспективе после вероятного ухода Советского Союза в связи с продажей КВЖД. Уже с 1932 года Н. В. Устрялов описывает ситуацию в регионе как политический вулкан, в котором молодые русские фашисты, подогреваемые японцами, устраивают беспорядки, готовятся захватить железную дорогу и выступают с антикитайскими и определённо антисоветскими настроениями [8, л. 21–23].

В конечном итоге, невзирая на хорошую осведомлённость об ухудшении внутреннего положения в СССР и политического преследования тех или иных куда менее одиозных деятелей, Н. В. Устрялов принимает решение после продажи КВЖД продать свой дом в Харбине и совершить реэмиграцию вместе с советскими служащими. Единственное его желаемое послабление в этом вопросе следует из его письма С. Н. Дикому: «Придётся, вероятно, ехать в Россию... Но, признаться, до зарезу хочется предварительно побывать в Европе, в “решающих” её странах, чтобы своими глазами посмотреть на то, что там делается. После

этого даже и помирать будет легче! Кстати, любопытно взглянуть и на тамошних русских» [8, л. 101].

Несмотря на то, что решение вернуться на родину было для учёного непростым, оно всё же логично следовало в русле его общественно-политической деятельности. Безусловные опасения он испытывал, прежде всего, за свою семью, и признавался, что вероятен вариант, при котором ему придётся очистить свои «грехи» за 2–3 года на Соловках. Однако любовь к родине, определённые надежды и неискоренимое желание вернуться к «корням», в Москву и родную Калугу, чтобы увидеть мать, в нём пересилили. Первую половину 1935 года его семья провела в сборах и отправила личный архив в США, не решившись брать его с собой, после чего 19 мая на поезде навсегда покинула Харбин [12, с. 490–492]. Правовой статус «харбинцев» регулировался специальным постановлением ЦИК и СНК [10].

Всю свою сознательную жизнь Н. В. Устрялов вёл различные дневниковые записи и вместе с возвращением на родину открыл новую главу, начав дневник с чистой тетради [15]. Именно этот источник, опубликованный в конце 1990-х годов, представляет для нас ценнейший материал по изучению последнего периода жизни учёного. Для него дневник в СССР стал не столь хорошей, но всё же естественной заменой переписке и общественно-политической работе. В то же время существует предположение, что дневник писался вовсе не для себя, а для внутренних органов, чтобы при случае выступить в защиту известного реэмигранта [12, с. 497–499].

В Советском Союзе Н. В. Устрялов некоторое время проводит в Москве и совершает несколько поездок в Калугу [15]. Затем он, пытаясь найти себе постоянное место в новом для него обществе, получает работу в Московском институте инженеров транспорта. Однако, несмотря на ставку и поручение о подготовке к чтению курса экономической географии, эта работа так и не была на него возложена. Кроме неё, он также написал несколько политических статей для размещения в газете, приуроченных к важным программным событиям для советской власти. Под тем или иным предлогом он всё время находится в подвешенном состоянии, кроме того, его семья из-за отсутствия жилплощади в Москве вынуждена жить в Калуге. В 1936 году ввиду ухудшения здоровья Н. В. Устрялов совершает поездку на лечение на Кавказ, а также оказывается в краткосрочной поездке в Ленинграде. И всё же, как бы ни был

он в своём дневнике лоялен советской власти, как бы ни хотел быть полноценным членом нового общества и заниматься любимым делом, раскрученный маховик репрессий не оставил ему никакой альтернативы.

Конечно, Н. В. Устрялов чувствовал и понимал, что находится под пристальным кон-

тролем НКВД. Его арест произошёл 6 июня 1937 года, то есть более чем за два месяца до начала целенаправленной кампании против «возвращенцев» из Харбина. Он находился под следствием до 14 сентября, когда был приговорён к расстрелу за шпионскую деятельность в пользу Японии [4].

Источники и литература

1. Аблажей Н. Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 80–85.
2. Аблажей Н. Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 298 с.
3. Аблажей Н. Н., Комиссарова Е. Н. Амнистия рядовых белогвардейцев и их реэмиграция из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 2. – С. 49–51.
4. Быстрянцева Л. А. Устремлённый к истине: протокол допроса Н. В. Устрялова // КЛИО. – 1999. – № 1. – С. 246–256.
5. Винник А. В. Российская реэмиграция из Германии в 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Тверь, 2002. – 191 с.
6. Воробьев О. А. «В Сталина нужно стрелять»: переписка Н. В. Устрялова и Н. А. Цурикова 1926–27 гг. // Вопросы истории. – 2000. – № 2. – С. 136–143.
7. Галас М. Л. «Чужие среди своих»...: репатриационная политика России (СССР) в 1920–1940-е гг.: адаптация трудовых мигрантов и ремигрантов; квази-возвращение граждан СССР и приравненных к ним лиц после Второй мировой войны. – М., 2011. – 452 с.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 10232. – Оп. 1. – Д. 1132. Копии писем Н. В. Устрялова Н. А. Цурикову, М. Г. Лежневой, С. Н. Дикому. – 150 л.
9. ГАРФ. – Ф. Р-3316. – Оп. 64. – Д. 1733. Постановление ЦИК и СНК СССР о порядке приёма в гражданство СССР бывших работников КВЖД и их семей и материалы по данному вопросу (копия). – 81 л.
10. Кротова М. В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). – СПб.: Астерион, 2014. – 377 с.
11. Потапова Н. А. Дело Сибирского союза дальневосточников... как начало «харбинской» операции НКВД СССР в Алтайском крае // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. – 2018. – № 2. – С. 67–71.
12. Романовский В. К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). – М.: Русское слово, 2009. – 606 с.
13. Русская военная эмиграция 20–40-х годов: документы и материалы. Т. 3. Возвращение... 1921–1924 гг. / сост. И. И. Басик. – М.: Триада-Х, 2002. – 555 с.
14. Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения: 1920–1930 г. / сост. З. С. Бочарова. // Сборник документов и материалов. – М.: РОССПЭН, 2004. – 400 с.
15. «Служить родине приходится костями...»: дневник Н. В. Устрялова, 1935–1937 гг. // Источник. – 1998. – № 5–6. – С. 3–100.
16. Устрялов Н. В. Письма к П. П. Сувчинскому. 1926–1930 / сост. К. Б. Ермишина. – М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2010. – 80 с.

УДК 94
ББК ТЗ(2)61

Сергей Владимирович Карасёв,

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: s.karasev@bk.ru*

Яков Давидовский и противоречивые 1930-е годы

В статье рассмотрено состояние боеготовности в Забайкалье в 1930-е годы на примере 11-го механизированного корпуса. Подчёркивается необходимость в создании такого формирования для сдерживания и, если понадобится, отражения нападения вероятного противника. На примере одного из команди-

ров этого корпуса – Якова Львовича Давидовского – представлена трагическая судьба человека, который свою жизнь посвятил защите страны, по приговору суда был расстрелян, но впоследствии реабилитирован.

Ключевые слова: боеготовность, вооружённое противостояние, Давидовский, Забайкалье, Тухачевский, 11-й механизированный корпус

Sergey V. Karasev,

Irkutsk National Research Technical University,

Irkutsk, Russia,

e-mail: s.karasev@bk.ru

Yakov Davidovsky and the Controversial 1930s

The material of the article allows us to consider the state of readiness in Transbaikalia in the 1930s on the example of the 11th mechanized corps. The need for such a formation to deter and, if necessary, repel an attack by a likely enemy is emphasized. On the example of one of the commanders of this corps – Yakov Lvovich Davydovsky, the tragic fate of a man who devoted his life to the protection of the country, was shot by the court, but later rehabilitated.

Keywords: armed confrontation, combat readiness, Davydovsky, Transbaikalia, Tukhachevsky, 11-th Mechanized corps

России и Японии не всегда удавалось найти мирные пути решения взаимных проблем. Двусторонние отношения этих государств знают целую череду войн и военных противостояний, когда достигнуть мирным путём согласия и понимания не удавалось.

Среди таких противостояний нужно отметить русско-японскую войну 1904–1905 годов, в которой Россия понесла большие людские, экономические и политические потери. По Портсмутскому мирному договору, который был подписан 25 августа (5 сентября) 1905 года, Россия признала преобладающие интересы Японии в Корее. Кроме этого, Японии были переданы права на аренду Квантунского полуострова. Также ей была передана южная часть о. Сахалин от 50 параллели.

Урок, преподнесённый Японией, не прошёл даром для русской армии, он заставил иначе посмотреть на тактику и стратегию ведения боевых действий, ускорить вопросы перевооружения. Изменился и подход в вопросах подготовки как офицерского корпуса, так и солдат.

Летом 1938 года происходили боевые действия на озере Хасан, в августе 1939 года – на реке Халхин-Гол, в августе 1945 года – советско-японская война. А между этими событиями у Советского Союза был период подготовки к вероятным боевым действиям, период серьёзной боевой учёбы, период столь нежелательных, но реально видимых вооружённых столкновений с вероятным противником, и Забайкалье в 1930-е годы было именно тем местом, где отработывалось создание мощного, хорошо слаженного и умелого военного «кулака», способного выполнить поставленную задачу по защите восточных границ Советского Союза.

Для решения военных задач на территории Забайкалья 3 ноября 1921 года был создан Забайкальский военный округ (тогда ещё в составе ДВР), который затем несколько раз упразднялся, но создавался вновь, так как необходимость в нём показывали события, происходящие на этой территории. Восточное Забайкалье активно насыщалось воинскими частями и соединениями, расширялись дореволюционные гарнизоны, создавались новые, формируя обширный казарменный фонд, опережающими (на общесоюзном фоне) темпами создавались инфраструктура для бронетанковых войск и авиации (топливохранилища, аэродромы, полигоны) и т. д.

В статье мы остановимся только на одном соединении и одном имени. Это 11-й механизированный корпус и один из его командиров Яков Львович Давидовский.

Постановлением Совета труда и обороны от 1 августа 1931 года была принята программа, которая исходила из того, что технические достижения в области танкостроения в СССР «создали прочные предпосылки к коренному изменению общей оперативно-тактической доктрины по применению танков и потребовали решительных организационных изменений автобронетанковых войск в сторону создания высших механизированных соединений, способных самостоятельно решать задачи как на поле сражения, так и на всей оперативной глубине современного боевого фронта» [2, с. 2]. На 1 января 1933 года Вооружённые силы имели в своём составе два механизированных корпуса, пять механизированных бригад, два отдельных танковых полка, двенадцать механизированных полков, пятнадцать отдельных

танковых батальонов, шестьдесят девять механизированных и танкетных дивизионов. В 1932–1933 годах с конвейеров заводов сошли танки БТ-5, Т-26 (пушечные вместо пулемётных) и плавающая танкетка Т-37. Красная армия стала получать в 1935–1937 годах свыше 3000 танков и танкеток ежегодно [2, с. 2].

Для защиты границ СССР от возможной агрессии со стороны Японии руководством РККА было принято решение о создании крупного танкового соединения, которое можно было бы использовать для стремительного броска через Хинганские горы с целью полного уничтожения противника ещё на подступах к советской территории, действуя при этом самостоятельно. Эта идея в 1933 году была воплощена в оперативном плане штаба РККА, который под руководством М. Н. Тухачевского разрабатывали командующий Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией маршал Советского Союза В. К. Блюхер и командующий войсками Забайкальского военного округа И. К. Грязнов.

Такой план основывался на том, что, по имеющимся у М. Н. Тухачевского разведывательным данным, японский Генеральный штаб намечал не Приморье, а именно Забайкалье своим основным направлением для нападения на СССР. На первом этапе войны японские части должны были завлечь наши войска в район Хингана, оторвать их от основных баз снабжения и разгромить [1], а затем вторгнуться на территорию Советского Союза.

Забайкальская группа войск в мае 1935 году была преобразована в Забайкальский военный округ. В его состав включался и 11-й механизированный корпус.

В качестве силы, способной, глубоко вклинившись во вражеские позиции, разгромить противника, действуя при этом самостоятельно, без поддержки тыловых структур, планировалось использовать 11-й механизированный корпус, специально переведённый для этих целей в конце 1933 года из Ленинграда в даурские степи. В состав корпуса входило более 500 танков и 1000 автомашин, ему придавалась авиация, артиллерия, сапёрные подразделения.

Корпусу предназначалась важнейшая роль в войне, если бы её развязали японские милитаристы. Оперативным планом Штаба РККА предусматривалось после отражения нападения врага на границе стремительное наступление войск Забайкальского округа, развёрнутого в армию, вглубь Маньчжурии при поддержке Дальневосточного фронта. А темп наступления должен был задавать 11-й механизированный

корпус. Он был бронированным тараном, который, не ввязываясь в затяжные бои на границе, двигался от посёлка Даурия на г. Хайлар, затем преодолевал хребты Большого Хингана и разворачивался в тылу японской армии, прокладывая путь мотопехоте и авиации [1].

11-му механизированному корпусу поручалось задать высокий темп преследования отступающих войск противника и тем самым обеспечить выполнение конечной задачи по его разгрому. В соответствии с этим планом, участок глубиной порядка 200 км предполагалось преодолеть за 3–4 суток [1]. Это были немыслимые по тем временам для этой местности темпы наступления гусеничной техники.

По замыслу командования РККА, 11-й механизированный корпус должен был вести боевые действия быстрыми перемещениями без поддержки тыла, который при таком темпе движения через 6–8 дней отставал бы на 250–300 км, и корпус остался бы без средств снабжения [1]. Предполагалось, что боеспособность и автономность действий корпуса будет обеспечена за счёт того, что ёмкости с ГСМ, хозяйственное и другое имущество будет перевозиться непосредственно на танках.

На учениях темп наступления корпусу задавался 50–55 километров в сутки, для конницы – 45–55 километров [1]. Предполагалось, что танки и автомобили корпуса совершат марш от Даурии до Хайлара за 3–4 суток и, не ввязываясь в бои, будут форсировать отроги Большого Хингана. Действия корпуса будут поддерживать артиллерия и авиация, подразделения которых подчинялись командиру корпуса. Четыре батальона сапёров должны были вести кропотливую работу по уборке с дорог Хингана валунов, смягчению подъёмов и спусков, преодолению заболоченных мест. Чтобы не демаскировать продвижение, проведение взрывных работ по расчистке допускалось в исключительных случаях [1].

Я. Л. Давидовский

Фотография из личного архива А. В. Соловьева

Что касается Якова Львовича Давидовского ((1897–1938) комдив, член ВКП(б) с 1917 года. Арестован 08.06.1937 года. Приговорён в Чите выездной сессией Военной коллегией Верховного Суда 2 октября 1937 года к ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г.), то необходимо отметить, что он уже в 19 лет был призван на военную службу. В 1918 году, когда ему был 21 год, добровольно вступает в РККА и в её рядах проходит всю Гражданскую войну, а в 1925 году оканчивает Военную академию. Командовал ротой, укрепрайоном, был начальником штаба крепости Кронштадта, руководил строительством укрепрайона на пограничной реке Днестр [1].

М. Н. Тухачевский, знавший ранее Я. Л. Давидовского и видевшей в нём грамотного и умелого командира, предлагает ему принять командование 11-м механизированным корпусом, что и происходит в 1936 году.

Направляя Я. Л. Давидовского в Читу в 1933 году, М. Н. Тухачевский сообщил ему, что оперативный мобилизационный план для Забайкальской группы войск построен на расчёте стремительного наступления нашей армии вглубь Северной Маньчжурии через Хинган. А главную роль должен сыграть 11-й механизированный корпус, который будет сформирован в Забайкалье в 1934 году [1].

Военный опыт приобретается в ходе учений, а они были максимально приближены к боевым условиям. В ходе таких мероприятий техника ломалась, выходила из строя. Необходимо отметить, что такие танки, как БТ-5, имели авиационные бензиновые двигатели, часто это были исправные, но уже выработавшие свой ресурс по прямому назначению – их снимали с самолётов, как выработавшие свой ресурс. Конечно, поломки техники в ходе уче-

ний всегда имеют место, но в 1930-е годы они рассматривались если не как вредительство, то как неумелое руководство и отсутствие желания наращивать боевую мощь.

Я. Л. Давидовского подвели не только личное знакомство с М. Н. Тухачевским, который был расстрелян 11 июня 1937 года, и исполнение указания по изучению японского языка командирами частей, которым предстояло противостоять японским войскам. Он был среди многих и многих командиров, подвергшихся репрессиям в этот период.

В ночь со 2 на 3 октября 1937 года жизнь его оборвалась. Постановление суда гласило, что: «...установлена виновность Давидовского в совершении им преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1б, 58-7, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР. На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР приговорила: Якова Львовича Давидовского лишить военного звания комдива и подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1-го декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению» [1].

Захоронен он был в братской могиле под Читой, где теперь находится Мемориал памяти жертв политических репрессий.

В 1938 году 11-й механизированный корпус был расформирован, но полученный войсками опыт помог Советскому Союзу в войне с Японией в августе–сентябре 1945 года, что и продемонстрировал в августе 1945 года героический марш части 6-й Гвардейской танковой армии Забайкальского фронта.

Источники и литература

1. Личный архив А. В. Соловьёва.
2. Радзиевский А. И. Танковый удар. – М.: Воениздат, 1977. – 356 с.

УДК 27
ББК ЭЗ72.24-36

Вадим Николаевич Якунин,
Поволжский государственный университет сервиса,
г. Тольятти, Россия,
e-mail: vadyak@mail.ru

Куйбышевская епархия в 1937–1940 годах

В статье рассматривается антицерковная политика советской власти, развившаяся в арестах и расстрелах духовенства, антирелигиозной пропаганде, массовом закрытии церквей. Особое внимание уделено обновленческому расколу. Обновленчество как религиозное течение в Куйбышевской епархии исчезло уже к началу Великой Отечественной войны. Автор приходит к выводу, что все эти мероприятия, проводимые советской властью, очень болезненно отразились на Православной Церкви, всех верующих, но не смогли достичь главной цели атеистов – православный народ в большинстве своем не отказался от веры.

Ключевые слова: храмы, соборы, церкви, духовенство, архиереи, благотворительность

Vadim N. Yakunin,
Volga Region State University of Service,
Togliatti, Russia,
e-mail: vadyak@mail.ru

The Kuibyshev Diocese in 1937–1940

The article deals with the anti-Church policy of the Soviet government, expressed in the arrests and executions of the clergy, anti-religious propaganda, mass closure of churches. Particular attention is paid to the renewal of the split. Renovationism as a religious movement in the Kuibyshev diocese disappeared by the beginning of the great Patriotic war.

The author comes to the conclusion that all these events held by the Soviet authorities had a very painful impact on the Orthodox Church, all believers, but failed to achieve the main goal of atheists – the Orthodox people for the most part did not abandon the faith.

Keywords: churches, cathedrals, churches, clergy, bishops, charity

Секуляризационная антицерковная политика советской власти в конце 20–30-е годы XX века вылилась в открытые репрессии против духовенства и верующих и имела своим следствием почти полное уничтожение духовенства и церковнослужителей, а также закрытие практически всех православных храмов. Наиболее активные верующие, сопротивлявшиеся этой политике, также были арестованы. У властей, проводивших открытые антицерковные акции, была своя жестокая логика: оставшись без храмов, безместное духовенство могло потенциально стать оплотом недовольства верующих. Такие священники организовывали тайные церкви и молитвенные комнаты в землянках, у себя в домах и в домах верующих. Поэтому следующим шагом после закрытия храмов было физическое уничтожение безместного духовенства. Власти, таким образом, надеялись, что оставшись без священнослужителей и храмов, население СССР

воспримет атеистическую идеологию и откажется от веры своих предков. Перепись 1937 года показала, что этого не произошло. Напротив, 2/3 населения СССР показали себя верующими, несмотря на два предшествующих десятилетия оголтелой антирелигиозной пропаганды [1, с. 110–117; 2, с. 145–149; 12, с. 35–44; 13; 14, с. 584–594; 15, с. 315–320].

На 1 января 1936 года в крае было закрыто 1173 учреждения различных конфессий. Из 1061 незакрытых церквей фактически действовали только 325. Количество служителей всех конфессий составляло 825 человек. В 1936 году из 87 районов Куйбышевского края в 18 районах не было функционирующих церквей. Не случайно, что антирелигиозная деятельность в области привела к потоку жалоб на неправомерные действия партийных и советских чиновников в вышестоящие инстанции. По числу жалоб Куйбышевский край в 1936 году стоял на втором месте в СССР –

477 жалоб за 8 месяцев. Это были жалобы на ликвидацию, закрытие и переоборудование храмов; на переобложение молитвенных зданий и служителей культа налогами; на закрытие кладбищ и снос церковных оград; на отказ о регистрации религиозных объединений и служителей культа; на штрафы, налагаемые на религиозные общества и священнослужителей; на запрещение колокольного звона и снятие колоколов; на запрещение молебнов и хождений по домам с иконами и т. п. [8, с. 179–180].

Антирелигиозная пропаганда если и дала эффект, то преимущественно в городах. В сельской местности молодёжь в церковные праздники посещала храмы. На праздник Пасхи 1937 года как городские, так и сельские церкви были полны народа. В 1936–1937 годах состоялись массовые крестные ходы верующих из Покровского, Бугурусланского и Подбельского района в церковь села Красные Ключи. В крестном ходе 1937 года приняло участие 2000 человек. Многие священнослужители, церковные активисты, верующие надеялись на то, что гонения на Церковь рано или поздно прекратятся [7, с. 87, 115, 136–138, 177].

Всего за период с 1918 по 1938 год в Самаре были закрыты, разорены и разрушены 54 православных храма. С 1938 по 1946 год в городе оставалась лишь одна действующая церковь – Покровская. В предвоенные годы процесс закрытия православных храмов под различными предлогами привёл к тому, что из более чем 1000 церквей, действовавших в Самарской губернии до революции, к 1938 году продолжали действовать лишь 2, да и то в сельской местности: Кинель-Черкассах и Томиловке.

В октябре–ноябре 1937 года было арестовано всё духовенство Петропавловской церкви (кроме диаконов Н. А. Тарасова, И. М. Битькова и Леонидова) и церковный актив, состоящий из 16 человек, вместе с архиепископом Иринеем Шульминым, управлявшим Куйбышевской епархией с 8 мая 1935 года до 23 октября 1937 года. Обвинили их в создании немецко-японского шпионского диверсионного центра. По этому фальсифицированному обвинению были арестованы, осуждены и физически уничтожены сотни человек [4, с. 171–176]. Архиепископ Иринея Шульмин 21 декабря тройкой при УНКВД по Куйбышевской области был приговорён к расстрелу. Расстрелян 8 февраля 1938 года в Куйбышеве.

После ареста архиепископа Иринея (Шульмина) в Куйбышевскую епархию 2 года не назначали архиерея. Епархиальный архив был захвачен НКВД, поэтому архивных мате-

риалов, касающихся истории Куйбышевской епархии периода 1937–1941 годов практически не осталось.

После массовых арестов духовенства и верующих в конце 1937 года в Куйбышеве прекратились богослужения: стало некому служить, хотя официального решения Москвы о закрытии двух действующих православных церквей – Петропавловской и Покровской – не было. Прихожане этих церквей в те годы не находились в молитвенном общении. Первые считали себя православными, вторые – обновленцами.

Обновленчество прекратило существование с закрытием весной 1938 года своего последнего оплота – Покровского собора. С конца 1937 года православные богослужения в Куйбышеве совершались тайно, катакомбными священниками.

Через некоторое время прихожане Петропавловской церкви начали хлопотать о возобновлении церковных служб в своём храме. Они нашли заслуживающего доверие священника – заштатного протоиерея из крестьян с. Большая Глушица Петра Прохорова. Вскоре патриарший местоблюститель митрополит Сергей благословил отца Петра на служение в самарской Петропавловской церкви. Но местная гражданская власть, не объясняя причины, не давала согласия на его оформление. После многих безуспешных попыток добиться ответа петропавловские решили послать своего представителя в Москву. Но богослужения разрешили возобновить только в Покровском храме весной 1938 года, перед Пасхой. Настоятелем храма был зарегистрирован священник села Томиловки (близ Чапаевска) Петр Свиридов, а в число штатного духовенства был включён обновленческий протодиакон Леонидов. Православный народ не уважал и не доверял им. Летом 1939 года отец Петр был вынужден съездить к митрополиту Сергию (Страгородскому) и покаяться, после чего и он, и его сослуживцы, кроме второбрачного протодиакона Леонидова, были узаконены на своих местах [5, с. 206–211].

Чтобы отделаться от требований православных открыть Петропавловскую церковь, властями был подготовлен акт о технической непригодности здания храма, опротестованный верующими в заявлении на имя М. И. Калинина от 10 апреля 1939 года. В конце мая 1938 года техническая комиссия горсовета вынесла заключение о крайней ветхости здания, что не помешало горсовету последовательно располагать размещение в церкви то тракторных мастерских, то школы, а после резолюции

Верховного Совета РСФСР о сносе – передать её в распоряжение прилегающего к церковным стенам стадиону.

На заседании комиссии по культурам Куйбышевского облисполкома 19 июня 1938 года рассматривался вопрос о закрытии Петропавловской церкви г. Куйбышева по технической непригодности, решённый положительно. А 3 апреля 1939 года, за неделю до подачи верующими жалобы Калинину, горсовет принимает постановление «О сносе Петропавловской церкви». Вскоре после Пасхи 1939 года состоялось фактическое закрытие Петропавловской церкви. В крестильне была прописана и жила уборщица храма, Пелагея Матвеевна Калабина, которую от ареста и смерти спасло то, что она в ноябре 1937 года лежала в больнице; эта женщина днём и в канун больших праздников пускала петропавловских прихожан в безмолвный храм для чтения акафистов и пения праздничных стихир [8, с. 185–186].

В начале 1940 года среди верующих появился священник, только что вернувшийся из лагеря, Константин Самуилов. Он настаивал на том, чтобы верующие не порывали связи с митрополитом Сергием и время от времени вновь писали в Патриархию, напоминая о том, что они всё ещё надеются на открытие Петропавловской церкви [11].

После закрытия Петропавловской церкви православные самарцы посылали во все инстанции настойчивые прошения: «Нас приходится на этот храм около 10 000 человек прихожан, мы преимущественно старые, не могущие изменить своей идеологии. Среди нас нет ни купцов, ни дворян, мы в большинстве – отцы той трудовой армии, которой гордится наша страна. У нас закрывают единственный храм в городе, с живцами у нас ничего общего нет». Верующие писали о том, что православным негде «удовлетворять свои религиозные потребности». Горисполком отнёсся к этому с пониманием – православным верующим было предложено осмотреть все бывшие церковные здания и подобрать подходящее. Началась подготовка к приёму нового здания [6, с. 21–29].

Позже Петропавловская церковь была отдана под конюшни, а её знаменитый дубовый иконостас разобран и употреблён для отопления коммунальных домов, расположенных поблизости [10, с. 60]. Очевидцы вспоминали, что когда загоняли лошадей в храм, они, дойдя до алтаря, вдруг остановились и, склонив головы, попятнулись назад, устыдив своим благоговением святине обезумевших людей [3, с. 33]. Вновь церковь была открыта только в 1946 году.

Епископ Андрей (Комаров) был назначен на место рядового священника Покровской церкви и приехал в Куйбышев 30 октября 1939 года. Митрополит Мануил (Лемешевский) так характеризует деятельность архиепископа Андрея в Куйбышеве: «Архиепископ действовал с мудрой простотой и большой осторожностью, зная, что кругом люди “из породы людоедов”, способные на клевету ради того, чтобы убрать человека, мешающего им. Кроме храма, нигде не ходил и у себя почти никого не принимал, но видел многое и незаметно влиял на умы и события» [8, с. 187–188]. Получив назначение на священническую должность, епископ Андрей (Комаров) отстранил от священнослужения тех, кто по канонам Православной церкви утратил на это право, тем самым вернул доверие верующих к Церкви, добившись запрещения диаконов Тарасова и Битькова. Резолюцию о запрещении Тарасова митрополит Сергей наложил прямо на одном из писем, послуживших основанием для запрещения, и это письмо прислал обратно в Куйбышев с ясно выраженной мыслью – дать возможность архиепископу показать запрещённому сам документ.

Все те, кого годы гонений заставили отказаться от посещения храма, постепенно стали проявлять расположение к приехавшему архиерею. В конце 1940 года в доме одного самарского инженера на деньги архиепископа Андрея стали постоянно организовываться бесплатные обеды для семей репрессированных церковно- и священнослужителей. Сам благотворитель не афишировал свою деятельность.

Через несколько месяцев после приезда архиепископа Андрея настоятель Пётр Свиридов уехал в Горький и там, тоже самовольно, стал настоятелем. Присутствие архиепископа Андрея мешало ему, и Свиридов поспешил оставить то самое место, которым так дорожил раньше.

В конце 1940 года почти весь причт Покровской церкви был арестован во главе с новым настоятелем – о. Георгием Назаровым, по официальной версии – за сокрытие доходов и неуплату налогов. К этому времени архиепископ Андрей не служил уже несколько месяцев, ввиду исключения его из списков духовенства во время очередной перерегистрации. Дважды владыку Андрея избивали неизвестные, его безуспешно пытались уволить за штат, но по настоянию верующих восстановили [5, с. 206–211; 11].

Власть делала всё возможное, чтобы ослабить позиции Церкви, вычеркнуть её из жизни общества. С этой целью поддерживались

расколы, смуты. В Самарской епархии наибольший вред Церкви принёс обновленческий раскол, и, прежде всего потому, что обновленцы использовали все силы и средства, чтобы ослабить Русскую Православную церковь: доносы, ложь клевету. Самим своим безнравственным поведением обновленцы отвращали народ от Церкви, были живой карикатурой на служителей культа. Обновленческий раскол был болезненным ещё и потому, что он разделил верующих. Неискушённым в церковных вопросах, неграмотным людям зачастую было очень трудно найти различие между православным каноничным и обновленческим храмом: внешне и храмы, и церковные службы были неразличимы, как и церковные обряды. Таким образом, многие прихожане по неведению отпевали своих

близких, крестили детей, заказывали требы у неканоничного духовенства. Потребовалось много усилий, чтобы преодолеть обновленческий раскол, избавиться от скомпрометировавших себя священнослужителей. И если во многих регионах и республиках СССР обновленчество как религиозное течение исчезло только к концу Великой Отечественной войны, то в Куйбышевской епархии – уже к её началу.

Аресты и расстрелы духовенства, расколы и внутрицерковные настроения, массовое закрытие церквей – все эти мероприятия, проводимые властью, очень болезненно отразились на Православной церкви, всех верующих, но не смогли достичь главной цели атеистов – православный народ в большинстве своём не отказался от веры, сохранил и сберёг её.

Источники и литература

1. Дроботушенко Е. В. Антирелигиозная деятельность власти в Забайкалье в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 2. – С. 110–117.
2. Дроботушенко Е. В. Проблемы историографии русской православной церкви в Восточном Забайкалье (XX – начало XXI в.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. – Иваново: ИвГУ, 2016. – С. 145–149.
3. Иеромонах Вениамин (Лабутин). Святитель Алексей – митрополит Московский и всея Руси – Ангел-хранитель Земли Самарской // Самарская Лука. – 1998. – № 1.
4. Каткова В. В. К вопросу о состоянии Русской православной церкви (РПЦ) в годы Великой Отечественной войны в Куйбышевской области // Проблемы изучения военной истории: материалы Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. А. И. Репинецкий. – Самара, 2015. – С. 171–176.
5. Митрополит Мануил. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. Ч. 1. Машинопись. – Куйбышев, 1966.
6. Наталия и София Самуиловы. Годы гонений // Духовный собеседник. 1996. – № 1.
7. Новые мученики и исповедники Самарского края / сост. А. Жоголев. – Самара: Дом печати, 1996. – 306 с.
8. Подмарицын А. Г. Взаимоотношения Русской православной церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Самара: СГУ, 2005. – 21 с.
9. Подмарицын А. Г. Очерки истории Самарской епархии: учеб. пособие. – Самара: Книга, 2008. – 151 с.
10. Самарское краеведение: религии и конфессии. Религии Самарской области. История и современность: учеб. пособие / С. Э. Зубов, Л. В. Кузнецова, Н. М. Малкова, М. Г. Фёдоров. – Самара: Самарский муниципальный ин-т управления, 2008. – 151 с.
11. Самуилова Н. С., Самуилова С. С. «Мудрая простота»: повесть об архиепископе Андрее (Комарове) // Духовный собеседник. – 2004. – № 2. – С. 110–154.
12. Табунщикова Л. В., Шадрина А. В. К проблеме закрытия православных церквей на Дону в конце 1920–1930-е гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. – 2012. – № 6. – С. 35–44.
13. Табунщикова Л. В., Шадрина А. В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы: сборник документов и материалов. – Ростов н/Д.: Антей, 2015. – 640 с.
14. Чирков М. С. Советское крестьянство в дискурсе исторических и социальных трансформаций 1920–1980-х годов // От фрагмента к целому. Парадигмы культурных изменений: сб. ст. – Самара: Поволжская научная корпорация, 2017. – С. 584–594.
15. Чирков М. С. Урбанизационные процессы в советской России (1920–1980-е гг.) // Городская культура и город в культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Ч. 1. – Самара: СГАКИ, 2012. – С. 315–320.

УДК 93/94
ББК ТЗ(2)62

Александр Петрович Суходолов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: rector@bgu.ru

Виктория Александровна Василенко,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: vasil-vic79@yandex.ru

Юрий Васильевич Кузьмин,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: kuzminuv@yandex.ru

Историография России и Монголии о войне на Халхин-Голе 1939 года и её влиянии на мировую историю и внешнюю политику нашей страны¹

В статье представлена характеристика российской и монгольской историографии, посвящённой сложным и спорным проблемам войны на Халхин-Голе 1939 года. Основное внимание уделено анализу наиболее дискуссионных вопросов истории войны и дипломатической истории 1939 года: причинам военных действий, цели японской агрессии, исторической связи войны и советско-германского пакта, роли Г. К. Жукова и роли войны в мировой истории и истории международных отношений.

Ключевые слова: война на Халхин-Голе, историография, советско-германский пакт, внешняя политика, СССР, Монголия, фальсификация истории, спорные точки зрения

Alexander P. Sukhodolov,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: rector@bgu.ru

Viktoria A. Vasilenko,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: vasil-vic79@yandex.ru

Yuriy V. Kuzmin,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: kuzminuv@yandex.ru

Historiography of Russia and Mongolia on the War on Khalkhin-Gol in 1939 and its Impact on World History and Foreign Policy of Our Country

The characteristic of the Russian and Mongolian historiography on the complex and controversial issues of the war in Khalkhin Gol in 1939. The main attention is paid to the analysis of the most controversial issues in the history of the war and diplomatic history of 1939: the causes of hostilities, the purpose of Japanese aggression, the historical connection of the war and the Soviet-German Pact, the role of Zhukov and the role of war in world history and the history of international relations.

Keywords: war on Khalkhin-Gol in 1939, historiography, Soviet-German Pact, foreign policy, USSR, Mongolia, falsification of history, controversial points of view

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Российского фонда фундаментальных исследований 18-514-94002 МОКН_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия – Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

В российской историографии начался новый этап изучения войны на Халхин-Голе 1939 года (или, по другим оценкам, военного конфликта). 75-летний юбилей военных событий на монголо-маньчжурской границе в 1939 году привёл к серьёзной активизации исследований российских, монгольских и японских исследований и выходу серьёзных трудов (Ц. Батбаяр, Р. Баяр, В. В. Грайворонский, М. И. Гольман, В. А. Гаврилов, Е. А. Горбунов, Ч. Дашдаваа, В. Г. Дацышен, С. Г. Лузянин, В. Г. Мильбах, М. Коломиец, В. И. Кондратьев, Б. В. Базаров, Л. В. Курас, Е. Л. Катасонова, С. В. Карасев, Е. И. Лиштованный, А. П. Суходолов, М. П. Рачков, Н. Хишигт и др.), которые сделали важные шаги в трактовке войны [1; 3; 7–10; 13; 14]. Работы были в основном построены на критическом анализе исторических работ предшествующего периода, аналитическом использовании архивных документов и мемуаров, новых темах изучения проблемы. Предложены для дискуссии как новые трактовки войны в целом, так и отдельные проблемы (военнопленные, репрессии, военные потери, оценки отдельных эпизодов войны) [10; 13; 14]. Так, была предложена новая трактовка войны на Халхин-Голе, как начало Второй мировой войны, которая вызвала серьёзный научный интерес [9, с. 74–96; 16]. В них отсутствует ложная героика, дан более объективный и взвешенный анализ причин войны, места военных действий в истории Второй мировой войны, последствия военных событий на реке Халхин-Гол для российской и мировой истории. Были проведены крупные международные конференции в Москве, Санкт-Петербурге, Улан-Баторе, Иркутске, Чите, Улан-Удэ, которые сделали неизвестную массовому читателю войну или забытый военный конфликт более узнаваемым и весомым в российской национальной истории [17].

Роль и значение войны на Халхин-Голе 1939 года в отечественной истории и истории международных отношений нуждаются, по нашему мнению, в дальнейшем углублённом исследовании с привлечением новых исторических источников и методологических подходов. Место войны в мировой истории до сих пор не соответствует её реальному значению и нуждается в уточнении. Как известно, исторические события на Востоке до сих пор находятся на более низком уровне по своей мировой значимости, чем европейские исторические события. В историографии доминирует европоцентристский подход к мировой истории и истории мировой дипломатии. Даже хорошо известные исторические события на Западе и Востоке не

всегда связываются в единую канву мировой истории.

Длительное время в российской историографии не отмечалась историческая взаимосвязь военных событий на реке Халхин-Гол 1939 года и дипломатических событий на европейском театре, где происходили сложные переговоры СССР с Великобританией, Францией и Германией [4; 5]. В конкретных и обобщающих научных работах советского периода даже не отмечалось упоминания о военных событиях на Востоке и переговорах 1939 года в Берлине, Москве, Лондоне, в многотомных изданиях «Всемирной истории», «Истории Второй мировой войны», «Истории дипломатии». Так, в третьем томе «Истории дипломатии» (1945 г.) под редакцией академика В. П. Потемкина представлена убедительная документальная историческая необходимость подписания советско-германского пакта о ненападении 1939 года, причины неудач летом 1939 года англо-франко-советских переговоров [6, с. 671–691]. Великобритания и Франция рассчитывали на немецкую агрессию на Восток, против СССР и не были заинтересованы в подписании равноправных договоров с Советским Союзом о взаимной помощи в случае войны. Они одновременно вели дипломатические переговоры с СССР и Германией, опасаясь заключения договора между ними. Четырёхмесячные англо-франко-советские переговоры зашли в тупик, по мнению авторов данной работы, в связи с опасением, что пакт о взаимопомощи с СССР серьёзно усилит дипломатические позиции нашей страны. «Советское правительство имело веские основания усомниться в серьёзности намерения англичан и французов договориться с СССР о взаимной помощи против агрессора. В то время, когда томительно тянулись англо-франко-советские переговоры о заключении договора о взаимопомощи, не прекращались оживлённые дипломатические сношения англичан и с гитлеровской Германией» [6, с. 687]. Великобритания и Франция намеренно затягивали переговоры в августе 1939 года, делегаты не имели полномочий подписания пактов и договоров. Нерешительность и незаинтересованность западных стран привели к серьёзным историческим последствиям для мировой истории и возникновения мировой войны.

Война на реке Халхин-Гол (май–сентябрь 1939 г.) и заключение советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 года в ряде исследований кратко упоминается в исторической связи, но без развёрнутого анализа и обоснования. Впервые идею о влиянии воен-

ного конфликта на Халхин-Голе 1939 года на подписание советско-германского пакта предложил крупный монгольский историк Ц. Батбаяр, специалист по истории монголо-японских отношений в первой половине XX века. Основное внимание было уделено формированию японской позиции на проблему, взгляд на историческую ситуацию со стороны Японии и японской дипломатии, её реакции на ведение переговоров и подписание договора. Ц. Батбаяр прекрасно владеет японскими и монгольскими историческими источниками, поэтому его оценки имеют особую историческую ценность и достоверность. Монгольский историк подробно представил динамику японо-германских переговоров весной–летом 1939 года, уровень информированности японской стороны о советско-германских переговорах, советско-японских контактах по поводу военных событий на Халхин-Голе 1939 года [1, с. 145–152].

Можно также отметить характеристику исторической связи этих событий, данную доктором исторических наук, московским японистом Е. Л. Катасоновой [7], развёрнутое предисловие к документам военной разведки 1939–1941 годов В. А. Гаврилова, где связываются события на Западе и Востоке [2]. Японист В. Э. Молодяков в монографии «Несостоявшаяся ось Берлин – Москва – Токио» (2004 г.) вводит в научный оборот уникальные документы и подробно показывает взаимосвязь событий дипломатической истории Японии и Германии и предлагает собственную трактовку истории международных отношений накануне Второй мировой войны [11]. Профессора Байкальского госуниверситета: А. П. Суходолов, М. П. Рачков и Ю. В. Кузьмин в 2014 году также обосновывали непосредственную связь войны на Халхин-Голе и подписание Пакта о ненападении с Германией в 1939 году [9, с. 74–96].

Данное обстоятельство можно объяснить узкой специализацией современных историков, которые занимаются только европейской или восточной историей, только историей Германии или историей Японии, историей внешней политики в странах Европы или историей внешней политики в Восточной Азии. Сказывается также недостаток исторических источников, которые до сих пор недоступны современному исследователю, особенно по проблемам дипломатической истории советского периода накануне Второй мировой войны и Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Итак, 20 августа 1939 года началось решающее наступление советских и монгольских войск на реке Халхин-гол, которое 23 августа привело к окружению и началу разгрома япон-

ских войск, что стало важнейшим событием военных действий, своеобразной кульминацией этой войны. 23 августа 1939 года в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении, который серьёзно изменил расстановку международных сил в Европе и системе международных отношений. Можно ли считать эти исторические события случайным явлением в истории, простым совпадением исторических фактов? Конечно, нет.

Международная ситуация весной–летом 1939 года была для Советского Союза сложной и напряжённой. Серьёзные проблемы одновременно возникли в Европе и на Дальнем Востоке. В Европе резко менялась международная обстановка, шли напряжённые переговоры (открытые и тайные) по созданию военных союзов и подготовке договоров о ненападении. СССР вёл переговоры с основными политическими игроками и ведущими странами Европы: Великобританией, Францией и Германией. Перед СССР и политическим руководством страны стояла сложная задача защиты национальных интересов страны и сохранения мира, создания системы коллективной безопасности в Европе. Нашей стране необходимо было сохранить мир и использовать мирную передышку для укрепления вооружённых сил, модернизации военной техники, создания мощных оборонительных рубежей для противостояния двум явным агрессорам: Германии и Японии. Правительство страны должно было решить сложную задачу геополитического выбора союзников и партнёров в готовящейся мировой войне. СССР вёл переговоры с Англией и Францией по созданию военного англо-франко-советского союза, одновременно велись переговоры и с Германией, которая была заинтересована в стабильных политических и экономических отношениях с нашей страной. Таким образом, в Европе шла сложная дипломатическая игра, у каждого участника были собственные интересы, шёл трудный переговорный процесс, когда никто никому не доверял.

Советско-германский пакт о ненападении показал, что СССР намерен и в состоянии отстаивать свои национальные интересы в мировой политике, проводить прагматичную, реалистичную внешнюю политику в сложных условиях международного соперничества и противоборства накануне мировой войны и стал крупным самостоятельным игроком на международной арене. СССР сумел преодолеть международную изоляцию в мировой внешней политике, стать активным игроком среди великих мировых держав и отстаивать национальные

интересы страны. Решение было нестандартным, неожиданным и спутало все позиции западных стран. Подписание советско-германского договора о ненападении 1939 года – крупная дипломатическая победа советской дипломатии накануне Великой Отечественной войны, которая была дискредитирована в 1990-е годы. В настоящее время в российской историографии наметились тенденции восстановления исторической справедливости в отношении данного пакта.

В современной западной и японской историографии целенаправленно и системно предпринимаются попытки не только пересмотреть причины, повод, ход военных действий на Халхин-Голе, исторические последствия, но и противопоставить страны: Россию и Монголию, особенно на этапе предварительных дипломатических переговоров, накануне военных событий. Иногда выдвигается абсурдный тезис о равной ответственности Японии и СССР за развязывание военного конфликта. Это положение носит совершенно антинаучный характер, полностью не соответствует историческим реалиям.

По нашему мнению, спорный характер носит тезис автора книги О. С. Смыслова «Халхин-Гол. За кулисами забытого конфликта» (2017 г.) о случайности военного конфликта на реке Халхин-Гол в мае 1939 года. Данный тезис не принадлежит О. С. Смыслову, он ссылается на точку зрения В. Вартанова, по мнению которого, нельзя было рассчитывать на завоевание МНР и захват Забайкалья двумя пехотными полками и частями усиления, общей численностью 10 тыс. человек. «На наш взгляд, вспыхнувшие боевые действия, как это не прозвучит неожиданно, носили случайный характер и были обусловлены неразберихой с линией границы в этом районе. В течение нескольких лет между монгольской и маньчжурской сторонами по этому поводу проводились консультации, однако единой точки зрения выработано так и не было» [15, с. 25]. Конечно, это совершенно не так. Японская экспансия в этом регионе носила планомерный характер и не была случайной, а планируемой и логичной. После создания марионеточного государства Маньчжоу-Го и укрепления позиций Японии в этом зависимом государственном образовании началась дальнейшая экспансия, которая с каждым годом нарастала. Количество военных провокаций и пограничных конфликтов на советско-маньчжурской и монголо-маньчжурской границах с 1931 года постоянно нарастало, все они были с японской стороны, со стороны Квантунской армии. Это сегодня признают и японские историки.

По мнению О. С. Смыслова, «именно в эти месяцы японская дипломатия вела ожесточённый торг об условиях сотрудничества с Германией и Великобританией. В то же время Япония продолжала тяжёлую войну в Китае, где несла ощутимые потери в живой силе и технике. Очевидно, в таких условиях японцы при всей своей агрессивности не были заинтересованы в раздувании ещё одной крупной войны, отвлекающей их силу от главной цели» [15, с. 27]. Представляется, что японские военные рассчитывали как раз на небольшую победоносную войну, для своей реабилитации после поражения на озере Хасан в 1938 году. Военные успехи японцев могли, напротив, вынудить СССР отказаться от серьёзной помощи Китаю советниками, инструкторами и военными лётчиками и техниками. Это также укрепило бы их международную репутацию и усиливало позиции на японо-германских переговорах. Они также не рассчитывали на такую реакцию СССР и думали, что наша страна, имеющая сложную дипломатическую ситуацию на Западе, не прореагирует столь жёстко и решительно в Монголии. Тактическое преимущество также было на японской стороне, имевшей железную дорогу и автомобильные трассы прямо к будущему театру военных действий, а советские войска находились на значительном удалении от этого района конфликта (750 км) и отсутствовала необходимая транспортная инфраструктура.

Планы японской стороны в данном вооружённом конфликте в российской историографии в различные периоды рассматривались и оценивались по-разному. Сказывались идеологические влияния на историческую науку, смена методологических подходов, уровень информированности и научной квалификации исследователей. Вопрос о цели японской агрессии в Монголии в мае–сентябре 1939 года в российской историографии носит дискуссионный характер. В исследование темы существенный вклад внесли работы С. Н. Шишкина, М. В. Новикова, И. И. Кузнецова, В. Г. Клевцова, И. И. Ростунова, П. А. Жилина, Г. К. Плотникова, Е. А. Горбунова, В. А. Судец и др. [3; 12]. В исторической литературе определилось два основных подхода: широкое и узкое понимание проблемы. Преобладающей точкой зрения является понимание военных действий Японии, как захват выгодного плацдарма в МНР, который позволил бы в перспективе японским войскам выйти к советским границам, перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль и выйти к Байкалу. Решалась также задача демонстрации

военных возможностей Квантунской армии перед союзниками, прежде всего Германией, реабилитация за военное поражение у озера Хасан в 1938 году.

В работах советских историков 1950–1980-х годов отмечалось, что японские милитаристы планировали захватить МНР и присоединить к Маньжоу-Го, с целью военного удара по Забайкалью и отделения Дальнего Востока. Некоторые современные историки не разделяют такую оценку и считают, что японские военные планы имели более локальный характер. Существует и другая точка зрения, которая предполагает, что ставилась задача захватить небольшую территорию МНР до реки Халхин-Гол (20 км) и отдалить государственную границу от строящейся в Маньчжурии железной дороги. Данную линию границы японская сторона считала исторически точной и справедливой. В случае успешного захвата плацдарма в МНР предполагалось продолжить захват дальневосточных территорий нашей страны.

В российской и зарубежной историографии в разные периоды давались самые различные характеристики военных событий на Халхин-Голе: «пограничный конфликт», «военный конфликт», «военные действия», «боевые действия», «необъявленная война», «война на Халхин-Голе», «Номонханский конфликт». Разумеется, это не случайные оценки одного и того же исторического события. За ними стоят различное понимание этого исторического факта в национальной и мировой истории, различные исторические и национальные концепции. Парадоксальность сложившейся ситуации заключается ещё и в том, что один и тот же историк в одной и той же статье может использовать несколько разных терминов: «боевые действия», «военное столкновение», «советско-японский конфликт», «война на Халхин-Голе». И это не просто желание не писать однообразно одними словами, а скорее всего, сложившаяся историческая ситуация, когда о конкретном историческом событии не существует полной и взвешенной картины и однозначного понимания исторического военного события.

В японской и западной историографии военные действия в мае–сентябре 1939 года рассматриваются как локальный пограничный конфликт или «Номонханский конфликт», который возник случайно и спонтанно. Военная доктрина японской армии, её реальные действия в Маньчжурии говорят совершенно об обратном. По их мнению, локальный пограничный конфликт постепенно перерос в военный

конфликт. Некоторые японские исследователи (К. Танака) пытаются доказать, что советская сторона причастна к срыву монголо-японских переговоров с целью обострения конфликта и показательного разгрома японо-маньчжурских войск.

Переговоры на станции Маньжурия в 1935–1937 годах действительно находились под контролем как советской, так и японской стороны. Условия и требования сторон были несовместимы, что и привело, в конце концов, к срыву дипломатических переговоров. Опубликованные архивные документы подтверждают заинтересованность и намерение советской стороны решить вопрос о границе дипломатическим путём. В них подчёркивается ограниченность монгольских пограничных сил в данном районе, которые не смогут противостоять более многочисленным японо-баргутским войскам.

По нашему мнению, военные события на реке Халхин-Гол в мае–сентябре 1939 года являются не военным конфликтом, а полномасштабной войной, о чём свидетельствует регион втянутых в военное противостояние и войну территории МНР, СССР, Маньчжурии, Внутренней Монголии; длительный период военных действий (май–сентябрь 1939 г.), интенсивность военных действий, использование значительного количества военной техники: танков и самолётов, артиллерии, значительные потери войск, впервые использованные новые виды военной техники, тактические и стратегические новации. Не совсем удачные военные действия советско-монгольских войск в начале военного конфликта в мае–июне 1939 года свидетельствуют о лучшей готовности японских войск к войне и выявляют инициатора пограничных конфликтов и самой войны.

Искажение российской истории, в том числе и военной истории, военных конфликтов и Второй мировой войны приобретает сегодня в российской и особенно западной историографии массовый и целенаправленный характер. Исследования профессиональных историков публикуются в малотиражных изданиях и малодоступны массовому читателю. Публикации научно-популярного характера и более массовыми тиражами, публикации в интернете оказывают большое влияние на формирование исторических знаний массового читателя, которые могут иметь в будущем негативные последствия для нашей страны.

Назрела необходимость подготовить силами российских и монгольских историков коллективную обобщающую работу по данной теме, разработать структуру, словник и подго-

товить «Энциклопедию войны на Халхин-Голе 1939 года», что позволит иметь более объективную и точную картину исторических событий и исключить тиражирование исторических ошибок и неточностей в освещении важного исторического события XX века.

Источники и литература

1. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2002. – 229 с. – С. 145–152.
2. Военная разведка информирует // Документы разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 гг. / сост. В. А. Гаврилов. – М.: МФД, 2008. – 832 с.
3. Горбунов Е. А. 20 августа 1939. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 239 с.
4. Дашичев В. И. Пакт Гитлера – Сталина: мифы и реальность // Историки отвечают на вопросы. – М.: Московский рабочий, 1990. – Вып. 2. – С. 262–273.
5. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939 / М-во ин. дел СССР, М-во ин. дел ЧССР. – М.: Политиздат, 1979. – 471 с.
6. История дипломатии. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 г.) / под ред. В. П. Потемкина. – М.; Л.: Гос. изд. полит. лит., 1945. – Т. 3. – 884 с.
7. Катасонова Е. Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы // Япония: ежегодник. – 2009. – № 38. – С. 271–293.
8. Кузьмин Ю. В. Война на Халхин-Голе и роль военной разведки // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. конф. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 37–43.
9. Кузьмин Ю. В., Рачков М. П., Суходолов А. П. Война на Халхин-Голе 1939 г. (май–сентябрь) как начало Второй мировой войны // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 2. – С. 74–96.
10. Мильбах В. С. Политические репрессии комначсостава ЗабВО и 57-го особого корпуса (1937–1938). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2002. – 268 с.
11. Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось Берлин – Москва – Токио. – М.: Вече, 2004. – 480 с.
12. Победа на реке Халхин-Гол. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
13. Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров, прошедших через японский плен. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 320 с.
14. Сеченов И. В. Отдельный пограничный батальон в боях на Халхин-Голе, 1939 год. – Иркутск: Географ, 2014. – 108 с.
15. Смыслов О. С. Халхин-Гол. За кулисами забытого конфликта. – М.: Вече, 2017. – 384 с.
16. Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии / под ред. М. П. Рачкова. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. – 318 с.
17. Халхин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции: материалы междунар. конф. (г. Иркутск, 23 мая 2014 г.) // Вестник Международного центра азиатских исследований. – Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2014. – Вып. 19. – 286 с.

УДК 94

ББК ТЗ(2)614-68

Юлий Владимирович Ставропольский,

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия,
e-mail: abcdoc@yandex.ru*

События 1939 года в районе реки Халхин-Гол в исторической ретроспективе: усилия Советского Союза по формированию системы международной безопасности

В статье рассмотрены события 1939 года на р. Халхин-Гол. Ни одна из сторон не выступила с официальным объявлением войны. Вооружённый конфликт удалось удержать от перерастания в полноценную войну. Попытки доискаться до истины о сражении за Халхин-Гол обречены без понимания того, что привело Советский Союз к его твёрдой и бескомпромиссной позиции в отношении Японии. Советский Союз последовательно выстраивал систему коллективной безопасности в Восточной Азии, включая в неё националистическое правительство Китая и МНР.

Ключевые слова: Халхин-Гол, Советский Союз, Япония, безопасность, ненападение, система

The Events of 1939 Near the River of Khalkhin Gol in the Historical Perspective: the Soviet Union's Efforts to Build a System of International Security

The article deals with the events of 1939 on the river Khalkhin Gol. Neither side made an official declaration of war. The armed conflict was kept from turning into a full-fledged war. Attempts to get to the truth about the battle for Khalkhin Gol are doomed without understanding what led the Soviet Union to its firm and uncompromising position against Japan. The Soviet Union has been consistently building a system of collective security in East Asia, including the nationalist government of China and the MNR.

Keywords: Khalkhin Gol, Soviet Union, Japan, security, non-aggression, system

Военные действия, которые в Японии называются Номон-Ханским инцидентом, а в России и в Монголии – боями за Халхин-Гол, проявились в открытом вооружённом конфликте боевых частей Японии и Маньчжоу-Го с вооружёнными силами СССР и МНР. Военные действия велись с мая по сентябрь 1939 года. Главная причина вооружённого конфликта кроется в притязаниях Японии на часть монгольской территории по реке Халхе, по руслу которой, по мнению японского руководства, должна проходить граница между МНР и Маньчжоу-Го. СССР и МНР требовали провести линию границы примерно на 20 км восточнее русла реки Халхи.

Боевые действия развернулись на местности в районе могилы тибетского буддистского священника в Номон-Хан-Бурд-Обо, отсюда японский вариант названия этих событий – Номон-Ханский инцидент [2]. С обеих сторон в вооружённом конфликте участвовали крупномасштабные военные подразделения. Ни одна из сторон не выступила с официальным объявлением войны. Вооружённый конфликт удалось удержать от перерастания в полноценную войну.

Сокрушительное поражение японской Квантунской армии в сражении за Халхин-Гол наступило вследствие экспансионистских стремлений японского политического и военного руководства, встретивших противодействие в лице вооружённых сил СССР и МНР. Можно сравнить сражение за Халхин-Гол с битвой при Каннах – главным сражением Второй Пунической войны, которое происходило в августе в 216 года до н. э. в Апулии на юго-востоке Пиренейского полуострова. Карфагеняне под руководством Ганнибала окружили и уничтожили превосходившую их в военном отношении римскую армию. Сражение за Халхин-Гол – это пример регионального боестолкновения, показательный для Японии в стратегическом отношении с точки зрения избыточности вертикальных инстанций и значимости

коммуникаций между центральным командованием и местными штабами.

Попытки доискаться до истины о сражении за Халхин-Гол обречены без понимания того, что привело Советский Союз к его твёрдой и бескомпромиссной позиции в отношении Японии [1]. Вероятны три причины.

Во-первых, военное руководство СССР большое внимание обращало на оборону советского Дальнего Востока от возможного нападения Квантунской армии. Озабоченность в этой связи усилилась в 1932 году после Мукденского инцидента и провозглашения Маньчжоу-Го. Второй пятилетний план 1933–1937 годов обеспечивал модернизацию РККА, её количественное увеличение и усиленное перевооружение. Расширилась военная инфраструктура на Дальнем Востоке СССР. В 1932 году появились Морские силы Дальнего Востока, в 1935 году переименованные в Тихоокеанский флот, и город оборонной промышленности Комсомольск-на-Амуре. В 1935 году на базе Особой Краснознамённой Дальневосточной армии образован Дальневосточный военный округ, позднее преобразованный в Дальневосточный фронт.

Во-вторых, в 1936 году Япония и Германия вступили в антикоминтерновский пакт, направленный против СССР. Стараясь избежать войны на два фронта, Советский Союз не только усиливал вооружённые силы, но и выступал с непоколебимых антияпонских позиций, выстраивая систему коллективной безопасности в Восточной Азии, включая в неё националистическое правительство Китая и МНР. В частности, незамедлительно после развязывания Японией войны против Китая в 1937 году был заключён советско-китайский договор о ненападении, усиливший напряжённость в отношениях между СССР и Японией, ибо в нём предусматривалась помощь Советского Союза националистическому Китаю авиацией и вооружениями. На словах Советский Союз секретно принимал на себя обязательство не

вступать в соглашения о ненападении с Японией до тех пор, пока не произойдёт нормализация отношений между Китаем и Японией. Советско-китайский договор о ненападении 1937 года явился одним из важнейших факторов военного столкновения за Халхин-Гол, а также предопределил заключение Советским Союзом и Японией пакта о нейтралитете в 1941 году и советско-японские взаимоотношения в период Великой Отечественной войны Советского Союза.

В-третьих, в 1936 году СССР и МНР подписали протокол о взаимопомощи, допускавший размещение советских вооружённых сил на монгольской территории. Военный альянс между двумя странами обеспечивал 57-й особый корпус Забайкальского военного округа, сыгравший решающую роль в боях за Халхин-Гол. Безусловно, размещение советских воинских формирований на монгольской территории усиливало вероятность вооружённого конфликта со стороны Маньчжурии. Вооружённые провокации на границе Маньчжурии с МНР не замедлили последовать и совершались с маньчжурской территории с регулярной частотой 110–160 вооружённых провокаций

ежегодно в период 1932–1939 годов. Для Монголии сражение за Халхин-Гол стало своего рода Отечественной войной.

Советская дипломатическая стратегия, предусматривавшая непреклонную антияпонскую позицию, в сочетании с полномасштабным перевооружением вооружённых сил, принесла немалые выгоды от сражения за Халхин-Гол. Прежде всего, Советский Союз формировал систему международной безопасности не только при помощи ялтинских соглашений с США и Великобританией [3], но и через свои отношения с националистическим правительством Китая. Одновременно в СССР готовилось стратегическое наступление на Маньчжурию. Исходя из советской дипломатической стратегии и военных действий советского руководства, битва за Халхин-Гол представляется прелюдией к вступлению Советского Союза в войну против Японии. Важно отметить, что военная победа определяется не только количеством погибших и искалеченных, но также способностью добиваться поставленной стратегической цели. Об этом следует помнить в связи с победой СССР в сражении за Халхин-Гол.

Источники и литература

1. Смыслов О. С. Халхин-Гол: за кулисами забытого конфликта. – М.: Вече, 2017. – 380 с.
2. Тэраяма К. Сутарин-то Монгору, 1931–1946. – Токё: Мисудзу Сёбо, 2017. – 122 с.
3. Hulley B. The Nomonhan War 1939: Soviet-Japanese Clash at the Khalkhin Gol. – Amherst: Helion and Company, 2019. – 80 p.

УДК94

ББК ТЗ(2)614-68

Алексей Александрович Гавриков,

Педагогический институт Иркутского государственного университета,

г. Иркутск, Россия,

e-mail: agav2008@mail.ru

Неопределённость линии границы – причина или повод начала войны на Халхин-Голе: подходы в отечественной и зарубежной историографии

Статья посвящена изучению отечественных и зарубежных (западных и японских) научных работ, анализирующих причины начала войны на Халхин-Голе 1939 года. В западной и японской историографии принято считать неопределённость линии границы между МНР и Маньчжоу-Го на участке в районе Номонхана одной из причин начала вооружённых столкновений, в то время как в отечественной историографии принято рассматривать её, скорее, как повод для начала полномасштабных военных действий.

Ключевые слова: война на Халхин-Голе, причины войны, граница между МНР и Маньчжоу-Го

Aleksey A. Gavriko,

Pedagogical Institute Irkutsk State University,

Irkutsk, Russia,

e-mail: agav2008@mail.ru

The Uncertainty of the Boundary Line is the Cause or Occasion of the Beginning of the War in Khalkhin Gol: Approaches in Russian and Foreign Historiography

The article is devoted to the study of Russian and foreign (Western and Japanese) scientific works devoted to the analysis of the causes of the war in Khalkhin-Gol in 1939. In Western and Japanese historiography is considered to be the uncertainty of the border line between the MPR and Manchukuo on the site in the area of Nomonhan one of the reasons for the outbreak of armed clashes, while in the domestic historiography is considered to be rather an occasion for the beginning of full-scale hostilities.

Keywords: the war in Khalkhin Gol, the causes of war, a border between the MPR and Manchukuo

Одной из причин, по которой некоторые авторы научных работ и в отечественной, и в западной, и в японской историографии события на Халхин-Голе 1939 года относят к пограничным инцидентам, пограничным конфликтам, не рассматривая их как локальную войну, является акцентирование внимания на цепи событий, имевших место в самом начале конфликта.

Изучение исторических источников, имеющих непосредственное отношение к началу событий, изучение хронологии развития событий мая 1939 года подталкивает некоторых западных и японских исследователей к мысли о том, что в эскалации рядового пограничного инцидента до масштабов войны может быть виноват Советский Союз, причём ими не исключается возможность изначального планирования самого конфликта советскими спецслужбами [8, с. 51–52].

Отечественные исследователи склонны, опираясь на факты, считать «истинным инициатором» войны японскую сторону, в частности – командование Квантунской армии (пусть даже действовавшее без санкций верховного главнокомандования Японии), намеренно предпринимавшее шаги по нарушению границ Монгольской Народной Республики [2, с. 50]. При этом, в частности, профессор А. А. Кошкин вообще недвусмысленно пишет о плане «Операция № 8», разработанном японским генеральным штабом осенью 1938 года и «предусматривавшим нанесение удара по СССР через Монгольскую Народную Республику в направлении озера Байкал» [1]. В то же время японские и западные исследователи склонны акцентировать внимание именно на фактической неопределённости линии границы между МНР и Маньчжоу-Го, считая её основной при-

чиной конфликта [4, с. 1]. Однако обращает на себя внимание факт, что внешняя граница Маньчжоу-Го с самого образования государства не была определена на целом ряде участков, следствием чего и были многочисленные пограничные инциденты (по подсчётам исследователя Ханада Томоюки, 152 раза в 1937 г., 166 раз в 1938 г. и даже 159 раз в 1939 г. [4, с. 2]). Однако масштаб событий весны–лета 1939 года в районе реки Халхин-Гол и количество задействованных на начальном и последующих этапах японо-маньчжурских войск не позволяют поставить рассматриваемые боевые действия в один ряд с сотнями пограничных инцидентов, имевших место на маньчжурской границе в 1930-х годах.

Исследователи указывают на разночтения в китайских картах разного времени, которые были взяты за основу для определения границы монгольскими (советскими) и маньчжурскими (японскими) властями. По одним данным, граница должна была проходить по реке Халхин-Гол, по другим, – в 20 км восточнее. Именно это послужило, с точки зрения ряда западных и японских исследователей, одной из причин разгоревшегося пограничного конфликта [4, с. 1; 6, с. 20].

Устоявшаяся в западной и японской историографии точка зрения о том, что война на Халхин-Голе как историческое событие началась как очередной пограничный инцидент [7, с. 178], напрямую связанный с неопределённостью линии границы между МНР и Маньчжоу-Го, в дальнейшем развёрнутый в локальную войну, на поверку оказывается недостаточно обоснованной. В частности, в японских исследованиях встречаются указания (прямые и косвенные) на то, что конфликт был заранее спланирован японской стороной

и разночтения в китайских картах относительно определения линии границы между Монголией и Маньчжурией в районе реки Халхин-Гол стали фактически поводом, а не причиной конфликта. Так, приглашённый научный сотрудник университета Хитоцубаси Мандаф Алиуне Сайпан указывал на то, что в 1930-х годах у командования Квантунской армии была карта с точным определением линии границы, но «возможно, военные власти намеренно внесли коррективы в эту карту. Этот вопрос требует тщательного рассмотрения» [3, с. 140]. Далее исследователь отмечает, что «линия (границы – А. Г.) была изменена на реку Халха, и распространение старых карт было запрещено» [3, с. 155]. Таким образом, хотя Мандаф Алиуне Сайпан рассматривает неопределённость пограничной линии как одну из причин конфликта, инициированного командованием Квантунской армии без согласования с Генеральным штабом, в его работе встречаются указания на то, что неопределённость линии могла быть фактически «подстроена» японской стороной и стала по-

водом, а не причиной вооружённых столкновений.

Сразу после подписания советско-японского соглашения от 16 сентября 1939 года была создана специальная комиссия по определению линии границы [5, с. 134–135]. Однако уже в феврале газета «Известия» сообщила, что после шестнадцати заседаний комиссия не смогла прийти к единому мнению и решила прекратить работу [5, с. 136–137]. Таким образом, за всю историю существования Маньчжоу-Го линия его границы с Монголией в районе реки Халхин-Гол так и не была определена.

Халхин-Гол стал, своего рода, испытанием на прочность двух армий – советской и японской, которое коренным образом предопределило в дальнейшем развитие исторических событий Второй мировой войны. Что же касается неопределённости пограничной линии в районе реки Халхин-Гол, то она всё-таки была не причиной, а, скорее, поводом для начала полномасштабного хорошо спланированного вооружённого столкновения, определившим выбор места начала конфликта.

Источники и литература

1. Кошкин А. А. Японцы выучили урок Халхин-Гола: К 77-й годовщине победы в монгольских степях // REGNUM. – URL: <https://www.regnum.ru/news/2161465.html> (дата обращения: 20.02.2019). – Текст: электронный.
2. Кузьмин Ю. В., Суходолов А. П., Рачков М. П. Война на Халхин-Голе 1939 года – начало Второй мировой войны: новая историческая версия // Вестник МЦАИ. – 2014. – № 19. – С. 45–65.
3. Мандаф А. С. Происхождение Номонханского инцидента и теория «неизвестной границы» // Хитоцубаши-Ронсо (Бюллетень университета Хитоцубаши). – 2006. – Т. 135, № 2. – С. 139–163. – (Яп. яз.).
4. Томоюки Х. Советские военно-дипломатические дела в Номонханском инциденте // Информационный бюллетень. – 2017. – № 9. – Сент. – С. 4. – (Яп. яз.).
5. Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века: сб. ст. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. – 156 с.
6. Bellamy Ch. D., Lahnstein J. S. The New Soviet defensive policy: Khalkhin Gol 1939 as case study / Parameters. – Carlisle, Pennsylvania: US Army War College. – 1990. – № 9. – Sept. – P. 19–32.
7. Kowner R. Nomonhan, 1939: The Red Army's Victory that Shaped World War II by Stuart D. Goldman (Annapolis: Naval Institute Press, 2012), 226 pages // Israel Journal of foreign Affairs. – 2013. – No. 7:2. – P. 177–180.
8. Kuromiya H. New Questions on the Battle of Khalkhin Gol (Nomonhan) // Mongolian Journal of International Affairs. – 2014. – Vol. 19. – P. 49–55.

УДК 94
ББК ТЗ(2)62

Галина Васильевна Мясникова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: chita131957@yandex.ru

Фронтовые будни в окопах Халхин-Гола

В статье на основе воспоминаний и материалов военных журналистов воссоздаются условия жизни советских солдат, участвовавших в боях на реке Халхин-Гол. Особое внимание уделено климатическим условиям, режиму дня, питанию, организации досуга бойцов. Подчёркивается роль работников культуры в поддержании боевого духа солдат.

Ключевые слова: повседневность, бои на Халхин-Голе, досуг, условия жизни солдат

Galina W. Maysnikova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: chita131957@yandex.ru

Front-Line Everyday Life in the Trenches of Khalkhin Gol

Life conditions of Soviet soldiers who participated in the battles on the Khalkhin-Gol river are described in the article based on the memories and materials of military journalists. A special attention is paid to climatic conditions, the daily routine, food, leisure time of fighters. The author of the article emphasizes the role of cultural workers in maintaining the fighting spirit of soldiers.

Keywords: humdrum, battles on the Khalkhin-Gol river, leisure time, life conditions of soldiers

Понятие «фронтовые будни» многомерно и разнопланово, это, прежде всего, уклад повседневной жизни в боевой обстановке, выполнение служебных обязанностей, а также отдых и досуг.

Представление о фронтовой жизни складывается из воспоминаний непосредственных участников, в нашем случае собранные и изданные, как говорится «по горячим следам», очерки в сборнике «Бои у Халхин-Гола». Через тридцать лет опубликовал «свидетельства одного из очевидцев о виденном своими глазами» К. М. Симонов. Он обратился к этому времени потому, что «события на Халхин-Голе не из тех, которые забываются» [17, с. 7]. Благодаря многолетней и плодотворной работе забайкальских журналистов, собраны и опубликованы воспоминания наших земляков – участников войны [1; 4; 14]. Особенно важен тот факт, что данный источник помимо упоминаний о фронтовых буднях содержит ценную дополнительную информацию о сослуживцах (фамилия, должность), тем самым конкретизируя события 1939 года. Автор считает уместным использовать этот материал в тексте.

Воспоминания – это субъективный источник, несущий на себе отпечаток рода войск,

звания, периода события и даже времени, когда человек решается вернуться к прошлому. Однако, несмотря на данные нюансы, мы можем, опираясь на них, исследовать некоторые аспекты повседневности, которые являются общими в восприятии участниками далёкого 1939 года.

Для изучения фронтовых событий и каждойдневной жизни бойцов немаловажным является анализ природно-климатических условий местности. Причём у каждого участника боёв своё восприятие окружающего пространства.

Корреспондент газеты «Героическая красноармейская» К. Симонов вспоминал, что бои на Халхин-Голе происходили в одном из самых неприветливых и обособленных мест на Земле. Степи Внешней Монголии – холодные и безлюдные. В этой унылой полупустыне нет ни одного деревца. «Ночи были холодные, днём бывало то сухо и ветрено, то дождливо и ветрено. Дождь пронизывал до костей» [17, с. 20].

У комкора Г. К. Жукова свой профессиональный взгляд на местность: «Река Халхин-Гол – сложная водная преграда, особенно в районе боевых действий. Ширина её от 50 до

130 метров, глубина – до двух, а местами и до трёх метров. Бродов мало. Долина реки – широкая и во многих местах заболочена. Спуски к долине от горы Хамар-Даба до горы Баин-Цаган очень крутые, а местами совершенно недоступны для машин. Восточная долина Халхин-Гола хорошо просматривается с высот, как правого, так и левого берега» [8, с. 10, 11].

Именно здесь, в этой ровной как стол степи, среди сопок без единого дерева каждый день начинался с «минного завтрака», часов в одиннадцать дня перерыв на час-полтора, затем «минный ужин»...

Необходимость учитывать особенности ландшафта сформировала представление о безопасности. Так, более надёжной в момент обстрела для бойцов оказалась не воронка, а щель, которую рыли узкую и под углом [12; 17]. Универсальность этого объекта подтверждается и тем, что можно было не только выполнять боевые действия, но и «послушать любимые песенки в исполнении гармониста Пылайкина. Иногда ему заказывали плясовую. Но так как плясать в щели нельзя, а вылезать наверх опасно, то пляску ногами заменял выбиванием чечётки или трепака руками по стенке щели. Таким путём тов. Пылайкин обслуживал “концертами” все щели и окопы своей роты» [16, с. 19].

Делу безопасности служил и стальной шлем, входящий в комплект обмундирования пехотных и артиллерийских частей. Здесь, на Халхин-Голе, он был модернизирован комиссаром Щелчковым, который «для маскировки и безопасности бойцов предложил наделать сетки-чехлы из трофейного провода, вплетая в них траву, ветки кустарников» [4, с. 27]. А вот пограничники «мы не пехота, касок не носим», должны были понять, что зелёная фуражка, которой во все времена они гордились, не могла защитить голову от смертоносного металла [19, с. 104].

Среди внешних обстоятельств, раздражающих бойцов, помимо ветра, палящего солнца, японцев, упоминаются комары, которые свирепствовали в течение суток. «Ну, и комары! Нахально действуют: ни ветер, ничто им не мешает – лезут и в нос, и в уши, и черт знает куда. И только под утро исчезают» [15, с. 189]. От них не спасали ни поднятые воротники шинелей, ни перчатки на руках. Выход был найден, хотя бы для приёма пищи, «с двух сторон тарелки ставили подсвечники с зелёными тлеющими спиральками, которые, пока тлели, хоть немножко отгоняли комаров» [17, с. 38]. Спиральки эти были трофеем из японских окопов.

Судя по воспоминаниям, фронтовой день равнялся 24 часам. Именно ночью японцы

были особенно активны. Поэтому сон в ночное время рассматривался как самое позорное явление. Этому есть обоснование: «Любая работа связана была с ночными условиями. Скажем, питание бойцов. Днём кухня к нам подъезжать не могла. Вся местность сильно обстреливалась. Пища обычно доставлялась с наступлением темноты и на рассвете» [13, с. 243].

А как же сон? Оказывается, не спать сутки – это нормальное явление. «Особенно трудно было на третьи сутки. Чувствуешь, что заснешь в любой позе». И тут, как ни странно, помогало курение «... решил закурить папиросу, осторожно зажав её в кулаке. Как только задремлешь, отпускаешь папиросу, огонь прикасается к ладони – и будит» [3, с. 182]. Однако нужно было помнить, что «ночью малейший огонёк может демаскировать не только бойца, но и целую роту. Разрешено было курить под плащом-палаткой и в щелях» [13, с. 243].

Особенности местности сказались и на наличии (а точнее, отсутствии) такого жизненно важного продукта, как вода. В ней нуждались все – люди, техника, животные. В ходе военных действий бойцы Красной Армии столкнулись с тем, что воды нет... Её нельзя взять из реки, т. к. «она была занята противником... по берегу противник ведёт ураганный огонь, сверху бомбят его самолёты» [6, с. 219]. В степи нет колодцев, «нередко встречались на пути отравленные японскими лазутчиками колодцы. И тогда воду приходилось искать в других местах, нередко за многие сотни километров» [4, с. 41]. В связи с этим «взводы соревновались за обеспечение себя водой собственными силами, на быструю отрывку колодца для нужд своего взвода» [16, с. 21].

Столкнулись и с другой проблемой – отсутствием тары. Выданные котелки и фляги не спасали ситуацию. И тогда пулемётчик Г. Доля «приказал снять ремни и набрать воду в плащ-палатку. Воды хватило и для бойцов, и для пулеметов» [6, с. 219]; водитель водовозки Фетисов... «стал усердно собирать в тылу старые кадки, бочонки, банки. Сам разогрел на костре воду и начисто вымыл всю эту посуду. Он собрал столько кадок, чтобы хватило всем подразделениям» [20, с. 262]. Учитывая нерегулярность снабжения водой и необходимость беречь её и дорожить каждой каплей, «в окопчике устроили “неприкосновенный запас” – врыли банку из-под бензина, да три банки из-под боеприпасов. Врыли в землю плащ-палатку. Воды достаточно» [11, с. 120].

Нельзя обойти вниманием и такой важный аспект фронтовой повседневности, как пита-

ние бойцов. В ближайшей к фронту территории Читинской области (за 700 км от линии фронта) были приняты директивы по снабжению армии и госпиталей ЗаБВО овощами и картофелем из урожая 1939 года. По ним требовалось «немедленно приступить к максимальным заготовкам свежих овощей (огурцов, моркови, свёклы, лука, помидор) и картофеля, чтобы в августе месяце было заготовлено: картофеля 30 %, огурцов, лука и помидор 90 %, моркови и свёклы 50 % и капусты 25–30 % к плану заготовок, из которых выдать в первую очередь в счёт наряда военведа 70 %. ...в свежем и переработанном виде складировать вблизи железнодорожных станций и шоссейных дорог...» [5, л. 69].

Проблема питания решалась непосредственно и на месте, в Монголии. Г. К. Жуков обратился к правительству с просьбой обеспечить войска мясом (другое продовольствие, боевое снабжение и всё прочее обеспечение советских войск шло через Читу). Эта задача была возложена на члена Монгольской Народно-революционной партии Ю. Цэдэнбала. Он должен был организовать поставки из ближайших к фронту аймаков – Восточного, Хэнтийского, Центрального и Восточногобийского. Об успешном выполнении поставленной задачи свидетельствует факт биографии: «потом, уже после окончания войны на Халхин-Голе, Жуков меня благодарил: говорил, что поставки мяса были организованы хорошо и что “бараны были упитанные”» [10, с. 158].

В рацион питания бойцов входили борщ, каша, чай. Эта роскошь была заслугой «поваров-героев», о которых «знали все, и они, эти малозаметные в мирной обстановке работники, стали знатными людьми в боях. О них писали в боевых листках и многотиражке, о них говорили на политинформациях. Подбодрённые таким вниманием, повара проникались чувством подлинно большевистской ответственности за свою деятельность. Под ураганным огнём противника, не щадя сил и даже жизни, пробирались они на фронт, к передовым частям» [2, с. 331, 332].

«Чистота – залог здоровья» – это не просто лозунг, это жизненная необходимость. Поэтому в воспоминаниях бойцов не так часто, но фигурируют упоминания о водных процедурах: «по инициативе комиссара и под его личным контролем тыловики организовали помывку личного состава в походном душе: благо в раскалённых солнцем барханах не нужно было греть воду» [4, с. 27], а исходя из христианских постулатов, накануне наступления 19 августа «о туалете напоминать не пришлось. Все были настолько

проникнуты торжественностью дня, что мобилизовали все имеющиеся средства. Один оказался мастером по правке бритв, другой – парикмахером, третий прекрасно готовил помазки и мыльный раствор, а четвёртый просто успокаивал клиента, когда тот не выдерживал окопного бритья и начинал брыкаться» [12, с. 54].

Отдельно хочется остановиться на такой, казалось бы, не боевой единице, как красноармеец-парикмахер. О важности данного вида службы рассказывает в своих воспоминаниях младший политрук П. Трояновский. Героиня его воспоминаний Вера Вадовская получила приказание командира полка майора Ремизова явиться на фронт с бритвой, помазком и одеколоном. Оказывается, что «все испытывали потребность побриться и освежиться одеколоном. Побриться всегда хочется. Как только выдалась свободная минута, так щетина на бороде не даёт покоя. А как побреешься – помолодеешь сразу, становится легче и веселей. Бывало, что работала красноармеец Вадовская и ночью, со свечами. Понимала, что многим днём нет времени бриться, есть другие дела» [18, с. 319, 320]. За свою службу В. Вадовская была награждена орденом Красной Звезды.

Несмотря на сложности, военные будни бойцов скрашивали частицы мирной жизни, которые оказались как нельзя кстати. «Гармонь, бубен и весёлые песни ободряли бойцов в тяжёлом пути по монгольским степям и горам» [11, с. 118]; в минуты затишья была возможность посмотреть кино. Политотделом армейской группы обеспечивался прокат самых лучших боевых кинофильмов «Чапаев», «Щорс», «Трактористы», «Волга-Волга», «Ленин в Октябре» и др. «Всего ротой за время пребывания в районе боевых действий было просмотрено свыше 30 кинокартин» [16, с. 19]. Песня «Три танкиста», сразу же завоевала сердца солдат. Они быстро переделали её на свой лад. И в припеве можно было услышать, например, такие слова: «Три танкиста, три брата Черновы», «два танкиста, два Мезиных брата», «два танкиста, два брата Фесенко» – эти экипажи служили в 11-й танковой бригаде [14, с. 134].

В зону боевых действий выезжали фронтовые бригады артистов, о «московских артистах» упоминает боец Ерошкин (правда, не уточняет, кто и в каком жанре выступал) [7, с. 133], балалаечный ансамбль Центрального дома Красной армии [9, с. 447]. С успехом проходили выступления фронтовых коллективов художественной самодеятельности, исполнявшие стихи и песни собственного сочинения.

«Программа самодеятельных концертов в боевой обстановке строилась главным образом на индивидуальном, а не коллективном исполнении. Если позволяла обстановка, то крышки от снарядных ящиков с успехом заменяли сцену, на которой исполнялись даже ритмические танцы» [9, с. 448].

На основании приведённых данных видно, что бытовые и климатические условия в райо-

не конфликта на реке Халхин-Гол были крайне тяжёлыми. Тем не менее, они не сломили боевой дух советских воинов. Несмотря на трудности, солдаты находили время для досуга, смотрели кино, слушали и пели песни. Настрой, умение преодолевать жизненные невзгоды позволили им не просто выстоять, но и одержать важную победу над опасным противником.

Источники и литература

1. Абросимов В. Халхин-Гол: к 70-летию разгрома японских агрессоров // Ононская заря. – 2009. – № 14. – 20 февр. – С. 2–3.
2. Бабийчук Р. Политотдел танковой бригады в бою // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 324–332.
3. Бессонов С. На фронте // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 181–183.
4. Бубнов Н. Осколки памяти. – Чита: Экспресс-изд-во, 2008. – 736 с.
5. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. ПЗ. – Оп. 1. – Д. 365.
6. Доля Г. Как мы били японцев // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 218–225.
7. Ерошкин П. Боевое крещение // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 132–135.
8. Жуков Г. Что произошло у реки Халхин-Гол // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 9–26.
9. Заславский М. Клуб на фронте // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 444–448.
10. Из воспоминаний Юмжагины Цэдэнбала // Восток. – 1994. – № 5. – С. 157–171.
11. Крайкин А. Странички из дневника // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 234–240.
12. Крапивин К. Героические дни // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 48–60.
13. Кулагин В. Политработа ночью // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 241–244.
14. Курц Ю. Ф. Красные ковыли Халхин-Гола. – Чита: Экспресс-изд-во, 2015. – 276 с.
15. Моргунов А. Из дневника командира противотанкового орудия // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 188–191.
16. Сеченов И. В. Отдельный пограничный батальон в боях на Халхин-Голе, 1939 год. – Иркутск: Географ, 2014. – 107 с.
17. Симонов К. Далеко на Востоке (Халхин-гольские записи) // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 7–66.
18. Трояновский П. Вера Вадовская // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 317–321.
19. Халхин-Гол – рубеж мужества и боевого сотрудничества: сб. фотографий и документов / авт.-сост. И. В. Сеченов, Г. В. Соленков. – Иркутск: Репроцентр А1, 2018. – 156 с.
20. Хирен З. Рядовой боец // Бои у Халхин-Гола: сб. ст. – М.: Воениздат, 1940. – С. 260–264.

УДК 070

ББК Ч602.471.1

Игорь Георгиевич Пешков,

г. Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: igorpeshkov@mail.ru

Газета «На боевом посту» и районные газеты Читинской области в ретроспективе событий 1939 года в районе р. Халхин-Гол

В статье рассматривается ретроспектива событий 1939 года в районе реки Халхин-Гол, как борьба за территории влияния между монголо-советскими войсками и японо-манчжурскими войсками, перспективы свободы и справедливости. В исторической ретроспективе изучаются особенности проявления отече-

ственной культуры на примерах различных публикаций региональных и местных СМИ в сфере правовых явлений войны 1939 года.

Ключевые слова: монголо-советские войска, японо-маньчжурские войска, пограничная полоса, призывник, красноармеец, японский солдат, музейная деятельность

Igor G. Peshkov,
Sankt-Petersburg, Russia,
e-mail: igorpeshckov@mail.ru

Newspaper “In the Line of Duty” and Regional Newspapers in Chita Region in Retrospect of the Events of 1939 in the Region of the Khalkhin-Gol

The retrospective in the events of 1939 near the Khalkhin-Gol river is considered as a struggle for the territory of influence between the Mongol-Soviet troops and the Japanese-Manchzhur troops, the prospects of freedom and justice. In historical retrospect, the features of the manifestation of national culture are studied on the examples of various publications of regional and local media in the field of legal phenomena of the war of 1939.

Keywords: Mongolian-Soviet troops, the Sino-monchegorska troops, border strip, the recruit, the red army, Japanese soldiers, Museum activities

Ретроспективы в СМИ регионального и районного масштаба открывают завесу прошлого, позволяя заглянуть в некие тайны, распознать механизмы влияния на людей, которые приводят или привели к современному положению дел. Это незримый мостик между настоящим и прошлым, значение которого очень высоко в истории взаимоотношений с соседними государствами за политические и экономические сферы влияния.

В Читинской области в 1934 году начала работать первая красноармейская газета забайкальских войск ОКДВА «Тревога Забайкалья». Первая полоса каждого номера газеты рассказывала о деятельности руководящей роли партии ВКП(б). Газета старалась отразить положительную роль партийцев и комсомольцев в деле строительства светлого будущего государства и показывала примеры борьбы мирового пролетариата за территории влияния. Передовые статьи того времени сообщали об успехах в боевой и политической обстановке прежде всего членов ВЛКСМ и ВКП(б), так же газета печатала «передовицы» о руководящей и направляющей роли партии.

Корреспонденты, партийные активисты по поручениям партийных органов от низовых звеньев до региональных партийных организаций, готовили различные обширные материалы успешного строительства социализма. Показывали преимущество социалистического строя, рассказывали о передовиках производства СССР.

Отдельно подбирались материалы ТАСС, в которых раскрывалась отрицательная деятельность капиталистического строя и его экс-

плуатация человека человеком. Таким образом, появлялась возможность оправдания усиления классовой борьбы на данном этапе в собственном государстве против собственного народа.

Газеты систематически писали о мировых проблемах участия Японии в войне, её ухудшающегося финансового состояния, упадка жизни японцев. Однако главными новостями были большие подборки материалов о японской захватнической политике на территории пограничных и дружественных нам государств.

Первый номер современной газеты «На боевом посту» вышел 12 апреля 1934 года за номером 1(15) [6] и красноармейская газета забайкальских войск ОКДВА под названием «Тревога Забайкалья» прекратила своё существование [1].

С началом боевых действий на Халхин-Голе в каждом номере газеты подробно с передовыми статьями и лозунгами, карикатурами на врага опубликовывались материалы о Японии, японских солдатах и командирах. Ярким примером служит подробная статья о политической обработке японского солдата с подробным описанием его морально-боевого духа, вероятного физического состояния, режима питания, сна и возможностей воздействия в целях его нейтрализации как воина [8, с. 4].

Фотографии современной по тому времени боевой техники, артиллерии, фото солдат и командиров, фото лётчиков у самолётов, с комментариями успешных учебных действий заполняли основную часть разворота газет [7, с. 3]. Знающие в лицо своих командиров и солдат, их фамилий и фамилии сослуживцев чи-

татели были рады читать и готовы делиться новостными материалами с другими собеседниками. Конечно, для современника будет незабываемым знаком находка о своём земляке, родственнике.

Разделы и колонки ТАСС с обзором иностранной печати военных действий в Китае, Монголии были в каждом номере газеты «На боевом посту».

Другим знаком ретроспективы событий действий местного населения в период боевых действий и современного понимания боевых событий на Халхин-Голе будут районные газеты «По ленинскому пути» и «Ононская правда» из пограничных Оловянинского и Акшинского района Читинской области [2–5].

Районные газеты систематически помещали собственные новостные материалы с учётом своего географического положения и близости к военным событиям и по районам боевых действий на территории соседней Монголии [Там же].

Сообщения ТАСС о ведении боевых действий монголо-советских войск в МНР против японо-маньчжурских войск за определённую декаду публиковали на первых страницах районных газет, размещали карикатуры на врага, взятые из других государственных источников [5, с. 1].

«По ленинскому пути» Оловянинского района от 17 февраля 1940 года рассказала о награждённых за боевые подвиги в районе реки Халхин-Гол своих земляков: дважды орденосе Кучине, красноармейце Калугине, получившем высшую солдатскую награду – медаль «За отвагу».

Систематически публиковались в «Ононской правде» и «По ленинскому пути» подробные отчёты штаба монголо-советских войск в МНР о ведении боевых действий, о ликвидации японо-маньчжурских войск в пограничной полосе МНР.

Новостные материалы об уроженцах «Ононского края», допризывниках и призывниках как общего, так и частного характера были непременным атрибутом каждого номера районных газет.

Успехи в работе, деятельность в «оборонительных» и спортивных кружках и секциях освещалась очень широко и с указанием фамилий и достижений. Интересно, что последовательное проникновение в «местные» фамилии данной территории позволяют применить и выявить причины некоторых фактов, событий, явлений прошлого через соотношения субъективного или личностного фактора и объективных факторов в логике политической

борьбы и экономического развития предприятий и организаций данных территорий.

Сообщение о прекращении боевых действий на Халхин-Голе было самым массовым. В номере 93(706) «По ленинскому пути» Оловянинского района было опубликовано сообщение ТАСС о Советско-японском соглашении по поводу конфликта на монголо-маньчжурской границе с обязанностями прекратить все военные действия 16 сентября 1939 года в 2 часа по московскому времени. Это сообщение ТАСС опубликовали и другие районные газеты.

Позже были опубликованы материалы по прекращению территориальных претензий и созданы комиссии по ликвидации проблемы.

Логическим продолжением новостных полос периодических изданий было освещение продолжающихся боевых действий японской военщины в Северном, Центральном и Южном Китае. Боевые действия на земле, бомбёжка авиацией территорий, возникающие пожары и бедствия, нехватка продовольствия создавали безысходность для местного населения – монголов, бурят и китайцев, беженцев существующего военного конфликта на пограничных территориях. Японская авиация не прекращала свои налёты на территорию Китая.

Районные газеты успешно подбирали материалы о захватнической деятельности Японии на территории другого государства. ТАСС сообщает: на войну требуются новые деньги, и японское министерство финансов постоянно выпускает новые военные займы для покрытия военных расходов в Китае. Японская газета «Асахи» пишет: нужно вывозить решительно всё, что только может послужить предметом вывоза, несмотря на то, что это снизит жизненный уровень народных масс.

Кроме того, ТАСС опубликовал экономические показатели текущего государственного долга Японии в 1939 году и сравнил бюджет расходов русско-японской войны 1904–1906 годов и современного конфликта на реке Халхин-Гол.

Таким образом, историю военного конфликта на реке Халхин-Гол сегодня можно изучать по материалам корреспондентов, фотографиям, репортажам ТАСС, свидетельствах участников событий.

Значит, газеты являются хорошим материалом для исследования и последовательно позволяют проникать в прошлое с целью выявления фамилий, фактов и самих событий. Здесь прослеживается живая связь времён, связь поколений в газетных статьях региона и районов прошлого и нынешнего веков. Записи

о предках, родственниках красноармейцев и командиров, участников событий на Халхин-Голе с работой местных музеев и историков сохраняют нашу память. Складываются новые взаимоотношения между активистами и волонтерами, деятелями общественных организаций.

Сохраняются родственные связи и дружеские отношения родственников бойцов с поисковиками, добровольцами-общественниками и исследователя-историка, краеведа с их стремлением сохранения и увековечивания памяти предков. И такая память появляется в увековечивании имён и фамилий на памятниках, информационных стендах музеев и уголков боевой и трудовой славы поселения в школах района. И со временем такая работа вырастет в серьёзную музейную деятельность, посвящённую персоналиям событий 1939 года на реке Халхин-Гол.

Материалы из газет от первых лиц – участников событий позволяют современникам делать выводы после прошедшего определённого времени, прийти к осознанию действий в конкретном месте, обстановке и прочувствовать дух прошлого.

Материалы из газет от первых лиц – участников событий позволяют современникам делать выводы после прошедшего определённого времени, прийти к осознанию действий в конкретном месте, обстановке и прочувствовать дух прошлого.

Источники и литература

1. Тревога Забайкалья. – 1934.
2. По ленинскому пути. – 1939. – № 10–49, 63.
3. По ленинскому пути. – 1940. – № 55–72, 75–79, 81–99, 105, 113.
4. Ононская правда. – 1939. – № 43–58.
5. Ононская правда. – 1939. – № 59. – С. 1.
6. На боевом посту. – 1934. – № 1. – 12 апр. – С. 1.
7. На боевом посту. – 1940. – № 16. – 10 марта. – С. 3.
8. На боевом посту. – 1940. – № 17. – 28 марта. – С. 4.

УДК 93
ББК ТЗ(2)622

Константин Николаевич Лобанов,

Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина,
г. Белгород, Россия,
e-mail: lobanov-pol@yandex.ru

22 июня 1941 года: уроки истории для России и Запада

Более чем тысячелетняя история российского государства ознаменовывалась неоднократными военными столкновениями с объединёнными силами Запада. Для представителей западной цивилизации эти столкновения неизменно заканчивались поражениями, что, тем не менее, не способствовало усвоению ими уроков прошлого. В статье прослеживается история военного противостояния России и коллективного Запада, и на основе ретроспективного подхода осуществляется анализ современной ситуации.

Ключевые слова: Россия, коллективный Запад, военная агрессия, Великая Отечественная война, глобальное противостояние

Konstantin N. Lobanov,

Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russia,
e-mail: lobanov-pol@yandex.ru

22 June 1941: Lessons of History for Russia and the West

Numerous military clashes with the allied forces of the West marked more than a thousand-year history of the Russian state. For representatives of Western civilization, these clashes invariably ended in defeats. Nevertheless, that did not contribute them to learn the lessons from the past. The article reflects the history of military confrontation between Russia and the collective West; also, an analysis of the current situation, based on the retrospective approach, is carried out.

Keywords: Russia, collective West, military aggression, the Great Patriotic War, global confrontation

Великая Отечественная война всё больше отдаляется от нас. С каждым годом уходят очевидцы этого грандиозного подвига и глубочайшей трагедии нашего народа, и вместе с ними теряется живая связь событий. Но человеческая память и историческая память нации не позволяют времени бесследно стереть происходившее. Более того, с высоты пройденных лет мы можем глубже и основательнее оценить процессы и явления, людей и факты. Вот так раз за разом мы обращаемся к дате 22 июня 1941 года и задаёмся вопросом, было ли совершённое в этот день нападение на СССР только фактом агрессии стран фашистской оси или всё-таки это была очередная за многовековую историю антагонизма Запада с Россией попытка уничтожить нашу национальную идентичность и государственность всеми силами противостоящей стороны? История и действительность, похоже, свидетельствуют в пользу второй версии.

Не претендуя на полный экскурс военно-политической истории России, позволим себе бросить лишь беглый взгляд на самые масштабные в прошлом ошибки между двумя цивилизациями. Многим хорошо известен девиз немецких средневековых рыцарей-крестоносцев «Дранг нах Остен» (натиск на Восток). Это именно они при поддержке папского Рима осуществили первую, спланированную и масштабную агрессию в пределы нашей территории с запада. Захватчики намеревались завоевать богатыми ресурсами земли, физически и духовно поработить народ. Для достижения этих целей была собрана немалая по тем временам сила в несколько десятков тысяч войска, в котором, к слову сказать, собственно немцы составляли не более тысячи человек, остальные – это искатели удачи и прочий сброд со всей Западной Европы [1]. Выходит, что немцы во всей этой затее были лишь сердцевинкой многонациональных полчищ, в итоге почти поголовно сгинувших на льду Чудского озера и в других сражениях под победоносными мечами дружины Александра Невского.

Следующий приступ экспансии Запада на восток выпал на Смутное время. Застрельщиками авантюры на этот раз выступили поляки и шведы, собравшие под свои интервенционистские знамёна чуть ли не пол-Европы [10]. Иностранцам на этот раз показалось, что они могут управлять гражданским конфликтом в России, сажая на престол своих ставленников и навязывая свои порядки. Заблуждение стоило им дорого. Вооружившийся и самоорганизовавшийся народ с позором вымел интервен-

тов за пределы страны, надолго отучив чужаков вмешиваться в наши внутренние дела.

Ещё одним столь грандиозно задуманным и столь же бесславно окончившимся походом Объединенной Европы на Россию стало наполеоновское нашествие 1812 года. Французский император грезил о вселенской гегемонии и задумал наказать Россию за нежелание подчиняться своему диктату. В качестве аргумента он привёл с собой 400-тысячную армию, названную современниками Великой из-за её национальной пестроты [6]. Из наполеоновских солдат только половина были французами, остальные поляки, немцы из разных германских государств, итальянцы, испанцы, хорваты, австрийцы. Далеко не все из них двинулись в Россию, повинувшись воле своего властелина. Многие шли с целью наживы или, проще говоря, пограбить, о чём свидетельствовали многокилометровые мародёрские обозы, сопровождавшие Великую армию от Москвы до западной границы. По сути, Европа выставила против России толпу алчных разбойников, готовых разорвать на части государство и обобрать до последней нитки народ. И только общенациональное сплочение русских людей перед лицом опасности положило предел замыслам захватчиков. Наполеоновское воинство из «дванадцать языков» было уничтожено русской армией и народными мстителями, а в русском языке от него осталась память лишь в бранных словах «шваль», «шаромыжник», «шантрапа».

Уже в советскую эпоху, воспользовавшись в очередной раз внутренними неурядицами, коалиция западных государств Антанта совершила вторжение в пределы страны. В военной интервенции принимало участие 14 государств, а само вторжение осуществлялось по всему периметру советских границ. Интервенты не столько воевали, сколько занимались организованным грабежом и усиленным «прокачиванием» изъятого чужого добра через захваченные порты [8]. Эта попытка Запада вмешаться во внутренние дела России провалилась, как и подобные ей в прошлом. Однако русские люди и власть сделали для себя важный вывод – Россия **всегда** будет интересоваться Запад как объект экспансии независимо от существующих в ней форм правления, идеологий, экономических укладов. А другой вывод заключался в необходимости укрепления обороноспособности страны, что и было достигнуто невероятным напряжением всех сил и средств в межвоенный период.

Самым суровым испытанием в новейшей истории страны, безусловно, стала Великая

Отечественная война. Колоссальная агрессивная сила, коей являлась нацистская Германия, была взрощена коллективным Западом и направлена против нас. Подобно гуннам или татаро-монголам, германские нацисты привели за собой целое скопище завоёванных ими народов, превратив нападение на нашу Родину в очередное интернациональное нашествие. Благодаря тому, что сегодня становятся более открытыми военные архивы, мы можем воссоздать картину происшедшего. Например, известно, что 29 пехотных дивизий и 16 бригад из 181 дивизии противника, совершившего нападение на СССР 22 июня 1941 года, не были германскими, а принадлежали другим европейским государствам [9, с. 234]. Северные границы нашей страны атаковали вооружённые силы Финляндии, на Украине советским пограничникам вначале пришлось отражать удар вовсе не немецких войск, а воинских соединений Словакии и Венгрии, на юге вторжение осуществляли румынские армии. Такое содействие, безусловно, повышало боевые возможности вермахта, позволяя ему сосредоточить ударные силы на главных направлениях. Уже в ходе войны к военным действиям против Красной армии подключилась Италия, выделившая для этих целей общевойсковую армию с новой техникой, Испания и Хорватия, направившие на Восточный фронт дивизии добровольцев и авиацию. Что же касается собственно германских войск (вермахта и соединений СС), то в течение войны их исправно пополнили свыше 1,8 млн человек из числа граждан других государств и национальностей [4, с. 1041]. Из них было сформировано 59 дивизий, 23 бригады, несколько отдельных полков, легионов и батальонов, многие из которых носили наименования по территориальной или национальной принадлежности: «Валлония», «Галичина», «Богемия и Моравия», «Викинг», «Денмарк», «Гембез», «Лангемарк», «Нордланд», «Недерланд», «Шарлемань» и другие.

Отдельного внимания заслуживает национальный состав гитлеровской гвардии – войск СС. Российский историк М. И. Семиряга в книге «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны» приводит такие данные. Из 38 дивизий СС только 12 были укомплектованы немцами, а остальные – голландцами (40 тыс. чел.), венграми (40 тыс. чел.), украинцами (30 тыс. чел.), фламандцами (25 тыс. чел.), латышами (25 тыс. чел.), эстонцами (12,5 тыс. чел.), французами (10 тыс. чел.), итальянца-

ми (10 тыс. чел.), норвежцами (8 тыс. чел.) и другими [11, с. 855]. Многие из этих соединений сражались на Восточном фронте. Сегодня в интернете без труда можно найти немецкую военную кинохронику, например, летние выпуски за 1942 год. Берлинский диктор взахлёб рассказывает о том, как «норвежские, датские и голландские потомки викингов героически сражаются рука об руку со своими немецкими братьями, выбивая большевиков из Ростова и Краснодара». А уже советские кинокадры и данные архивов повествуют нам о зверствах, которые эти выродки творили в отношении мирного населения и военнопленных. И так на всей временно оккупированной территории. Характерно, что все эти люди оказались под гитлеровскими знамёнами добровольно, а не в силу принудительной мобилизации или преданности нацистской идеологии. Европейцы поддались многовековому инстинкту экспансионизма и имманентному чувству ненависти к большой стране и её непокорному народу, который издревле живёт по своим законам и не желает никому подчиняться. Чувство ненависти у европейцев прорастает от давнишнего страха перед нашими необъятными пространствами и мощной государственностью, неистребимым народным духом и нравственностью, широкими возможностями и гигантским потенциалом. Германский нацизм предоставил Европе реальный шанс раз и навсегда покончить с её «головной болью». Вот она и подалась на Восток вслед за очередным маячком. И в который раз обманулась в своих надеждах. Советская мобилизационная система оказалась мощнее и живучее военно-экономической машины Германии и работавшего на её потенциал европейского хозяйственного комплекса. Военное искусство и технологии – превзошли вражеские. Поэтому большая часть союзных Германии войск и национальных легионов либо полегла почти поголовно под ударами нашей армии, либо сдалась ей в плен. Саму же нацистскую Германию постигло полное военное поражение и национальная катастрофа.

Казалось бы, последний урок должен был чему-то научить западные страны. Однако, нет. Под водительством теперь уже нового гегемона США, к слову сказать, получивших наибольшую выгоду от участия во Второй мировой войне, государства Западной Европы втянулись в новый глобальный проект по сдерживанию и ослаблению нашей страны, известный как «холодная война». «Холодная война» не была агрессией в классическом смысле, но по содержанию таковой являлась. В арсенале на-

ших противников были заготовлены практически все средства невоенного давления: ядерный шантаж (в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. было разработано 7 планов нанесения атомных ударов по СССР – планы «Бойлер», «Чариотир», «Хафмун», «Дропшот» и др.), втягивание страны в изнурительную «гонку вооружений», опоясывание советских границ сотнями военных баз, создание агрессивных военных и военно-политических блоков, экономические блокады и политика торговых дискриминаций, провоцирование военных конфликтов в отношении наших союзников (52 горячих эпизода по всему миру), диверсии и шпионаж, усиленная психологическая обработка населения [12]. Нельзя сказать, что сорок пять лет методичного применения всех этих средств прошли бесследно для советского общества. К началу 1990-х годов не без содействия извне в стране обострились экономические, политические и межэтнические противоречия, международный престиж государства стал резко падать. Вскоре не стало и самого Советского Союза, а перед новой Россией остро встала задача сохранения суверенитета и территориальной целостности.

Трудности демократического развития, переживаемые Россией, дали повод Западу реанимировать в отношении неё свои старые геополитические расчёты. Всем памятен ещё недавний по времени высказывания некоторых государственных деятелей и интеллектуалов США (З. К. Бжезинский) о том, что, Россия якобы не по справедливости владеет такой обширной территорией и залегающими на ней запасами минерального сырья. Что всё это пространство необходимо поставить под «международный контроль», т. е. в управление объединённого Запада [2]. Наиболее ярые злопыхатели призывали то расчленить тело России на полтора десятка марионеточных псевдогосударств (М. Олбрайт), то отбросить её в пределы «исторической прародины» как можно дальше на север и северо-восток Евразии (К. Райт) [5]. А чтобы Россия не могла подняться с колен, ей постоянно подбрасывали проблемы в виде сепаратистских мятежей и конфликтов на границах.

Для большего устрашения России Запад пытается задействовать военно-политический блок НАТО и усиленно продвигает его инфраструктуру прямо к нашему порогу. Воспользовавшись просчётом советского и российского политического руководства, когда в обмен на согласие объединения двух Германий можно было документально зафиксировать пределы

расширения альянса на Восток, США и их западноевропейские союзники почти молниеносно удвоили число государств-членов НАТО за счёт стран Центральной и Восточной Европы. И что же мы видим. Ни одно из этих государств, ранее входивших в социалистическое содружество и даже бывших частью Советского Союза, не отказалось от участия в этой организации или не стремились бы вступить в неё. Более того, эти страны стали наиболее агрессивной и русофобской силой блока, оказались в авангарде объявленного объединённым Западом нового похода против России. Традиционные участники почти всех антироссийских коалиций Польша и Румыния поспешили выделить место для размещения американских систем наступательного вооружения [3]. Словакия и Венгрия, воевавшие во Вторую мировую войну на стороне нацистов, мигом сдали натовцам все бывшие советские военные объекты на своих территориях. Другой союзник нацистов в годы войны Болгария – уступила свои военно-морские базы для ВМФ стран НАТО. Прибалтийские государства согласились на размещение натовских многонациональных батальонов для сдерживания России. Вроде бы как уже семьдесят лет благоразумная Германия тоже дала добро американцам на базирование у себя атомных бомб нового поколения. И даже нейтральные Швеция и Финляндия стали подумывать об усилении блока своими воинскими формированиями, хотя территория и воздушное пространство этих двух стран уже давно и всюду используется под нужды Североатлантического альянса [7].

Выходит, правы были теоретики исторического материализма, продвигавшие тезис о повторяемости событий в истории и утверждавшие, что всё происходящее в действительности уже когда-то имело место в прошлом и с большой вероятностью может случиться в будущем, только в новых условиях. Не стоит сомневаться в том, что, как и прежде, объединённый Запад будет пробовать нас «на зуб», а потому нынешний нажим на Россию далеко не последний. Особенно в преддверии глобальной схватки за исчерпывающиеся мировые ресурсы. Однако история – на то она и повторяется, чтобы чему-нибудь учить. Но те, кто одержим фобиями и навязчивыми захватническими идеями, видимо, неважные ученики. А им-то давно уже пора усвоить, что в России за тревожным 22 июня 1941 года неизбежно следует победное 9 мая 1945 года.

Источники и литература

1. Бегунов Ю. К., Кирпичников А. Н. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова, А. Н. Кирпичникова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 215 с.
2. Бжезинский З. К. Великая шахматная доска: главенство Америки и её геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 256 с.
3. Богданов Ю., Резчиков А., Мошкин М. Система ПРО США приближается к России // Взгляд. Деловая газета. – URL: <https://www.vz.ru/politics/2016/5/12/810195.html> (дата обращения: 25.01.2019). – Текст: электронный.
4. Загорулько М. М., Сидоров С. Г., Царевская Т. В. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.
5. Делягин М. Г. Мир 2010–2020 годов: некоторые базовые тенденции и требования к России // Лебедь. Независимый альманах. – URL: <http://www.lebed.com/2002/art3129.htm> (дата обращения: 22.01.2019). – Текст: электронный.
6. Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. – М.: Наука, 1974. – 452 с.
7. Исаев М. Почему Швеция и Финляндия всё ещё не в НАТО? // REGNUM. – URL: <https://www.regnum.ru/news/2475619.html> (дата обращения: 26.01.2019). – Текст: электронный.
8. Минц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. – М.; Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1931. – 255 с.
9. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. – М.: Изофрагус, 2002. – 855 с.
10. Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / отв. ред. Я. Н. Щапов. – 5-е изд. – М.: Памятники исторической мысли, 1995. – 470 с.
11. Семиряга М. И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.
12. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. – 3-е изд. – М.: Правда, 1983. – 463 с.

УДК 338.245

ББК Ц71

Игорь Анатольевич Ашмаров,

Воронежский государственный институт искусств,

г. Воронеж, Россия,

e-mail: Dobrinka75@mail.ru

Историография военной экономики СССР: общие подходы и перспективы исследований

В статье прослежены основные этапы и различные подходы к изучению проблематики военной экономики и её различных аспектов для СССР военных лет. Проблемы военной экономики интересовали советских учёных, историков и экономистов, и они продолжают интересовать многих современных российских учёных тех же самых научных направлений и специальностей.

Ключевые слова: военная экономика, народное хозяйство СССР в годы войны

Igor A. Ashmarov,

Voronezh State Institute of Arts,

Voronezh, Russia,

e-mail: Dobrinka75@mail.ru

Historiography of the USSR Military Economy: General Approaches and Prospects of Research

The article traces the main stages and various approaches to studying the problems of the military economy and its various aspects for the USSR during the war years. The problems of the military economy interested Soviet scientists, historians and economists, and they continue to interest many modern Russian scientists of the same scientific fields and specialties.

Keywords: military economy, national economy of the USSR during the war

Краеугольным камнем любой темы, посвящённой истории, являются крупные научные работы, монографии, представляющие перво-степенный интерес для историографа, изучающего данную проблематику. Конечно, научные статьи также представляют интерес, но в силу своего объёма и значимости для исследования темы всё-таки большое количество вопросов поднимается именно в монографиях, а не статьях. В последних можно рассмотреть одну, максимум две проблемы и сделать общие выводы. В книге же автор имеет полную возможность высказаться полностью, осветив своим просвещённым взглядом рассматриваемую им тему. Именно монографии являются основными работами темы, главными, так сказать, вехами в её изучении. Поэтому ещё раз подчеркнём свою мысль, что для историографов той или иной темы важнейший интерес представляют именно крупные монографические исследования, на которые и стоит всегда в первую очередь обращать самое пристальное и серьёзное внимание. Так сделаем и мы в рассмотрении темы военной советской экономики и её освещения в трудах отечественных авторов.

История изучения проблемы. Изучение темы военной экономики СССР в трудах отечественных учёных началось с Н. А. Вознесенского и Я. Е. Чадаева, которые вполне заслуженно считаются сегодня классическими авторами данной темы, к которой сегодня, можно сказать, «приковано» внимание многих современных исследователей. Это вполне объяснимо. Во-первых, происходит закономерная переоценка ценностей вследствие прошествия

определённого и достаточно значительного времени и резкой смены идеологии. Во-вторых, в научный оборот вводятся многие новые, ранее практически недоступные исторические источники из государственных и ведомственных архивов нашей страны, в том числе Министерства обороны РФ (Наркомата обороны СССР), Министерства внутренних дел РФ (НКВД СССР) и др.

Именно по этим причинам современные исследователи в короткий период выдали приличное количество новых работ, посвящённых этой проблематике, то есть экономике СССР накануне и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

В работах классических авторов необходимо оценить степень влияния сталинской идеологии (методологии) на данную рассматриваемую нами тему.

Нужно ответить на вопрос, что принципиально нового дали отечественной исторической и экономической науке такие современные нам исследователи, как Хохлов, Осокина по сравнению с Вознесенским, Чадаевым.

Методология данного историографического исследования должна способствовать выяснению того, как происходила эволюция знаний о военной экономике СССР с тех советских времён и по сегодняшний день.

В таблице мы попытались выстроить авторов в определённой хронологической последовательности, так как это и было на самом деле. К первому периоду относятся современники войны, советские экономисты и государственные деятели Н. А. Вознесенский, Я. Е. Чадаев.

Этапы эволюции представлений о военной экономике СССР в рамках методологии общесистемного научного подхода

№ пп	ФИО учёных, внесших свой значительный вклад в изучение темы	Наименование научной работы (диссертации, монографии)	Год издания научной работы
I. Советские историки и экономисты			
1	Вознесенский Н. А. (1903–1950), д-р экон. наук. Ленинград, СССР	Военная экономика СССР в период Отечественной войны	1948
2	Шигалин Г. И., д-р экон. наук. Москва, СССР	Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны	1960
3	Кравченко Г. С., д-р экон. наук, профессор, полковник. Москва, СССР	Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	1970
4	Гладков И. А., д-р экон. наук, проф., руководитель авт. коллектива, редактор, Ин-т экономики АН СССР. Москва, СССР	Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.	1970
5	Гладков И. А., д-р экон. наук, проф., руководитель авт. коллектива, редактор, Ин-т экономики АН СССР. Москва, СССР	История социалистической экономики СССР. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны	1978
6	Чадаев Я. Е. (1904–1985), д-р экон. наук. Москва, СССР	Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	1-е изд., 1965 2-е изд., 1985

Продолжение таблицы

№ пп	ФИО учёных, внесших свой значительный вклад в изучение темы	Наименование научной работы (диссертации, монографии)	Год издания научной работы
II. Российские историки и экономисты			
7	Хохлов Е. В. (род. 1956), д-р экон. наук. Санкт-Петербург, СПбГУ, Россия	Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны	2005
8	Хохлов А. В., д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политологии. Воронеж, ВГУ ИТ, Россия	Восстановительный процесс в освобождённых районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1953 гг.)	2009
9	Караваева И. В. (род. 1955), д-р экон. наук, руководитель авт. коллектива, главный редактор научного труда. Москва, МГУ, Россия	Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности	2016

Николай Алексеевич Вознесенский (1903–1950) был крупным советским государственным деятелем, в военные годы возглавлявшим Госплан СССР.

Н. А. Вознесенский – доктор экономических наук, автор научной работы по военной экономике СССР. В подготовке статистических данных для этой книги Вознесенского было задействовано более 100 сотрудников Госплана.

В этом фундаментальном научном исследовании автор изучает экономическое положение страны накануне войны. Детально описаны перемены, произошедшие в сферах промышленного производства, народного и сельского хозяйства. Н. А. Вознесенский анализирует данные о ценообразовании, товарообороте, организации транспортных перевозок, отмечает факторы, способствовавшие восстановлению социальной экономики в послевоенные годы.

Монография доктора экономических наук, профессора, полковника Г. С. Кравченко «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» была посвящена им анализу развития советской экономики и написана на большом документальном историческом материале.

В другой книге, Е. И. Солдатенко, рассказывается о трудовом вкладе советских людей в Великую Победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В работе автор уделяет большое внимание подвигам отдельных людей, партизан, рабочих, крестьян.

Ко второму периоду можно отнести российских учёных, историков и экономистов, Е. А. Осокину, Е. В. Хохлова и многих других современных российских авторов. Мы в самом общем виде попытались проанализировать тематику и содержание этих работ, и вот к чему мы пришли. Итак, в рамках рассматриваемой нами темы можно выделить следующие под-

ходы к изучению проблематики военной экономики и её различных аспектов (группы исторической литературы), а именно:

1. Узкоотраслевой подход, то есть подход с позиции конкретной отрасли экономики и её положения в период войны.

2. Классовый подход к изучению проблем социально-экономического положения трудящегося класса (крестьянства и рабочих), интеллигенции в годы войны.

3. Региональный подход к изучению проблем военной экономики СССР.

4. Общесистемный подход к военной экономике, народному хозяйству СССР в годы войны.

5. Комбинированный подход, то есть комбинированные научные работы, которые пытаются совместить сразу несколько подходов одновременно (работа О. А. Кошкиной).

Российские авторы, историки и экономисты в целом продолжают работу над темой в прежнем русле и направлении, сохраняя все прежние подходы. Единственное, что появился новый так называемый комбинированный подход, то есть комбинированные научные работы, которые пытаются совместить сразу несколько подходов одновременно. Например, работа О. А. Кошкиной «Сельское хозяйство и колхозное крестьянство Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.» отражает сразу несколько подходов: 1) отраслевой, так как рассматривает сельское хозяйство, 2) классовый, так как затрагивается колхозное крестьянство и 3) региональный подход, так как в работе рассматривается всего одна автономная советская республика – Марийская АССР.

Тем не менее, можно сделать вывод, что в последнее время отечественные специалисты в большей степени склоняются в сторону регионального либо отраслевого подхода, что сразу заметно по количеству работ, отражающих

тот или иной подход. Они рассматривают регионы в годы войны либо конкретные отрасли, возможен, комбинированный вариант. Например, диссертационная работа И. А. Филатова «Труженики тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Таловского района Воронежской области)». Тем не менее, продолжает сохраняться и традиционный классовый подход к теме, например, много научных работ, как это традиционно было и в советское время, посвящено колхозному крестьянству (работы профессора В. Т. Анискова).

Однако особый интерес для изучения темы представляют обобщающие общесистемные работы, в которых рассматривается вся военная экономика страны в целом, хотя бы и по мере возможности авторов (коллектива авторов). Такие работы появляются не часто, потому что готовятся очень долго и требуют терпеливого и кропотливого труда от своих создателей. К такого рода работам можно отнести коллективную монографию от авторов Института экономики РАН – «Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности». Работа вышла в 2016 году, к юбилею 70-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне под общей редакцией профессора И. В. Караваевой.

Монографическими исследованиями традиционно поднимается проблема тыла и его функционирования в военное время. Тыл на войне вполне можно рассматривать как важ-

нейшую часть военного народного хозяйства, военной экономики СССР. Не случайно ведь стали говорить, чтобы военная победа ковалась в тылу. Одной из важнейших для военной экономики тем является проблема эксплуатации захваченных врагом территорий СССР, оккупированной территории и создания оккупированной экономики на территории нашей страны. Эти исследования как бы дополняют общую мозаичную картину, обрисовавшую состояние советского народного хозяйства в период войны.

Что же касается многочисленных научных статей похожей тематики, то подобные темы научных работ по истории и историческим наукам, прослеживаются и здесь, особенно в рамках отраслевого подхода, довольно часто рассматривается также проблема восстановления народного хозяйства нашей страны.

Изучение эволюции научных знаний о военной экономике СССР позволяет лучше понять ход социально-экономического развития в военное время, познать основные закономерности, уточнить экономические факторы победы, соотнести экономические потенциалы воюющих сторон, коалиций. Нам думается, что у этой темы есть большие и ясные перспективы для своего развития и логического продолжения, особенно в свете современных событий, сопровождающих развитие текущей геополитической ситуации у российских внешних границ (мы имеем в виду наступление НАТО на Восток).

Источники и литература

1. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с. – URL: http://www.militera.lib.ru/research/0/pdf/aniskov_vt01.pdf (дата обращения: 10.02.2019). – Текст: электронный.
2. Васенин Д. В., Кошкина О. А. Экономика Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Йошкар-Ола: Поволжский гос. технолог. ун-т, 2018. – 212 с.
3. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: ОГИЗ: Объединённое гос. изд-во полит. лит., 1948. – 192 с. – URL: http://www.mirkin.ru/_docs/book012.pdf (дата обращения: 10.02.2019). – Текст: электронный.
4. История социалистической экономики СССР. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны: в 7 т. / ред. И. А. Гладков. – М.: Наука, 1976–1980; 1978. – Т. 5. – 566 с. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1342957/>; <https://www.litmir.me/br/?b=190211> (дата обращения: 10.02.2019). – Текст: электронный.
5. Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 1970. – 391 с.
6. Мунчаев Ш. М. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. – М.: Знание, 1973. – 63 с.
7. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / под ред. И. А. Гладкова. – М.: Наука, 1970. – 503 с. – URL: http://www.militera.lib.ru/research/sb_sovetskaya-ekonomika-v-period-vov/index.html (дата обращения: 10.02.2019). – Текст: электронный.
8. Хохлов А. В. Восстановительный процесс в освобождённых районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1953 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Тамбов, 2009. – 35 с.
9. Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 282 с.

10. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – М.: Мысль, 1965. – 388 с.
11. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – 2-е изд. – М.: Мысль, 1985. – 492 с.
12. Чернов С. Н. Подготовка промышленных кадров Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – URL: <http://www.dissercat.com/content/podgotovka-promyshlennykh-kadrov-rossiiskoi-federatsii-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny> (дата обращения: 10.02.2019). – Текст: электронный.
13. Шигалин Г. И. Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 276 с. – URL: <https://www.yadi.sk/i/csb59MaT8Rzdgg> (дата обращения: 10.02.2019). – Текст: электронный.
14. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности. К 70-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне / под общ. ред. И. В. Караваевой. – СПб.: Алетейя, 2016. 344 с.

УДК 94(510)
ББК ТЗ(5Кит)

Томас Вайраух,
внештатный учёный,
Министерство внутренних дел Германии,
г. Хойхельхайм, Германия,
e-mail: dr.thomas.weyrauch@gmx.de

Фашизм в Китае (1931–1945): идеология, преступления и жертвы

В статье анализируются особенности проявления фашизма в Китае в достаточно сложный для страны период начала четвёртого – середины пятого десятилетий XX века. Автор, со ссылкой на значительное количество публикаций, даёт характеристику организации и деятельности фашистских организаций и партий на территории страны. Он говорит о поддержке китайского фашизма японскими оккупационными властями, показывает, какой след оставил фашизм в Китае.

Ключевые слова: фашизм, фашистские организации и партии, японская оккупация, Китай, Маньчжоу-Го

Thomas Weyrauch,
Freelance Scientist,
German Ministry of the Interior,
Heuchelheim, Germany,
e-mail: dr.thomas.weyrauch@gmx.de

Fascism in China (1931–1945): Ideology, Crime and Victims

The article analyzes the peculiarities of manifestations of fascism in China in a rather difficult period of the early fourth – mid-fifth decades of the twentieth century, the Author, citing a significant number of publications gives a description of the organization and activities of fascist organizations and parties in the country. He talks about the support of Chinese fascism by the Japanese occupation authorities. It shows what trace fascism left in China.

Keywords: fascism, fascist organizations and parties, Japanese occupation, China, Manchu-Go

Сегодня в качестве элементов фашизма рассматриваются: принцип лидерства, требование тотальности, военная партийная организация, корпоративная, иерархическая экономическая организация государственной систе-

мы, тоталитарная, правящая террором, общая модель управления, разделённая на функциональные иерархии, а также культура, основанная на мифах, обрядах и символах, как светская альтернативная религия. Особенная ха-

ра характеристика фашизма проявляется в цели органически-мистического единства нации как этнического и морального сообщества. В то же время меры дискриминации и преследования будут приняты против тех, кто считается вне этого сообщества строя, будь то в качестве врагов режима или в качестве членов расы, которые якобы являются неполноценными или, по крайней мере, опасными для целостности нации [13, с. 81 и т. д.].

Авторитарное и расистское мышление в Восточной Азии, в частности, не чуждо китайскому культурному пространству [8, с. 2 и т. д.]. Фашистская идеология стала там новинкой XX века. Чтобы понять причины и основы распространения фашизма в Китае, необходимо взглянуть на внутреннюю политику Японии и на её экспансию в Китае. После первой конфронтации с военными, технологическими и экономически развитыми странами Запада Япония провела внутренние реформы под эгидой Мэйдзи-Тенно. В ходе этих реформ императорское правление укрепилось и привело к созданию централизованного военного управления, которое вскоре обрело сильнейшую власть. Даже такие личности, как Итагаки Тайсуке (Itagaki Taisuke, 板垣退助), сторонник парламентаризма и основатель первой политической партии Восточной Азии, высказывались за то, что не одобряли равные права для граждан других стран и своих соотечественников. Конкретно это несоответствие рассматривалось в отношении народов соседней Кореи и жителей Тайваня. В соответствии с взглядами военных, далёких от народа, Итагаки считал, что Япония должна стать великой державой за счёт Китая и Кореи. Это должно произойти за счёт колонизации Тайваня и Кореи [1, с. 59 и т. д., 62 и т. д.; 39, с. 24 и т. д.].

Реформаторы Мэйдзи в гражданской администрации согласились с военными, что Япония может стать глобально важным игроком только в том случае, если она будет преследовать империалистические цели, как Великобритания или Франция. Победы в Первой китайско-японской и русско-японской войне принесли не только территориальные завоевания в Корею и части Маньчжурии, но и способствовали укреплению сотрудничества между странами-гегемонами [32, с. 103 и т. д.; 39, с. 44 и т. д.]. Империалистические представления продолжили своё развитие после окончания периода Мэйдзи в 1912 году и оставались актуальными в период тайской демократии. Это привело, в частности, к появлению «21 требования» (二十一條 / 对華二十一カ条要求) 1915 года, когда правительство Окумой Сигэ-

нобу (Okuma Shigenobu) потребовало от Китайской Республики отдать провинцию Шаньдун, Маньчжурию, Внутреннюю Монголию, китайское южное побережье и устье реки Янцзы под японский контроль [32, с. 103; 38, с. 95; 39, с. 44].

В 1921 году, в период роста безработицы, правительство увеличило военные расходы на 46 % [32, с. 129, 131]. Экономический кризис в конце 1920-х годов и вызванная им радикализация взглядов были внутренними факторами того, что с 1932 года не формировались новые кабинеты министров. К этому добавилась японская оккупация Маньчжурии, которая имела большое экономическое значение как промышленная зона Китайской Республики. Сопутствующий шовинизм и отказ от либеральной политики со стороны наиболее продвинутых кругов положили конец благоприятной эпохе Тайшо (Taishō-Ära) [20, с. 102 и т. д.]. Ультранационалистические круги Японии приняли образ мышления с элементами расовой идеологии, милитаризма, авторитаризма и имперских притязаний. Идеология, проникшая в государственное руководство как «военный и теннский фашизм», коренным образом изменила японское общество. Изменения в поляризации Японии произошли главным образом из-за убийств премьер-министров Хара Такаси (Hara Takashi, 原 敬) в 1920 году и Хамагути Осачи (Hamaguchi Osachi, 濱口 雄幸) в 1930 году правыми экстремистами. Обе жертвы принадлежали буржуазно-либеральным партиям, Риккен Сейюкай (Rikken Seiyūkai, 立憲政友会) и Риккен Минсейт (Rikken Minseitō, 立憲民政党), которые подверглись нападению со стороны фашистских кругов [15, с. 67 и т. д.; 20, с. 101; 30; 35, с. 20 и т. д.; 39, с. 45 и т. д.].

Вдохновителями японского фашизма были ультранационалистические авторы Кита Икки (Kita Ikki, 北 一輝), Окава Шумей (Okawa Shūmei, 大川 周明), Накано Сейго (Nakano Seigō, 中野 正剛) и Араки Садао (Araki Sadao, 荒木 貞夫), которых поддерживали такие учёные, как Танабэ Хадзимэ (Tanabe Hajime, 田辺 元) [15, с. 50 и т. д.; 22, с. 411 и т. д.; 29, с. 126 и т. д.; 35, с. 24].

В то время, как военные уже приняли фашистскую идеологию, сформировавшуюся из протофашистских организаций 1932 года, таких как Кокумин Домей (Kokumin Dōmei, 国民同盟), Национальный альянс и, в последующие годы массовые фашистские организации, Тохокэй (Tōhōkai, 東方会), Общество Востока Дай Ниппон Сейненто (Dai Nippon Seinentō, 大日本青年党), Молодёжная партия Великой Японии, которая была основана в 1937 году по образцу

гитлеровской молодёжи. Кульминацией фашистского правления в Японии стало практически полное доминирование парламента и милитаризация общества со стороны Дай Нихон Йокусан Сейиджикай (Dai Nihon Yokusan Seijikai, 大日本翼賛政治会). Политическая ассоциация Великой Японии стала поддерживать имперское правление с 1942 года [16, с. 68 и т. д.; 32, с. 218 и т. д., 39, с. 57, 61 и т. д.].

Что касается внешней политики, японские военные уже в 1931 году начали выстраивать направление на оккупацию Маньчжурии и создание государства Маньчжоу-Го (Manzhouguo, 滿洲國) с правителем Айсиньгероо Пуи, который стал императором, будучи ребёнком, и правил в период с 1908 по 1912 год, а затем в 1917 году вновь провозглашён императором с тронным именем Сюаньтун (Xuantong, 宣統). Несколько месяцев спустя, в 1932 году, японские вооружённые силы преобразовали это государство в Империю Большого Маньчжоу-Го (Manzhouguo, 大滿洲帝國) и провозгласили Пуи (в третий раз) императором этой империи в 1934 году, на этот раз под именем Кангде (Kangde, 康德) [30, с. 34]. Фашисты уже существовали в то время, о чём свидетельствует, к примеру, Российская фашистская партия, партия Eluosi Faxisi Dang (俄羅斯法西斯黨), русская фашистская партия, основанная в 1931 году. Это был изгнанный русский союз в японской оккупационной зоне Китайской Республики [26, с. 158]. Данная структура не должна была оставаться единственной фашистской структурой, поэтому в 1932 году оккупационный режим учредил Маньчжоу-Го Сихехуэй (Manzhouguo Xiehehui, 滿洲國協和會), новое объединение в Маньчжоу-Го [9, с. 73 и т. д.].

Основанное на китайских чиновниках, японское военное правление могло быть структурировано согласно фашистским идеям. Маньчжоу-Го имело военно-фашистскую систему, связанную с японской армией в провинции Гуандун. В него входили узкие антидемократические круги принимающих решения представителей государственных массовых организаций, прежде всего, Маньчжоу-Го Сихехуэй, представляющая собой объединённую структуру, в которой каждая ассоциация выполняла свою конкретную функцию. Кроме того, права личности были строго ограничены. Маньчжоу-Го оказалось жестоким диктаторским государством. Идеологически пропагандистское государство Маньчжоу-Го выступало за систему, в которой каждый занимал своё место и безоговорочно подчинялся [9, с. 60]. В Чанчуне (Changchun, 長春) японские правители основали новый центр власти и переимено-

вали город в Синьцзин (Xinjing 新京), Новая столица. Верховным правителем государства был вначале, де-факто, японский фельдмаршал Нобуеси Мутто (Nobuyoshi Mutō, 武藤信義), который руководил армией в провинции Гуандун до своей смерти. Тоталитарный союз Маньчжоу-Го Сихехуэй считался идеологической матерью правительства. Число его членов возросло с одного миллиона в 1938 году до 4,28 миллиона в 1943 году при общей численности населения 40 миллионов. Все чиновники, учителя или общественные деятели должны были принадлежать к партии и носить форму. Люди в возрасте от 16 до 19 лет также принадлежали к молодёжной лиге Маньчжоу-Го Сихехуэй [9, с. 67 и т. д.].

Между тем, помимо Японии, а теперь и Маньчжоу-Го, идеологические лидеры фашизма были и в центре Китая. В частности, левое крыло Чжунго Гоминьдан (Zhongguo Guomindang, 中國國民黨), Национальной партии Китая, возглавляемой Ван Цзинвэйем (Wang Jjingwei) и известной как Гайцзупай (Gaizupai, 改組派), быстро превратилось из врагов фашизма в его поклонников. Особенно его представителей впечатлили экономические успехи немецких национал-социалистов. Ван Цзинвэй посетил Германию в 1936 году и встретился с Адольфом Гитлером. По возвращении он заявил: «Несколько развитых стран уже расширили свою национальную жизнеспособность и увеличили численность своего народа. В результате они больше не боятся иностранной агрессии». Пропагандировал фашизм публицист Тан Лянгли (Tang Liangli, 湯良禮), говоря о восторженной поддержке фашизма своим народом. Несмотря на неразумность и жестокость, проявленные фашизмом в Германии и Италии, он, тем не менее, привёл к огромным изменениям в политической перспективе. Также следует подчеркнуть социалистический характер национал-социализма, потому что в основе лежит социальная работа нацистов. Член Гайцзупай (Gaizupai-Angehörige) Ши Шаопей (Shi Shaopei) подтвердил эту точку зрения, добавив, что после прихода к власти нацистов в Германии улучшились условия труда, появился отпуск «для радости», выстроились сбалансированные отношения между предпринимателями и работниками, а также начала предоставляться государственная работа безработным [21, с. 255].

Японская экспансия в северном Китае сделала возможным охват новых территорий. Соглашение Хе-Умецу-Абкосммен (He Mei Xieding, 何梅協定, Umezu-Ka Okin Kyōtei 梅津・何応欽協定), заключённое Японией в 1935 году,

первоначально привело к выводу китайских военных из провинции Хэбэй (Hebei, 河北). Это позволило сформировать территорию, которая была формально независима от Китайской Республики, во главе с «антикоммунистическим правительством автономии Восточный Хэбэй» Цзидун Фанцзун Цзичжи Чжэнфу (Jidong Fanggong Zizhi Zhengfu, 冀東防共自治政府) («Цзи» означает Восточный Хэбэй»). Столицей стал Тунчжоу (Tongzhou, 通州). Она просуществовала до 1940 года. Используя усилия монгольской автономии, японский оккупационный режим учредил военное правительство Монголии в 1936 году, которое было заменено в 1937 году Объединённым монгольским автономным правительством Менггу Ляньхэ Чжи Чжэнфу (Menggu Lianhe Zizhi Zhengfu, 蒙古聯合自治政府), просуществовавшим до 1939 года. Внутренняя Монголия была объединена с Южной Чахаером (Süd-Chaha'er) и Северной Шаньси (Nord-Shanxi) в 1937 году. В том же году в Шанхае было создано городское правительство Шанхайши Дадао Чжэнфу (Shanghai Shi Dadao Zhengfu, 上海市大道政府), правительство Дадао города Шанхая под руководством мэра Су Сивэня (Su Xiwen, 苏锡文) (1937–1938 гг.). Как следует из названия, даосская религия была трансформирована местным руководством искусственно. В самом начале, рейды полиции, направленные на коммунистов и членов Гоминьдана, были обычным явлением. После начала войны в 1937 году и захвата бывшей столицы Пекина (北京) было создано Временное правительство Китайской Республики Чжунхуа Миньго Линьши Чжэнфу (Zhonghua Minguo Linshi Zhengfu, 中華民國臨時政府) под руководством Ван Кеминя (Wang Kemin, 王克敏). Это было однопартийное государство Новой народной ассоциации Китайской Республики Чжунхуа Миньго Синьминьхуй (Zhonghua Minguo Xinminhui, 中華民國新民會), которое, как и предыдущие организации, выступало против Китайской Республики и её правительства со стороны Цзян Цзеша (Jiang Jieshi 蔣介石, Chiang Kaishek, Чан Кайши). Территория Временного правительства включала провинции Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, Хэнань и Цзянсу [4, с. 88 и т. д.; 24, с. 255; 27, с. 161].

После захвата японскими войсками под командованием генерала Мацуи Ивана (Matsui Iwane, 松井 石根), в 1938 году Нанкина (南京), который сопровождался массовым убийством гражданского населения, Китайская Республика потеряла ещё одну часть своей территории. Военная администрация в своём новом районе решила создать ещё одно марионеточное

государство под руководством «правительства реформ Республики Китай», Чжунхуа Миньго Вэйсинь Чжэнфу (Zhonghua Minguo Weixin Zhengfu, 中華民國維新政府), во главе с Лян Хунчжи (Liang Hongzhi, 梁鴻志). Как и Ван Кемин, Лян был также опытным политиком, бывшим полевым командиром Бэйяна (Beiyang), противостоял Гоминьдану и Цзян Цзеша. Территория правительства реформ включала провинции Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, а также города Нанкин и Шанхай. Поскольку Гоминдан примирился с Коммунистической партией Китая, пропаганда двух марионеточных правительств в Пекине (Beiping, 北平) была внешне антикоммунистической [5, с. 80 и т. д.].

Психологически первостепенное значение имела смена позиций Ван Цзинвэя в отношении Японии. В течение нескольких десятилетий Ван являлся конкурентом Цзян Цзеша, а затем занимал должность заместителя главы правительства в Чунцине, где было правительство страны, прежде чем захватить Нанкин. В 1938 году он отправился в Ханой и Токио. Этот политик имел высокий авторитет в Японии и в 1940 году вошёл в фашистское «Национальное правительство Китайской Республики», Чжунхуа миньго гуоин чжэнфу (Zhonghua Minguo Guomin Zhengfu, 中華民國國民政府), базировавшееся в Нанкине. За исключением Маньчжурии, все другие оккупированные японцами районы Китая были заняты. Ван подтвердил свои претензии на лидерство в Гоминьдане, реорганизовал его в рамках своей сферы влияния и сделал своеобразный синтез предыдущей идеологией демократической доктрины партии Сун Ятсена и фашистским мышлением [2, с. 106 и т. д.; 3; 5, с. 92 и т. д., 99]. Государства-спутники Японии, Китайская Республика под руководством Ван Цзинвэя и Маньчжоу-Го под властью Пуи нашли не только взаимное и дипломатическое признание со стороны Японии, но и признание иных фашистских государств или их зависимых территорий. Система Ван Цзинвэя не только приблизилась к фашистским партнёрам путём репрессий против собственного населения, но и взяла на себя идею пропаганды нацистской Германии против евреев. Евреи представлялись разрушительной расой, которая хочет покорить Китай. Богатые евреи были на стороне Гоминдана Цзяна Цзиши и сражались с Японией [10, с. 399 и т. д.; 38, с. 202; 41, с. 141 и т. д.; 42, с. 69 и т. д.]. Это соответствовало риторике о Японии и Маньчжоу-Го. В 1934 году в Маньчжурии в еврейских поселениях было до 50 000 беженцев из Германии. Они были завербованы для того, чтобы своими навыками мо-

дернизировать малонаселённую территорию [1; 7, с. 67 и т. д.; 15, с. 146 и т. д.]. В Шанхае еврейское гетто, находившееся под управлением Японии, существовало до 1945 года, принимая жителей. Однако в Китае не совершали преступления против евреев на том уровне преследования, как это было в нацистской Германии [33, с. 475]. В то же время отметим, что, в любом случае, расизм был частью повседневной жизни на оккупированных китайских территориях, хотя пропаганда делала акцент на гармонии между японцами, китайцами, монголами, корейцами и русскими [19, с. 66 и т. д.].

И Ван Кемин, и Лян Хунчжи, и Ван Цзинвэй, и Пуи не заботились о зверствах японской армии. Эти грубые нарушения прав человека противоречили закону войны, т. е. Гаагской конвенции о сухопутных войнах. Это нашло выражение в убийстве 200 000 гражданских лиц во время «бойни в Нанкине», пытках и увечьях, массовых изнасилованиях и исчезновениях женщин, которых вынуждали заниматься проституцией – «Ианфу» (Ianfu, 慰安婦, «женщины для утех») или медицинских экспериментах над заключёнными, содержавшимися в

Маньчжоу-Го, в лагерях недалеко от границы с СССР. Последние включали в себя вивисекции, оглушения и испытания биологического и химического оружия японским подразделением 731, как это доказал процесс по военным преступлениям в Хабаровске (Хабаровский процесс) в 1949 году [6, с. 83, 95 и т. д.; 12; 23, с. 395 и т. д.]. Оппозиция боролась с крайним насилием, что привело к беспорядкам, которые отреагировали на уничтожение повстанцев, их жён и детей [19, с. 68].

Немецкий купец Джон Рабе, который был членом Национал-социалистической немецкой рабочей партии, открыл свою резиденцию как представитель компании Siemens в Нанкине со свастикой на флаге, её японцы уважали как экстерриториальную территорию союзной Германии. Это позволило ему спасти 250 000 преследуемых жителей города от бойни (39, с. 248). С окончанием Второй мировой войны эпоха фашизма в Китае прошла. 14 миллионов китайцев погибли, бесчисленное количество выжило, но перенесло ад фашизма и оставалось инвалидами до конца своей жизни [35, с. 97 и т. д.; 34].

Источники и литература

1. Banno Junji. Japan's Modern History, 1857–1937: A New Political Narrative. – London; New York: Routledge, 2014.
2. Barrett David P. The Wang Jingwei-Regime, 1940–1945: Continuities and Disjunctures with Nationalist China // Chinese Collaboration with Japan, 2001. – P. 102.
3. Barrett David P., N. Shyu Lawrence. Chinese Collaboration with Japan, 1932–1945. The Limits of Accommodation. – Stanford: Stanford University Press, 2001.
4. Boyle John Hunter. China and Japan at War. The Politics of Collaboration. – Stanford: Stanford University Press, 1972.
5. Brook Timothy. The Creation of the Reformed Government in Central China // Barrett. – Shyu, 2001. – P. 79.
6. Chang Iris The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. – New York: Basic Books, 1997.
7. Conley Maximilian. Facing the Champion of the West: The Origin of Japan's Wartime Jewish Policy // Vanderbilt Historical Review. – Fall, 2016. – P. 67.
8. Dikötter Frank. The Construction of Racial Identities in China and Japan: Historical and Contemporary Perspectives. – London: Hurst, 1997.
9. Duara Prasenjit. Sovereignty and Authenticity: Manchukuo and the East Asian Modern. – Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield, 2004.
10. Eber Irene. Jewish Refugees in Shanghai 1933–1947: A Selection of Documents. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018.
11. Fritz Bauer Institut. Völkermord und Kriegsverbrechen in der ersten Hälfte des 20. – Jahrhunderts. Frankfurt; New York: Campus, 2001.
12. Gao Xingzu, Shimin Wu, Yungong Hu. Japanese Imperialism and the Massacre in Nanjing. Ruizhen Cha. – URL: <http://www.cnd.org/njmassacre/njm-tran> (дата обращения: 22.02.2019). – Текст: электронный.
13. Gentile Emilio. Der Faschismus. Eine Definition zur Orientierung. – Mittelweg 36, 2007–2008. – P. 81.
14. Hitotsubashi University // Hitotsubashi Journal of Social Studies. Kunitachi. – Tokyo. – 1960. – Vol. 1. – No. 1.
15. Hwang Ki Woo. Der Antikommunismus und Antisemitismus in der nationalsozialistischen Kulturpolitik gegenüber Japan. Dissertation phil. – Berlin: Freie Universität Berlin, 2013.
16. Itoh Nuyumi. The Hatoyama Dynasty: Japanese Political Leadership Through the Generations. Basingstoke. – Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2003.

17. Jewish Daily Bulletin. (Tageszeitung). – New York, 1924. – URL: http://www.pdfs.jta.org/1934/1934-08-06_2916.pdf (дата обращения: 17.02.2019). – Текст: электронный.
18. Journal of Contemporary History. (Zeitschrift). Walter Laqueur und George L. Mosse. – London: Institute of Contemporary History and Wiener Library, 1966.
19. Kennedy Sean. The Shock of War: Civilian Experiences, 1937–1945. – Toronto: University of Toronto Press, 2010.
20. Krebs Gerhard. Die Taishō-Zeit: Lernphase der Demokratie (1918–1932). – Pohl, 1986. – P. 99.
21. Larsen Stein Ugelvik. Fascism Outside Europe. The European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism. – New York: Columbia University Press, 2001.
22. Lu David J. Japan: a Documentary History. The Tokugawa Period to the Present. – Armonk; New York; London: M. E. Sharpe, 1997. – Vol. II.
23. Materials on the Trial of Former Servicemen of the Japanese Army Charged with Manufacturing and Employing Bacteriological Weapons. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1950.
24. Matten Marc Andre. Imagining a Postnational World: Hegemony and Space in Modern China. – Leiden: Brill, 2016.
25. Mittelweg 36. (Zeitschrift). – Hamburg: Hamburger Edition, 1992.
26. Oberländer Erwin. The All-Russian Fascist Party // Journal of Contemporary History. – 1966. – Band 1, No. 1. – P. 158.
27. Paine S. C. M. The Wars of Asia, 1911–1949. – Cambridge University Press, 2012.
28. Pohl Manfred. Japan. Geographie – Geschichte – Kultur – Religion – Staat – Gesellschaft – Bildungswesen – Politik – Wirtschaft. – Stuttgart-Wien: Thienemann, 1986.
29. Saaler Sven. Koschmann, J. Victor Pan-Asianism in Modern Japanese History: Colonialism, Regionalism and Borders.. – London: Routledge, 2007.
30. Schneider Ruth. Tennofaschismus: Grundstrukturen des Tennō-Faschismus und seiner außenpolitischen Richtlinien. – URL: https://www.web.archive.org/web/20110719045908/http://www.japanlink.de/gp/gp_geschichte_tennofaschismus.shtml (дата обращения: 20.02.2019). – Текст: электронный.
31. Sewell Bill. Constructing Empire: The Japanese in Changchun, 1905–45. – Vancouver-Toronto: UBC Press, 2019.
32. Sims Richard. Japanese Political History Since the Meiji Renovation 1868–2000. – New York: Palgrave MacMillan, 2001.
33. Spence Jonathan. The Search for Modern China. – New York; London: Norton, 1990.
34. Todd Michael. China lost 14 Million People in World War II. Why Is It Forgotten? – URL: <https://www.psmag.com/news/china-lost-14-million-people-world-war-ii-forgotten-66482> (дата обращения: 20.02.2019). – Текст: электронный.
35. Tomonaga Tairako. Die Grundzüge des japanischen Faschismus und die Kriegsverantwortlichkeit japanischer Philosophen während der Kriegszeit // Hitotsubashi Journal of Social Studies. – 1990. – Vol. 22, No. 1. – P. 19.
36. Unschuld Paul U. The Fall and Rise of China: Healing the Trauma of History. – London: Reaction Books, 2013.
37. Vanderbilt Department of History // Vanderbilt Historical Review. – Edinbourg: Vanderbilt Department of History, 2016.
38. Weyrauch Thomas. Chinas demokratische Traditionen vom 19. Jahrhundert bis in Taiwans Gegenwart. – Heuchelheim: Longtai, 2014.
39. Weyrauch Thomas. Die Parteienandschaft Ostasiens. Geschichtliche Hintergründe, politische Zusammenhänge. – Heuchelheim: Longtai, 2018.
40. Wickert Erwin. John Rabe und das Massaker von Nanking. – Fritz Bauer Institut, 2001. – P. 245.
41. Zhou Xun. Chinese Perceptions of the Jews' and Judaism: A History of the Youtai. – Richmond/UK: Curzon, 2001.
42. Zhou Xun. The Myth of the 'Jew' in Modern China. – Dikötter, 1997. – P. 53.

Faschismus in China (1931–1945) – Vordenker, Täter und Opfer

Als Elemente des Faschismus werden heute das Führerprinzip, der Totalitätsanspruch, eine militärisch ausgerichtete Parteiorganisation, eine korporative, hierarchische Wirtschaftsorganisation, ein totalitäres, mit Terror herrschendes, in Funktionshierarchien gegliedertes Gesamtmodell der Gesellschaft sowie eine als weltliche Ersatzreligion auf Mythen, Riten und Symbolen basie-

rende Kultur betrachtet. Der exkludierende Charakter des Faschismus zeigt sich im Ziel der organisch-mystischen Einheit der Nation als ethnische und moralische Gemeinschaft, „während Maßnahmen der Diskriminierung und Verfolgung gegen alle jene ergriffen werden, die man als außerhalb dieser Gemeinschaft stehend betrachtet, sei es als Feinde des Regimes oder als Angehörige

ge von Rassen, die angeblich minderwertig sind oder zumindest gefährlich für die Integrität der Nation“ (Gentile 2007/08, S. 81 ff.).

Autoritäre und rassistische Denkweisen sind Ostasien und insbesondere dem chinesischen Kulturraum nicht fremd (Dikötter 1997, S. 2 ff.). Die faschistische Ideologie ist allerdings ein Novum des 20. Jahrhunderts. Um die Verbreitung des Faschismus in China zu verstehen, ist ein Blick sowohl auf die Expansions- als auch auf die davon beeinflusste Innenpolitik Japans unabdingbar. Nach der ersten Konfrontation mit militärisch, technologisch und wirtschaftlich überlegenen Staaten des Westens, führte Japan innenpolitische Reformen unter dem Meiji-Tennō durch. Im Laufe dieser Meiji-Reformen festigte sich die Kaiserherrschaft und brachte eine zentralistische Militärführung hervor, die bald über große Macht verfügte. Selbst Persönlichkeiten, wie Itagaki Taisuke (板垣退助), Vorkämpfer des Parlamentarismus und Gründer der ersten ostasiatischen Partei, traten dahingehend janusköpfig auf, dass sie in ihren außenpolitischen Konzepten den Menschen anderer Länder nicht die gleichen Rechte wie ihren Landsleuten zubilligten. Konkret und aktuell betraf diese Diskrepanz nämlich das Nachbarvolk der Koreaner und die Einwohner Taiwans. Im Einklang mit den vom Volk nicht kontrollierten Militärs war Itagaki der Meinung, Japan solle auf Kosten Chinas und Koreas zur Großmacht aufsteigen. Dies solle durch die Kolonisierung Taiwans und Koreas geschehen (Banno 2014, S. 59 ff., 62 ff.; Weyrauch 2018, S. 24 ff.).

Die Meiji-Reformer in der Zivilverwaltung waren sich mit dem Militär einig, dass Japan nur dann ein weltpolitisch bedeutsamer Akteur werden könne, wenn es wie etwa Großbritannien oder Frankreich imperialistische Ziele verfolge. Insoweit brachten die Siege im Ersten Sinojapanischen Krieg und im Russisch-Japanischen Krieg nicht nur Gebietsgewinne an Korea und Teilen der Mandschurei, sondern auch Möglichkeiten, die Hegemonialmacht auszubauen (Sims 2001, S. 103 ff.; Weyrauch 2018, S. 44 ff.). Die imperialistischen Vorstellungen setzte sich nach dem Ende der Meiji-Zeit 1912 fort und waren noch in der Zeit der Taishō-Demokratie aktuell. Dies zeigte sich insbesondere bei den „21 Forderungen“ (二十一條 / 对华二十一ヵ条要求) 1915, als die Regierung Ōkuma Shigenobu von der Republik China verlangte, die Provinz Shandong, die Mandschurei, die Innere Mongolei, die chinesische Südküste und die Mündung des Changjiang unter japanische Kontrolle zu stellen (Sims 2001, S. 103; Weyrauch 2014, S. 95; Weyrauch 2018, S. 44).

1921, in einer Zeit der wachsenden Arbeitslosigkeit, erhöhte die Regierung die Militärausga-

ben um 46 Prozent (Sims, 129, 131). Die Wirtschaftskrise gegen Ende der 1920er Jahre und die dadurch verursachte Radikalisierung waren interne Faktoren dafür, dass ab 1932 kein Parteienkabinett mehr gebildet wurde. Hinzu kam die japanische Okkupation der Mandschurei, die als Industriegebiet der Republik China von großer wirtschaftlicher Bedeutung war. Der damit einhergehende Chauvinismus und die Ablehnung einer weiteren liberalen Politik seitens herrschaftsaffirmativer Kreise beendete die verheißungsvolle Taishō-Ära (Krebs 1986, S. 102 ff.). Ultrationalistische Kreise Japans übernahmen Denkweisen mit den Elementen der Rasseideologie, des Militarismus, Autoritarismus und des imperialen Anspruchs. Die bis in die Staatsführung reichende als „Militär- und Tennō-Faschismus“ zu bezeichnende Ideologie veränderte Japans Gesellschaft grundlegend. Primär zeigte sich der Wandel in der Polarisierung Japans durch die Mordanschläge auf die Ministerpräsidenten Hara Takashi (原敬) 1920 und Hamaguchi Osachi (濱口雄幸) 1930 durch Rechtsradikale. Beide Opfer gehörten bürgerlich-liberalen Parteien, der Rikken Seiyūkai (立憲政友会) bzw. der Rikken Minseitō (立憲民政党) an, die von den faschistischen Kreisen attackiert wurden (Krebs 1986, S. 101; Tomonaga 1990, S. 20 ff.; Itoh 2003, S. 67 ff.; Weyrauch 2018, S. 45 ff.; Schneider, Ruth (2011): Tennofaschismus: Grundstrukturen des Tennō-Faschismus und seiner außenpolitischen Richtlinien, https://web.archive.org/web/20110719045908/http://www.japanlink.de/gp/gp_geschichte_tennofaschismus.shtml, Download am 20.02.2019).

Vordenker des japanischen Faschismus waren die ultrationalistischen Autoren Kita Ikki (北一輝), Ōkawa Shūmei (大川周明), Nakano Seigō (中野正剛) und Araki Sadao (荒木貞夫), die von Wissenschaftlern, wie etwa Tanabe Hajime (田辺元) unterstützt wurden (Lu 1997, S. 411 f.; Tomonaga 1990, S. 24; Hwang 2013, S. 50 ff.; Saaler / Koschmann 2007, S. 126 f.).

Während das Militär schon die faschistische Ideologie vereinnahmt hatte, bildeten sich ab 1932 profaschistische Organisationen, wie die Kokumin Dōmei (国民同盟), Nationale Allianz, und in den Folgejahren faschistische Massenanorganisationen, wie 1936 die Tōhōkai (東方会), Gesellschaft des Orients, oder die Dai Nippon Seinentō (大日本青年党), Großjapanische Jugendpartei, die 1937 nach dem Vorbild der Hitler-Jugend gegründet wurde. Als Höhepunkt der faschistischen Herrschaft in Japan ist die fast gänzliche Beherrschung des Parlaments und die Militarisierung der Gesellschaft durch die Dai Nihon Yokusan Seijikai (大日本翼賛政治会) Großjapanische Politische Vereinigung zur Unterstützung

der Kaiserherrschaft, ab 1942 zu betrachten (Itoh 2003, S. 68 ff.; Sims 2001, S. 218 ff., 227; Weyrauch 2018, S. 57, 61 f.).

Außenpolitisch hatte das japanische Militär bereits 1931 mit der Besetzung der Mandschurei und der Gründung eines Staates Manzhouguo (滿洲國) unter einem Präsidenten Henry Puyi Tatsachen geschaffen, der als Kind zwischen 1908 und 1912 sowie 1917 für einige Tage erneut unter dem Namen Xuantong (宣統) Chinas Kaiser gewesen war. Einige Monate später, im Jahr 1932, gestalteten Japans Militärs jenen Staat in das Kaiserreich Groß-Manzhouguo (大滿洲帝國) um und riefen Puyi 1934 (zum dritten Mal) als Kaiser dieses Reiches aus – diesmal unter dem Namen Kangde (康德) (Sewell 2019, S. 34). Faschisten gab es zu dieser Zeit schon, was durch die 1931 gegründete Rossiyskaya Fashistskaya Partiya, Российская фашистская партия bzw. Eluosi Faxisi Dang 俄羅斯法西斯黨, die Russische Faschistische Partei, dokumentiert wurde. Es handelte sich hierbei um eine exilrussische Vereinigung im japanischen Besatzungsgebiet der Republik China (Oberländer, pp. 158). Sie sollte nicht die einzige faschistische Partei bleiben, denn 1932 gründete das Besatzungsregime die Manzhouguo Xiehehui (滿洲國協和會), Eintrachtsvereinigung von Manzhouguo (Duara 2004, S. 73 ff.).

Auf chinesischen Funktionsträgern beruhend, konnte die japanische Militärherrschaft nach faschistischen Vorstellungen strukturiert werden. Manzhouguo hatte ein militärfaschistisches System mit der japanischen Guandong-Armee im Zentrum der Macht. Es schloss antidemokratische Kreise in engen Zirkeln von Entscheidungsträgern, staatsgesteuerte Massenorganisationen, an vorderster Stelle die Manzhouguo Xiehehui, sowie ein korporatistisches System ein, in dem jede Vereinigung ihre bestimmte Funktion hatte. Zudem wurden Persönlichkeitsrechte mit aller Strenge eingeschränkt. Manzhouguo zeigte sich als diktatorischer Staat mit brutalen Zügen. Ideologisch-propagandistisch stand der Staat Manzhouguo für eine Erweiterung der Familie, in der jeder seinen Platz habe und bedingungslos gehorchen müsse (Duara 2004, S. 60). In Changchun (長春) hatten die japanischen Machthaber das Machtzentrum etabliert und nannten die Stadt in Xinjing (新京), Neue Hauptstadt, um. Oberster Machthaber des Staates war zu Beginn faktisch der japanische Feldmarschall Nobuyoshi Mutō (武藤 信義), welcher der Guandong-Armee bis zu seinem Tod vorstand. Die totalitäre Manzhouguo Xiehehui galt als ideologische Mutter der Regierung. Ihre Mitgliederzahl wuchs von einer Million im Jahr 1938 auf 4,28 Millionen 1943 bei

einer Gesamtbevölkerung von 40 Millionen. Alle Beamten, Lehrer oder Persönlichkeiten des öffentlichen Lebens mussten der Partei angehören und trugen häufig Uniform. Auch Personen zwischen 16 und 19 Jahren mussten der Jugendliga der Manzhouguo Xiehehui angehören. (Duara 2004, S. 67 ff.)

Außer in Japan und nun auch in Manzhouguo gab es mittlerweile auch im chinesischen Kernland Vordenker für den Faschismus. Speziell der von Wang Jjingwei geführte und als Gaizupai (改組派, Reorganisation) bekannte linke Flügel der Zhongguo Guomindang (中國國民黨), der Nationalpartei Chinas, vollzog in kurzer Zeit einen Wandel von Feinden des Faschismus zu dessen Bewunderern. Besonders waren sie von den Wirtschaftserfolgen der deutschen Nationalsozialisten beeindruckt. Wang Jjingwei besuchte Deutschland 1936 und traf mit Adolf Hitler zusammen. Nach seiner Rückkehr erklärte er: „Mehrere fortgeschrittene Länder haben bereits ihre nationale Vitalität erweitert und die Stärke ihres Volkes gesteigert. Sie haben folglich keine Angst mehr vor einer ausländischen Aggression.“ Der Publizist Tang Liangli (湯良禮) propagierte damit im Einklang den Faschismus, der enthusiastische Gefolgschaft der Bevölkerung in ihren Nationen bringe. Trotz der unklugen Dinge und Grausamkeiten, die der Faschismus in Deutschland und Italien mit sich gebracht habe, habe er dennoch enorme Veränderungen in der politischen Perspektive bewirkt. Zudem sei der sozialistische Charakter des Nationalsozialismus hervorzuheben, denn es gebe eine soziale Arbeit der Nazis. Der Gaizupai-Angehörige Shi Shaopei bestätigte diese Ansicht und fügte an, es gebe seit der Machtübernahme der Nazis in Deutschland bessere Arbeitsbedingungen, „Kraft durch Freude“-Urlaub, ausgeglichene Unternehmer-Beschäftigte-Beziehungen und die Bereitstellung öffentlicher Arbeitseinsätze für Arbeitslose (Larsen 2001, S. 255).

Die japanische Expansion in Nordchina machte neue territoriale Kreationen möglich. Das 1935 von Japan erzwungene He-Umezu-Abkommen (He Mei Xieding 何梅協定, Umezu-Ka Okin Kyōtei 梅津・何応欽協定) hatte zunächst zu einem Abzug des chinesischen Militärs aus der Provinz Hebei (河北) geführt. Dies ermöglichte die Gründung einer formal von der Republik China unabhängigen Entität mit einer „Antikommunistischen Autonomieregierung von Ost-Hebei“ („Ji“ steht hier für Ost-Hebei), Jidong Fanggong Zizhi Zhengfu (冀東防共自治政府), an der Spitze, deren Hauptstadt Tongzhou (通州) war und die bis 1940 Bestand hatte. Autonomiebestrebungen der Mongolen nutzend, ließ das japanische Besatzungsregime 1936 eine Mongolische Militärre-

gierung gründen, die 1937 von einer Vereinigten Autonomen Regierung der Mongolei, Menggu Lianhe Zizhi Zhengfu (蒙古聯合自治政府) abgelöst wurde und bis 1939 existierte. Die Innere Mongolei wurde 1937 mit Süd-Chaha'er und Nord-Shanxi verbunden. Im 1937 besetzten Shanghai rief Japan eine Stadtregierung ins Leben, die Shanghaishi Dadao Zhengfu (上海市大道政府), Dadao-Regierung der Stadt Shanghai, unter Bürgermeister Su Xiwen (苏锡文) 1937 – 1938. Wie der Name besagt, wurde die daoistische Religion durch die örtliche Führung instrumentalisiert. Gleich zu Beginn waren Razzien der Polizei gegenüber Kommunisten und Angehörigen der Guomindang an der Tagesordnung. Nach Kriegsbeginn 1937 und der Einnahme der früheren Hauptstadt Beijing (北京) entstand die Provisorische Regierung der Republik China, Zhonghua Minguo Linshi Zhengfu (中華民國臨時政府), unter Wang Keming (王克敏). Es handelte sich hierbei um einen Einparteienstaat der Neuen Volksvereinigung der Republik China, Zhonghua Minguo Xinminhui (中華民國新民會), der gleichfalls wie die vorigen Entitäten in Gegnerschaft zur verbliebenen Republik China und ihrer Regierung von Jiang Jieshi (蔣介石 Chiang Kaishek) stand. Das Territorium der Provisorischen Regierung umfasste die Provinzen Hebei, Shandong, Shanxi, Henan und Jiangsu (Boyle 1972, S. 88 f.; Paine 2012, S. 161; Matten 2016, S. 255).

Mit der von einem Massaker an der Zivilbevölkerung begleiteten Einnahme der Hauptstadt Nanjing (南京) durch japanische Truppen 1938 unter General Matsui Iwane (松井石根) verlor die Republik China einen weiteren Teil ihres Territoriums. Die Militärverwaltung verfügte in ihrem neuen Eroberungsgebiet die Gründung eines weiteren Marionettenstaates unter einer „Reformregierung der Republik China“, Zhonghua Minguo Weixin Zhengfu (中華民國維新政府), die von Liang Hongzhi (梁鴻志) geführt wurde. Wie Wang Keming war auch Liang ein ranghoher Politiker der früheren Beiyang-Warlords in Gegnerschaft zur Guomindang bzw. Jiang Jieshi. Das Territorium der Reformregierung umfasste die Provinzen Jiangsu, Zhejiang, Anhui sowie die Städte Nanjing und Shanghai. Da die Guomindang sich zwischenzeitlich mit der kommunistischen Partei Chinas ausgesöhnt hatte, war die Propaganda der beiden Marionettenregierungen in Beijing (bzw. Beiping 北平) vordergründig antikommunistisch (Brook 2001, S. 80 ff.).

Psychologisch von größter Bedeutung war der Seitenwechsel von Wang Jingwei nach Japan. Schon seit Jahrzehnten in Konkurrenz zu Jiang Jieshi stehend, übte Wang die Funktion des stellvertretenden Regierungschefs in Chongqing

aus, wohin sich die Nationalregierung vor der Einnahme der Hauptstadt Nanjing zurückgezogen hatte. 1938 setzte er sich über Hanoi nach Tokyo ab. Dieser Politiker hatte für Japan ein hohes Prestige und übernahm 1940 aus Überzeugung die Regierung einer faschistischen „Nationalregierung der Republik China“, der Zhonghua Minguo Guomin Zhengfu 中華民國國民政府, mit Sitz in Nanjing, die mit Ausnahme Manzhouguos alle übrigen japanisch besetzten Gebiete Chinas absorbierte. Damit machte Wang auch seinen Anspruch auf die Führung der Guomindang geltend, reorganisierte sie in seinem Machtbereich und vollzog eine Synthese zwischen der bisherigen demokratischen Parteiideologie Sun Yatsens und faschistischen Denkweisen (Brook 2001, S. 92 f., 99; Barrett 2001, *The Wang Jingwei-Regime*, S. 106 ff.). Die japanischen Satellitenstaaten Republik China unter Wang Jingwei und Manzhouguo unter Puyi fanden nicht nur gegenseitige bzw. japanische diplomatische Anerkennung, sondern auch die weiterer faschistischer Staaten bzw. deren abhängiger Gebiete. Das Wang Jingwei-System näherte sich den faschistischen Partnern nicht nur durch Repression gegenüber der eigenen Bevölkerung an, sondern übernahm auch aus Nazi-Deutschland die Hetze gegen Juden. Juden seien danach eine zerstörerische Rasse, die China erobern wolle. Reiche Juden seien auf der Seite von Jiang Jieshis Guomindang und bekämpften Japan (Zhou 1997, S. 69 ff.; Zhou 2001, S. 141 ff.; Eber 2018, S. 399 ff.; Weyrauch 2014, S. 202). Damit entsprach seine Rhetorik der von Japan und Manzhouguo, obgleich beide zumindest 1934 um jüdische Ansiedlungen von bis zu 50.000 Flüchtlingen aus Deutschland in der Mandschurei warben, um mit deren Fähigkeiten das dünn besiedelte Land zu modernisieren (Jewish Daily Bulletin vom 06.08.1934, http://pdfs.jta.org/1934/1934-08-06_2916.pdf, Download vom 17.02.2019; zum japanischen Antisemitismus und zur Verbreitung der Schrift „Protokolle der Weisen von Zion“: Hwang 2013, S. 146 ff.; Conley 2016, S. 67 ff.). In Shanghai existierte bis 1945 ein jüdisches Ghetto unter japanischer Verwaltung, die zwar die Not der Bewohner akzeptierte, nicht aber Untaten an Juden in der gleichen Verfolgungintensität wie Nazi-Deutschland verübte (Spence 1990, S. 475). Rassismus gehörte ohnehin zum Alltag in den besetzten chinesischen Gebieten, obgleich die Harmonie zwischen Japanern, Chinesen, Mongolen, Koreanern und Russen propagandistisch hervorgehoben wurde (Kennedy 2010, S. 66 ff.).

Sowohl Wang Keming als auch Liang Hongzhi bzw. Wang Jingwei oder Puyi kümmerten sich nicht um die Kriegsgräuere der japanischen Armee.

Jene schweren Menschenrechtsverletzungen waren nämlich im Widerspruch zum Kriegsvölkerrecht, d. h. zur Haager Landkriegsordnung, begangen worden. Hierzu zählte zunächst die Ermordung von 200.000 Zivilisten während des "Nanjing-Massakers", die Folterungen und Verstümmelungen, die Massenvergewaltigungen und Verschleppungen von Frauen als Zwangsprostituierte „lanfu“ (慰安婦 „Trostfrauen“) oder die medizinischen Experimente an Gefangenen, welche in Manzhouguo in Lagern nahe der Grenze zur Sowjetunion ausgeführt wurden. Letztere schlossen Vivisektionen ohne Betäubung und Tests von biologischen und chemischen Waffen durch die japanische Einheit 731 ein, wie der Kriegsverbrecherprozess von Chabarowsk (Хабаровский процесс) 1949 bewies (Chang 1997, S. 83 ff., 95 ff.; Materials on the Trial of Former Servicemen of the Japanese Army Charged with Manufacturing and Implying Bacteriological Weapons 1950, S. 395 ff; Gao Xingzu, Wu Shimin, Hu Yungong und Cha Ruizhen (1996): Japanese Imperialism and the Massacre in Nanjing, <http://www.cnd.org/njmassacre/njm-tran/>, Download 22.02.2019). Opposition wurde mit extremer

Gewalt bekämpft, sodass es zu Aufständen kam, auf die mit der Vernichtung der Aufständischen, ihrer Frauen und Kinder reagiert wurde (Kennedy 2010, S. 68).

Ein Paradoxon jener Zeit stellte der deutsche Kaufmann John Rabe dar, der Mitglied der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei gewesen war und seine Residenz als Repräsentant des Unternehmens Siemens in Nanjing mit der Hakenkreuzfahne kenntlich gemacht hatte, die von den Japanern als extraterritoriales Gebiet des verbündeten Deutschland respektiert wurde. Dadurch gelang es ihm, 250.000 verfolgte Bewohner der Stadt vor dem Massaker zu retten (Wickert 2004, S. 248). Mit dem Ende des 2. Weltkrieges verschwand die Epoche des Faschismus in China. 14 Millionen Chinesen hatten ihr Leben verloren, nicht gezählte Opfer lebten, hatten aber die Hölle des Faschismus durchlitten und blieben bis zum Ende ihres Lebens traumatisiert (Unschuld 2013, S. 97 ff.; Todd, Michael (2013): China lost 14 Million People in World War II. Why Is It Forgotten?, <https://psmag.com/news/china-lost-14-million-people-world-war-ii-forgotten-66482>, Download 20.02.2019).

Literatur

1. Banno Junji (2014): Japan's Modern History, 1857–1937: A New Political Narrative. London – New York: Routledge.
2. Barrett David P. (2001): The Wang Jingwei-Regime, 1940 – 1945: Continuities and Disjunctures with Nationalist China. In: Barrett / Shyu, Chinese Collaboration with Japan, S. 102 ff.
3. Barrett David P. / Shyu, Lawrence N. (2001): Chinese Collaboration with Japan, 1932 – 1945. The Limits of Accommodation. Stanford: Stanford University Press
4. Boyle John Hunter (1972): China and Japan at War. The Politics of Collaboration. Stanford: Stanford University Press.
5. Brook Timothy (2001): The Creation of the Reformed Government in Central China. In: Barrett / Shyu 2001), S. 79 ff.
6. Chang Iris (1997): The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. New York: Basic Books.
7. Conley Maximilian (2016): Facing the Champion of the West: The Origin of Japan's Wartime Jewish Policy. In: Vanderbilt Historical Review, Fall 2016, S. 67 ff.
8. Dikötter Frank (1997): The Construction of Racial Identities in China and Japan: Historical and Contemporary Perspectives. London: Hurst.
9. Duara, Prasenjit (2004): Sovereignty and Authenticity: Manchukuo and the East Asian Modern. Lanham – Boulder – New York London: Rowman & Littlefield.
10. Eber Irene (2018): Jewish Refugees in Shanghai 1933 – 1947: A Selection of Documents. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
11. Fritz Bauer Institut (2001): Völkermord und Kriegsverbrechen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Frankfurt – New York: Campus.
12. Gentile Emilio (2007): Der Faschismus. Eine Definition zur Orientierung. In: Mittelweg 36 (2007/08), S. 81 ff.
13. Hitotsubashi University: Hitotsubashi Journal of Social Studies. Kunitachi/Tokyo: Vol. 1 No 1, 1960 ff.
14. Hwang Ki Woo (2013): Der Antikommunismus und Antisemitismus in der nationalsozialistischen Kulturpolitik gegenüber Japan. Dissertation phil., Berlin: Freie Universität Berlin.
15. Itoh Nuyumi (2003): The Hatoyama Dynasty: Japanese Political Leadership Through the Generations. Basingstoke / Hampshire – New York: Palgrave Macmillan.
16. Jewish Daily Bulletin (Tageszeitung). Hg.: Jewish Daily Bulletin. New York 1924 ff.
17. Journal of Contemporary History. (Zeitschrift). Hg.: Walter Laqueur und George L. Mosse. London: Institute of Contemporary History and Wiener Library, 1966 ff.

18. Kennedy Sean (2010): *The Shock of War: Civilian Experiences, 1937 – 1945*. Toronto: University of Toronto Press.
19. Krebs Gerhard (1986): *Die Taishō-Zeit: Lernphase der Demokratie (1918 – 1932)*. In: Pohl, S. 99 ff.
20. Larsen Stein Ugelvik: *Fascism Outside Europe (2001): The European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism*. New York: Columbia University Press.
21. Lu David J. (1997): *Japan: a Documentary History. Volume II: The Tokugawa Period to the Present*. Armonk, New York – London: M. E. Sharpe.
22. *Materials on the Trial of Former Servicemen of the Japanese Army Charged with Manufacturing and Implying Bacteriological Weapons (1950)*. Moscow: Foreign Languages Publishing House.
23. Matten Marc Andre (2016): *Imagining a Postnational World: Hegemony and Space in Modern China*. Leiden: Brill.
24. *Mittelweg 36 (Zeitschrift)*. Hamburg: Hamburger Edition 1992 ff.
25. Oberländer Erwin (1966): *The All-Russian Fascist Party*. In: *Journal of Contemporary History*. Band 1, Nr.1, 1966, pp. 158.
26. Paine S. C. M. (2012): *The Wars of Asia, 1911–1949*. Cambridge et al.: Cambridge University Press.
27. Pohl Manfred (1986): *Japan. Geographie – Geschichte – Kultur – Religion – Staat – Gesellschaft – Bildungswesen – Politik – Wirtschaft*. Stuttgart – Wien: Thienemann.
28. Saaler Sven / Koschmann, J. Victor (2007): *Pan-Asianism in Modern Japanese History: Colonialism, Regionalism and Borders*. London: Routledge.
29. Sewell Bill (2019): *Constructing Empire: The Japanese in Changchun, 1905–1945*. Vancouver – Toronto: UBC Press.
30. Sims Richard (2001): *Japanese Political History Since the Meiji Renovation 1868–2000*. New York: Palgrave MacMillan.
31. Spence Jonathan (1990): *The Search for Modern China*. New York – London: Norton.
32. Tomonaga Tairako (1990): *Die Grundzüge des japanischen Faschismus und die Kriegsverantwortlichkeit japanischer Philosophen während der Kriegszeit*. In: *Hitotsubashi Journal of Social Studies*, Vol. 22, No. 1 (August 1990), S. 19 ff.
33. Unschuld: Paul (2013): *The Fall and Rise of China: Healing the Trauma of History*. London: Reaktion Books.
34. *Vanderbilt Department of History: Vanderbilt Historical Review (Zeitschrift)*. Edinbourg: Vanderbilt Department of History 2016 ff.
35. Weyrauch Thomas (2014): *Chinas demokratische Traditionen vom 19. Jahrhundert bis in Taiwans Gegenwart*. Heuchelheim: Longtai.
36. Weyrauch Thomas (2018): *Die Parteienandschaft Ostasiens. Geschichtliche Hintergründe, politische Zusammenhänge*. Heuchelheim: Longtai.
37. Wickert Erwin (2001): *John Rabe und das Massaker von Nanking*. In: *Fritz Bauer Institut (2001)*, S. 245 ff.
38. Zhou Xun (2001): *Chinese Perceptions of the Jews' and Judaism: A History of the Youtai*. Richmond/UK: Curzon.
39. Zhou Xun (1997): *The Myth of the 'Jew' in Modern China*. In: *Dikötter 1997*, S. 53 ff.

УДК 94

ББК ТЗ(2)614-68

Константин Владимирович Черепанов,

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,

г. Омск, Россия,

e-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

Забывтая победа

Статья посвящена выявлению факторов, от которых зависел исход конфликта на р. Халхин-Гол, явившийся крупнейшим вооружённым столкновением в 1930-е годы между СССР и Японской империей и сыгравший исключительную роль в развитии мирового внешнеполитического кризиса весны–осени 1939 года. Убедительные и успешные действия Советского Союза в отражении японской угрозы МНР остались в некоторой тени на фоне глобального мирового противостояния, начавшегося в дни конфликта. Впечатляющая победа СССР, однако, не была предопределена заранее, о чём рассказывается в данной статье.

Ключевые слова: Внешняя Монголия (Халха), МНР, СССР, Японская империя, КВЖД, гоминьдановский Китай, А. Амар, Халхин-Гол, советско-германский пакт о ненападении

Konstantin V. Cherepanov,
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia,
e-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

Forgotten Victory

It was the largest armed clash in the 1930s between the USSR and the Japanese Empire conflict, played an exceptional role in the development of the global foreign policy crisis of the spring-autumn of 1939. The convincing and successful actions of the Soviet Union in repelling the Japanese threat to the Mongolian People's Republic remained in some shadow against the background of the global world confrontation that began in the days of the conflict. The impressive victory of the USSR, however, was not predetermined in advance. The outcome of the conflict depended on many circumstances, this article is devoted to the identification of some of them.

Keywords: Outer Mongolia (Khalkha), MPR, USSR, Japanese Empire, CER, Kuomintang China, A. Amar, Khalkhin-Gol, Soviet-German non-aggression pact

Острое и непредсказуемое развитие украинского кризиса в 2014–2018 годы затмило собой многие важнейшие юбилейные даты в отечественной и мировой истории. А ведь события, отстоявшие на восемь десятилетий назад, во многом определили развитие человечества на долгие годы вперёд. Конечно, событием номер 1 на все времена (по крайней мере, в длительной перспективе) стало нападение гитлеровской Германии на Польшу, ставшее стремительно началом новой мировой войны. При этом хотелось бы обратить внимание на конфликт, совпавший практически по времени с кризисом в германо-польских отношениях, и сыгравший, на наш взгляд, не меньшую роль как в возникновении Второй мировой войны, так и в истории дальнейшего участия в ней советской державы. При всем обилии конфликтов, сотрясавших мир в 1939 году, советско-японский конфликт явно не терялся ни своими масштабами, ни значительностью дальнейших последствий.

Между тем, актуальность заявленной тематики подтверждается современными событиями – продолжающимся российско-украинским конфликтом, являющимся, чем далее тем более, уже и аспектом более широкого российско-западного противостояния. Исследовать причины того конфликта 1939 года побуждает и нынешняя международная ситуация вокруг Сирии, которая во многих своих чертах и характеристиках начинает стремительно напоминать события восьмидесятилетней давности.

Тогда же советская держава оказалась вовлечённой в конфликт, масштабы которого

во много раз превосходили все её предыдущие вооружённые столкновения, а последствия имели роковой характер. Впервые, за весь период советского существования после окончания Гражданской войны и интервенции, страна оказалась в противостоянии с одной из сильнейших военных держав тогдашнего мира. Как и сейчас, так и тогда решался вопрос о стратегии дальнейшего развития в перспективе на долгие годы вперёд, с той разницей, что на роли «мальчиша-плохиша» тогда подвизалась не только сталинская Россия, но и императорская Япония. В позиции же, сходной с той, в которой ныне оказалось Украина, находился тогда Китай, управляемый националистической партией гоминьдан.

Китайское же государство тогда, несмотря на подъём национального движения, всё ещё находилось в искренне трагических условиях. Национальная революция 1925–1927 годов сняла с повестки дня вопрос о независимости и суверенитете, но не о целостности страны. Огромные куски территории Китая находились вне контроля центрального правительства, и их возврат под власть нанкинских властей выглядел крайне призрачным. Ситуация для Китая особенно усугубилась с конца 1920 – начала 1930-х годов, когда два могущественных соседа – Японская империя и СССР – одновременно заняли практически враждебную китайской государственности позицию.

За десятилетие, прошедшее с советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 году, и СССР, и Япония значительно усилили своё влияние и присутствие на китайской земле, оставаясь притом прямыми соперниками и

противниками. Сферой японо-советского соперничества стал весь север Китая, особенно его восточная (Маньчжурия) и центральная (Внутренняя и Внешняя Монголии) части. На западе региона, в Синьцзяне, советское доминирование со стороны Японии было трудноспоримо, но в остальных частях соперничество носило, казалось, ожесточённый и бескомпромиссный характер.

После активизации деятельности японских квантунских военных в 1931–1932 годах весь северо-восток Китая (Маньчжурия) для СССР оказался потерян. На захваченных квантунскими военными территориях региона было создано марионеточное прояпонское «маньчжурское государство», преобразованное в марте 1934 года в «Маньчжурскую империю» во главе с бывшим последним китайским императором из маньчжурской династии Цин – Айсин Гёро Пу И. Выдавленная японскими военными из северной Маньчжурии сталинская Россия была вынуждена в 1935 году продать правительству Маньжоу-Го последний бастион своего влияния на северо-востоке Китая – КВЖД. Но ликвидация болезненной точки в отношениях Японии и России (причём ещё с конца XIX в.) не привела к прекращению японо-советского противостояния. Объект соперничества и противостояния переместился западнее Маньчжурии в Монголию.

Ставшая объектом японо-российского соперничества Монголия была фактически разделена на сферы влияния между двумя соперничавшими державами ещё накануне Первой мировой войны. Внутренняя Монголия признавалась сферой влияния Японии, Внешняя – России. После временного ослабления России, связанного с военными действиями, революцией и гражданской войной, Внешняя Монголия (Халха) уже к весне 1921 года вновь становится объектом пристального внимания со стороны теперь уже большевистских правителей.

Воспользовавшись авантюрой белого генерала Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга, советские войска летом 1921 года появились во Внешней Монголии и способствовали установлению на этой части бывшего китайского государства удобного себе режима. Навязанные монголам хозяйственный строй и политический режим уже к середине 1930-х годов накрепко привязали эту бывшую часть китайского государства к соседней советской России, а осуществлённый в сентябре 1937 года ввод советских войск превратил Халху потенциально в плацдарм для возможных оперативных и стратегических операций вглубь территории Китая.

Какова была вообще цель ввода войск на территорию МНР? Здесь могут быть разные варианты ответа, опять-таки исходя из позиции каждой из заинтересованных сторон конфликта. Во-первых, ввод советских войск на территорию Халхи воспринимался монгольскими руководителями не только как гарантия существования монгольского государства, но и как необходимое условие для начала «освободительного похода» против «ига китайских и японо-маньчжурских поработителей». Обещания такого рода неоднократно давались авансом руководителям монгольского государства и, прежде всего, любителю старины и давнего величия Монголии – Анандыну Амару, казнённому впоследствии в июле 1941 года со всем составом монгольского правительства. Будучи с марта 1936 по март 1939 года главой монгольского правительства, сменив на этом посту опального П. Гэндена, Амар в немалой степени содействовал вводу в Халху советских войск и соответственно установлению там фактически режима советской оккупации.

Во-вторых, с выходом на монголо-маньчжурские рубежи советские войска получали прекрасную возможность для проведения операций любого характера и масштаба против «японо-маньчжур», зажимая войска противника в гигантские клещи с учётом возрастающих день ото дня возможностей ОВДВА на советско-маньчжурских рубежах. В-третьих, размещение советских войск во Внешней Монголии потенциально являлось угрозой для интересов национального китайского государства, пусть и не сейчас, не немедленно, но впоследствии, через какое-то время. Не случайно ввод советских войск на территорию Халхи произошёл уже после начала полномасштабной японо-китайской войны и подписания советско-китайского договора о ненападении. Ну и, наконец, четвёртое соображение, «последнее по списку, но не по значению». Оккупация советскими войсками территории МНР позволила не допустить в стране очередное народное восстание, которое могло смести власть промосковских правителей.

А то, что Халха находилась на грани масштабного внутреннего потрясения, не вызывало особого сомнения, ни у советских «покровителей», ни у японцев, пристально и внимательно следивших за всем тем, что происходило в судьбе «братского народа». Как бы послевоенные историки (особенно в нашей стране) не зацикливались при объяснении причин Второй мировой войны на исключительной агрессивности и особом экспансионизме «поджигателей войны» в лице держав оси Рим – Берлин –

Токио, по крайней мере, в отношении понимания действий поступков Японии такая позиция выглядит неполной и односторонней. Идеалы и принципы доктрины «панасиатизма», горячо разделяемые миллионами не только японцев, но и многочисленными представителями основных азиатских наций и народов, толкали восточную империю на путь создания особого «азиатского мира», в котором Японии, по праву сильной, мудрой и бескорыстной державы предстояло играть лидирующую роль.

Естественно, что при таком подходе борьба за освобождение «братских азиатских народов» от ига ли «китайских милитаристов», «белых колонизаторов Запада», или «бесчеловечных большевиков» ставилась во главу угла внешней политики японского государства и чем дальше, тем больше. Политики, государственные деятели, а за ними и всё государство и нация оказывались в роли исполнителей «священной миссии», а точнее, заложников исполнения «священной миссии».

Столкновение между советскими и японскими войсками на монгольской земле в 1939 году никак не имело характер случайного. Командование Квантунской армии давно испытывало озабоченность по поводу использования Монголии как базы для «большевизации» Внутренней Монголии, Маньчжоу-Го и всего Китая через советские районы, прилегавшие к границе МНР. Военное, а в большей степени дипломатическое поражение островной империи у Хасана в августе 1938 года также требовало известного реванша, теперь уже, правда, на монголо-маньчжурской границе, ибо неприступность советских рубежей была продемонстрирована наглядно и в полной мере. Демонстрация определённых, явно недружественных намерений в отношении СССР должна была, по замыслам квантунских военных, способствовать успешному ходу переговоров с Германией и Италией о заключении Тройственного антисоветского пакта.

Ещё в марте 1938 года из оперативного отдела штаба Квантунской армии в район Номонхана (Номон-Хан-Бурд-Обо) на границе между МНР и Маньчжоу-Го, на левобережье р. Халхин-Гол (Халха), была направлена исследовательская группа для подготовки варианта Б (по-японски «Оцу») оперативного плана № 8, ставившего своей целью нанести удар по МНР и перерезать в случае войны с СССР Транссибирскую железнодорожную магистраль восточнее озера Байкал с тем, чтобы отрезать Дальний Восток от центральных районов Советского Союза и облегчить позднее захват советского Приморья, так как его оккупация

в результате лобовой атаки в связи с укреплением обороноспособности СССР была сопряжена с большими трудностями, если вообще возможна [10, с. 88].

Это хорошо известный факт, но на основании его отечественные исследователи приходят к различным выводам. В советской историографии традиционно считалось, что этот конфликт был скрупулезно подготовлен и одобрен высшими руководителями Японии в качестве важнейшего звена не только по захвату МНР (что было оговорено ещё в так называемом «меморандуме Танака»), но и советского Забайкалья. Последними из работ такого рода является монография Е. А. Горбунова «Крах планов «Оцу»: 10 августа 1938, 20 августа 1939 [3, с. 154]. В том же контексте рассматривали халхингольские события отечественные японоведы Л. Н. Кутаков [7, с. 221], А. А. Кошкин [6, с. 189]. Данные исследователи при определении характера халхингольского конфликта основывались, прежде всего, на материалах Дальневосточного международного военного трибунала, трактовавших действия квантунских военных в мае–августе 1939 года именно таким образом.

В исследованиях В. П. Сафронова [8, с. 210], Б. Н. Славинского [9, с. 170] и К. Е. Черевко [10, с. 88] присутствуют более осторожные и взвешенные оценки, на наш взгляд, способствующие уходу от односторонности при характеристике данного конфликта. Так, В. П. Сафронов полагал, что данный конфликт возник как очередной пограничный инцидент ввиду расхождения сторон в определении границы. К. Е. Черевко особо отмечал, что план, разработанный в 1938 году, имел сугубо оперативный характер и не был рассчитан на немедленное применение независимо от обстановки [10, с. 89].

Однако определённая часть руководства японской Квантунской армии и, в частности, командующий 23-й дивизией генерал-лейтенант М. Комацубара, поддержанный руководством оперативного отдела Квантунской армии, решительно выступала за его претворение в жизнь. В итоге было принято решение об активном противодействии советским войскам в районах Маньчжоу-Го с неопределённой линией границы и об установлении её по собственному усмотрению с возможностью нанесения удара по советским войскам и временного занятия части территории Внешней Монголии.

По сути дела, этот вариант развития событий на границе внешне напоминал действия советской стороны под Хасаном в 1938 году.

Считалось, что занятие твёрдой позиции, как это было в конфликте у Константиновских островов в 1937 году, позволило бы и на этот раз рассчитывать на успех. Хасанские события 1938 года также подтверждали эти предположения, так сказать, с «обратной» стороны.

Ситуация, сложившаяся в МНР к весне 1939 года, также способствовала замыслам японских милитаристов. Чистки и репрессии, обрушившиеся на головы сторонников национального развития Монголии впервые в 1936 году, не унимались вплоть до весны 1939 года, причём после ввода советских войск на территорию МНР в августе 1937 года (что очень напоминало оккупацию этой формально провинции Китайской республики) они приобрели систематический и тотальный характер.

Руководители МНР, по сути дела, превратились в простых марионеток, от воли и желания которых мало что зависело. Естественно, что такое положение вызывало возмущение у монгольской верхушки и желание как-то изменить эту унижительную ситуацию. «Освободительный» поход во Внутреннюю Монголию и Баргу, на который так рассчитывало националистическое руководство во главе с А. Амаром и ради которого было готово смириться с присутствием советских войск на своей земле, так и оставался лишь красивым посулом кремлёвских правителей.

По информации главы советского полпредства в МНР И. Я. Златкина, Амар оценивался как «активный сторонник СССР во внешней политике и ярый противник Японии» [2, л. 116]. За Амаром, по мнению советского чиновника, стояли зажиточная часть, интеллигенция, чиновничество, ламство. В силу и первого, и второго обстоятельств «приходилось с ним сильно считаться». Эта характеристика относилась к апрелю 1938 года, а уже в сентябре того же года по информации нового полпреда в Монголии М. И. Голубчика, Амар определялся как «один из наиболее крупных идеологов панмонголистского движения, мечтавший об объединении монгольских племён Центральной Азии и создании “Великого Монгольского государства”» [2, л. 97]. До поры до времени такие планы терпелись советским руководством, ибо имели очевидную антияпонскую и антикитайскую направленность, но теперь тот же самый Голубчик замечал к предыдущему: «Антисоветски настроен, в узком кругу высказывает опасения, что МНР может пойти по стопам Советского Союза» [2, л. 97].

В той же характеристике Амар определялся как активный враг СССР, японофил, возглавлявший в МНР контрреволюционное под-

полье, дезорганизовывавший работу правительства и всячески препятствовавший развитию революционного государства [1, л. 27]. В мартовском 1939 года сообщении уже нового советского полпреда Скрипко совершенно чётко указывалось на то, что от разговоров и саботажа Амар и его сторонники (практически всё тогдашнее руководство МНР) перешли к созданию контрреволюционного центра, ставившего перед собой задачу «совершить вооружённый переворот в стране, расправиться с Чойбалсаном, Лубсан-Шарапом и другими представителями революционного руководства МНР, порвать связи с СССР и установить в МНР японское влияние» [1, л. 31].

Устранение Амара от власти предполагалось обосновать «сопротивлением мероприятиям ЦК МНРП, направленным на удовлетворение нужд трудящихся арат». Далее на этом основании предполагалось вывести Амара из состава правительства, о чём широко разъяснить аратам, а затем его арестовать [1, л. 31]. 7 марта 1939 года после окончания работы Малого Хурала Амар был арестован. Исключение Амара из партийного и государственного руководства и последовавший арест резко обозначили несамостоятельность и зависимость монгольского «государства». Неудивительно, что арест Амара вызвал «широкие отклики в стране», но, естественно, совсем иного свойства, чем одобрение и радость.

Несомненно, что дальнейшие действия квантунских военных, стремившихся использовать ситуацию в МНР, носили агрессивный характер, и в случае успеха, весьма вероятно, последовало бы дальнейшее стратегическое продолжение в направлении советских границ, но в том-то и дело, что в условиях весны 1939 года, когда на территории МНР находилось уже до 30 тыс. личного состава, 280 броневых автомобилей и 265 танков, а на аэродромах МНР базировалось более сотни советских самолётов, подобная активность японских военных носила откровенно авантюрный характер, тем более что и власти в Токио весьма осторожно подходили к спорным вопросам во взаимоотношениях с СССР.

Не вызывает сомнения и тот факт, что советское руководство также довольно активно способствовало эскалации конфликта, самым решительным образом «придя на помощь» своему марионеточному союзнику. Но попытки определять в таких конфликтах правую и виноватую стороны совершенно бесплодны потому, что обе соперничавшие державы руководствовались в них, и в частности, в халхингольском, собственными стратегическими и ко-

рыстными интересами. Говорить же серьёзно о какой-либо угрозе независимости МНР со стороны Маньчжоу-Го не приходилось, ибо независимой и суверенной Монгольской республики фактически не существовало, а степень самостоятельности маньчжурского руководства также была максимально ограничена. Просто соперничавшие дальневосточные державы в очередной раз выясняли между собой отношения на чужой земле при посредничестве буферных, квазигосударственных структур.

Любопытная информация, возможно, проливающая свет на мотивы действий советской стороны, содержится в «Докладной записке о поведении маршала МНР Чойбалсана», составленной и. о. советника МВД МНР неким Кичиковым на имя и. о. полпреда СССР в МНР Скрипко от 17 апреля 1939 года. В этом документе содержалась далеко не лестная характеристика руководителя монгольского государства, в частности, автор докладной, наблюдая за поведением монгольского маршала, пришёл к выводу, «что во многих отношениях, он, как политический деятель, занимает позицию, несовместимую с его положением и вредную для дела революции» [1, л. 112]. Многочисленные факты, изложенные в этой записке, по мнению её автора, показывали, «что Чойбалсан не лишён ряда дурных качеств, могущих привести к ещё более печальным результатам» [1, л. 117]. Подобная информация, дойдя она до советских верхов, могла бы, несомненно, способствовать проведению некоторых «мероприятий», имевших целью покрепче привязать нечистоплотного монгольского руководителя к Советскому Союзу.

Из предыдущего опыта общения с монгольским руководством советская сторона знала, что самыми действенными мотивами, побуждавшими монгольских националистов сотрудничать со страной Советов, являлись китайская (японская) угроза и советские посулы оказать содействие в присоединении к территории МНР районов, населённых «родственными племенами». Так что агрессивные действия японо-маньчжурской стороны уже в мае того же года подозрительно пришлись как нельзя кстати.

В качестве объекта провокации командование Квантунской армии выбрало восточный выступ границы МНР – безлюдный район к востоку от реки Халхин-Гол, который из-за большой удалённости от мест дислокации и баз снабжения частей МНРА и 57-го особого корпуса РККА, размещённого на монгольской территории, ограничивал их возможные ответные действия. Но нападение японо-маньчжур-

ских частей именно на этот участок монголо-маньчжурской границы не стало слишком неожиданным событием, ибо этот участок границы и ранее привлекал к себе внимание японо-маньчжурских властей.

Спорная территория находилась здесь на 20 км восточнее течения реки Халхин-Гол и, кроме значительных рыбных запасов находившегося рядом озера Буир-нор, представляла чрезвычайную важность для обеих сторон в качестве стратегического предполья. Для советско-монгольской стороны восточный берег реки Халхин-Гол представлял удобный плацдарм для возможного развёртывания наступательных операций вглубь Маньчжоу-Го и Китая. Закрепление же квантунских военных на восточном берегу реки создавало бы прекрасные возможности для японо-маньчжурской стороны в плане создания оборонительного рубежа. То есть, как и в 1938 году, японская сторона пыталась, прежде всего, улучшить своё стратегическое положение.

В начале мая участились налёты баргинской конницы (те самые баргинцы, которые десятилетием ранее так стремились заручиться помощью и поддержкой МНР) и пехотных подразделений японских войск на погранзаставы МНР, расположенные в спорном районе. Для отражения налётов со стороны МНР пришлось привлечь не только пограничников, но также и части монгольских и советских войск. 28 мая 1939 года позиции монгольских и советских войск были атакованы более крупными силами с использованием частей, переброшенных из Хайлара. Им удалось выйти к реке Халхин-Гол и закрепиться.

В связи с создавшимся сложным положением советское руководство решило направить в МНР полномочную комиссию, чтобы оказать помощь командованию 57-го особого корпуса. Вскоре такая комиссия во главе с комдивом Г. К. Жуковым была направлена в Монголию. Через несколько дней после прибытия Г. К. Жуков, назначенный командиром 57-го корпуса РККА, представил Наркому обороны СССР предложения, способствовавшие дальнейшей эскалации конфликта. Со своей стороны и японское командование также готовилось к продолжению операции и усиливало войска.

В течение всего июня в воздушном пространстве восточных окраин Монголии шли напряжённые бои первоначально с ощутимым преимуществом японской стороны. Но с прибытием сюда новой авиационной техники и группы опытных лётчиков, сражавшихся ранее в небе Испании и Китая, ситуация изменилась

в лучшую для Красной армии сторону. Резко возросли потери японской авиации.

Однако японское командование, закусив удила, продолжало готовиться к дальнейшему развитию операции, объективно подыгрывая тем самым и советской стороне. Планировалось путём общего наступления окружить и уничтожить группировку советско-монгольских войск севернее речки Хайластын-Гол, а затем ударить в тыл советско-монгольским войскам, оставшимся на восточном берегу Халхин-Гола. Операция, известная в истории как Баин-Цаганское сражение, была начата японскими войсками в ночь на 3 июля. Однако ещё 2 июля советское командование, выявив усиленную переброску японских частей, выдвинуло из Тамсаг-Булака в район юго-западнее высоты Баин-Цаган танковую и броневую бригады, мотострелковый полк и бронедивизион, что в последующих событиях сыграло решающую роль. Переправившиеся через р. Халхин-Гол и захватившие Баин-Цаган японские части были внезапно встречены танковым контрударом, разбиты и отброшены за реку. Потери обеих сторон были огромны: тысячи убитых на японской стороне, сотни сожжённых единиц бронетехники на советской. Но для советской стороны Баин-Цаганское сражение было первым крупным успехом. Оно являло собой классический пример активной обороны с целью срыва наступления противника [9, с. 173].

После этой неудачи японская сторона сосредоточила внимание на удержании районов, расположенных восточнее реки Халхин-Гол, а, следовательно, Г. К. Жукову удалось сковать стратегическую инициативу противника и навязать свои правила игры. Советскому командованию оставалось лишь создать соответствующие условия для последующего разгрома «зарвавшихся» самураев. Советские бойцы, казалось, интенсивно готовились к стратегической обороне, рыли окопы, тянули колючую проволоку, строили блиндажи. Действия советской артиллерии и авиации также создавали видимость перехода советской стороны к стратегической обороне. Тысячи тонн снарядов, ежедневно обрушивавшихся на головы японцев, химическое оружие, по свидетельству японских солдат, регулярно применяемое противной стороной, должны были, кроме психического воздействия, создать впечатление того, что советско-монгольские войска находились в глубокой обороне.

Ожесточённость столкновения на фактических рубежах советской империи вызывала изумление и плохо скрытую растерянность у японских бойцов. Содержание писем японских

военнослужащих, принимавших участие в номонханском инциденте, свидетельствовало о том, что конфликт для многих стал тяжёлым и не очень приятным испытанием. Любопытно, что встречается вполне трезвая оценка событий, с учётом характера действий советской стороны. Так, некто Касабара, неизвестного чина, в письме на родину описывая безлюдные и пустынные места в районе конфликта, задавался вопросом: «...зачем нужно было третьей стране переходить границу и вступать в это место, где не ступала нога человека, и можно прийти к твёрдому убеждению, что за этим кроется какая-то безжалостная, захватническая, политическая хитрость. Эти захватнические военные действия явились результатом внутренней кровавой политики и движения внутри этой третьей страны, что и завершилось переходом границы» [5, с. 44].

Японский военнослужащий едва ли не с восхищением свидетельствовал о том, что во многих местах Внешней Монголии расставлена тяжёлая крепостная артиллерия, наведены проволочные заграждения и размещены танки. Кроме того, в районе столкновения, по словам автора письма, было расположено «бесчисленное количество модернизированных, славящихся во всём мире красных мотомехчастей, поджидающих прибытия наших войск» [5, с. 44]. Японский воин прямо указывал на то, что коммунисты укрепляли оборону и поджидали прибытия японских войск. «Эти бои, – заключал автор, – преимущественно бои артиллерии и авиации. Я не могу ни словом передать, ни пером описать, насколько эти бои были ужасны. Можно сказать, что новейшая история не знает таких страшных сражений, которые длились бы в течение нескольких десятков дней» [5, с. 44].

Японское командование, напрягая силы, отрывая их, как и в августе 1938 года от войны в Китае, сформировало целую 6-ю армию во главе с генералом Риппо Огису. По мощности эта армия значительно превосходила прежнюю группировку войск и насчитывала 55 тыс. человек, 500 орудий, 182 танка, более 300 самолётов [9, с. 173]. Накапливали свою мощь и советско-монгольские войска, которые к середине августа насчитывали около 57 тыс. человек, 498 танков, 385 бронемашин, 542 орудия и миномёта, 2255 пулемётов и 515 боевых самолётов. Замысел советско-монгольского командования заключался в том, чтобы, сковав силы японских войск с фронта, нанести внезапный упреждающий двухсторонний удар по флангам в общем направлении на Номонхан-Бурд-Обо, а затем окружить и уничтожить их между рекой

Халхин-Гол и государственной границей. Поразительно, но именно таков был общий сценарий нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в июне 1941 года. Именно германские генералы использовали опыт красного командира Жукова, обратив этот опыт против него же. Командование Квантунской армии планировало наступление на 24 августа, но советско-монгольские войска упредили японцев, начав операцию на рассвете в воскресенье (всё как 22 июня 1941 г.!) 20 августа.

Утром 24 августа войска северной и южной групп встретились в районе погранзнака Номонхан-Бурд-Обо, завершив за четыре дня полное окружение основных сил японской 6-й армии. Все попытки японцев разорвать кольцо окружения и пробиться к окружённым извне были сорваны советскими войсками. С 25 августа начались бои по расчленению и уничтожению окружённой японской группировки. К утру 31 августа остатки японской группировки были уничтожены. Советско-монгольские войска вышли на отстаиваемую ими линию границы на всём её протяжении и здесь остановились.

Сталинская установка «не пересекать границу» в отечественной литературе трактовалась как свидетельство миролюбия и незаинтересованности советского руководства в расширении масштабов конфликта. В ответ на предложение советских генералов перенести военные действия на территорию Маньчжоу-Го Сталин, по воспоминаниям маршала Советского Союза М. В. Захарова, ответил примерно следующее: «Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на ваши обходы бросит дополнительные силы. Очаг борьбы неминуемо расширится и примет затяжной характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну» [3, с. 194].

Но не возможность потерпеть поражение в конфликте с Японией пугала советского руководителя. После Хасана и, особенно, Халхин-Гола Сталин убедился в том, что у островной империи, увязнувшей в Китае к августу

1939 года окончательно и бесповоротно, нет никаких шансов выиграть войну против Советского Союза в одиночку. Единственный реальный союзник Японии по Антикоминтерновскому соглашению – гитлеровская Германия – фактически вероломно предала своего азиатского союзника в самый критический момент халхингольского конфликта, когда советско-монгольские войска замыкали кольцо окружения в районе боёв. Кстати, вполне возможно, что именно предательское поведение нацистской Германии в отношении своего важнейшего союзника на востоке в августе–сентябре 1939 года сыграло важную роль в последующем самообмане И. В. Сталина.

В ночь с 22 на 23 августа 1939 года, когда в Москве происходили советско-германские переговоры о содержании пакта о ненападении, детально обсуждался и японский вопрос. Сталин в ответ на предложение рейсхминистра И. Риббентропа оказать влияние на улучшение японо-советских отношений ответил, что Советский Союз действительно желал бы улучшения отношений с Японией, но есть пределы его терпения в отношении японских провокаций [4, с. 149]. Советский Союз был действительно готов к войне с Японией, но эта война была совершенно не нужна Сталину. Отсюда и нежелание расширять масштабы конфликта и превращать его в длительную войну на истощение обеих сторон. Строгое ограничение действий советско-монгольской стороны отстаиваемыми границами, а также отказ от дальнейшего развёртывания стратегического наступления вглубь Маньчжурии и Китая, что после разгрома 6-й императорской армии было сделать совсем не трудно, должны были послужить своеобразными сигналами, обращёнными к японскому руководству, с целью заставить последнее признать сложившееся на Дальнем Востоке положение и отбросить всякие планы о возможной войне против СССР. И эти сигналы были вскоре услышаны и вполне адекватно истолкованы.

Источники и литература

1. АВГРФ (Архив внешней политики РФ). Монгольская референтура. – Ф. 0111. – Оп. 20. – П. 64. – Д. 3.
2. АВГРФ. Монгольская референтура. – Ф. 0111. – Оп. 20. – П. 167. – Д. 28.
3. Горбунов Е. А. Крах планов «Оцу»: 10 августа 1938, 20 августа 1939. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1988. – 223 с.
4. Канун и начало войны: документы и материалы / сост. Л. А. Киршнер. – Л.: Лениздат, 1991. – 430 с.
5. Кириченко А. А. Халхин-Гол глазами противника // Знакомьтесь – Япония. – 1999. – № 25. – С. 43–60.
6. Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы»: военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945. – М.: Мысль, 1989. – 272 с.

7. Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. – М.: ИМО, 1962. – 560 с.
8. Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001. – 453 с.
9. Славинский Б. Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. – М.: ЗАО «Япония сегодня», 1999. – 540 с.
10. Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. – М.: Вече, 2003. – 384 с.

УДК 94:327(47+57:510)
ББК ТЗ-6:Ф4,4(2Рос:5Кит)

Виктор Владимирович Кузнецов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: smith14101961@mail.ru

Установление дипломатических отношений Советского Союза и Китайской Народной Республики. «Славное десятилетие дружбы»

Содержание статьи затрагивает вопросы заключения первых дипломатических договоров Советского Союза и Китайской Народной Республики и становления отношений между ними в важнейший для народов двух государств период – восстановление разрушенного в ходе Второй мировой войны хозяйства. Цель статьи – проследить идентичность и преемственность политики добрососедства и взаимопонимания двух стран в период «Славного десятилетия дружбы» и в наши дни.

Ключевые слова: Советско-китайский договор 1950 года, «Славное десятилетие дружбы», взаимопонимание, добрососедство, экономическое сотрудничество и политическая поддержка

Victor V. Kuznetsov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: smith14101961@mail.ru

Establish Diplomatic Relations the Soviet Union and the People's Republic of China. "The Glorious Decade of Friendship"

The content of the article touches upon the issues of the conclusion of the first diplomatic treaties of the Soviet Union and the Republic of China and the establishment of relations between them in the most important period for the peoples of the two States: the restoration of the economy destroyed during the Second world war. The purpose of the article is to trace the identity and continuity of the policy of good-neighborliness and mutual understanding of the two countries during the "Glorious decade of friendship" and in our days.

Keywords: Soviet-Chinese Treaty of 1950, "Glorious decade of friendship", mutual understanding, good neighborliness, economic cooperation and political support

В ноябре 2017 года российский народ, как и многие граждане республик бывшего Советского Союза, отмечали примечательную дату в развитии человечества – 100-летие Октябрьской социалистической революции. Данное событие праздновали не только в России. Оно не могло пройти без внимания и в странах, в своё время выбравших главной идеей в своём развитии строительство социализма. Полити-

ки многих стран в силу разных обстоятельств отказались от социалистического идеала. Однако лидеры ряда государств не изменили некогда выбранному пути, что делает им честь. И здесь в первую очередь стоит выделить нашего соседа – Китайскую Народную Республику, правительство которой, продолжая курс на строительство социализма с национальной спецификой, делает всё возможное для про-

цветания своей страны. В настоящее время добрососедства между нашими странами темпы экономического развития доказывают большую прагматичность пути развития, определённую китайским руководством.

Однако в истории наших государств был период, когда цель и методы её достижения, выработанные коммунистическими лидерами двух государств, были идентичны, когда советскому и китайскому народам пришлось вместе преодолевать последствия тяжёлой кровопролитной Второй мировой войны и восстанавливать разрушенное хозяйство. Период «славного десятилетия дружбы» 1949–1957 годов был весьма непростым периодом мировой истории. Начавшаяся «холодная война» и гонка вооружений, стремление быстрее преодолеть разрушительные последствия Второй мировой войны – всё это вело к сплочению народов стран, строивших социализм.

1 октября 1949 года народы мира узнали о великой победе своих китайских братьев. Советское правительство первым признало КНР. В ответ на письмо Чжоу Эньлая с предложением установить дипломатические отношения уже 2 октября правительство Советского Союза направило телеграмму, в которой говорилось: «Рассмотрев предложение Центрального народного правительства Китая Советское правительство... извещает Вас, что принято решение установить дипломатические отношения между СССР и КНР и обменяться послами» [3, с. 118]. Советский и китайский народы обрели в лице друг друга надёжного товарища и союзника в борьбе за упрочение международных позиций, ликвидацию экономической отсталости, восстановление народного хозяйства и построение социалистического общества. «Если бы не существовало Советского Союза, – признавал тогда лидер КПК Мао Цзэдун, – если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, ... разве могли бы мы одержать победу...?» [4, с. 115].

Большое значение для развития советско-китайских отношений имело заключение 14 февраля 1950 года договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. В соглашении обе страны выразили стремление укреплять длительный мир и всеобщую безопасность на Дальнем Востоке и во всём мире. В соответствии с коренными интересами народов Советского Союза и Китайской Народной Республики в основу договора были положены принципы равноправия, учёта взаимных интересов, уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, невмешатель-

ства во внутренние дела друг друга, проведения консультаций по всем важным международным вопросам [1, с. 391–393]. Одновременно с заключением договора стороны подписали соглашение о предоставлении КНР долгосрочного кредита в 300 миллионов американских долларов, который использовался для оплаты поставок из Советского государства оборудования и материалов для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, оборудования угольных и рудных шахт, железнодорожного и другого транспортного оборудования для восстановления и развития народного хозяйства дружественного Китая [1, с. 269]. Стороны подписали также соглашения, касающиеся Китайско-Чанчуньской железной дороги, военно-морской базы Порт-Артур и порта Дальний [Там же, с. 273, 274].

Длительная ожесточённая война против японских агрессоров и кровопролитная гражданская война привела к падению уровня промышленного производства в Китае в два раза. Учитывая данный факт и крайнюю необходимость в железной руде и чёрном металле, Советский Союз только в 1950–1952 годах поставил своим китайским братьям 943 тыс. тонн металла, а кроме этого за тот же период – 1,5 миллиона тонн нефтепродуктов, в том числе почти 1 миллион тонн керосина и бензина. Уже с 1951 года широкие масштабы приобрела советская научно-техническая помощь братскому Китаю. Стоимость поставляемого советской стороной китайскому соседу промышленного оборудования выросла с 165,3 млн рублей в 1950 году до 609,7 млн рублей в 1952 году [6, с. 92–96]. И это на фоне принятой Генеральной Ассамблеей ООН 18 мая 1951 года резолюции о введении эмбарго на торговлю с КНР. Советский Союз в это время для поддержки своих китайских друзей передал им безвозмездно все права по совместному управлению Китайско-Чанчуньской железной дорогой и всё принадлежавшее ей имущество, все здания бывшего военного городка в Пекине, все сооружения в районе военно-морской базы Порт-Артур. С годами СССР планомерно увеличивал масштабы сотрудничества с Китаем. Из 600 главных хозяйственных объектов, сооружавшихся в Китае в годы первой пятилетки (1953–1957), 211 наиболее крупных и значимых строились при содействии Советского Союза (в их числе Аньшанский металлургический комбинат, Чанчуньский автомобильный завод, Харбинский завод электрооборудования и др.). Тысячи советских специалистов в те годы самоотверженно трудились в

различных отраслях народного хозяйства Китая, передавая свой опыт братскому народу. С их участием и помощью был разработан план гидротехнических сооружений на р. Хуайхэ, построен трёхкилометровый мост на р. Хуанхэ. Ими были организованы научно-исследовательские институты и лаборатории. Они вели преподавание в ведущих вузах Китая. «Нет ни одной отрасли демократического строительства, – отмечал в декабре 1952 года журнал “Новый Китай”, – в котором не применялся бы в самом широком масштабе богатый советский опыт». Выступая на VIII съезде КПК, Чжоу Эньлай так отозвался об интернациональной помощи: «В период восстановления народного хозяйства и в период первой пятилетки наша страна во всех областях получала огромную и искреннюю помощь от Советского Союза... Такая помощь содействовала преодолению нами многих трудностей и позволила нашей стране

довольно высокими темпами двигать вперёд дело социалистического строительства» [6, с. 144, 145].

С тех пор минуло немало лет, однако отношения между народами двух дружественных государств остаются по-прежнему на уровне добрососедства и взаимоуважения. Частые и весьма позитивные встречи лидеров двух стран – Си Цзиньпина и В. В. Путина, активное сотрудничество в рамках ШОС и БРИКС, подписание сотен всё новых и новых соглашений, затрагивающих не только экономические, политические, культурные, но и стратегические и даже военные вопросы, – всё это говорит о чрезвычайно высоком уровне отношений двух стран. Наша задача – на региональном уровне искать новые взаимовыгодные точки соприкосновения между двумя странами, способствующие процветанию России и Китая.

Источники и литература

1. Галенович Ю. М. Россия – Китай: шесть договоров. – М.: Муравей, 2003. – 408 с.
2. История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 736 с.
3. Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. – М.: Памятники исторической мысли, 1999. – 344 с.
4. Мао Цзэдун. Избранные произведения. – Пекин, 1969. – Т. 4. – 474 с.
5. Панцов А. В. Мао Цзэдун. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 867 с.
6. Усов В. Н. История КНР: в 2 т. Т. 1. 1949–1965 гг.: учебник. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 812 с.

УДК 93:342.395
ББК ТЗ-362

Мария Сигизмундовна Клестова,
*Музей-архив русской культуры при Русском центре,
г. Сан-Франциско, США,
e-mail: klestoffam@msn.com*

Жизнь потомков русских эмигрантов в городе Сан-Франциско и его окрестностях

В статье рассматривается судьба русских эмигрантов в г. Сан-Франциско. В США насчитывается более трёх миллионов жителей, которых можно назвать «русскими американцами», т. е. американцами русского происхождения. Хотя автор говорит о неизбежной ассимиляции уже ко второму, третьему поколению, однако многие из эмигрантов, даже никогда не бывавшие в России, душой оставались русскими. Этому способствует Православная церковь, деятельность различных благотворительных организаций, «Русские фестивали», «Дни русского ребёнка» и т. д.

Ключевые слова: русские эмигранты, Сан-Франциско, русский язык, Русский центр, православная церковь, благотворительные организации

Mara S. Klestoff,

*Museum of Russian Culture at the Russian Center,
San-Francisco, California, USA,
e-mail: klestoffam@msn.com*

Life of Descendants of the Russian Diaspora in the San Francisco bay Area

The article discusses the fate of Russian immigrants in San Francisco. In the United States, there are more than three million inhabitants, which can be called "Russian Americans", i. e. Americans of Russian origin. Although the author talks about the inevitable assimilation to the second, third generation, but many of the immigrants have never even been in Russia, the soul remained Russian. This is facilitated by the Orthodox Church, the activities of various charitable organizations, "Russian Festivals", "Days of the Russian child", etc.

Keywords: Russian emigrants, San Francisco, Russian language, Russian center, Orthodox Church, charitable organizations

Уважаемые читатели, я родилась в Китае, откуда моя семья уехала в 1953 году в Бразилию, где мы ожидали визы в США. Долгожданная пора настала, и мы приехали в Сан-Франциско в 1958 году, когда мне было шесть лет. Многие в этой статье я взяла из личного опыта и личных воспоминаний, будучи всю жизнь членом русской колонии города Сан-Франциско и его окрестностей.

В США в данное время насчитывается более трёх миллионов жителей, которых можно назвать «русскими американцами», т. е. американцами русского происхождения. Они могут быть недавними иммигрантами в США, или потомками исторических волн эмигрантов из бывшей Русской империи или бывшего Советского Союза, начиная с конца XIX века. Среди этих трёх миллионов есть учёные, инженеры, доктора, адвокаты, профессора, преподаватели, полицейские, военные, бизнесмены, музыканты, художники, писатели, чиновники и т. д. Они могут быть удачливыми людьми или неудачниками, старательными или ленивыми, но всем им даются такие же возможности, как и другим жителям страны.

Но как успешно сохраняют они своё русское самосознание и передают его своим потомкам? Чем больше поколений между этими «русскими-американцами» и их русскими предками-эмигрантами, тем более неизбежна их ассимиляция в американское общество. В Америке потомки эмигрантов из любой страны уже к третьему поколению утрачивают язык своих бабушек и дедушек. Но насколько успешно передают эти бабушки и дедушки тот особый «русский дух», своё русское наследие, которое и в XXI столетие может привлекать русско-американскую молодёжь к русской общине?

Эта статья рассказывает, прежде всего, о той волне русских иммигрантов, которые по-

сле конца Второй мировой войны и на протяжении 1950-х и начала 1960-х годов поселились в городе Сан-Франциско и его окрестностях. К этой волне относились: во-первых, перемещённые лица или «ДП», которые были вывезены немцами из Советского Союза на работы в Германию и Австрию и не вернулись на Родину. Вторая группа – иммигранты в США, это так называемые «белые» русские, антикоммунисты, беженцы, которые в межвоенное время нашли убежище в Восточной Европе или в Азии, но после Второй мировой войны начали новую жизнь, в новой стране. Некоторые из них были вынуждены ждать получения визы в США на Филиппинах, в Южной Америке, в Марокко и других странах.

Среди них было целое поколение молодых людей, которые выросли или даже родились уже вне России. Несмотря на это, в Харбине, Шанхае, Белграде, Праге они свято берегли свою веру, свой язык и свою культуру и привезли это сокровище в Америку. Некоторые никогда в жизни не были в России, но душой оставались чисто русскими до глубокой старости.

В Сан-Франциско уже с 1920-х годов жили русские иммигранты, попавшие в США после Революции 1917 года и Гражданской войны. Здесь уже были Православные церкви, русские организации и множество русских предприятий. С приливом русских из Европы и Азии русская общественная жизнь в Сан-Франциско ещё больше стала процветать.

Большую роль в сплочённости русской общины сыграла Православная церковь. В церкви можно было найти давно потерянных друзей или познакомиться с новыми. После богослужений устраивались трапезы, на которых иммигранты могли общаться друг с другом. В Сан-Франциско в 1961 году был построен новый Кафедральный собор Пресвятой Бого-

родицы «Всех Скорбящих Радости». Златоглавый храм стал одной из достопримечательностей города. В нижнее помещение «нового» собора переехала Свято-Кирилло-Мефодиевская русская церковная гимназия, которая уже много лет просуществовала при «старом» соборе. Были открыты и другие русские школы, как приходские, так и частные. Важную роль для русской молодежи сыграли спортивная организация «Сокол», спортивный клуб «Меркури», и в особенности «Организация российских юных разведчиков» (ОРЮР).

В Сан-Франциско были две русские газеты, процветали русские хоры, театральные группы и группы народных танцев. Были активны разные благотворительные организации – Общество русских ветеранов Великой войны и Общекадетское объединение, Общество помощи русским детям и Лига русско-американских женщин – все старались помочь русским эмигрантам, разбросанным по разным концам света. И, конечно, был Русский центр, который с 1940 года принимал всех русских эмигрантов в своё собственное трёхэтажное здание. Несмотря на «холодную войну» этих лет, оставаться «русским душой» в «русском Сан-Франциско» было нетрудно.

Но прошло более полвека. В США родилось уже два, или даже три поколения «русских американцев», которые получили или получают американское образование. Русский язык быстро становился для них не родным, не первым языком. Но, несмотря на то, что в Америке мало кому из иммигрантов удаётся сохранить свой родной язык до третьего поколения, русские в этом отношении являются исключением, т. к. некоторым это всё-таки удаётся.

Дети русских эмигрантов постепенно расширяли свой круг общения и ко второму поколению уже чаще стали появляться смешанные браки. Но интересно отметить, что во многих случаях супруги-американцы крайне позитивно относились к русской культуре, с удовольствием соблюдая русские традиции и наслаждаясь русской кухней. Некоторые принимали православие. За малым исключением, дети смешанных браков были крещены в Православной церкви.

После землетрясения в Сан-Франциско в 1989 году Русскому центру потребовались большие средства для укрепления здания, построенного в 1911 году. Жене председателя Русского центра (американке) пришла идея устроить «Русский фестиваль» для заработка денег на погашение долгов в связи с капитальным ремонтом. Сами организаторы фестиваля удивились, когда около 3000 чел. посетило

первый трёхдневный фестиваль. Прошло 30 лет, долги Русского центра давно выплачены, а ежегодный «Русский фестиваль» продолжает привлекать не только «русских американцев», но и многих других жителей этого космополитного города. На фестивале 2019 года выступила мэр города и провозгласила 2 марта «Днём Русского центра» в Сан-Франциско. На смену первым организаторам теперь приходят их дети и внуки, принимая всё больше участия в этом общем празднике русских организаций в районе города Сан-Франциско.

За последние лет 20–30 к русской общине в районе Сан-Франциско примкнули новые эмигранты из России, которых привлекали приходы Русской Православной церкви, а также русские организации, существовавшие в Сан-Франциско с середины прошлого столетия. В свою очередь, эти эмигранты влили новую кровь в русскую общину, обогатили её своими талантами, на улицах Сан-Франциско всё чаще стала слышна русская речь.

В рамках этой короткой статьи нужно особое внимание уделить тем учреждениям и организациям, которые проводят работу с детьми. В первую очередь, это русские приходские школы, которые обучают детей не только русскому языку, но и Закону Божьему и русской истории, литературе и культуре. Когда необходимо, занятия проводятся на английском языке, чтобы дети, плохо говорящие по-русски, понимали каноны Православной веры, и всё-таки чувствовали собственную связь с русской историей и культурой. С 1950 года большую роль в передаче русского духа потомкам русских эмигрантов играет ОРЮР. На сборах в течение года, особенно в летних лагерях, русские дети с 7 до 12 лет и подростки с 12 до 18 лет учатся скаутским навыкам, поют русские песни вокруг костра, изучают историю русского скаутизма. В ОРЮР дети русских эмигрантов находят себе русских друзей на всю жизнь, а иногда даже супругов.

В этом году «Общество помощи русским детям» (ОПРД) в Сан-Франциско устраивает «87-й День русского ребёнка». Целью ОПРД изначально было оказание помощи русским сиротам и детям русских эмигрантов по всему миру. Постепенно иммигранты перестали нуждаться в помощи для своих детей. Когда Советский Союз распался в 1991 году, ОПРД получило возможность помогать детям в России – детям, нуждающимся в особом медицинском уходе и детям в приютах. На «Дне русского ребёнка» выступают дети из приходских школ и балетных студий, дети с музыкальным

талантом и дети, которые учатся русским народным танцам. Даже поёт детский казачий хор. «День русского ребёнка» даёт детям не только возможность поделиться своими достижениями, но учит их, что своим участием они помогают русским детям на другой стороне света.

В заключение нужно признаться, что, несмотря на богатую общественную жизнь русской колонии в Сан-Франциско, ассимиляция в американское общество детей, внуков и прав-

нуков русских эмигрантов неизбежна и даже желательна. Без ассимиляции они оставались бы изолированными от реальной жизни. Но всё-таки, из поколения в поколение в их сердцах остаётся русское самосознание. Я на днях получила доказательство этого от собственного двенадцатилетнего внука, совершенно не говорящего по-русски. Я случайно услышала, как он в разговоре с новыми знакомыми с гордостью заявил: "We are Russian, American and Russian".

Источники и литература

1. Иноккина Н. Как мы смогли остаться русскими // Мы. – 2005. – № 4.
2. Кустова В. 31-й Русский фестиваль в Русском центре Сан-Франциско 2019 // Русская жизнь. – 2009. – № 14484.
3. Меняйленко М. «Русские в Калифорнии». Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско. – Сан-Франциско, 2012.
4. Alba R., Logan J., Lutz A., Stults B. Only English by the Third Generation? Loss and Preservation of the Mother Tongue among the Grandchildren of Contemporary Immigrants // Demography. – 2002. – No. 39. – P. 467–484. – URL: <http://www.jstor.org/stable/3088327> (дата обращения: 25.02.2019). – Текст: электронный.
5. Selected Social Characteristics in the United States: 2007. Retrieved 2019-03-15. – U. S. Census American Community Survey, 2007.
6. Zaverukha L. B., Bogdan N. Images of America-Russian San Francisco. – Arcadia Publishing, 2010.

УДК 911.7(510)
ББК 26.89(5Кит)

Светлана Борисовна Макеева,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: msbmag9581@yandex.ru

Вклад китайского учёного Син Гуанчэна в изучение регионального развития приграничных районов¹

В статье анализируется научно-исследовательская деятельность директора Центра географии и истории китайских приграничных территорий, доктора юридических наук, профессора Син Гуанчэна. К основным направлениям в работе учёного относится историко-географическое изучение стран, имеющих общие границы с Китаем, анализ принципов и проблем функционирования Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: приграничный район, региональное развитие, КНР, историко-географический анализ, китайская регионоведческая наука (цзюйюйкэсюэ).

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» № 19-011-00040.

Svetlana B. Makeeva,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: msbmag9581@yandex.ru

The Contribution of the Chinese Scientist Sin Guangchen to the Study of the Regional Development of the Frontier Districts

The article analyzes the research activities of the Director of the Center for Geography and History of Chinese Border Territories, Professor Xing Guangcheng. The main directions in the work of this scientist, Doctor of Laws include the historical and geographical study of countries that have common borders with China, an analysis of the principles and problems of the functioning of the Shanghai Cooperation Organization, the Commonwealth of Independent States.

Keywords: border region, regional development, China, historical and geographical analysis, Chinese regional science (quyukexue).

Политика «реформ и открытости», которая начала реализовываться в Китае с 1978 года, оказала существенное влияние на все сферы регионального развития КНР в конце XX века. Модернизационные преобразования коснулись также и приграничных китайских территорий. «Быстрые темпы социально-экономического развития КНР с конца XX века, участие Китая в выстраивании международных отношений на основе экономической дипломатии определили потребность страны в проведении собственных научно-прагматических исследований, нацеленных на изучение различных процессов регионального развития» [1, с. 227, 228].

Ключевую роль в исследовании особенностей регионального развития приграничных районов Китая, а также в историко-географическом анализе развития стран, имеющих с КНР общие границы, сыграл образованный в 1983 году Центр изучения географии и истории китайских приграничных территорий Академии общественных наук КНР. Функционирование данного Центра способствовало сохранению стабильности и устойчивого регионального развития не только приграничных районов Китая, но и в целом всего китайского государства.

Значительный вклад в изучение приграничных районов внёс китайский исследователь Син Гуанчэн (1961). С 1979 по 1983 год он проходил обучение на историческом факультете Цзилиньского университета и получил степень бакалавра истории. С 1983 по 1986 год Син Гуанчэн изучал историю Советского Союза и Восточной Европы в аспирантуре Китайской академии общественных наук. С 1986 по 2009 год он работал в Научно-исследовательском институте изучения Советского Союза и Восточной Европы. С 1988 по 1991 год проходил обучение в докторантуре Китайской ака-

демии общественных наук и получил степень доктора юридических наук.

С 2012 года и по настоящее время он является директором Центра изучения географии и истории китайских приграничных территорий, заместителем председателя Китайской Ассоциации содействия развитию Западного Китая, директором Научно-исследовательского центра Китайской академии общественных наук, изучающим Шанхайскую организацию сотрудничества. Анализируя научно-исследовательскую деятельность Син Гуанчэна, необходимо отметить, что ключевыми направлениями в его работе является историко-географическое изучение стран, имеющих общие границы с Китаем [2, с. 15]. На протяжении всей своей научно-исследовательской деятельности Син Гуанчэн совершал регулярные академические поездки в Россию, страны Восточной Европы и Центральной Азии. С 1993 по 1994 год он был приглашённым учёным Международного научно-исследовательского института проблем управления (Россия) и Института международных экономических и политических исследований Российской академии наук, а с 2001 по 2002 год – приглашённым профессором в Славянском исследовательском центре Университета Хоккайдо в Японии.

Так как историко-географический анализ приграничных территорий Син Гуанчэн проводил на основе изучения истории стран, с которыми у Китая есть общие границы, поэтому большая часть работ посвящена отдельным периодам истории России, а также стран Центральной Азии [4, с. 5–18]. Кроме того, Син Гуанчэн в своих исследованиях анализирует принципы и проблемы функционирования таких региональных международных организаций, как Шанхайская организация сотрудни-

чества и Содружество Независимых Государств [3].

Большая часть работ Син Гуанчэна по политической истории Советского Союза связана с анализом причин, хода и последствий Октябрьской революции и представлена такими темами, как «Исследование глубоких причин Октябрьской революции», «Практика и взгляды большевистской партии на проблему политической власти до и после Октябрьской революции», «Придерживайтесь пути Октябрьской революции, научного развития социализма». Вопросы, связанные с ролью Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) в истории развития советского общества, находят отражение в таких темах, как «Особенности принятия внутриполитических решений в Советском Союзе на протяжении 70 лет», «Высшая руководящая группа КПСС придерживается вопроса о статусе руководства партии», «Некоторые взгляды на руководящие возможности КПСС». В своих работах Син Гуанчэн проводит анализ социально-политических, экономических причин, повлиявших на распад Советского Союза. Данные исследования представлены такими темами, как «Обзор реформ Горбачева», «Новые изменения в политической теории Советского Союза и реформа политической системы», «Комментарии к 19-му съезду КПСС», «Уроки распада Советского Союза», «Характеристики переходного периода бывшего Советского Союза и стран Восточной Европы и его меняющиеся тенденции».

Анализируя современное развитие России, Син Гуанчэн останавливается на рассмотрении таких тем, как «Россия в условиях финансового кризиса», «Российская Дума», «Отношения Путина с олигархами – проблемы, влияющие на развитие российского общества», «Российская трансформация и сложный кризис», «Путин и Чечня», «Анализ стратегии президента России Путина по управлению страной» [5].

В своих работах Син Гуанчэн уделяет внимание изучению внешнеполитической деятельности России. Среди основных тем по данной проблематике необходимо выделить «Важное представление о новой корректировке российской внешней политики», «Анализ отношений между странами после распада Советского Союза», «Новая концепция российской дипломатии», «Россия и кризис в Косово», «Размышление о создании российского мозгового центра по вопросам Восточной и Центральной Азии», «Основная логика политики Путина в отношении США», «Российская базовая политика по проблеме Ирака», «Новое развитие российско-белорусских отношений».

Одной из центральных тем в научных исследованиях Син Гуанчэна является анализ современных тенденций, возникающих проблем и перспектив развития китайско-российских отношений. Среди ключевых направлений по данной тематике необходимо отметить «Построение гармоничного мира и китайско-российские отношения», «Китайско-российские отношения: переход к новому веку с северными соседями», «Влияние подъёма Китая и России на отношения между двумя странами», «Укрепление китайско-российского стратегического сотрудничества и углубление кооперативного партнёрства», «Некоторые выводы о китайско-российских экономических и торговых отношениях», «Базовая модель и характеристики отношений нового треугольника между Китаем, Соединёнными Штатами и Россией», «Оценка китайско-российских отношений японскими учёными».

В своих работах Син Гуанчэн проводит комплексный анализ внутриполитических, социально-экономических особенностей развития стран Центральной Азии. Среди ключевых тем по данной проблематике стоит отметить «Подъём в Центральной Азии», «Предварительная оценка некоторых проблем в странах Центральной Азии», «Несколько вопросов в политике Центральной Азии». Кроме того, Син Гуанчэн уделяет большое внимание анализу внешнеполитической стратегии Китая по отношению к странам Центральной Азии, выделяя ключевые векторы стратегического партнёрства. Данная проблематика находит отражение в таких темах, как «Отношения Китая с новыми независимыми странами Центральной Азии», «Отношения Китая с Россией и странами Центральной Азии: устойчивый прогресс», «Международное региональное сотрудничество в области энергетики и транспорта между Китаем и странами Центральной Азии», «Китай и страны Центральной Азии: сотрудничество в области безопасности и экономическое сотрудничество», «Стратегическая позиция в экономическом сотрудничестве Китая и Казахстана», «Взгляды японских учёных на проблему Центральной Азии».

Основные направления деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в области укрепления безопасности, развития экономического и энергетического сотрудничества Син Гуанчэн представил в таких темах, как «История Шанхайской организации сотрудничества», «Шанхайская организация сотрудничества: приоритетные направления», «Шанхайская организация сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и

сепаратизмом», «Шанхайская организация сотрудничества: на пути к зоне свободной торговли», «Новое развитие Шанхайской организации сотрудничества», «Основные взгляды японских учёных на Шанхайскую организацию сотрудничества».

Таким образом, анализ научно-исследовательской деятельности китайского учёного Син Гуанчэна показывает значимость для китайского общества изучения не только вну-

тренних факторов развития пограничной территории Китая, но и внешних факторов влияния. История и современное состояние России, стран Центральной Азии, особенности функционирования Шанхайской организации сотрудничества, основные направления отношений Китая с Россией и странами Центральной Азии являются ключевыми темами в научных исследованиях китайского учёного Син Гуанчэна.

Источники и литература

1. Макеева С. Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских учёных-регионоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 225–236.
2. Син Гуанчэн 邢广程. Гуаньюй чжунго бяньцзян сюэ яньцзю дэ цзи гэ вэньти 关于中国边疆学研究几个问题 (Некоторые проблемы в исследовании приграничных районов) // Чжунго бяньцзян ши ди яньцзю 中国边疆史地研究 (Исследование истории и географии приграничных районов Китая). – 2013. – № 4. – С. 3–16.
3. Син Гуанчэн 邢广程. Кайта чжунго бяньцзян сюэ яньцзю дэ синь цзюй мян ь 开拓中国边疆学研究的新局面 (Новое направление в исследовании приграничных районов Китая) // Чжунго бяньцзян ши ди яньцзю 中国边疆史地研究 (Исследование истории и географии приграничных районов Китая). – 2016. – № 2. – С. 1–4.
4. Син Гуанчэн 邢广程. Синь шидай чжунго бяньцзян чжили дэ синь сылу 新时代中国边疆治理的新思路 (Новые исследования современной пограничной политики Китая) // Бяньцзян юй хайян яньцзю 边界与海洋研究 (Изучение морей и океанов). – 2018. – № 3. – С. 5–18.
5. Син Гуанчэн 邢广程. Элосы ятай чжаньлюэ хэ чжэнцэ дэ синь бяньхуа 俄罗斯亚太战略和政策的新变化 (Новые изменения в стратегии и политике России в Азиатско-Тихоокеанском регионе) // Гуоцзи вэньти яньцзю 国际问题研究 (Международные исследования). – 2012. – № 5. – С. 103–114.

УДК 94

ББК ТЗ(2)622

Юрий Васильевич Посаднев,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия,

e-mail: ifotdel@yandex.ru

Современные попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны

Автор данной статьи на основе опубликованных материалов, отражающих историю новейшего времени, характеризует одну из важнейших современных проблем – попытку фальсифицировать события истории Великой Отечественной войны. В статье приведены некоторые примеры так называемой информационной войны, развязанной не только зарубежными авторами, но и отечественными.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, историческая правда, Победа

Yuri V. Posadnev,

Transbaikal State University,

Chita, Russia,

e-mail: ifotdel@yandex.ru

Modern Attempts of Falsification of History of the Great Patriotic War

The author of this article on the basis of published materials reflecting the history of modern times, characterizes one of the most important modern problems – an attempt to falsify the events of the history of the Great Patriotic war. The article pres-

ents some examples of the so-called information war unleashed not only by foreign authors, but also by domestic ones.

Keywords: Great Patriotic war, Second World War, historical truth, Victory

В отношении России давно развёрнута настоящая массированная информационная война, целью которой является ни много ни мало – уничтожение исторической правды как таковой. Всем памятно высказывания некоторых западных политиков (видимо, не особо наделённых умом и элементарными познаниями в области истории) о том, например, что Освенцим освобождали украинцы, а Красная армия вообще вторглась в Германию [10; 16; 32].

С одной стороны, ничего, кроме усмешки, подобные «всплески» сознания вызвать не могут. Но ведь авторами этих высказываний являются довольно известные политические деятели, к которым прислушиваются граждане их стран. К тому же фон для подобных «заблуждений» выбран как нельзя более подходящий. Это и откровенно негативный настрой к нашей стране, и санкционные угрозы, и истерия в СМИ. По сути, массовая подмена исторических фактов и подтасовка событий приобрели в некоторых странах характер государственной идеологии.

Одним из направлений информационного наступления на современную Россию является фальсификация истории Великой Отечественной войны. Термин «Великая Отечественная война» (ВОВ) не признаётся современной зарубежной историографией. Согласно последней, ВОВ – просто часть Второй мировой войны (ВМВ). ВОВ действительно часть ВМВ, но является её решающей частью, определившей исход ВМВ, именно Красная армия долгое время противостояла один на один на Европейском континенте непобедимой до того времени немецкой армии, разгромила её и этим спасла человечество от уготованного ему существования по законам богопротивной расовой теории Гитлера.

Историки со всего мира собрались в Москве 28 апреля 2015 года на конференцию, посвящённую 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Такое решение было принято на заседании Международной Ассоциации институтов истории стран СНГ. Обсуждение тогда вызвала не столько сама дата, сколько название конференции: «Великая Отечественная война или Вторая мировая».

Общую черту подвёл директор Института всеобщей истории РАН академик А. Чубарьян: «Мне кажется, все согласны, что Великая Отечественная война является частью Второй ми-

ровой войны». Финальный вариант вобрал в себя обе формулировки [29].

Решающий вклад СССР в достижение Победы был общепризнанным не только у нас, но и за рубежом. Об этом в своё время говорили и У. Черчилль, и Ф. Д. Рузвельт, и руководители других государств. С другой стороны, ещё в ходе войны в США заговорили о духе «американского превосходства», который отразила редакционная статья «Чикаго трибьюн» от 24 сентября 1944 годв, приписывавшая все победы над Японией и Германией американским войскам [36].

В 2019 году исполняется 75 лет освобождения Восточной Европы советскими войсками от гитлеровского ига. Сейчас ценность этого события тоже ставится под вопрос. Утверждается, что война с нашей стороны была бессмысленной, никакой победы не было, сопротивление фашистскому нашествию было напрасным, позиции западных стран, ставших на сторону Советского Союза, – ошибочной. Так, в книге американского полковника Р. Хоббса «Миф о победе. Что представляет собой победа в войне?» утверждается, что, участвуя в антигитлеровской коалиции, западные союзники играли на руку СССР, хотя интересы Запада в принципе были гораздо ближе и теснее связаны с интересами Германии, нежели с тем, что представляла Россия [5; 12; 15].

Зарубежные и отечественные ниспровергатели Победы забывают, какая судьба была бы уготована фашистами поработённым народам. Отсюда оправдание власовцев, бандеровцев, дезертиров, бежавших с фронта, и прочих предателей, которые якобы оказались «более дальновидными и прогрессивными людьми», ещё тогда начав «борьбу» против сталинского режима. А вот все фронтовики и большинство нашего народа были, мол, бессознательной, неполноценной массой, делавшей во время войны не то, что надо было делать. В ряде стран, даже в стане победителей, официально не отмечается День Победы. Около ста депутатов Европарламента обратились к главам государств всего мира с призывом бойкотировать 70-летие Победы в Москве [8; 10].

За рубежом историю войны фальсифицируют в основном потому, что решающая роль СССР в достижении победы над фашизмом требует отвести нашей стране соответствующее место в сегодняшнем мире, но это-

го не хотят допустить определённые круги на Западе.

Анализ событий последних лет в мире говорит о том, что они происходят далеко не случайно. Многие документы и исторические факты свидетельствуют о том, что фашистские и милитаристские государства не смогли бы развязать Вторую мировую войну в таком масштабе и принести столько зла народам мира, если бы в подготовке к войне и осуществлении агрессивных планов им не способствовали крупные финансовые и промышленные корпорации Европы и Америки, всячески направляя Германию к агрессии против СССР и других стран. А теперь всячески оправдывают и Мюнхенское соглашение, предают забвению усилия Советского Союза по созданию системы коллективной безопасности в Европе с целью обуздания фашистской агрессии. Дело дошло до того, что нашу страну объявляют виновницей в развязывании Второй мировой войны, пересматривают решения стран антигитлеровской коалиции по послевоенному устройству мира и итоги войны [2; 15; 25; 34].

Вопреки тому, что Международный военный трибунал в результате Нюрнбергского процесса признал и объявил СС преступной организацией, сегодня недобитые эсэсовцы маршируют с фашистскими флагами и орденами по городам Прибалтики, что Евросоюз не только не осуждает, но и воспринимает с определённым сочувствием. Покровительство нацистам особенно нагло и уродливо проявляется на Украине. Это издевательство над памятью миллионов людей, которые отдали свои жизни в борьбе с фашизмом, и живущими ныне ветеранами [13; 14; 27; 28].

Всё чаще ставится под сомнение великая освободительная миссия Красной армии. Некоторые историки, политики, журналисты делают оскорбительные заявления об «оккупации советскими войсками Прибалтики, Польши, Чехословакии и других стран». Но если бы наша армия остановилась у границ этих стран, кто освободил бы их от фашистской оккупации? Сами они не смогли этого сделать. Поляки в августе 1944 года подняли восстание в Варшаве, но оно было жестоко подавлено гитлеровцами [23; 31].

Автору этих строк ещё в конце 1970-х годов приходилось спорить с поляками по вопросу об освобождении их страны. Когда им говоришь о том, что за их освобождение отдали жизнь 600 тыс. наших воинов, то некоторые поляки-аспиранты отвечали: «А вас никто не просил. Пришли бы американцы и освободили нас». Среди определённой части поляков такие настроения были характерны в то время.

Из Германии всё чаще звучат упреки в сторону России по вопросам, связанным с минувшей войной вообще, и в связи с 75-й годовщиной освобождения Ленинграда и парада в честь этой даты. В Германии, где в обществе в целом законодательно преобладали антифашистские уставы, многое начинают пересматривать. В определённом смысле можно говорить о реванше фашизма. Мюнхенский институт современной истории в 2016 году опубликовал комментированное издание книги А. Гитлера «Майн кампф» [9; 17; 18; 30].

К сожалению, в прошлом наши историки по разным причинам не всегда писали и говорили прямо и определённо о многих событиях Великой Отечественной войны. О том, что, например, влиятельные финансовые и промышленные круги Запада усиленно помогали возрождать германскую военную и экономическую мощь, и даже во время войны скрыто помогали Германии многими стратегическими материалами. И почему союзники так долго не открывали второй фронт, зачем в конце войны без особой военной надобности разбомбили и разрушили Дрезден, Токио, сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, когда поражение Японии было уже предрешено [6; 12; 39].

Целенаправленная фальсификация истории войны сделала своё дело. Многие на Западе не знают не только основных событий войны, но и о решающей роли СССР в победе над фашистской Германией. Американцы считают, что победили они. Об этом говорят О. Стоун и П. Кузник в книге «Нерассказанная история США» [35].

Поэт Е. Евтушенко с удивлением поведал о своей встрече с американской молодёжью. Он рассказал, в частности, об американской студентке Университета Талсы. «Она подняла руку, – вспоминает Евгений Александрович. – “Мистер Евтушенко, несмотря на то, что СССР выступал в войне против США на стороне Германии, вы показали советских людей добрыми”. – Я чуть не заплакал», – сказал поэт [21].

К сожалению, определённая часть и нашей молодёжи слабо знакома с событиями войны. В перестройку, когда ревизии подвергалось прошлое, незыблемой оставалась Победа. Но именно тогда ветераны услышали: «Что ты, дед, так метко стрелял, сейчас пили бы все баварское пиво». Маршал Д. Т. Язов тогда горько выдохнул: «Украденная победа» [42].

Горький осадок остался и от истории с сёстрами Каратыгиными, которые получили то, к чему стремятся многие их ровесники – всероссийскую известность. Именно за ней они пришли на МузТВ в программу «Безумно

красивые», чтобы принять участие в примитивной викторине. Среди других им попался вопрос: «Что такое холокост?». Сёстры дали короткий ответ: «Клей для обоев», и взорвали русскоязычный интернет. Героиням досталось от души – от прямых личных оскорблений до язвительных насмешек в адрес их школьных учителей [40].

Совсем свежий пример незнания истории Великой Отечественной войны связан с судьбой генерала Д. Карбышева, зверски замученного в Маутхаузене в феврале 1945 года. Так называемая актриса Н. Медведева из «Камеди Вумен» считала, что это не историческая личность, а вымышленный персонаж. Декан Высшей школы телевидения МГУ В. Третьяков спрашивал первокурсников о Д. Карбышеве. Оказалось, что они не знают ничего о нём, а о генерале Власове – знают. Чья в этом вина? Чья в этом беда? [11; 19; 37].

Нельзя не сказать и ещё об одной странице истории Великой Отечественной войны – это облик Красной армии в поверженном Берлине. В ряде работ западных авторов, кинофильмах Красная армия показана как орда мародёров и насильников. Действительно, случаи такие были, за них жестоко наказывали, об этом говорят документы. Но, по словам директора РГАСПИ А. Сорокина, «мифы появляются тогда, когда историки или публицисты не могут избежать соблазна работать с историческими документами избирательно. История при таком подходе приобретает весьма искажённый вид» [4; 24; 26].

Бывший российский вице-премьер Альфред Кох, видимо, впечатлённый отказом ряда

западных политиков приехать в Москву на торжества в честь 70-летия Победы над фашистской Германией, озабочился вопросом: а где, собственно, эту Победу надо праздновать? Видный либерал считает, что юбилейные торжества должна организовать в Берлине канцлер Меркель [1].

Приближается 75-летие Победы. Нападки на неё были, есть и будут. Поэтому актуальны слова Президента РФ В. В. Путина, сказанные им на заседании организационного комитета «Победа» в 2015 году, где он поставил задачу достойно ответить на попытки переписать историю: «Сегодня мы видим не только, к сожалению, попытки переиначить события той войны, но и циничную, ничем не прикрытую ложь, наглое очернительство целого поколения людей. Иногда действительно язык не поворачивается, чтобы пересказать эти бесстыдные выводы. Их цель понятна – подточить силу и моральный авторитет современной России, лишить её статуса страны-победительницы со всеми вытекающими из этого международно-правовыми последствиями, разделить и рассорить народы, использовать исторические спекуляции в геополитических играх. Порой звучит просто откровенный бред – просто удивительно, как люди доходят до этого. И на самом деле это не так безвредно, потому что происходит попытка заложить в голову миллионов людей, прежде всего молодёжи, совершенно опасные тенденции и извращённые представления об истории. Надо аргументированно твёрдо, настойчиво отстаивать правду о войне, о колоссальном вкладе советского народа в Победу» [33].

Источники и литература

1. Баранов А. Альфред Кох: Москва не может претендовать на роль столицы Победы // Комсомольская правда. – 2015. – 20 марта.
2. Борисов А. Невыученный урок Ялты // Красная звезда. – 2015. – 4 февр.
3. Васильев М. Оболганная блокада // Экспресс-газета. – 2019. – 21 янв.
4. В оккупированной Германии американцы изнасиловали 190 тысяч немок // Наша версия. – 2015. – № 9.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. – М.: Воениздат, 2011. – 848 с.
6. Волков К. А помнит Токио сожжённый? // Российская газета. – 2015. – 11 марта.
7. Во что обошлось СССР спасение Европы от фашизма? // Аргументы и факты. – 2019. – № 4.
8. Гареев М. А. Великая Победа и современные интересы международной безопасности // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 9.
9. Герейханова А. Блокадная правда // Российская газета. – 2019. – 28 янв.
10. Гришин А. На 70-летие освобождения Освенцима приглашены все, кроме России // Комсомольская правда. – 2015. – 14 янв.
11. Гришин А. Внук генерала Карбышева: Извинения не приняты! Шуточки над памятью деда – это диверсия // Комсомольская правда. – 2019. – 27 февр.
12. Дацишина М. В. Англия... не мешает Германии воевать с Советским Союзом // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 12.
13. Дульман П. Едины в форме. Порошенко бравивирует дружбой с нацистами // Российская газета. – 2018. – 10 дек.

14. Ермалаева Н. Идёт обыкновенный фашизм. Эсэсовцы привычно маршируют в Риге // Российская газета. – 2015. – 17 марта.
15. Жуков Ю. Нашу Победу пора спасти // Комсомольская правда. – 2009. – 8 мая.
16. Забродина Е. Вторгся в историю. Яценюк поведал о советском вторжении на Украину и в Германию // Российская газета. – 2015. – 12 янв.
17. Зданович А. А. Как «независимые исследователи» пекутся о нашей истории // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 12.
18. Кожемякин Б. Гибридный реванш // Аргументы и факты. – 2019. – № 7.
19. Козлова Н. Война понарошку. Внук генерала Карбышева собрался подать в суд на Comedy Woman // Российская газета. – 2019. – 28 февр.
20. Литвиненко В. В. Цена великой Победы // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 12.
21. Мишина И. История в стиле фэнтези. Грань между этой гуманитарной наукой и политикой все больше стирается: переписывать прошлое стало модно // Наша версия. – 2014. – № 24.
22. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. – М.: Минувшее, 2018. – 80 с.
23. Новосёлова Е. Восстание втайне от Сталина // Российская газета. – 2014. – 3 окт.
24. Новосёлова Е. Обыкновенный фашизм. В Германии показали фильм о советских насильниках, польских антисемитах и украинских садистах // Российская газета. – 2013. – 8 мая.
25. Новосёлова Е. Ялта-45: суд победителей // Российская газета. – 2015. – 2 февр.
26. Новосёлова Е. Война и миф // Российская газета. – 2014. – 20 июня.
27. Новосёлова Е. 100 тысяч марок на погром. В Москве представили сборник документов о прибалтийских коллаборационистах // Российская газета. – 2019. – 15 марта.
28. Нюрнбергский процесс: сб. материалов / под ред. К. П. Горшенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1954. Т. 1 – URL: <https://www.libfox.ru/379436-konstantin-gorshenin-nyurnbergskiy-protsess-sbornik-materialov.html> (дата обращения: 15.04.2019). – Текст: электронный.
29. Пегин В. Как назвать? // Российская газета. – 2014. – 28 нояб.
30. Розз А. Пропаганда нацизма или его развенчивание // Российская газета. – 2015. – 24 февр.
31. Рокоссовская А. Августовская сирена // Российская газета. – 2014. – 31 июня.
32. Серов А. Германия разрешила Яценюку переписать историю Второй мировой войны // Комсомольская правда. – 2015. – 14 янв.
33. Смирнов Д. Владимир Путин: цель попыток переписать историю – подточить авторитет России // Комсомольская правда. – 2015. – 18 марта.
34. Снегирёв В. Страх. Ровно восемьдесят лет назад войска фашистской Германии, не встретив сопротивления, вторглись на территорию Чехии // Российская газета. – 2019. – 15 марта.
35. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. – М.: Азбука КоЛибри, 2014. – 528 с.
36. Суржик Д. В. Вторая мировая война – «холодная война» для США // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 7.
37. Третьяков В. О предателе Власове в школе рассказывают, а о герое генерале Карбышеве – нет? // Комсомольская правда. – 2019. – 19 февр.
38. Турченко С. Насилие над фактами // Труд 7. – 2005. – 21 июля.
39. Хорст Г. Воздушная операция, которая сродни военному преступлению // Независимое военное обозрение. – 2010. – № 2.
40. Шакиров М. Холокост, клей для обоев // Совершенно секретно. – 2013. – № 2.
41. Шамир И. Англичане и американцы сожгли Дрезден, чтобы напугать Сталина // Комсомольская правда. – 2014. – 18 февр.
42. Юферова Я. Помню, значит, живу // Российская газета. – 2014. – 8 мая.

УДК 94(47+57)
ББК ТЗ(2)622

Михаил Сергеевич Чирков,
Самарский государственный институт культуры,
г. Самара, Россия,
e-mail: mich.chirk@mail.ru

Великая Победа в современном массовом сознании: к проблеме исторической памяти на пространстве бывшего СССР

В статье рассматриваются проблемы сохранения исторической памяти о войне. Это важнейшая задача российского общества. Победа советского народа в Великой Отечественной войне в современной России выступает как символический капитал нации. В отличие от многих бывших республик СССР, где происходит пересмотр итогов войны и искажаются исторические факты, в России декларируется бережное сохранение исторической памяти. Вместе с тем, в реальности существует множество проблем в этой области, связанных с ошибками в образовательной стратегии, развитии культуры, отношению к ветеранам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, советская символика, образование, культура, ветераны, патриотическое воспитание

Mikhail S. Chirkov,
Samara State Institute of Culture,
Samara, Russia,
e-mail: mich.chirk@mail.ru

The Great Victory in Modern Mass Consciousness: to the Problem of Historical Memory on the Space of the Former USSR

The victory of the Soviet people in the Great Patriotic War in modern Russia serves as the symbolic capital of the nation. Unlike many former republics of the USSR, where the results of the war are being revised, and historical facts are distorted, in Russia a careful preservation of historical memory is declared. At the same time, in reality, there are many problems in this area related to mistakes in educational strategy, cultural development, and attitude towards veterans. The problems of preserving the historical memory of the war are the most important task of Russian society.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, Soviet symbolism, education, culture, veterans, patriotic education

В 2020 году человечество отметит 75 лет со дня окончания Второй мировой войны. Самая страшная война в истории унесла жизни десятков миллионов людей, нанесла ущерб стоимостью в сотни миллиардов долларов. Историческую память о войне бережно хранят в десятках стран-участниц, возведено огромное количество монументов и памятников тем событиям, тысячи захоронений погибших разбросаны по всей Европе и Азии. Для многих народов Победа выступает как общенациональное достояние страны, как символический капитал нации. В России, ряде бывших союзных республик, в США, Китае, Великобритании, Франции ежегодно проходят

торжества, посвящённые победе над нацизмом.

Для современной Российской Федерации, которая является преемником Советского Союза, победа в Великой Отечественной войне (которая признана частью Второй мировой войны) является мощным фактором консолидации национального сознания. День Победы отмечается ежегодно 9 мая как праздничный. Вместе с тем, массовое историческое сознание оперирует, как правило, художественными и публицистическими версиями прошлого, почерпнутого из кинофильмов, произведений литературы, средств массовой информации [5, с. 258]. Именно они, а не научные труды исто-

риков, зачастую формируют знания о событиях войны и их оценки.

В этой связи возникает множество проблем, имеющих специфический характер. Например, в последние десятилетия одними из самых популярных тем в публицистике является роль советского лидера И. В. Сталина в Великой Отечественной войне. Несмотря на все попытки либеральной общественности разделить два понятия – Сталин и война; доказать, что Победа была достигнута не благодаря, а вопреки политике и личным качествам вождя, значительное число россиян (50 % в 2017 г.) положительно оценивает его роль в войне. В 2015 году впервые за всю послесталинскую историю страны памятник вождю (правда, в компании с Рузвельтом и Черчиллем как монументальная композиция лидеров стран антигитлеровской коалиции во время Крымской конференции 1945 г.) появился в Ялте [1].

В ряде бывших советских республик сегодня происходит переориентация массового сознания на празднование Дня Победы по западным лекалам – 8 мая. Президент Украины П. А. Порошенко и парламент страны в 2015 году отменили праздник 9 мая, вместо него был введен новый памятный «День примирения и согласия», отмечаемый 8 мая [2]. В указе президента по этому поводу отсутствовали вообще упоминания о Великой Отечественной войне, о победе советского народа. Советская символика теперь приравнена к фашистской, за её ношение власти могут привлечь к судебной ответственности. Подобная практика юридического преследования существует сегодня в Венгрии, Грузии, Литве, Латвии, Молдавии и Польше. При этом на Украине и в прибалтийских республиках, несмотря на запрет советской и фашистской символики, возможно ношение формы или знаков принадлежности к воинским соединениям типа «Галичины» или «Латышский добровольческий легион СС».

Подобные действия властей указанных государств встречают тихое сопротивление, а порой и саботаж со стороны местных граждан, недовольных ревизией истории. Однако постепенно старшее поколение уходит, а молодое поколение, получившее образование и воспитание в совсем других условиях, зачастую безразлично (а иногда и агрессивно) ведёт себя по отношению к событиям войны [6, с. 147]. К сожалению, искажение истории, подмена понятий, а иногда и элементарное надругательство над памятью погибших происходит и в России, которая считает себя наследником поколения победителей. Известны многократные случаи размещения календарей и билбордов

ко Дню Победы, на которых вместо советских солдат и техники изображены немецкие бойцы и их танки; стала заметна переориентация «цвета Победы» – с традиционного красного на голубой [4]. На частных телеканалах и информационных сайтах проводятся опросы на темы типа «что было бы, если бы победу в войне одержала Германия» или «надо ли было продолжать оборонять Ленинград или сдать город». Подобные глумливые акции происходят зачастую от недостатка образования, а также от желания поспекулировать на теме.

«Эстафету унижения» подхватывает и государственное телевидение. Так, в апреле 2019 года на Первом канале состоялась премьера телесериала «Зорге», посвящённого подвигу великого советского разведчика и патриота. Сам герой с физиономией сильно пьющего человека и потухшим взглядом никак не соответствует образу сильного и харизматичного Рихарда Зорге, оставшегося в памяти современников. Сталин в сериале показан в абсолютно карикатурном виде. Ворошилов щеголяет, что в 1941 году, что в 1944, в одной и той же форме довоенного образца, да ещё, как куратор военной разведки, ходит с докладами к вождю. Сериал не только воспроизводит множество уже опровергнутых мифов и легенд о Зорге, произвольно перемещая события во времени; но и сочиняет новые, искажая исторические факты (например, убийство предателя Люшкова, к чему разведчик не имел никакого отношения, или самоубийство германского посла в Японии Отта, которого вообще не было). Данный сериал не только образец кинематографического непрофессионализма, но фактически представляет собой надругательство над памятью о советском прошлом.

Между тем, большинство оставшихся в живых ветеранов, которым уже за 90 лет, продолжают тихо умирать в маленьких, запущенных комнатках без должного ухода, хотя по указу Президента РФ они давным-давно уже должны быть обеспечены квартирами. О ветеранах часто вспоминают лишь накануне 9 мая, больным и немощным людям выдают мизерные денежные поощрения, небольшие продуктовые наборы и открытки с поздравлениями, где порой неправильно указано фамилия, имя и отчество человека. Безобразно ведут себя и некоторые представители молодого поколения: подростки мочатся на памятники Вечного огня, жарят на них шашлыки, делают на фоне величественных монументов легкомысленные селфи. Бездумно используется георгиевская лента [3]. В этом нет ничего удивительного, поскольку значительная часть молодёжи имеет

слабое представление о войне и её участниках [8, с. 205]. Так, проведённое нами анкетирование среди учащихся самарских вузов и школ показало, что только 70 % из них знают основные факты о войне, при этом 15 % опрошенных почти ничего не знают (уровень знаний приблизительно таков: «воевали наши с немцами, и наши победили»). Более 60 % респондентов (70 % школьников и 55 % студентов) ничего не знают об участии их родственников в Великой Отечественной войне. Удручает и уровень информированности молодёжи о героях и полководцах войны. Не может не радовать то, что молодёжь знает о Г. К. Жукове (его назвали 90 % опрошенных), К. К. Рокоссовском (30 %), гораздо меньше вспомнили о Зое Космодемьянской (9 %), И. С. Коневе (8 %) и И. В. Сталине (6 %). При этом к героям войны причислили М. В. Фрунзе (5 %) и даже А. И. Деникина (1 %). Не смогли вспомнить ни одной фамилии 35 % (!) учащихся.

Все эти факты унижают Россию как страну, всегда чтившую память своих предков. Необходимо задуматься об изменениях в подходах к преподаванию истории в школах, учебных заведениях СПО, вузах. К сожалению, декларируемая властью политика, направленная на улучшение патриотического воспитания, возрождения традиционных устоев в жизни российского общества пока не предусматривает увеличения часов на преподавание отечественной истории [7, с. 203]. Более того, например, в новых образовательных стандартах в сфере культуры и искусств ГОС ВО 3++ осо-

бо прописана необходимость добавить в курс, читаемый студентам, часть лекций и практических занятий по всеобщей истории. При этом количество зачётных единиц, выделяемых на историю в целом, не увеличено, а в большинстве стандартов и не обозначено. Из числа компетенций, призванных быть сформированными в процессе обучения, исчезли упоминания о необходимости «анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции», которые присутствовали в предыдущих ГОСах. Каким образом в таких условиях повышать уровень исторического знания, просвещать подрастающее поколение, совершенно непонятно.

В современных условиях для российского общества важно, чтобы история создала некую целостность, связанную со смысловым пространством наших достижений, воссоединив, таким образом, индивида с предшествующими и последующими поколениями россиян. Например, феномен Победы должен стать той системообразующей идеей, которая придаст смысл историческому процессу в огромном количестве разнообразных эмпирических данных. Именно в таком случае возможно говорить об актуальном историческом сознании, которое, выступая как некий концепт, объясняя прошлое под известным углом зрения, определяло бы перспективы общества. Сформировать такое сознание в российском обществе – задача не только современных российских историков, но и всех, кто имеет отношение к образованию.

Источники и литература

1. В Крыму появился памятник Сталину, Рузвельту и Черчиллю // Комсомольская правда. – URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26338.4/3221033> (дата обращения: 12.04.2019). – Текст: электронный.
2. Порошенко своим указом отменил празднование Дня Победы на Украине // Информационно-разлекательный портал. – URL: http://www.stuki-druki.com/marazm/Poroshenko_svoim_ukazom_otmenil_Den_Pobedi_Polniiy_tekst_ukaza.php (дата обращения: 20.02.2019). – Текст: электронный.
3. Символ Дня Победы! // Познавательно-разлекательный блог. – URL: <https://www.shnyagi.net/11842-simvol-dnya-pobedy.html> (дата обращения: 15.04.2019). – Текст: электронный.
4. Символ Победы: Голубь мира vs Красное знамя // Fishki.net. – URL: <https://www.fishki.net/anti/1519436-simvol-pobedy-golub-mira-vs-krasnoe-znamja.html> (дата обращения: 15.08.2018). – Текст: электронный.
5. Чиркова Н. В. Репрезентация подвига в сюжетах и образах советского художественного кинематографа // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего / под ред. В. Н. Сырова. – Саратов: Наука, 2018. – С. 258–260.
6. Чиркова Н. В. Синергетика художественного восприятия и эмоций // Синергетика природных, технических и социально-экономических систем. – 2015. – № 13. – С. 143–149.
7. Якунин В. Н. Русская православная церковь и Красная армия в годы Великой Отечественной войны // Армия, рождённая в боях: материалы регион. науч.-практ. конф. – Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2018. – С. 199–203.
8. Якунин В. Н. Паломничество и религиозный туризм как средство духовно-нравственного, патриотического воспитания молодёжи (на примере Самарской области) // Модернизационный потенциал российской молодёжи: сб. науч. тр. – Ульяновск: Ульяновский гос. техн. ун-т, 2017. – С. 205–211.

УДК 37
ББК 4400.522

Гунсема Сандаковна Митыпова,
Бурятский республиканский институт образовательной политики,
г. Улан-Удэ, Россия,
e-mail: gunsema53@mail.ru

Артефакты военной истории в образовательном пространстве

В статье рассматривается процесс создания экспозиции, посвящённой Великой Отечественной войне, основной целью которой являлась своеобразная «ода» языком музейной экспозиции подлинному предмету, которая должна донести до студента и школьника страницы истории, более того, ставилась задача раскрыть информативные возможности артефакта военной истории, приблизить к восприятию современного молодого человека, относящегося к эпохе «экранный-клиповой» культуры, историю войны XX века. Предлагается обсуждение проблемы внemuзейного пространства в аудитории вуза и школы, которая налагает определённые ограничения в архитектурно-художественном решении экспозиции, экспонирования подлинных предметов истории.

Ключевые слова: война, артефакт, военная история, экспозиция, аудитория, студент, восприятие, внemuзейное пространство, поисковый отряд, образовательное пространство

Gunsema S. Mitipova,
Buryat Republican Institute of educational policy,
Ulan-Ude, Russia,
e-mail: gunsema53@mail.ru

Artifacts of Military History in the Educational Space

The article considers the process of creation of the exposition devoted to the great Patriotic war, whose main aim was a kind of "ode" language Museum exhibition of authentic subject matter, which should convey to the student and the student pages of history, furthermore, the aim was to reveal the possibility of an informative artifact of military history, closer to the perception of the modern young man, referring to the era of "screen-video clip" the culture, the history of the war of the XX century. Offers a discussion of the problem vnemuzeynaya space in the auditorium of the University, which imposes certain restrictions in the architectural-artistic solution of the exposition, exhibiting authentic objects of history.

Keywords: war, artifact, military history, exposition, audience, student, perception, vnemuzeynaya space, the search party, educational space

Создание своеобразной площадки по военной истории в образовательном пространстве связано с военно-патриотическим воспитанием и темой Победы в Великой Отечественной войне нашей страны. Задача достаточно сложная – приблизить подрастающее поколение к пониманию истории, непростой истории войны, средствами и формами визуализации картины войны, военных событий. Автору статьи удалось поработать с артефактами военной истории и создать экспозицию в Бурятском государственном университете.

Идея и смысл концепции сформировать из условий показа – школьные аудитории не музей, не выставочный зал, которые имеют свою специфику – аудитория школы или вуза в целом и её запросы также налагают опреде-

лённые требования к показу предметного ряда, артефактов военных лет.

Как известно, артефакт (от латыни *artefactum* – «искусственно сделанное»), согласно энциклопедическим данным, это любой искусственно созданный объект, имеющий как определённые физические характеристики, так и знаковое или символическое содержание.

Поиск знаковых и символических предметов и привёл нас к общению с поисковым отрядом «Рысь», имеющим в своём арсенале материалы с раскопок на местах боёв XX века. Принятое решение привлечь материалы с раскопок поискового отряда «Рысь», известного в Республике и в стране (руководитель В. В. Ефремов), оказалось верным.

Из отчёта поискового отряда: в 2017 году проведена Международная военно-патриотическая, научно-исследовательская экспедиция по сбору данных о боях 1939 года на р. Халхин-Гол и освобождению Северного Китая в 1945 году 36-й армией Забайкальского фронта.

27 января 2017 года – организация и проведение муниципального 1-го слёта РДШ, направление «Юнармия», «Россия начинается с тебя!». Слёт проходил на базе МАОУ «Селенгинская гимназия» Кабанского района, директор Людмила Николаевна Власова. Приняло участие: 250 человек от 23 образовательных организаций района. Проведены: круглые столы с руководителями образовательных организаций района с назначением и утверждением штаба отделения «Юнармия» Кабанского района. Мастер-классы по направлениям: «Юнармия», «Книга Памяти РБ», «Возрождение казачества», «Допризывная подготовка». В ряды «Юнармии» вступили 14 учащихся МБОУ «Посольская СОШ» Кабанского района, на базе в/ч 47130 ст. Дивизионная прошла республиканская Спартакиада «Юнармия» средних возрастов; 16 марта 2017 года – встреча и отчёт по военно-патриотическому воспитанию и допризывной подготовке перед Центральной комиссией Министерства обороны РФ. Тема выступления: «Деятельность ГБУ ДО «Республиканский детско-юношеский центр патриотического воспитания, туризма и спорта»». По итогам проверки Республика Бурятия заняла 2-е место среди субъектов Российской Федерации; с 23 апреля по 14 мая проведена межрегиональная «Вахта Памяти-2017» МО «Городской округ Подольск» на местах боёв 93-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии; от Республики Бурятия направлен отряд (15 чел.). Руководитель военно-патриотического поискового отряда «Рысь» – начальник штаба ВВПОД

«Юнармия» Владимир Валерианович Ефремов. Бойцы отряда – учащиеся образовательных организаций Республики Бурятия, состоящие в рядах «Юнармии», возраст от 14 до 17 лет (поисковый отряд «Рысь» Республики Бурятия создан в 2006 г.) [1].

Таким образом, посредством исторических фотографий периода Великой Отечественной войны из фотоархивов военных корреспондентов, участников Великой Отечественной войны, музеев и семейных фотоальбомов, фотохроники ТАСС и материалов раскопок возможно создание экспозиций и выставок. Так, за последние годы поисковый отряд передал 38 школам и одному вузу предметы и материалы, обнаруженные в ходе поисков. В концепции показа необходимо учитывать, что сегодня студенты и школьники – это сформированная группа подрастающего поколения, выросшие в условиях «экранно-клиповой культуры», когда мыслят и чувствуют образами. При разработке концепции нужно учитывать фактор, что клип-культура формирует такие уникальные формы восприятия, как «зепинг» (англ. *zapping, channelzapping* – «практика переключения каналов телевизора»), когда путём безостановочного переключения каналов телевидения создаётся новый образ, состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений. Этот образ не требует подключения воображения, рефлексии, осмысления, всё время происходит «перезагрузка», «обновление» информации, когда всё первоначально увиденное без временного разрыва утрачивает своё значение, устаревает [2]. При создании экспозиции «двигаться» в сторону «перезагрузки» информации, изменения определённого видеоряда и оставлять как факт напоследок момент осмысления информации школьниками и студентами.

Источники и литература

1. Отчёт отдела патриотического воспитания и допризывной подготовки ГБУ ДО «Республиканский детско-юношеский центр патриотического воспитания, туризма и спорта», 2017.
2. Советкина Э. В. Экранная клип-культура: взгляд в историю // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3. КиберЛенинка. – URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/ekrannaya-klip-kultura-vzglyad-v-istoriyu#ixzz489zcGdpn> (дата обращения: 20.03.2019). – Текст: электронный.

РАЗДЕЛ 2. Сибирь и Забайкалье в исторической ретроспективе

SECTION 2. Historical Retrospective of Siberia and Zabaikalye

УДК 902(571.55)
ББК Т444(2)(2Рос-4Чит)

Евгений Викторович Ковычев,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: kovychevevgeniy@mail.ru*

Средневековые памятники Приононья: итоги археологических исследований¹

В статье автор обращает внимание на периодизацию средневековой истории Приононья и Восточного Забайкалья, основанную на анализе археологических материалов региона. В I тысячелетии н. э. Восточное Забайкалье было районом, где скрещивались судьбы народов монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских, где происходили важные исторические события, отражавшиеся на этническом, культурном и политическом развитии как Забайкалья, так и соседних регионов.

Ключевые слова: Приононье, могильники, археологические культуры, монголы, тюрки, тунгусо-маньчжуры

Evgeny V. Kovychhev,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: kovychevevgeniy@mail.ru*

Medieval Monuments of Priononia: Results of Archaeological Researches

In the 1st millennium AD the Eastern Transbaikalia was an area where were crossed the fates of the Mongolian, Turks and Tungus-Manchurians peoples, where occurred important historical events which effected on ethnic, cultural and political development of Transbaikalia and other neighboring regions. In this article the author draws attention to the periodization of the medieval history of Priononia and Eastern Transbaikalia, based on analysis of the archeological materials of the region.

Keywords: Priononia, burials, archaeological cultures, Mongols, Turks, Tungus-Manchurian

Начало средневекового периода в истории Восточного Забайкалья, в отличие от соседних с ним районов Западного Забайкалья и

Монголии, определяется достаточно условно, поскольку на протяжении всего I тысячелетия в этом районе (как и на большей части терри-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй Внутренней Азии».

тории Верхнего Амура и Северной Маньчжурии) не сложилось сколько-нибудь устойчивых, жёстко стратифицированных государств: империй, ханств или каганатов. Отсутствовал один из краеугольных камней антагонистической эпохи, на основе которого складываются выраженные формы социальных отношений, лежащие в основе любой средневековой периодизации. Письменные источники и археологические материалы показывают, что развитие обществ в этом регионе регулировалось традиционными нормами внутреннего патриархального быта, сложившегося ещё в хунно-сяньбийский период (III в. до н. э. – IV в. н. э.), а в ряде случаев и в более раннее время. Подвергаясь неоднократному нашествию различных групп завоевателей, создававших на стороне мощные кочевые империи, эти районы никогда не входили в их состав целиком, за исключением, быть может, только степных и некоторых лесостепных территорий. Попытки продвинуться в более северные районы (бассейны Нижней Шилки и Верхнего Амура, а частично и в сторону Северо-Западной Маньчжурии), всякий раз наталкивались на упорное сопротивление проживавших здесь народов, объединённых в эндемические племенные конфедерации. В ряде своих работ мы уже показали, что для отпора такому натиску местные племена в конце I тыс. н. э. даже построили в приустьевой части р. Чёрной (левый приток р. Шилки) настоящий «укрепрайон» – с серией укрепленных городищ, расположенных на крутых и труднодоступных скальных утёсах, обращённых обрывами в сторону потенциального противника, – т. е. по юго-западному и западному направлениям [6, с. 95–96].

Раскопки этих городищ показывают, что именно здесь проходила граница между миром кочевых и полукочевых племён Юго-Восточного Забайкалья, ориентированных, в основном, на овцеводческое хозяйство, и миром таёжных охотников, рыболовов и скотоводов, тесно связанных с традиционными видами занятий, распространённых у населения Приамурья и таёжной зоны Приморья. Такое сочетание степных и таёжных культур региона обусловило специфику культурно-исторического и этнического развития края в I тыс. н. э.; позволило районам Верхнего Амура и Шилки стать, по словам академика А. П. Окладникова, «местом, где причудливо скрещивались и находились в сложном взаимодействии в корне различные по происхождению племена и народы, в том числе не только сибирские и центральноазиатские, но и дальневосточные», стать настоящей колыбелью многим из них, «...той

ареной, где происходили важные исторические события, значение которых сказывалось далеко за её пределами» [9, с. 7; 8, с. 9].

Приионью в этих событиях принадлежала исключительно важная роль, поскольку именно через него проходили основные орды завоевателей и их противников; именно здесь формировались многие элементы новых археологических культур, наслаивавшихся на традиционные культуры прежнего времени. Прямым доказательством этому являются материалы разнотипных и разновременных могильных комплексов, в большом количестве сосредоточенных в данном районе, а также одиночных, но очень своеобразных погребений и памятников жертвенно-поминального типа. Они не равнозначны по своим информативным возможностям, но каждая выделенная на их основе археологическая культура и каждое погребение, не включённое в их состав, лишь подчёркивают своеобразие происходивших здесь процессов. С другой стороны, они указывают и на то, что Приионье нельзя вырывать из сложившегося ещё в эпоху камня и бронзы культурно-исторического анклава, включавшего, помимо Забайкалья, – Приамурье, Маньчжурию и Северную Монголию [9, с. 9]. При характеристике памятников средневекового периода необходимо учитывать данные обстоятельства, не забывая также об естественных природно-климатических факторах.

К средневековым древностям Приионья мы склонны относить три археологические культуры: бурхотуйскую (IV–IX вв.), дарасунскую (VI–IX вв.) и раннемонгольскую (X–XIV вв.). Две из них были выделены ещё в 60–70-е годы прошлого столетия А. П. Окладниковым и Е. В. Ковычевым [2, с. 82, 83, 109, 110, 257, 258]. На их основе уже тогда предпринимались попытки охарактеризовать основную часть средневекового периода в истории Восточного Забайкалья [8, с. 17–20; 4, с. 1–83]. В 1975 году к указанным культурам И. И. Кирилловым и Е. В. Ковычевым была добавлена ундугунская археологическая культура (XII–XV вв.), носителями которой признавались тунгусоязычные племена лесных и лесостепных районов Забайкалья, известные в различных источниках под названием «лесные монголы», или «дикие дада». Среди них, как предполагалось, могли быть и предки «конных эвенов» [5, с. 296, 297]. Отметим, однако, что к степному Приионью ундугунская культура практически не имеет отношения, поскольку в указанное время эти районы были заняты древнемонгольскими племенами – участниками событий монгольской великодержавности.

Для этого времени, в Западном и Восточном Забайкалье выделялась раннемонгольская культура, а затем, стали выделяться группы более поздних памятников: XVI–XVIII веков, принадлежавшие древним тунгусам (возможно, «конным эвенкам») и древним бурятам. В Приононье такие памятники исследованы повсеместно [4, с. 87–96]. Они также разнотипны, как и памятники I тысячелетия, но, по сравнению с прибайкальскими и западнозабайкальскими аналогами демонстрируют немало особенностей в погребальной обрядности и в культуре. Поскольку памятники бурхотуйской и дарасунской культур рассмотрены в большом количестве специальных работ, в которых определены их основные особенности и обрисована эпоха, когда они были сооружены, в данной работе мы останавливаемся только на характеристике некоторых наиболее интересных погребений, относящихся к позднему средневековью Приононья.

Отметим, что в XIII–XV веках из Юго-Востока Забайкалья, включая и Приононье, в ходе бесконечных войн, которые вели монгольские ханы, происходил постоянный отток монгольского населения за пределы указанной территории. Многие араты, служившие в войсках ханов, обратно уже не возвращались. Экономические и культурные центры, созданные на территории Монголии и Забайкалья, пришли в запустение или погибли в огне пожара. Степи Онона, Аги и Борзи переходили постепенно в распоряжение различных монголизированных групп «конных тунгусов»: дагуров (дауров), удзунов, улятов, сартогов, тукчинов, гунуев (буни-монголов) и др. Многие из них также питали пристрастие к скотоводству и верховой езде и материальная культура их мало чем отличалась от монгольской. Среди перечисленных выше родов «конных тунгусов» особо хотелось бы отметить род улятов, владения которого находились в среднем течении Онона. В память об этом роде здесь сохранили своё название река Улятуй и село Улятуй, а в память о племенах дагуров, удзунов, тукчинов и гунуев осталось название «Даурия», прилагаемое ко всему юго-востоку Забайкалья, и наименования ононских сёл: Узон, Токчин и Гунэй.

В 1972 году Е. В. Ковычевым, в районе с. Ононск были раскопаны два погребения XVI–XVII веков. В первом из них оказалось захоронение рядового представителя «конных тунгусов» – мужчины, а во втором – богатой женщины. Мужчина был похоронен в берестяном коробе, головой на север (как и монголы предшествующего периода), с одной лишь же-

лезной пряжкой от ремня, зато в женском погребении сохранились украшения головного убора и одежды. Отметим, прежде всего, несколько раковин «каури» и фигурных серебряных бляшек, которые лежали в две линии от таза к черепу и смыкались затем с несколькими рядами таких же и других по форме, серебряных и бронзовых бляшек. Последние, вперемежку с раковинами «каури», окружали череп в виде сплошной, трёхрядовой полосы, являясь украшением головного убора. От убора сохранились только остатки бересты и кожи удлинённо-конической формы. С обеих сторон черепа лежали крупные серебряные подвески, изготовленные из тонкой проволоки в виде четырёхлепесткового цветка, с дополнительной обмоткой. Всего было найдено 20 раковин «каури», 55 серебряных и 159 бронзовых бляшек, одна бисерная бусина из стекла и две серебряные подвески.

Известны в этом районе также погребения детей, совершённые в берестяных коробах-люльках, которые исследовались в районе сёл Кусочи, Чиндант, Усть-Борзя и посёлка Ясногорск.

Наряду с тунгусами, в Восточное Забайкалье начинают проникать отдельные группы хоринских бурят (баргутов-хорчинов), которые первоначально освоили западные районы его, а затем перешли за отроги Яблонового хребта. Многие тунгусские роды оказались данниками бурят. Перед приходом русских баргуты-хорчины появились, видимо, и в степном Приононье. На это указывает то обстоятельство, что древние разработки цветных месторождений, имевшиеся в этом районе, проживавшие здесь тунгусы и дауры приписывали «братскому» населению и считали результатом «братской» работы. Однако, основная масса бурят хоринских родов пришла в эти районы только в конце XVII – начале XVIII века из Халхи и Внутренней Монголии, спасаясь от кровопролитных джунгарских войн и жёсткого прессинга маньчжурских феодалов. Часть из них обитала там ещё с монгольских времён, куда была переселена монголами в 1207 году, после похода сына Чингисхана Джучи на прибайкальских бурят; а часть ушла в Монголию перед приходом русских. Теперь им пришлось возвращаться обратно и просить защиты у русских воевод. Особенно массовый переход кочевников (бурят и монголов) был отмечен в 1730–1731 годах, когда границу перешли сначала 3839 семей, а затем целый хошун халхаских баргутов [1, с. 34]. Приононье, таким образом, снова оказалось в центре различных потоков переселения: монголов, тунгусов, бурят и русских.

Расселение бурят в Приононье и в агинских степях привело к появлению здесь могил особого типа: в скальных нишах и в невысоких каменных ящичках, напоминающих отчасти погребения культуры плиточных могил. Эту особенность их отметил ещё академик А. П. Окладников, который, изучая погребения древних бурят в Западном Забайкалье, писал: «...буряты в старину хоронили мёртвых в каменных могилах, чрезвычайно похожих на ящички плиточных могил» [7, с. 163]. Женские погребения, при этом, имели чаще всего, восточную ориентировку, а мужские – западную. Плиточные могилы буряты иногда вторично использовали для погребения своих умерших. Таким, например, было погребение ребёнка, встроенное в угол большой плиточной могилы, раскопанное Е. В. Ковычевым в 1982 году в районе с. Гунэй, на Ононе. Ребёнок был похоронен в гробу, изготовленном в форме дощатой рамы, перекрытой сверху тонкими поперечными планками и остатками решётки юрты. Умерший лежал головой на запад, со слегка согнутыми руками и ногами (в позе всадника?). В погребении были найдены круглые решётчатые бляхи из бронзы, орнаментированные изображениями двух вздыбленных друг против друга полульвов, полулошадей, с коронами на головах, копирующие по форме известный герб Сибири; железный нож, кожаный мешочек с кресалом и огнивом; браслеты, пряжки, бляхи пояса; бронзовая курительная трубка «ганза»; остатки железных колец от сбруи; большой чугунный котел, с округлым дном, который лежал в ногах погребённого; и необычная по форме бронзовая прямоугольная бляха, составленная из двух пластинок с берестяными прослойками внутри, скрывавшими кусочек какой-то бумажки. Возможно, это была подвеска типа ладанки, с записанной на бумаге молитвой [4, с. 65–67].

Ещё одно, разрушенное в древности погребение, было раскопано Е. В. Ковычевым и М. К. Савватеевым в 1968 году у с. Ононск. В прямоугольном каменном ящичке, вместе с костями человека, были обнаружены железный нож, крючок с медным кольцом на конце, круглая железная пряжка, бронзовая бляшка-подвеска, 154 стеклянных бусины от ожерелья и 4 бронзовые китайские монеты с квадратными отверстиями в центре. Они имели легенду: «Кан Си тун бао» и были выпущены в период правления китайского императора Канси (1662–1722 гг.) [Там же, с. 93].

Другое погребение было раскопано автором в 1988 году у с. Аренда, на р. Калангуйке, притоке Онона. Могила имела вид прямоуголь-

ного ящичка, причём в могильной яме плитки камня были уложены в два яруса, а над костяком лежала деревянная решётка, составленная из семи тонких деревянных реек, похожих на рейки от бурятских юрт – «ханов». Получался решётчатый короб, накрытый сверху полотном – тонкой синей тканью крупного плетения. Умерший был похоронен головой на запад; на тазовых костях его располагался кожаный пояс с железными накладными бляшками, а с левой стороны к нему была подвешена кожаная сумочка, с трубкой «ганза». Под локтём правой руки (фактически за спиной) лежали остатки кожаного налучника («хоромго»). В нём находился деревянный лук («хомо»). Здесь же, но выше руки, располагался кожаный колчан (саадак) с наконечниками стрел. Он был украшен железными, инкрустированными серебряной нитью, пластинами и круглыми бляхами со сложным орнаментом. У нижней части колчана лежал толстый железный крючок, а чуть ниже – костяное кольцо для натягивания лука. У правой ноги умершего были найдены остатки деревянного седла с кожаным покрытием, а также фрагменты переброшенной через него подпруги с железными стременами и узды с удилами [3, с. 93, 94].

Таким же богатым оказалось погребение, исследованное Р. Н. Ступниковым в 1968 году в 6 км к юго-западу от посёлка Оловянная, в районе так называемой 2-й базы. В прямоугольном каменном ящичке, напоминавшем по форме плиточную могилу, был захоронен мужчина – воин, не менее 180 см росту, крепкого телосложения, о чём свидетельствовали крупные и толстые кости скелета – настоящий бурятский батыр, снабжённый в потусторонний мир необходимым набором оружия и предметами конского снаряжения. Он также был погребён в каменном ящичке, головой на запад. В ногах его располагалось деревянное седло с кожаным покрытием: на седло были сложены железные стремена и удила; по краям седла стояли кожаные сапоги, с высоким верхом и небольшим каблучком (скорее всего, русского покроя), а поверх седла – берестяной туесок цилиндрической формы. У ступней ног сохранился боевой железный топорик с деревянной рукоятью, а у правой руки – нож. С левой стороны умершего были зафиксированы остатки деревянного лука, а с правой, в районе ног – кожаный колчан со стрелами. По краю и в центре колчан был богато украшен железными накладками и бляхами, инкрустированными поверху серебряной нитью. Она образовывала ромбические и спиральные узоры. Рядом лежал железный крючок, при помощи которого

колчан сцеплялся с поясом. К предметам вооружения относились также костяное кольцо и пластинка, защищавшая пальцы рук при натяжении тетивы лука и при её спуске. Кроме того, в могилу были положены два кожаных пояса с железными накладными бляхами, также инкрустированными серебром и с шарнирной пластинчатой пряжкой. Один пояс располагался рядом с колчаном и, видимо, служил для его ношения, а другой – в верхней части костяка, мог использоваться для стягивания халата. Помимо этого, в области груди была найдена бронзовая курительная трубка «ганза» [3, с. 94].

Расположение вещей в могилах прямо соответствовало практическому использованию их бурятами в реальной жизни. Курительную

трубку («ганза») буряты носили или заткнутой за пояс сзади, или за пазухой; лук («номо») носился с левой стороны, перекинутый за плечо; колчан со стрелами («саадак») подвешивался к поясу справа; и даже седло («имел») располагалось в ногах не случайно. Григорий Спасский, описывая погребения номадов Южной Сибири, писал: «Седло лежало между ног так, чтобы на него тотчас можно было сесть» [10, с. 105]. Всё это представлено и в погребениях древних бурят в районе с. Арендзы и 2-й базы.

Судя по инвентарю, погребения относились к началу XVIII века, когда бурятские племена вошли в контакт с русскими поселенцами и их судьба, с этого времени, оказалась тесно связанной с историей русского и тунгусо-маньчжурского населения этого региона.

Источники и литература

1. Дамдинов Д. Г. О предках Гантимуровых (титулованных князей и дворян по московскому списку) // Научно-популярное издание. – Улан-Удэ, 1996. – 93 с.
2. Ковычев Е. В. Бурхотуйская культура. Дарасунская культура. Раннемонгольская культура // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 82, 83, 109, 110, 257, 258.
3. Ковычев Е. В. Далёкое прошлое Поононья // История и география Оловянинского района. – Чита: Поиск, 2004. – 360 с.
4. Ковычев Е. В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н. э.). – Иркутск, 1984. – 83 с.
5. Ковычев Е. В. Ундугунская культура // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 296–297.
6. Ковычев Е. В., Харинский А. В., Крадин Н. Н. Шивэйское городище Проезжая 1 на реке Шилке // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркутского нац. исслед. техн. ун-та, 2018. – Т. 14, № 4. – С. 78–102.
7. Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. // Вестник древней истории. – 1948. – № 3. – С. 163.
8. Окладников А. П. Древнее Забайкалье (Культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 6–20.
9. Окладников А. П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1. Древние культуры Дальнего Востока: материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л., 1960. – № 86. – С. 9–71.
10. Спасский Г. Изображение обитателей Сибири // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. – СПб., 1818. – Ч. 1. – С. 87–111.

УДК 314(571.54)
ББК С70(2Рос.Бур)

Ирина Батоевна Батуева,

*Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
г. Улан-Удэ, Россия,
e-mail: i.batueva@mail.ru*

Виктор Валерьевич Бабаков,

*Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
г. Улан-Удэ, Россия,
e-mail: viktor.babakov@mail.ru*

Демографические процессы на приграничных территориях проживания селенгинских бурят в XVIII–XIX веках

В статье описываются демографические процессы среди селенгинских бурят, как отдельной этнотерриториальной группы бурятского этноса, проживающей на границе с Монголией в XVIII–XIX веках. Дается анализ роста численности этой группы кочевников за указанный хронологический период, сравниваются разные группы источников. Выявлены противоречия в численных данных.

Ключевые слова: демографические процессы, селенгинские буряты, этнотерриториальная группа, бурятский этнос, численность селенгинских бурят, отчет Селенгинской Думы

Irina B. Batueva,

*East-Siberian State Institute of culture,
Ulan-Ude, Russia,
e-mail: i.batueva@mail.ru*

Viktor V. Babakov,

*East-Siberian State Institute of culture,
Ulan-Ude, Russia,
e-mail: viktor.babakov@mail.ru*

Demographic Processes in Border Areas to Stay Selenginskii Bore in the XVIII–XIX centuries

This article describes the demographic processes among the Buryats, selenginskii as a jetnoterritorialnoj group of Buryat ethnic group living on the border with Mongolia in the 18th and 19th centuries. An analysis of the growth of this group of nomads for a specified chronological period. Compare different groups of sources. Contradictions in numerical data.

Keywords: demographic processes, selenginskii bore, the jetnoterritorialnaja group, Buryat ethnic group, number selenginskii Buryat, report Selenginskoi

Демографическая ситуация в Забайкалье в XVIII–XIX веках у селенгинских бурят на территориях, граничащих с Монголией, интересна с исторической точки зрения. Исследование особенностей динамики роста численности этой этнотерриториальной группы бурятского этноса, позволяет более разносторонне провести анализ развития данной приграничной территории России. Рост численности приграничного этноса, особенно если это кочевники-скотоводы, почти не ограниченные в передвижении, иногда даже за границу, является косвенным показателем сложившейся благоприятной для жизни инородцев социально-экономиче-

ской, политической, культурной ситуации в регионе в этот период.

Данные о численности селенгинских бурят в момент формирования этой этнотерриториальной группы бурятского этноса весьма скудны. Самые ранние демографические сведения о бурятах собраны и проанализированы экспедициями Петербургской академии наук, направленными в Восточную Сибирь в XVIII веке.

Первыми, непосредственно посетившими Бурятию, были экспедиции Герхарда Фридриха Миллера и Иоганна Георга Гмелина в первой половине XVIII века, которые начали изу-

чать вопрос численности аборигенного населения, в том числе кочевников-бурят.

Через сорок лет, в 1772 году в ходе новой «Физической академической экспедиции Палласа», прибыли в Иркутское наместничество Петр Симон Паллас и Иоганн Готлиб Георги, которые составили и издали обширные материалы по истории, этнографии, религии, обрядам бурят. Случилось так, что Георги был прикомандирован к экспедиции Палласа чуть позже, поэтому он, находясь со своим отрядом на маршруте исследования, также провёл перепись бурят. Имея данные о численности бурятского населения из двух достоверных источников, хронологически относящихся к одному времени, можно с высокой долей достоверности выявить фактическое состояние демографической ситуации среди кочевников-бурят во второй половине XVIII века.

Основываясь на данных Палласа, третьей ревизии, М. Н. Богданов указывал, что в 1766 году в Селенгинском округе числилось душ мужского пола по родам: харанут – 987, чернорут (чиной) – 249, олзон – 193, бабайхурамши – 185, бумал-готол – 235, алагауй – 172, всего 2021 душа мужского пола. Данные у Палласа по монгольским родам следующие: цонгол – 1484 (у Георги – 995 душ мужского пола), ашебагат – 832, табангут (три рода) – 865, сартул – 813, атаган – 1172, хатагин – 315, подгородный – 232. Всего монголов в Се-

ленгинском округе 5713, вместе с бурятами 7734 души мужского пола. При описании родов Палласом пропущены узоны, которых у Георги 34 души мужского пола. В общем итоге у Палласа 7734, а у Георги – 7137 душ мужского пола.

Согласно сводным данным 1766 года, общая численность бурят составляла 38 501 душа мужского пола, в том числе в Добайкальской Бурятии 19 734, в Забайкальской Бурятии – 18 767, в том числе хоринских – 11 033, селенгинских бурят и монголов – 7734.

В то же время и Паллас, и Георги отмечали, что приведённые показатели являются, скорее всего, неполными, возможно, отдельные роды не были учтены. Георги, обосновывая неизбежную погрешность, основываясь на своей практической работе, предполагал, что регистрацию прошла только треть бурятского населения, общая численность которого могла выразиться в 115 тысячах душ мужского пола [1, с. 80–82, 218].

В представленном плац-майором Василием Налабородиным в Селенгинскую воеводскую канцелярию материале имеются данные о переписи 1766 года по Селенгинскому ведомству. Там приводятся данные по численности селенгинских бурят по родам в Селенгинском дистрикте в 1750 и 1766 годах. Численность бурят мужского пола показана в таблице [6, с. 92].

Численность бурят мужского пола в Селенгинском дистрикте в 1750 и 1766 гг.

Название родов	1750 г. (всего)	1766 г.		
		ясачных	казаков	всего
Цонгольский	1457	955	529	1484
Ашехабацкой	895	404	702	1106
II Табунуцкой	167	103	122	225
III Табунуцкой	360	276	249	525
Сартоловской	847	600	395	995
I Табунуцкой	332	242	168	410
Атагановской	1325	867	652	1519
Подгородной	392	218	247	465
Хатаинов (хатагинов)	292	212	203	415
Харануцкой	549	693	133	826
Черноруцкой (черноруцкой-шоно уруг)	221	195	127	322
Олзоновский	174	150	92	242
Бабаевской и Хурамшинской	134	159	56	215
Бомолской и Гутулской	209	214	54	268
Алагуевской	170	131	97	228
Харануцкой по Чикою	112	161	–	161
Галуцкой (входил в Подгородной род)	?	?	?	?
Узенов	54	34	10	44
I Черноруцкой	267	307	–	44
II Черноруцкой	235	324	–	324
Абазаевской	260	266	–	266
Сборный	375	263	13	266
Итого	8827	6564	3849	10 413

Разница в количестве селенгинских бурят у Палласа (7734 душ мужского пола) и Налабородина (10 413 душ мужского пола) объяснялась тем, что Паллас не учёл бурят, зачисленных в Забайкальское казачье войско. Приводя эти данные, подтверждая достоверность данных Василия Налабородина, Г. Н. Румянцев почему-то общую численность селенгинских бурят определяет в количестве 52 тысяч человек обоего пола. Непонятно, почему при 10 413 душах мужского пола общая численность населения будет равняться 52 тысячам.

Через сорок лет, в 1806 году, для «Санкт-Петербургского журнала» был составлен «Табель о числе ясачных», в котором количество всех бурят определено как 58 767 душ мужского пола, причём отмечалось, что «щёт сей весьма не верен, и можно полагать безошибочно, что и тогда (т. е. в 1766 г.) их было несравненно больше, теперь же (т. е. в 1806 г.) считают их до 60 000» [1, с. 218].

Таким образом, по приведённым данным число бурят за сорок лет (с 1766 г. по 1806 г.) увеличилось, с определённой долей погрешности, более чем в полтора раза.

В XIX веке численность селенгинских бурят также подверглась социологическому описанию и анализу царской администрацией. По архивным источникам в 1830 году в восемнадцати селенгинских родах числилось 19 787 душ обоего пола [5, с. 149]. В 1831 году подлежало налогообложению 8508 ревизских душ [3, л. 53], (душ мужского пола), в 1833 году – 8506 ревизских душ [3, л. 185]. В 1850 году по статистическим данным в Селенгинском ведомстве насчитывалось кочующих инородцев 21 302 чел. (в том числе 10 960 мужчин, 10 342 женщины), оседлых инородцев 300 (149 мужчин, 151 женщина), крещёных инородцев 442 (257 мужчин, 185 женщин), всего 22 044 чел., в том числе 11 366 мужчин, 10 678 женщин [3, л. 50].

В этих же данных за 1850 год указывается, что селенгинские буряты имели 4096 деревянных юрт, 4220 войлочных юрт.

Таким образом, за двадцать лет численность селенгинских бурят увеличилась на 2257 чел., т. е. примерно на 11,4 %.

Несмотря на возможные ошибки и неточности в учёте населения за эти годы, данные показатели прироста населения являлись явно недостаточными.

Спустя ещё почти два десятилетия, в 1868 году количество селенгинских бурят выглядело следующим образом. Кочующих бурят числилось 25 684 (12 653 мужчины, 13 031 женщина), оседлых и крещёных бурят 1162

(585 мужчин, 577 женщин), итого 27 081 (13 408 мужчин, 13 673 женщины). В двадцати одном уже теперь роде числилось 4976 деревянных, 50707 войлочных юрт [3, л. 76]. За прошедшие восемнадцать лет население инородцев округа увеличилось на 5037 чел., что прямо свидетельствует о невысокой рождаемости, большой смертности и слабых миграционных процессах в регионе.

Спустя ещё примерно около двух десятилетий, на 1 января 1887 года население ведомства Селенгинской степной думы составляло: кочевых инородцев – 28 961 (14 536 мужчин, 14 426 женщин), оседлых и крещёных инородцев 1202 (605 мужчин, 597 женщин), потомственных почётных граждан из инородцев 187, в том числе мужчин 95, женщин 92, лам – 93 мужчины. Следовательно, общее число населения в 1887 году составило 30 162 чел. [4, л. 7].

В 1897 году, через десять лет, в годовом отчёте Селенгинской степной думы население составляло всего 33 265 душ, в том числе мужчин 16 760, женщин 16 505 душ [3, л. 28].

О том, насколько неполны и несовершенны годовые отчёты Селенгинской степной думы, показывает их сравнение с данными комиссии Куломзина за тот же год. В Селенгинском округе наличного населения имелось: кочевых инородцев – 45 491 чел., в том числе мужчин – 22 164 770, женщин – 22 721, оседлых инородцев – 1794, из них мужчин – 893, женщин – 901. В Селенгинском и Троицкосавском округах насчитывалось казаков-инородцев всего 21 462 чел., из них мужчин – 10 773, женщин – 10 699. Таким образом, всех селенгинских бурят в 1897 году было 68 747, в том числе 34 436 мужчин, 34 321 женщина [2, с. 340–358].

Если сравнить эти данные с данными 1830 года (возможно, в том году в число указанных душ не вошли казаки), то увеличение за неполных 70 лет с 19 787 до 68 747 душ обоего пола составило почти в три с половиной раза. Если же из данных 1897 года исключить количество казаков, и то увеличение составляет почти в 2,4 раза. Поэтому указанные цифры, особенно годовые отчёты Селенгинской думы представляются явно неполными, тогда как материалы комиссии Куломзина, несмотря на указывавшуюся впоследствии исследователями неполноту, являются более близкими к истине.

Г. Н. Румянцев приводит следующие данные о количестве селенгинских бурят по родам и месту жительства по переписи 1897 года с поправками на 1912 год по работе С. Патканова [6, с. 94–97].

1. Селенгинско-харанутский – 3012 чел.; жили по речкам Иволге (десятки: Шаралдайский, Буянский, Хошкеринский), Оронгою (Оронгойский десяток), Гильбире (Буянско-Абаганатский, Средне-Оронгойский десяти), Жаргалантуйское урочище при речке Убукуне (Буянский и Абаганатский десяти), Тохойское урочище при речке Убукуне (Жаргалантуйско-Буянский десяток), урочище Сутой при реке Селенге (Жаргалантуйско-Буянский десяток), Загустайское урочище при оз. Гусиное (Загустайский десяток).

2. Бабай-хоромчиевский – 857 чел., в урочищах Билютае, Селенгинском и Шебертуе по реке Селенге, в урочище Усть-Иволга при реке Иволге (десяток Селенгинский), в урочищах Боро-Губей, Оронгой, Харган, Очир-Буланское, Кундулуп и Шебертуй по реке Иволге (Иволгинский десяток).

3. 1-й чернорудской – 1417 чел., в Гильбиринском урочище при речке Гильбире и в урочище Нижне-Оронгойском (Чернорудской десяток), в урочищах Оронгойском и Харганатском (Абазаевский десяток).

4. Олзонов – 1047 чел., в урочищах Загустайском на Гусином озере, Тоенском и Бурга-стайском (Загустайский десяток), в урочищах Убукун-Харганатском Нижне- и Верхне-Оронгойском (Оронгойский десяток).

5. Бумал-готульский – 1749 чел., в урочищах Оронгойском, Иволге (Иволгинский десяток), Букун-Жаргалантуй, Букун-Тохойском при реке Убукуне, Сутойском, Бурга-стайском, Зуе и Загустайском (Зуйский десяток), в урочищах Караульно-Лугском, Шоно и Няньгинском на р. Селенге и в урочище Тамча при реке Темнике (Няньгинский десяток).

6. 2-й атаганов – 969 чел., в урочищах Ацайское, Загустай, Тамчинское, Чикойско-Баранье-Лугское (Ацайский десяток).

7. Хатагинов – 1047 чел., в Энхорском урочище при реке Джиде, в Тамчинском, Харахайском и Судутуйском урочищах при реке Темнике (Тамчинский десяток), в урочищах Иринском, Орбонтуевском, Цагангольском и при реке Иро, в Темницком и Ацульском урочищах при реке Темнике (Иринский десяток).

8. 2-й Селенгинско-харанутский – 559 чел., в урочищах Селенгинский Энхор при реке Селенге и Тамчинском при реке Темнике (Абаганатский десяток), в урочище Баранье-Лугском при реке Чикое и Энхорском на реке Джиде (Абаганатский и Харанутский десяти).

9. Узонов – 148 чел., урочище Тамчинское при реке Темнике, урочище Няньгинское при реке Селенге (десятки неизвестны).

10. Подгородный – 859 чел., урочище Тамчинское, Темнинское, Судутуй и Ацульское на

реке Темнике, урочища Селенгинское и Муртуйское на реке Селенге (десяток Тамчинский).

11. 1-й сартолов – 2109 чел., урочища Баин-Гол, Бургултай при реке Бургултае (Бургултайский десяток), урочища Нижне- и Верхне-Нарынское и Нарын при р. Нарыне, урочища Нижне- и Верхне-Гигетуй при реке Гигетуе (Гигетуйский десяток), урочище Цагатуй при реке Цагатуе, урочища Нарын Ичетуйское, Верхне-Бон, Средне- и Нижне-Ичетуй, Гьдзэга при реке Ичетуе (Ичетуйский десяток).

12. 2-й сартолов – 2511 чел., урочище Торейское при реке Торее (Торейский десяток), урочище Алцак при реке Алцаке и урочище Хатхолдочи при реке Хатхолдочи (Алцакский десяток), урочище Укыр-Челон при реке Бургултае (Бургултайский десяток).

13. 1-й табангутский – 633 чел., урочища Ичетуй и Нижне-Ичетуй при реке Ичетуе (Ичетуйский десяток), урочища Верхне- и Нижне-Цагатуйское при реке Цагатуе (Цагатуйский десяток).

14. Алагуевский – 1064 чел., урочища Инзагатуйское и Халгатуйское (Инзагатуйский десяток), урочище Жаргалантуй (Жаргалантуйский десяток), урочища Иринское и Иринское-Урме при реке Иро (Иринский десяток).

15. Иринско-харанутский – 1197 чел., урочища Иринско-Борогонское, Ирнское, Самхакское при реке Иро (Иринский десяток), урочища Урминское, Илигинское и Удунгинское на реке Темнике (Темникский десяток).

16. 1-й атаганов – 1998 чел., урочища Дабхурское и Боргойское при реке Боргое (Дабхурский десяток), урочище Тасурхаевское на реке Джиде (Тасурхаевский десяток), урочище Ходагинское у реки Ходага (Ходагинский десяток), урочища Дырестуйское на реке Джиде, Балык-Кундуйское и Нижне-Энхорское (Дырестуйский десяток), урочища Джидинско-Талайское при реке Джиде, Билютайское (Джидинский десяток), урочище Гужирское у реки Селенги и урочище Дюрбенское (Гужирский десяток), урочище Энхорское при реке Джиде (Энхорский десяток).

17. Цонголов – 3713 чел., урочище Эдуйское (Харлунский, Унигитуйский и Эдуйский десяти), урочище Ноеханское при реке Хилке (Ноеханский десяток), урочища Хилокское, Тагалцарское и Мангируйское (Тагалцарский десяток), урочище Ара-Харлунское (Эдуйский десяток), урочище Улентуйское при реке Чикое (Эдуйский, Харлунский и Куретский десяти), урочища Харабусунское, Мурочинское и Киретуйское (Киретуйский десяток), урочище Тамирское при реке Тамире (Киретуйский и Хамнигадайский десяти), Салкиту-Мухорское,

Хамнигадайское при реке Хамнигадай, Кударинское при реке Кударе, Дунжойское урочище (Хамнигадайский десяток), Ацайское урочище при оз. Гусиное (Хамнигадайский и Киретский десяти).

18. Ашебагатский – 2363 чел., урочища Кударинское и Киран-Цайдамское (Кударинский десяток), урочище Алцагатское (Шазагайский десяток), урочище Усть-Тамирское при реке Киреть (Торминский десяток), урочище Ара-Киретское у реки Киреть (Ара-Киретский десяток), урочище Осинское (Дунжойский и Сагановский десяти), урочище Жиндоконское у реки Жиндо (Жиндоконский десяток), урочище Шазагайское у реки Шазага и Ханчун (Шазагайский десяток).

19. 3-й табангутский – 1196 чел., урочища Бацинское и Хайрату-Дабанское у реки Чикой (Закуйский десяток), урочища Ондолинское и Ара-Закуйское при реке Чикой (Ондолинский десяток), урочища Цанкирское, Усутуйское и Чикойское при реке Чикое (Харьякский десяток), урочища Субуктуй и Арман-Суджий (Субуктуйский десяток).

20. 2-й Табангутский – 289 чел., урочища Больше- и Ара-Суджийское, Субукто-Тукомское, Хоронхойское у реки Селенги (десятки неизвестны).

21. 2-й чернорудской – 549 чел., урочища Удунгинское у рек Темника и Удунги (Удунгинский десяток), урочище Темникское у реки Темника (Темникский десяток).

22. Чикойско-харанутский – 862 чел., урочища Верхне-, Средне- и Нижне-Шаральджинское при речках с тем же названием (десятки неизвестны).

Кроме названных выше групп, С. Патканов упоминает ещё о 682 чел. в составе Селенгинской степной думы, родовая принадлежность которых не определена, осталась также неизвестной родовая принадлежность 686 чел. Цонгольской инородной управы.

Буряты-казаки были расселены по следующим станицам:

1. Ара-Киретская (по рекам Кирети, Хилку, Мухору, Окинке, Эдую, Чикою, Бичуре) – 1732 человека.

2. Боргойская (по рекам Джиде, Боргою, Иро, Удунге, Темнику) – 2663 человека.

3. Гигетуйская (по рекам Гигетую, Бургултаю, Нарыну, Цагатую, Ичетую, Торею) – 3525 чел.

4. Селенгинская (по рекам Хилку, Чикою, Селенге, оз. Гусиное, Загустаю, Убукуну) – 2345 чел.

5. Харьяская (по рекам Чикою, Селенге, Субактую, Должингою) – 2152 чел.

6. Янгажинская (по рекам Гильбире, Убукуну, Оронгою, Селенге и Иволге) – 1525 чел.

Таким образом, на протяжении всего периода XVIII–XIX веков статистические данные, полученные из разных источников, несмотря на некоторые противоречия между собой и известную приблизительность, уверенно показывают устойчивый рост численности всего бурятского населения и селенгинских бурят в частности. Это значит, что царской администрации удалось создать на приграничных территориях Забайкалья для инородческого населения достаточно приемлемые условия повседневной жизни и хозяйствования.

Источники и литература

1. Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа: с доп. ст. Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина / под ред. и с предисл. Н. Н. Козьмина. – Верхнеудинск: Бурят-Монгольское изд-во, 1926. – 229 с.

2. Высочайше учреждённая под председательство статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области // Материалы, статистические данные (итоговые таблицы). – СПб., 1898. – Вып. 3.

3. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 53.

4. ГАРБ. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 676. – Л. 7.

5. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа: очерки. Кн. 1. От XVII в. до 60-х годов XIX в. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 242 с.

6. Румянцев Г. Н. Селенгинские буряты (Происхождение и родоплеменной состав) // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1965. – Вып. 2.

УДК 27(571.55)

ББК 3372-647(253.57)

Андрей Викторович Филимонов,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия,

e-mail: a. v. filimonov@mail.ru

Миссионерская деятельность старца Варлаама

В статье анализируются документы из фондов государственного архива Иркутской области и Забайкальского края, посвящённые отдельным страницам миссионерской деятельности старца Варлаама. Отмечается, что основными из них являются архивные документы, главным образом, Государственного архива Забайкальского края. В то же время существуют и иные источники, такие как статистические сборники. В статье отмечается, что миссионерская деятельность православных монастырей Забайкалья, в частности, Чикойского Иоанно-Предтеченского мужского заштатного монастыря требует дальнейшего серьёзного изучения.

Ключевые слова: православные монастыри, православная миссия, старец Варлаам, скит, пустошь, монашествующие, Чикойский монастырь, Забайкалье

Andrey V. Filimonov,

Transbaikal State University,

Chita, Russia,

e-mail: a.v.filimonov@mail.ru

The Missionary Activity of the Elder Barlaam

The article analyzes the documents from the state archive of the Irkutsk region and the Transbaikal territory devoted to individual pages of the life of the missionary activity of the elder Varlaam. It is noted that the main of them are archival documents, mainly the State archive of the Transbaikal territory. At the same time, there are other sources such as statistical compilations. The article notes that the missionary activity of the Orthodox monasteries of Transbaikalia, in particular, the Chikoi Ioanno-Predtechensky male provincial Monastir requires further serious study.

Keywords: Orthodox monasteries, Orthodox mission, elder Varlaam, skete, wasteland, monastics, Chikoy monastery, Transbaikalia

Миссионерская деятельность старца Варлаама находила определённое освещение в научных исследованиях, однако, на сегодняшний день, на наш взгляд, данная проблематика изучена недостаточно. Данные о миссионерстве Варлаама можно найти в источниках. Прежде всего, это архивные документы, такие как рапорты настоятелей монастыря епархиальному начальству, рапорты архиепископов Иркутских, Забайкальских и Нерчинских в Святейший Синод. Императорские указы, касающиеся регламентации жизни и управления. Это документация о настоятелях, о братии и послушниках монастыря. В основной своей массе они касаются административных и хозяйственных вопросов. Часть материалов касается миссионерской деятельности монастыря.

Использовавшиеся при написании работы архивные документы представляют собой материалы Государственных архивов городов Читы и Иркутска [1–7]. Они носят отчётный ха-

актер и не всегда объективны, поскольку были призваны показать с лучших сторон собственные достижения перед вышестоящим церковным начальством. Небезупречны сведения о привлечении в единоверие старообрядцев и иноверцев. Для такой огромной территории, как Верхнеудинский округ, приведённые цифры явно малы.

Из публикаций можно назвать книгу архимандрита Мелетия «Пустынный Варлаам», изданную в 1912 году [14]. В ней описывается жизнь строителя и первого настоятеля монастыря Варлаама, даётся материал, в основном, о первых десятилетиях существования обители. В данной книге приведены интересные сведения, но они при детальном изучении часто расходятся с архивными данными.

Помимо этого существует комплекс работ, связанный с косвенным упоминанием об обители. Это «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и суще-

ствующих монастырях и примечательных церквях России», изданное в 1852 году [17, с. 29–32], «Описание монастырей, соборов, церквей и часовен» епископа Мартиниана 1871 года [15, с. 72].

Имена настоятелей монастыря, а также священнослужителей церквей окрестных деревень, имеются в памятных книжках Забайкальской области за разные годы. Эти источники носят справочный характер.

Перечисленные источники и публикации несут в себе разрозненную информацию и дополняют друг друга лишь отчасти. Данные документов, отчётов и книг не всегда совпадают. Целостное их изучение позволяет выстроить чёткую, последовательную картину миссионерской деятельности монастыря.

Следует отметить некоторые публикации Е. В. Дроботушенко, в которых говорится как об истории Чикойского монастыря, который старец Варлаам основал, так и отчасти о его миссионерской деятельности [13–17 и др.].

В разработке темы использовались этнографические материалы. Так как монастырь был разрушен в двадцатые годы XX века, до настоящего времени живы свидетели его существования. Информаторы предоставляют данные о служителях культа и послушников монастыря, но глубже начала XX века их сведения не проникают.

На основе письменных источников и результатов полевых исследований возможна попытка обобщения и анализа всего комплекса материалов по миссионерской деятельности старца Варлаама и братии монастыря.

Основатель монастыря и первый его настоятель старец Варлаам родился в 1774 году в Нижегородской губернии, селе Маресево, Лукьяновского уезда. Мирское его имя – Василий Федотович Надежин [14, с. 6]. В 1811 году Василий Федотович в возрасте 37 лет покидает село Маресево. В том же году он появляется в Киево-Печерской лавре в качестве богомольца. В связи с тем, что он не имел при себе никаких документов, был арестован и осуждён к ссылке на поселение в Верхнеудинский округ. Некоторое время он проводит в Кяхте и окрестных селениях, работая по найму в должность трапезника (сторожа) при церквях Урлукской волости. В Кяхте Надежин знакомится с отцом Аэтием Разсохиным. Именно по совету последнего он решает стать пустынножителем. В 1820 году В. Ф. Надежин покидает обитаемые места [14, с. 25]. Место, куда он удался, некоторое время именовалось пустошью, как среди народа, так и в церковных документах. О существовании пустоши и пре-

бывании там пустынножителя Василия ничего не было известно до 1825 года.

В настоящее время, среди местного населения села Урлук существует предание, согласно которому старец Варлаам первое время жил в пещере. Существует документальное подтверждение этому в ведомости Предтече-Горского Чикойского скита «О церквях, утвари и живущих» за 1831–1832 годы. За номером семь «Пещера с деревянной крышей, в которой прежде жил Варлаам» [7, л. 1].

Живя в пещере, В. Надежин поддерживает связь с жителями Урлука – Лушниковым и Голдановки – Макаровым, об этом упоминает Мелетий [9, с. 8–9]. С 1826 года на месте пустоши на основе общих религиозных воззрений насельников образуется община где Василий Надежин проповедует официальное православие и идею пустынножительства, занимается переписыванием церковных книг.

Поводом к официальному признанию монастыря послужило в большей степени то, что православное население Урлукской волости было перемешано с раскольниками, их число в 1827 году называлось более 4000 чел., а вдоль границы с Китайской Монголией были разбросаны многочисленные кочевья бурят-ламаистов [4, л. 2]. Нередко в окрестной тайге встречались кочующие группы охотников-тунгусов. Такое смешение население представляло определённую опасность для православия, и Чикойский скит представлял собой хороший плацдарм для миссионерской деятельности. Людей же, способных заняться такой деятельностью, находилось мало, упоминаются присланные из Костромской губернии игумен Израиль и иеромонахи Нифонт и Досифей [14, с. 31]. По распоряжению архиепископа Иркутского Михаила Надежину предлагается принять монашество с наречением имени Варлаам, с вменением в обязанности миссионерского служения.

К 1831 году число келий для братии скита уже насчитывало 11, число поселенцев увеличивается до 12 чел. [3, л. 1]. При освещении в 1831 году Иоанно-Предтеченской церкви архиепископом Иринеем упоминается, что цель скита – обращение в православие монгол. Тогда же высказывается идея о совершении богослужения на монгольском языке, для чего требуется обрести сподвижника, знавшего в совершенстве монгольский язык [4, л. 44].

Попытки перевода богослужебных книг на монгольский язык предпринимались и до 1830 года. В Хоринском бурятском ведомстве переводом Священного писания на монгольский язык занимались английские миссионе-

ры. В то же время в епархиальном ведомстве и в семинарии были и свои знатоки монгольского языка. Протоирей Иркутской епархии Александр Боровников составил грамматику монгольского языка. В 1822 году в духовной семинарии введено преподавание на монголо-бурятском языке. На монгольский язык Игумновым Александром Васильевичем переведено Евангелие всех четырёх евангелистов. Однако, все издания переведённых трудов и словаря монгольского языка не нашли применения на практике. Проповеди на этом языке не читались [14, с. 22].

Усилия Ириней ввести монгольский язык для ведения служб в Чикойском ските также остались безрезультатными. Произошло это в связи со смертью архиепископа. После него подобные попытки не предпринимались.

Освещение церкви и устройство скита на законном основании было принято архиепископом на условии ведения Варлаамом миссионерской деятельности, Варлааму предписывались правила, которым необходимо следовать, и с начала тридцатых годов он ведёт проповеди, как в Иоанно-Предтеченской церкви, так и в церквях окрестных деревень.

В это время скит всё чаще посещается старообрядцами из окрестностей. В 1831 году Варлаам крестил в пустоши 29 чел. [4, л. 3]. Тогда же обращена в православие бурятка Кубунь Шэбохина с именем Анастасия. Упоминание об этом случае имеется и у Мелетия и в рапорте Ириней в Священный Синод. Этим же рапортом Ириней просит переименовать скит в заштатную пустошь и просит на её содержание ежегодное финансирование [Там же, л. 8].

В ответ на рапорт архиепископа Ириней Святейшим Синодом обращается внимание на необходимость миссии в Забайкалье для обращения в православие бурят и отпавших от веры раскольников. 18 июня 1833 года, указом Государя императора, в ответ на доклад Обер-прокурора Синода учреждено жалованием из казны несколько бесприходных миссионерских общин, с тем, чтобы миссионеры занимались проповедью слова Божьего. В план миссионерства входил и Чикойский скит [14, с. 12].

В конце 1830-х годов происходит усиление миссионерской деятельности Варлаама, в большей степени это связано с появлением на престоле епископа Иркутского Преосвященного Нила. По прибытию в Иркутск Нил сразу же поднимает вопрос об обращении раскольников в православную веру, занимается устройством единоверческих церквей в Верхнеудинском округе, в Урлукской, Тарбогатайской, Мухоршибирской и Куналейской волостях.

Старообрядцы окрестных деревень к 1840-м годам достаточно доверяли старцу Варлааму и позволяли крестить своих детей, крестились и взрослые.

В отношении миссионерской деятельности Варлаама архиепископ Нил поручает ему посетить раскольничьи селения вместе со священником единоверческой Архангельской церкви села Савичи Симеоном Бердниковым. В 1839 году Варлаам стал благочинным единоверческих церквей. К 1844 году единоверческих церквей по Чикое стало более 10.

Помимо установления единоверия в Урлукском приходе, Варлаам сотрудничал с архимандритом Даниилом в установлении единой веры в Куналейской, Тарбогатайской, Мухоршибирской волостях. В Куналейской волости учреждён единоверческий приход в селе Бичура. При посредничестве Варлаама открыт приход в селе Тарбогатай.

Деятельность Варлаама пошла на убыль в связи с его болезнью в 1845 году. В январе 1846 года, несмотря на болезнь, он совершил миссионерскую поездку по селениям Урлукской волости, после чего его состояние значительно ухудшилось.

23 января 1846 года Варлаам скончался в присутствии братии монастыря, которая на тот момент составляла вместе с настоятелем четыре человека.

В Чикойской обители Варлаам находился в течение 25 лет. Подводя итог его миссионерской деятельности, необходимо отметить, что к 1848 году в единоверческом приходе на Чикое состояло 11 сёл, число дворов в которых колебалось от 60 до 100 [9, с. 46]. Усилиями Варлаама и его сподвижников с начала 1830-х годов растёт число детей раскольников, крещёных в официальной церкви, увеличивается число бурят, принявших христианство. Благодаря стараниям миссионера по обращению раскольников в единоверие, по указу епископа Иркутского в Урлукскую волость направлены священнослужители – Иоанн Иров, Иоанн Богданов и Симеон Бердников и др.

Монастырь был окончательно разрушен в начале 1930-х годов. Но в последние десятилетия в связи с общей тенденцией возвращения к православию и духовности предпринимаются попытки возрождения Чикойского монастыря. Преподобный Варлаам Чикойский в 1984 году прославлен в Соборе Сибирских святых.

Исследование миссионерской деятельности Варлаама нельзя назвать полным, так как некоторые страницы его жизни не нашли отражения в доступных письменных источниках. Некоторые отрезки дополняются воспоминаниями современников.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 967.
2. ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 1451.
3. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 50. – Оп. 1. – Д. 1003.
4. ГАИО. – Ф. 50. – Оп. 1. – Д. 3981.
5. ГАИО. – Ф. 50. – Оп. 1. – Д. 4914.
6. ГАИО. – Ф. 50. – Оп. 1. – Д. 4999.
7. ГАИО. – Ф. 50. – Оп. 1. – Д. 5060.
8. Дроботушенко Е. В. Благоприятность православных монастырей Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарный вектор. – 2009. – № 4. – С. 67–71.
9. Дроботушенко Е. В. Единоверие в Восточном Забайкалье: особенности исторического развития и проблемы изучения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6, ч. 1. – С. 58–62.
10. Дроботушенко Е. В. Православные монастыри Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Чита, 2001. – 223 с.
11. Дроботушенко Е. В. Роль православных монастырей в развитии системы образования Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в. // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. – 2009. – № 3. – С. 87–93.
12. Дроботушенко Е. В. Численный состав монашествующих и послушников православных монастырей Забайкальской Епархии во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарный вектор. – 2009. – № 2. – С. 94–102.
13. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12. Восточные окраины России. Восточная Сибирь / под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1895. – Ч. 1. – 390 с.
14. Мелетий. Пустынный Варлаам, основатель Иоанно-Предтеченского скита на границах Китайской Монголии, в Чикойских горах за Байкалом: эпизод из истории рус. правосл. миссионерства в Сибири // [Соч.] Архим. Мелетия. – 4-е изд. – Рязань: Тип. Братства св. Василия, 1901. – 63 с.
15. Мартиниан. Описание монастырей, соборов, церквей и часовен. Составленное Преосвященным Мартинианом (Епископом Селенгинским). – Иркутск: Тип. Н. Н. Синицына, 1871.
16. Памятная книжка Забайкальской области. – Чита: ЧитОУНБ, 1863.
17. Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. – М.: Университетская тип., 1852. – 614 с.

УДК 94

ББК ТЗ(2)521.2

Алексей Владимирович Мясников,

Государственный архив Забайкальского края,

г. Чита, Россия,

e-mail: avmyasnikov@mail.ru

Организация охраны Карийских золотых приисков

В статье на основе неопубликованных материалов Государственного архива Забайкальского края рассматривается история службы охраны на Карийских золотых приисках. Особое внимание уделено борьбе с незаконной добычей золота, порядку несения конвойной службы, созданию полиции и казачьих отрядов.

Ключевые слова: Забайкалье, Карийские золотые прииски, служба охраны приисков

Alexey V. Myasnikov,

State Archive of Zabaykalsky Krai,

Chita, Russia,

e-mail: avmyasnikov@mail.ru

Organization of Protection of the Karian Gold Mines

The article on the basis of unpublished materials of the State archive of the Trans-Baikal territory examines the history of the security service at the Kari gold mines. Special attention is paid to the fight against illegal gold mining, the order of convoy service, the creation of police and Cossack units.

Keywords: Transbaikalia, Karian gold mines, mine security service

Золотые промыслы, существовавшие на речке Каре с 1838 года, были одними из самых богатых и знаменитых приисков Забайкалья. Они были известны как место каторги, где отбывали наказание уголовные и политические заключённые. Поэтому Кабинет Его Императорского Величества, которому принадлежали Карийские прииски, уделял особое внимание их охране.

С первых лет существования Карийских приисков на них несли службу солдаты Сибирского линейного батальона № 15. Он был создан специально для охраны Нерчинских заводов в 1771 году и изначально назывался Нерчинским горным батальоном. В 1777 году Екатерина II утвердила герб батальона, на котором были запечатлены символы горного дела Даурии – рудоискательная лоза, два серебряных и один золотой штуч. С 1849 года батальон квартировался в Шилкинском Заводе, в 35 верстах от Карийских промыслов.

Его солдаты конвоировали арестантов, обеспечивали порядок на промыслах. Во время земляных работ стража располагалась по бортам разреза. Солдаты попарно занимали места, откуда хорошо просматривался вся выработка и прилегавшие к ней участки. В 1848 году капитан генерального штаба Заборинский, посетивший Кару, предложил изменить расстановку солдат. Он настаивал на том, чтобы солдаты стояли не попарно, а по одному. По бокам разреза должен был стоять усиленный караул. Предполагалось, что из подобного оцепления побег будет затруднителен. Идею Заборинского начали внедрять в повседневную практику с июля 1850 года [8, л. 781–785].

На конвоирование каторжных ежедневно направлялось не менее 70 пеших рядовых. Во время таких переходов арестанты предпринимали попытки к бегству. Поэтому в 1849 году конвой пополнился конными стражниками [7, л. 519]. В июне того же года на Верхне-Карийском промысле заключённые попытались бежать, сделав подкоп под стеной тюремного здания. Стремясь не допустить повторения подобных инцидентов, управляющий Шилкинским округом капитан Габриель приказал военным тщательней следить за тюрьмой и просил у начальника Нерчинских заводов прислать дополнительный воинский контингент [Там же, л. 504].

В июне 1850 года Верхне-Карийский отряд Сибирского линейного батальона № 15 состоял из 1 обер-офицера, 9 унтер-офицеров, 1 музыканта и 123 рядовых [8, л. 911, 912]. Кроме того, на Верхнем промысле несли службу 14 казаков и 7 десятников. На Нижнем промысле порядок обеспечивали 25 казаков и

5 полицейских десятников. Казакам и десятникам полагались карабины, пистолеты, пики и сабли [8, л. 687]. Однако лошади у них должны были быть свои.

К концу 1850 года воинский контингент Карийских промыслов был усилен двумя казачьими отрядами, сопровождавшими партию заключённых. Один отряд состоял из 10 казаков и 1 урядника, а другой – из 15 казаков и 2 урядников. Все казаки, служившие на приисках, находились в прямом подчинении у Разгильдева.

В их обязанности входило поддержание порядка, разъезды по разным поручениям. Основной же обязанностью служивых была поимка беглых каторжан. Начальство приказывало казакам беспрестанно ездить по лесам и сёлам, искать тропы беглецов, обыскивать дома, где преступники могли спрятаться. В случае сопротивления беглых казаки имели право стрелять на поражение.

Наряду с военными порядок на приисках поддерживали пользовавшиеся доверием начальства горные служители. Они, как правило, охраняли амбары, склады, смотрели за рабочими.

Сибирский линейный батальон № 15 не только охранял прииски, но и принимал активное участие в амурских сплавах Н. Н. Муравьева. В 1859 году его переименовали в Восточно-Сибирский линейный батальон № 4 и перевели в Приморье [10, с. 207].

После передислокации Сибирского линейного батальона охрану порядка на Каре обеспечивали казаки 2-го пешего батальона Забайкальского казачьего войска. Батальонный штаб и его 4 сотня располагались на Нижне-Карийском промысле. Пешие казаки несли службу на Каре посменно. Каждый год 1 января один состав воинской команды заменялся другим и возвращался на место службы только через два года [1, с. 207]. Казаки на Каре поступали в непосредственное распоряжение заведующего нерчинскими ссыльнокаторжными. В 1870 году военный губернатор Забайкальской области Н. П. Дитмар приказал занимавшему эту должность майору Михаилу Семеновичу Загарину взять в свои руки управление полицейскими делами в селении Усть-Карийском, а также на участках: Лунжанском, Верхне-Карийском, Средне-Карийском и Нижне-Карийском [6, л. 1–3]. Загарин решил переселить из вверенных ему промысловых посёлков всех сельских обывателей, водворить их на новом месте и не допускать к ним поселенцев, богадельщиков и каторжан. Возможно, таким способом он хотел обеспечить лучший

контроль за людьми. Но осуществить задуманное ему не удалось. Его сменил Владимир Осипович Кононович – рассудительный, гуманный и образованный офицер. В 1873 году он просил назначить на Карийские прииски полицейского чиновника. С ноября того же года заведующим земско-полицейской частью Карийских промыслов был назначен коллежский секретарь Черняев. Отработав на этой должности более года, он пришёл к выводу, что для успешной работы полиции необходимо минимум 8 казаков и один грамотный расторопный урядник. В 1875 году была введена должность карийского полицмейстера. Первым её занял упомянутый Черняев. Он напрямую подчинялся заведующему ссыльнокаторжными и получил в помощь 9 конных казаков.

В 70-е годы XIX столетия Кару оберегали казаки сводного батальона, названного по месту дислокации Карийским. В 1875 году в нём служило свыше 700 казаков нижних чинов [5, л. 17].

В зависимости от интенсивности работ, количества занятых на них каторжан менялось и количество казаков, охранявших разрезы и несших конвойную службу. Так, в 1875 году, когда активно велась промывка песков, контингент стражи предполагалось увеличить до 876 человек. В 1877 году горное начальство сочло возможным приостановить работы на три зимних месяца и отпустить по домам до 250 казаков.

С конца 1870-х годов полиция и казачьи команды без устали боролись с хищничеством – тайной промывкой золота. Дело это зародилось почти одновременно с открытием золотоносных россыпей и постепенно приобрело грандиозные масштабы. На Каре им, наверное, не занимались только ленивые и грудные младенцы. Хищничали бродяги, крестьяне, ссыльнопоселенцы и даже каторжане, которые, казалось бы, всегда должны были находиться под бдительным полицейским надзором. Но хищники, накопившие солидный опыт, придумали множество способов скрыться от взоров охраны. Вот как описывал тайный промысел арестантов неизвестный автор, посетивший Кару в 1868 году: «На Среднем стане я имел случай познакомиться с азиатским способом получения золота: 10 ч. в 4 часа утра, прихожу в разрез одновременно с рабочей командой (арестантами), последние, в числе нескольких десятков немедленно вооружаясь лотками и обеденными шайками в рассыпную принялись наполнять их песками из забоев и почвы, в ямах же последней наполненных водой, принялись весьма усердно за промывку; полученное золото каждый складывал в имеющую

при себе тряпку и затем повторялось то же. Операция эта продолжалась не менее часа и прекращалась только с приходом нарядчика» [9, л. 2]. Скупщики, – часто из числа жителей Кары, – приобретали «хищническое» золото по 90 к. за золотник, а потом перепродавали его крупным дельцам по 2 р. 50 к. Золото, порой, выменивали на водку, одежду, еду.

В 1884 году начальник Нерчинского горного округа М. П. Герасимов обратился к заведующему нерчинскими ссыльнокаторжными майору Николаю Андреевичу Потулову с просьбой о содействии в борьбе с этим незаконным промыслом.

Потулов знал, что рейды казаков, полицейские облавы не уничтожат тайный золотой промысел, а только заставят преступников «залечь на дно». «Принимая во внимание, что хищничеством золота на Карийских промыслах занимаются почти все местные крестьяне, что в этом хищничестве участвуют не только мужчины, но и женщины и дети, равно промысловые рабочие и каторжные, а в особенности семейства последних, я нахожу, что для прекращения хищничества необходимо главным образом изменить те условия, благодаря которым держится на Каре этот тайный промысел», – писал он. По его предписанию, всем каторжным, проживавшим вне тюрьмы, было объявлено, что «замеченные в хищничестве золота будут заключены в тюрьму и лишены права проживать вне её до окончания срока работ» [3, л. 4 об.]. Членам семей каторжан, уличённых в тайной промывке золота, Потулов грозил высылкой с Кары. Имевшим дома ссыльнокаторжным он запретил принимать квартирантов, хранить у себя лотки, скребки и другие инструменты для промывки золота. Полицейстеру дал наказ – не менее двух раз в неделю проводить в квартирах и казармах обыски.

На Каре и в её окрестностях, кроме хищников, орудовали спиртоносы, мошенники, шайки грабителей и конокрадов. В конце XIX – начале XX века сюда с верховьев Амура навмывались хунхузы – китайские бандиты. Они вымогали деньги у рабочих, промышленяли разбоем, грабежом, совершали убийства.

Для поддержания порядка на кабинетских приисках Нерчинского округа (в том числе и Карийских) областные власти сформировали специальное подразделение, состоявшее из конно-полицейских урядников и горно-полицейских стражников. Его служащие совершали патрульные разъезды, выявляли случаи незаконной добычи или продажи золота, подпольной торговли вином, спиртом, смотрели за тем, чтобы на промыслах не продавали испорчен-

ные продукты питания. Они же осуществляли надзор за политической благонадёжностью жителей, сопровождали грузы с золотом. Урядники получали содержание 600 р. в год, а стражники – 420 р. Попасть на службу в этот отряд можно было только после проверки на политическую благонадёжность. Кроме того, на Каре для борьбы с хунхузами был создан вооружённый берданами и шашками отряд,

состоявший из 8 русских и 2 китайских вольнонаёмных стражников.

Так полиция, казаки и вольнонаёмные отряды охраняли Карийские прииски вплоть до 1917 года. После Февральской революции приисковая администрация присягнула на верность Временному правительству. Полиция была упразднена, а на приисках пуще прежнего свирепствовали бандиты и хищники.

Источники и литература

1. Вырупаев А. А. Казачья служба на Карийских золотых промыслах // Традиционная культура населения Сибири и Дальнего Востока: изучение, сохранение, популяризация: материалы IV Кузнецовских чтений. – Чита, 2012. – С. 206–211.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1об. – Оп. 1. – Д. 1651.
3. ГАЗК. – Ф. 1об. – Оп. 1. – Д. 2044.
5. ГАЗК. – Ф. 1об. – Оп. 1. – Д. 8016.
7. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 1803.
8. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 1951.
9. ГАЗК. – Ф. 210. – Оп. 1. – Д. 68.
10. Косенков В. А., Мясников А. В. Нерчинский горный батальон // Нерчинский Завод. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 204–208.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(2)521.2(2Рос-4Чит)

Наталья Николаевна Константинова,

Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова,

г. Чита, Россия,

e-mail: asyapogod@yandex.ru

Состояние южного участка забайкальской границы и его охрана во второй половине XIX века

В статье в обозначенных хронологических рамках говорится о географических ориентирах южного участка забайкальской границы с перечислением названий пограничных пунктов (маяков, караулов, пикетов), а также ключевых населённых мест: казачьих станиц и посёлков. Обозначена роль Забайкальского казачьего войска в охране границы, приведены данные о внеслужебных занятиях забайкальских казаков. Отмечена традиция российского и монгольского добрососедства. Показано состояние пограничного охранения со стороны Китая.

Ключевые слова: российская граница, забайкальский участок, пограничная линия, караул, пикет, станица, Забайкальское казачье войско, китайское пограничное охранение

Natalia N. Konstantinova,

Zabaikal regional Museum of local lore A. K. Kuznetsova,

Chita, Russia,

e-mail: asyapogod@yandex.ru

Southern Segment of the Transbaikalye Border and Border Control in the second half of the XIX century

The defined chronological range features geographical coordinates of the southern segment of transbaikalian border with enumeration of names of border guard posts (lighthouses, sentry points, kilometer stones), as well as key populated localities: Cossack villages and settlements. The article also explains the role of Transbaikal Cossack Army in border control and features Transbaikal Cossack's extra service activities. Special attention is drawn to the existing friendliness between the Russians

and the Mongols. The article also gives information on the status of border control from the Chinese side.

Keywords: Russian border, transbaikal segment, border line, sentry point, kilometer stone, village, Transbaikal Cossack Army, border control from the Chinese side

В середине XIX века российскую сухопутную границу в Забайкалье называли «халхасским участком», она сохранялась без изменения со времени заключения Буринско-Кяхтинского договора 1727 года, подтверждённого в 1768 году в Кяхте новым договором, достигнутым И. Кропотовым [7, с. 83]. К этому участку относилась вся южная граница Забайкальской области, от Верхней Джиды до Аргуни у Абагайтуя, длиной 1384 версты. Участок имел крайними точками маяк № 14 на хребте Кызыныкту-Дабага и Абагайтуевский караул. Южная граница в Забайкальской области разделялась на четыре второстепенных участка долиной Селенги, Яблоновым хребтом и течением Онона: от Кызыныкту-Дабага до Селенги – 383 версты; от Селенги до Яблонового хребта – 307 вёрст; от Яблонового хребта до Верхне-Ульхунского караула на Ононе – 254 версты; от Онона до Аргуни – 440 вёрст [2, с. 170, 171]. Как отмечал путешественник и исследователь М. И. Венюков, халхасско-забайкальская граница установилась совершенно прочно, т. е. была хорошо известна всем пограничным жителям обеих империй, и если бывали пограничные инциденты, то они скоро разбирались местным пограничным начальством. «На этой границе... выработались... правила наблюдения и охранения граничного рубежа, которые... послужили образцами для инструкций всем другим прирубежным властям и подчинённой им страже. Здесь, между прочим, искони съезжались ежегодно в условленные дни разъезды от соседних караулов обеих сторон для осмотра пограничных знаков» [Там же, с. 172].

Если до середины XIX века граница охранялась лишь пограничными казаками, то с образованием ЗКВ (1851 г.) содержание караулов, выставление постов и пикетов, разъезды по границе, отыскание по следу нарушителей границы, борьба с незаконной внешней торговлей – всё это стало общей задачей войска, о чём было изложено в специальной инструкции для ЗКВ (разработана и утверждена в декабре 1853 г.) [9, с. 192–194]. Вдоль всей пограничной линии Забайкалья, и сухопутной, и по реке Аргунь, были рассредоточены главным образом 6 конных полков (три бригады) Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) [12, с. 6; 6, с. 24]. На Селенгинской границе, от Ключевского караула до крепости Акша, базировались

русские 1-й и 2-й конные полки первой бригады; штаб – в станице Кударинская. На Акшинской границе по рекам Онон, Аргунь, Шилка, от Акши до станицы Горбиченская (бывшая крепость в низовьях Аргуни), располагались русские 3-й и 4-й конные полки второй бригады; штаб – в станице Ново-Цурухайтуевская. Казаки-буряты, проживавшие позади пограничной линии, по рекам Селенга, Чикой, Хилок и других, составляли третью конную бригаду; штаб – в Селенгинске. Вспомогательную роль в охране границы выполняли пешие казаки из бывших горнозаводских крестьян (три пеших бригады), проживавшие между Аргунью, Шилкой и нижним течением Онона. Штаб первой бригады – в деревне Олочинская; штаб второй бригады – в селе Шелопугинское; штаб третьей бригады – в селе Бянкинское. В русских конных бригадах было от 5 до 6 тысяч казаков, в бурятской конной бригаде – 10 тысяч казаков и в русских пеших – по 10 тысяч [1, с. 40, 41].

Во второй половине XIX – начале XX века специального института пограничной стражи, за некоторыми исключениями, на русско-китайской границе не было. Общее наблюдение за границей вместе с казаками осуществляло местное население, а также некоторое число расквартированных поблизости к границе стрелковых частей. В 1872 году территория казачьих войск в Забайкалье в административном отношении была разделена на 3 округа, в военном отношении ЗКВ разделено на три отдела. Сухопутную границу с Монголией контролировали 1-й конный отдел (образован из станиц конного войска Западного Забайкалья по реке Селенга) и 2-й конный отдел (сюда вошли станицы конного войска Восточного Забайкалья, расположенные по рекам Онон и Аргунь). Некоторые пограничные функции выполняли казаки 3-го пешего отдела (образован из всех станиц пешего войска, занимавших почти всё пространство между Шилкой, Аргунью и по Ингоде) [Там же, с. 182]. В 1892 году в Троицкосавске размещался 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, позже находились Читинский, Сретенский, Верхнеудинский и Нерчинский резервные пехотные батальоны [4, с. 39, 41]. С 1897 года в ЗКВ прошли переименования полков и батальонов (в 1897 г. конные полки ЗКВ получили следующие названия: 1-й Забайкальский казачий полк переименован в 1-й Верхнеудинский, 2-й Забайкаль-

ский казачий полк – в 1-й Читинский; в 1898 году сформирован 1-й Нерчинский полк; в 1900 году – 1-й Аргунский полк; в 1901 году – 2-й Читинский полк; с 1897 по 1900 год упразднены пешие батальоны; исключительно в конном составе ЗКВ – с 1908 г.) [1, с. 257, 258, 259].

Амурские приоритеты середины XIX века ослабили внимание к пограничным проблемам в Забайкалье. Такая ситуация на забайкальской границе наблюдалась практически в рамках всего периода второй половины XIX века, т. к. Китай перестал представлять угрозу для России. Документы госархива Забайкальского края позволяют судить о сокращении количества пограничных караулов и постов в 1880–1890-е годы по сравнению с их числом на рубеже XVIII–XIX веков, когда сохранялась военная угроза со стороны Китая. О благодушном отношении к забайкальской границе в 1880-е годы писал военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман ЗКВ М. П. Хорошкин: «...Фактического надзора с нашей стороны не существует, никаких караулов, ни разъездов не назначается; даже маяки не везде находятся в исправном состоянии». По его словам, слабо была поставлена охрана всего южного участка границы (борозды не обновлялись, хотя «следы этих борозд кое-где сохранились») [10, с. 9]. В 1895 году Троицкосавск «остался без всякой военной охраны»: для решения пограничных задач сюда были направлены всего две конные сотни ЗКВ, сменившие 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, который был переведён на Амур [1, с. 245]. Кроме этого, в станице Олочинской базировались части 2-го и 4-го Забайкальских казачьих батальонов, а в Акше – 4-й Забайкальский казачий полк [Там же, с. 246].

«Более исправно за границей наблюдали китайцы, возложившие эту обязанность на монголов», хотя в численном отношении их стража уступала русской стороне. В 1871 году китайское пограничное охранение на забайкальском участке границы составляло не более 1200 человек [2, с. 208]. В начале 1880-х годов китайский пограничный караул напротив русского Старо-Цурухайтуя состоял из 7 юрт, где по штату должны были быть 1 офицер (цзолин), два унтер-офицера (бошки) и 38 рядовых. В действительности на карауле имелось не более 8–10 человек, которые были вооружены луками и стрелами, у цзолина имелось фитильное ружье [8, с. 4]. Позже китайское охранение сократилось: «...против 1 военного отдела к 1893 г. находилось всего 356 стражников, из них около 100 в Маймачене; против 2 военного

отдела находилось 662 стражника; против 3 отдела (по реке Аргунь) – 18 стражников, всего же 1036 человек на протяжении 1400 верст» [10, с. 10]. Если в 1880-х годах охрану границы с Забайкальем осуществляли монголы и частично маньчжуры, то после Русско-японской войны монголы были заменены китайскими солдатами, воинственно настроенными против русского охранения [4, с. 97].

Попустительство в охране границы со стороны России объяснялось тем, что был взят курс на сближение с Монголией путём экономического и идеологического воздействия на приграничных монголов. О российско-монгольском добрососедстве сообщал атаман 2-го военного отдела ЗКВ в 1880 году: «...Отношение соседских монголов к жителям прилегающих к границе казачьих станиц... дружеское, причём... они не желают драться с русскими и готовы принять подданство России, чтобы жить мирно, заниматься хозяйством и торговать». «Взаимный переезд через границу беспрепятственный, скот пасётся очень часто в монгольских пределах за весьма ничтожную плату и как бы на собственной территории. Нередко сообщения проходят по чужим территориям, так, например, китайское начальство проезжает по нашим пределам, а наше по китайским». Инспектируя забайкальскую границу, «генерал-губернатор барон Корф в сопровождении полусотни льготных казаков и полусотни малолеток в 1889 г. проехал из станицы Киранской в Кяхту по китайской территории, и это не вызвало никаких недоразумений» [9, с. 10, 143, 147]. В 1880-х годах китайские власти, видя нарастающие центробежные тенденции в зависимой Монголии, неоднократно вводили меры по закрытию границы, проводили военные учения, в том числе в Цицикаре, Хайларе, не способствовали вооружению и воинскому мастерству монголов [Там же, с. 146].

В конце XIX века, несмотря на спокойную ситуацию на границе, за ней наблюдали атаманы станиц, посёлков, отделов, начальники караулов, высылались разъезды, дозоры, устраивались засады. Со стороны Монголии всё-таки наблюдались незаконные переходы с целью угона скота, лошадей. Пойманных воров, как и раньше, сопровождали в Кяхту и сдавали в распоряжение пограничного начальства. Были выходы на российскую территорию небольших китайских отрядов. Несмотря на китайскую политику изоляции монголов от России, пограничное население России и Монголии продолжало контакты. Монголы в одиночку или мелкими группами переходили границу и оставались на русской территории на вре-

менное или постоянное проживание, спасаясь и от колониального гнёта, и от бескормицы и падежа скота [11, с. 96].

В 1880-е годы на западном участке забайкальской границы, который относился к Троицкосавскому округу, от Ключевского караула на восток располагались следующие караулы: Шара-Азаргинский, Модонкульский, Цакирский, Хамнейский, Цежейский, Атамановско-Николаевский (ранее Харацайский), Хулдатский, Желтуринский, Тынгырыкский, Елотовский, Баянхосунский, Зайцевский, Халзановский, Чемуртаевский, Босинский, Цаган-Усунский, Наушкинский, Кукушинский (пикет), Кяхтинский (пикет), Косогорный (пикет), Ключевской (пикет), Киранский, Кударинский, Шарогольский, Усть-Урлукский, Джидинский, Захаумлейский (пикет), Мензинский, Ашингинский [3, л. 57 об.–58]. Как видно, 24 караула и 5 пикетов на этом участке границы располагались на расстоянии между собой от 2, 10 и 20 до 70 вёрст. Из-за активности контрабанды особенно близко друг от друга караульные пункты располагались в районе Кяхты и Троицкосавска (на запад и восток от них). Чем удалённее на восток от Кяхты находился караульный пункт, тем больше увеличивалось расстояние между ними. Так, от Джидинского караула до Захаумлейского пикета было 70 вёрст, далее от него до Мензинского караула – 70 вёрст, а от Мензинского караула до Ашингинского – 110 вёрст [Там же, л. 58]. Причиной были особенности ландшафта территории, характеризующиеся местами непроходимыми горными грядами.

Отчёт Троицкосавского окружного начальника 1894 года даёт представление о ландшафте и способах сообщения на западном участке забайкальской границы. «Пограничная полоса от хутора Ключевского до станции Атамановско-Николаевской представляет местность гористую, густо покрытую лесом, пересеченную лощинами..., изобилующую речками и ручейками... От станции Атамановско-Николаевской до станции Босинской пограничная полоса менее гориста, леса не сплошные. Около станций Босинской, Цаган-Усунской и Киранской леса почти исчезают... От станции Киранской до Кударинской граница идёт через горы, отчасти покрыта лесом... Граница от Усть-Урлука до Ашингинского на 180 вёрст простирается по хребтам совершенно неприступных гор, поэтому по ней не существует... даже вьючной тропы... Станция Мензинская... на правом берегу реки Мензы отстоит от Джидинского поселка в 120 верстах, от границы в 9 верстах... Сообщение со станцией от селения Хилкотойского... на

расстоянии более 140 вёрст в летнее время производится исключительно верхом. Её посёлки: Ацинский, Семиозёрский, Жиндоконский, Шонуйский. Сообщение от станции со всеми этими посёлками в летнее время производится верхом. В 2 верстах от станции Мензинской Укырское селение... Граница от посёлка Джидинского до станции Мензинской и далее до посёлка Ашингинского Ашинского округа на расстоянии около 300 вёрст идёт по хребтам, скалистым горам, покрытым лесом. Ближний монгольский город к границе, кроме Маймачена, Урга – в 300 верстах от станции Мензинской; напротив станции Мензинской в 9 верстах расположен монгольский караул Миндза, в котором находится 30 казаков-монголов» [Там же, л. 49–49 об., 52 об., 53, 56, 93–93 об.].

Занятия станичных казаков Троицкосавского округа, привлекавшихся к охране границы, по документам 1890-х годов, состояли в основном в хлебопашестве, сенокосении, скотоводстве. Дополнительными были извоз, работа на Джидинском прииске, рубка и доставка дров, охота, рыбная ловля. Так, казаки станиц Цакирской и Атамановско-Николаевской занимались охотой и рыбной ловлей; извоз был развит в станицах Желтуринской, Босинской, Цаган-Усинской; рубка и доставка дров – в станице Киранской. Станицы и другие казачьи пограничные селения были расположены большей частью вдоль дорог, по берегам рек, в большинстве состояли из 10 дворов и более, из них поселений в 50 дворов было 18. Дворовая усадьба включала избу, амбар, сарай, скотный двор; все постройки деревянные. На каждый двор приходилось от 15 до 30 десятин земли [Там же, л. 86, 87, 89]. Система земледелия, например, в станицах Цакирской и Атамановско-Николаевской, по оценке местных властей, была «неправильной»: «земля под посев вырабатывается большею частью из лесов, и на такой земле посев производится несколько лет подряд до тех пор, покуда земля не истощится, а затем года два земля пустует». В станицах, имеющих удобные для хлебопашества земли, посев производился через год, а иногда и два. На каждую десятину казаки засевали от 9 до 13,5 пуд. ярицы, от 5 до 6 пуд. гречихи, 2 пуд. проса [Там же, л. 88 об.]. Заготовку сена производили в приграничной полосе, в том числе на монгольской территории за невысокую плату (от 3 до 10 руб. за сотню копен) [Там же, л. 89 об.]. Близ Кяхты пограничное казачье население приобретало одежду, хлеб, чай, мясо, оружие для охоты (кремневые винтовки), конскую сбрую и упряжь, всё необходимое

для форменного обмундирования и снаряжения [3, л. 56 об.].

В 1890-х годах пограничное монгольское население, сосредоточенное восточнее Кяхты, было распределено по 13 караулам. Они располагались напротив русских станиц и посёлков на расстоянии в среднем от 25 до 75 вёрст. Иногда расстояние между противоположными русскими и монгольскими населёнными пунктами сокращалось. Например, монгольский Цаган-Усунский караул находился в 6–7 верстах от русской станицы Цаган-Усунской; монгольские Киранский и Чиктайский караулы соответственно от русских станиц Киранской и Кударинской – в 2 верстах. Напротив станицы Усть-Урлукской в 7 верстах находился монгольский Уялгинский караул. Монгольский караул состоял из 20 караульных, в т. ч. 1 дзангина (соответствовал русскому станичному атаману), 1 или 2 кондуя (соответствовал русскому поселковому атаману). В зависимости от того, сколько в карауле было пикетов (в пикете до 5 монголов), в нём состояло от 40 до 60 семейств монголов (чаще родственники или знакомые караульных, которые жили по приглашению последних и помогали им в несении службы). Их основным занятием было скотоводство. Монголы, жившие вблизи Кяхты по рекам Селенга, Орхон, Бура и Киран, занимались сенокосением и сбывали сено в Кяхте, Троицкосавске, продавали дрова, строевой лес, скот, козьи и тарбаганы шкуры, кирпичный чай, далембу. Торговали за наличные деньги и в обмен на пшеничную и ржаную муку, ячмень, изюбриные рога и мелкий скот. Достаток монгольского караульного: войлочная юрта, недорогая одежда, из овчины зимой, весной и осенью, из далембы – летом; скудная пища и лошадь с седлом [Там же, л. 55 об., 56 об., 59].

Описание южного и юго-восточного участка забайкальской границы (в том числе по реке Аргунь), находившегося в пределах Акшинского округа, дано в отчёте Акшинского окружного начальника (по состоянию на 1895 г.). В западной части приграничной территории в районе станицы Букукунской упоминаются отроги Яблонового хребта, высотой более чем 1000 футов, покрытые хвойными лесами, которые с запада на восток понижались [Там же, л. 66 об.]. В Акше (в статусе окружного города с 1872 г. [6, с. 150]) проживали в основном конные казаки, которые занимались скотоводством и отчасти хлебопашеством. «Скот пасётся на своих землях, но из-за их недостатка и на территории Монголии (по обоюдному согласию русских с монголами)». Недостатком удобий страдали казаки станиц Букукунская, Акшинская с выселком Кундулунский, Могой-

туевская, Дурулгуевская, Дуроевская, Зоргольская и Чалбучинская... По реке Аргунь расстояние между этими посёлками от 5 до 45 вёрст. Ближе к границе лежат выселки: Убор-Тохторский Могойтуевской станицы (в 5 верстах), Кундулукский Акшинской станицы (в 1 версте), Верхне-Ульхунский (в 7 верстах), Бальджиканский (в 4 верстах) и Ашингинский (в 3 верстах). Остальные посёлки расположены от границы в расстоянии от 10 до 60 вёрст. В Монголии на данном пограничном участке не было постоянных заселённых пунктов, но существовали караулы, состоявшие приблизительно из 20 юрт или семейств. Монголы постоянно на одном месте не проживали, перекочёвывая с места на место [3, л. 67 об., 69]. В Акшинском округе, в том числе напротив Аргунских станиц, в местечке Ганжур, где ежегодно в начале сентября проходила ярмарка, приграничные казаки вели меновую торговлю с монголами. В 1894 году монголы приобрели у них лошадей, верблюдов, бараны шкуры, сукно, плис, бязь, юфть; продали русским – рогатый скот, рыбу, кирпичный чай, соль, муку-крупчатку, сахар-леденец, канфу, шёлк, китайские сёдла [Там же, л. 67 об., 69, 70; 5, с. 21].

Окружные начальники в 1894–1895 годах отмечали риски нарушения забайкальской границы в целях незаконной торговли, которая не прекращалась, несмотря на существовавшее здесь право беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Например, был удобен для контрабанды участок между станицами Кударинской и Мензинской (так как рядом по монгольской территории проходили тракты), районы Кудары, станиц Шарагольской, Усть-Урлукской, пограничных селений Джидинского, Жиндинского и Хилкотой. Особенно благоприятным для провоза контрабанды был район между Кяхтинской слободой и китайским Маймаченом (пади Монастырская, Воровская и Ключевская) [Там же, л. 40 об., 92, 93]. Чтобы пресечь контрабанду, местная пограничная администрация предлагала увеличить количество караульных на местах на западном участке (Троицкосавский округ), как это было до середины XIX века: на 24 караула и 5 пикетов – от 505 до 1010 человек [Там же, л. 58]. На южном и юго-восточном участке границы (Акшинский округ), где «граница довольно открыта и свободна для тайных проездов», предлагалось «учредить надзор по всей линии»: в посёлках Старо-Цурухайтуевском, Цаган-Олуевском, Ключевском, Кайласутаевском, Цасучеевском, Дурулгуевском, Тохторском, Верхне-Ульхунском, Букукунском; по реке Желбирей, где «преимущественно быва-

ют переходы за границу и оттуда, должно быть по несколько объездчиков, по крайней мере по 10 человек; для заведования ими и для осмотра и пропуска товаров в Старо-Цурухайтуе и поселках Кайласутаевском, Тохторском и Букукунском необходимы надзиратели с помощниками» [3, л. 68].

Актуальность этих мер вскоре потеряла значение. Построенная в 1897–1903 годах Китайско-Восточная железная дорога укрепила позиции России в Северо-Восточном Китае. Фактически эта часть Китая (от российско-китайской границы на севере до Порт-Артура на юге) стала зоной её влияния.

Источники и литература

1. Васильев А. П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. – Чита: Тип. Войскового хоз. правления Забайкальского войска, 1918. – Т. 3 и прил. – 348 с.
2. Венюков М. И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1873. – Вып. 1. – 144 с.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. 1. – Оп. 1 (о). – Д. 11082.
4. Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX в. – Кызыл: Республ. тип., 2000. – 216 с.
5. Жолвицкий Н. Г. Описание Акшинского округа Забайкальской области // Приамурские ведомости. – 1895. – 26 февр.
6. Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области / М. П. Хорошхин. – Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1891. – 155 с.
7. Константинова Н. Н. Рубеж полуденного края (Формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII – начале XX века). – Чита: Экспресс-изд-во, 2014. – 208 с.
8. Манакин М. Описание пути от Старо-Цурухайтуевского караула до г. Благовещенска // Записки Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. – Чита, 1898, 1901. – Вып. 3–4. – 225 с.
9. Смирнов Н. Н. Забайкальские казаки в отношениях России с Китаем и Монголией: кр. ист. очерк. – Волгоград: Комитет по печати и информации, 1999. – 200 с.
10. Хорошхин М. П. Забайкалье. Значение его для государства. – СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петерб. воен. округа, 1893. – 64 с.
11. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987. – 236 с.
12. Эпов Н. И. Забайкальское казачье войско. – Нерчинск: Тип. М. Д. Бутина, 1889. – 75 с.

УДК 343.261.3(571.55)(09)
ББК Х3(2)53(253.57)

Анна Владимировна Волочаева,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: rossav1@yandex.ru

Положение преступников разряда исправляющихся на Нерчинской уголовной каторге во второй половине XIX века

Статья посвящена положению каторжных исправляющегося разряда на самой известной каторге XIX века – Нерчинской. Каторжные этого разряда, в отличие от испытуемых, имели некоторые льготы, включая проживание вне тюрьмы. Но эта последняя льгота наиболее часто отменялась в связи с правонарушениями, совершаемыми в вольной команде. На основе различных документов архивов Российской Федерации в статье представлены проблемы организации наказания каторжными работами для преступников «исправляющихся», нарушения режима содержания, как со стороны тюремной администрации, так и правонарушения вольной команды.

Ключевые слова: Нерчинская уголовная каторга, разряды преступников, испытуемые, исправляющиеся, вольная команда, режим содержания, правонарушения

Anna V. Volochaeva,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: rossav1@yandex.ru

The Position of the Criminals of the Category of Correct Nerchinsk Penal Servitude in the second half of the XIX century

The article is devoted to the position of the convicts of the correcting discharge at the most famous penal servitude of the XIX century – Nerchinsk. The convicts of this level, in contrast to the subjects, had some benefits, including living outside the prison. But this last privilege was most often canceled due to offenses committed in the free team. On the basis of various documents of the archives of the Russian Federation, the article presents the problems of organizing punishment with hard labor for criminals who are “correcting”, violations of the regime of detention by both the prison administration and the offense of the free team.

Keywords: Nerchinsk criminal penal servitude, the ranks of the criminals, the subjects, corrected, the free team, the mode of detention, the offense

Ссылка в каторжные работы в Российской империи была одним из главных видов уголовного наказания. Во второй половине XIX века основным местом отбывания каторги стал Нерчинский горный округ. Поэтому каторга в Забайкалье называлась Нерчинской. Преступники при поступлении на каторгу делились на разряды по виду работ, обозначенному в приговоре (рудничные, крепостные и заводские), а также на разряды (отряды) по времени и поведению арестантов при отбывании наказания (испытуемые и исправляющиеся). Кроме того, из разряда исправляющихся отдельно можно выделить так называемых каторжных внетюремного разряда (вольная команда). Законодательно они относятся всё-таки к разряду исправляющихся, положение их отличается главным образом разрешением проживать вне тюрьмы. Но при отдельных обстоятельствах, о которых речь пойдёт в статье, эта категория преступников могла вновь попасть в острог. Исследованию правового положения и реальных условий жизни исправляющихся преступников и посвящена данная статья.

Перечисление преступников в разряд исправляющихся происходило при двух условиях. Во-первых, по истечении срока испытания: чем дольше был срок наказания, тем длиннее был и испытательный период. Так, для каторжных 1-го разряда (работы в рудниках), наказанных бессрочно – срок испытания составлял 8 лет, для осуждённых к работам на 15–20 лет – 4 года и осуждённых на 12–15 лет – 2 года; для каторжных 3-го разряда (работы на заводах), наказанных на 6–8 лет – 1,5 года испытательного срока, на 4–6 лет – 1 год. Вторым обязательным условием было положительное поведение преступника при отбывании наказания в период испытания [14, ст. 569–570]. Ка-

торжным исправляющимся разрешено было содержание без оков, а также размещение в тюремных помещениях и осуществление каторжных работ по возможности отдельно от испытуемых [Там же, ст. 572].

При одобрительном поведении и по истечении определённого срока после поступления в отряд исправляющихся (каторжные 1-го разряда – 3 года, 3-го разряда – 1 год) арестанты по отдельному разрешению получали дозволение жить вне тюрьмы – в комнатах заводских рабочих или построить дом на земле, принадлежащей заводу. В 1860 году по этому поводу был издан ещё указ [11, с. 779, 780], по которому данная собственность не могла быть заложена или обременена долгами, а при смерти преступника или его осуждении за новое преступление возведённое строение переходило к оставшимся после него жене и детям (или иным родственникам) с разрешения заводского начальства. С дозволением жить вне острога каторжане получали также денежное довольствие, которое могло выражаться в натуральной форме (готовое платье, обувь, рабочие орудия, семена для посева и др.). Также этой категории преступников разрешалось вступать в брак [14, ст. 577–579]. К сожалению, с выплатами довольствия часто были затруднения. Так, по журналу заседаний Совета Главного управления Восточной Сибири за 1868 год обозначена проблема дефицита по содержанию каторжных, и отмечено, что данные арестанты находятся в очень тяжёлом положении, что готовы сами вернуться в тюрьму, где есть еда и кров [8, л. 4 об.–6]. Отсюда велика вероятность совершения рецидивных преступлений для возврата в острог или побег в поисках лучшей жизни.

Количество арестантов разряда исправляющихся по отчётным документам каторги при-

мерно такое же, как испытуемых. В некоторых отчётах есть подразделение преступников на содержащихся по стражей и вне тюрьмы (без выделения в первой категории исправляющихся). Поэтому статистические показатели могут различаться в разных источниках. В сведениях о наличном состоянии каторги в приказе по Управлению за 01.02.1889 года каторжных внетюремного разряда состояло – 1585 человек (277 – женщин), а содержащихся в тюрьмах – 1830 (61 женщина) [6, л. 45, 46]; в кратких статистических сведениях за 1889 год внетюремный разряд составлял 1993 человека (330 женщин), тюремный – 1837 человек (47 женщин) [3, л. 40]; в сведениях о числе арестантов от 29.07.1898 года каторжных внетюремного разряда – 700 (192 женщины), тюремного – 898 (70 женщин) [5, л. 1 об.].

За весь период реформирования системы каторжных работ во второй половине XIX века, периодическими сложностями в организации труда преступников в серебро-свинцовых рудниках или на золотых промыслах, а также потребностью частной рудничной промышленности в рабочих руках и/или постройке железной дороги изменялась и система каторги. Там, где было невозможно организовать полностью условия данного вида наказания, рекомендовано было использовать в работы преступников именно отряда исправляющихся, с хорошим поведением. Так, например, в письме Главного тюремного управления генерал-губернатору Восточной Сибири «О мерах, касающихся будущего устройства каторжных работ и ссылки в Восточной Сибири и на о. Сахалин» от 25.12.1882 года было рекомендовано на Карийских промыслах увеличить число каторжных до 3 тысяч мужчин исключительно из разряда исправляющихся [13, л. 2 об.], а в «Няряде ссыльнокаторжных на работы по строительству колёсной дороги» за 1869 год требовали набрать из ссыльнокаторжных разряда исправляющихся или богадельщиков [7, л. 1–4]. Но в условиях роста каторжного элемента в местах расположения Нерчинской каторги, нехватки тюремных помещений и необходимости в рабочих руках разных организаций и государственных структур были отступления от режима – назначения на работы на частные промыслы и другие работы арестантов отряда испытуемых, незаконный перевод на жительство вне тюрьмы и другие нарушения, что неоднократно подчёркивалось в отчётах инспекторов [1, с. 237–257].

Несмотря на льготы, предоставляемые исправляющимся каторжным, особенно внетюремного разряда, именно эта категория пре-

ступников была и самым неблагонадёжным элементом каторги. В среде вольной команды, как часто называли каторжных внетюремного разряда, совершались проступки и преступления в наибольшем количестве. В отчётах выделяются такие виды правонарушений, как отлучки, уклонение от работ, промот казённой одежды, воровство и кражи, мелкие нарушения (пьянство, картёжная игра), к самым частым и значительным относятся обычно побег. В отчёте о состоянии каторги за 1891 год была приведена статистика за предыдущий период в соотношении со средним числом каторжных внетюремного разряда: в 1887 году бежало 320 человек (из 1033 человек – среднее число внетюремного разряда; 2 – из-под стражи), в 1888 году – 288 (из 1441 человек; 2 – из-под стражи), в 1889 году – 220 побегов (из 1553 человек; 8 – из-под стражи), в 1890 году – 254 побега (из 1991 человек; 16 – из-под стражи), в 1891 году – 83 (из 1820 человек; 4 – из-под стражи) [9, л. 13 об.]. Американский журналист Дж. Кеннан, побывавший в Сибири в 1885–1886 годах, писал в путевых записках, что вольная команда скорее разлагает людей, нежели способствует их исправлению; каждые 10 лет благодаря вольной команде 3–4 тысячи на всё готовых преступников «набрасываются на сибирских жителей». А сотни, если не тысячи арестантов стремятся попасть в вольную команду только потому, что она предоставляет множество возможностей для побега [10, с. 108, 109].

В 1888 году были введены новые правила, изменившие условия жизни вольной команды [2, л. 80, 81]:

- устанавливался специальный надзор за всеми преступниками, проживающими вне острога (только описание данной системы надзора не было представлено в документах);

- вся вольная команда была поделена на десятки (по добровольному согласию и выбору) с круговой порукой друг за друга;

- в случае побега из десятки одного преступника – вся десятка подвергалась взысканию и заключалась под стражу (т. е. переводилась вновь в острог);

- для вольной команды вводился комендантский час – в 8 часов вечера люди вольной команды должны были находиться на месте жительства (об этом ежедневно надзиратели должны были докладывать смотрителю тюрьмы).

Но, как мы видим по отчёту, представленному выше, число побегов кардинально после введения правил не уменьшилось. В 1895 году эти правила были расширены дополнительны-

ми: на жительство вне тюрьмы могли переводиться только семейные каторжане, холостые только с условием постройки дома в определённый срок (при невыполнении условия – снова заключались в тюрьму) [4, л. 135 об.]. Эти правила были изменены в этом же году в связи с происшествием в Зерентуйском районе (убийство ночного сторожа и часового), где в преступлении обвинялась именно вольная команда. Теперь вне тюрьмы могли проживать только семейные, имеющие собственные дома – «землянки» [2, л. 85–86 об.]. Специальный надзор был также усилен: были определены надзиратели за землянками (1 человек) и назначены старосты из каторжных (1 на 10 домов), для исправляющихся, возвращённых в острог – запирающие на замок на ночь, надзиратель (1 человек) за баракком и староста из каторжных (1 на 10 человек); также были установлены ежедневные ночные обходы (чиновник и 2 надзирателя) после 10 часов ночи. Эти правила были утверждены не только для Зерентуйского района, а распространялись также на Алгачинский тюремный район и Акатуйскую тюрьму. Подобные правила проживания внетюремного разряда были установлены и в других отдельных местах каторги – например, на постройке желез-

ной дороги – в 1900 году [Там же, л. 88–88об.]. Но даже к концу XIX века эта проблема так и осталась одной из основных. В Правительственном сообщении «По поводу предстоящего преобразования каторги и ссылки» за 1899 год было указано, что внетюремный разряд не имеет смысла (т. е. не выполняет функции наказания). Так как селить этих каторжных вблизи от места производства работ – негде (земля не подходит для последующего ведения хозяйства и др.), в итоге живут они в особых казармах, надзор в которых очень слабый и поэтому именно во внетюремном разряде совершается значительное число преступлений и вообще они являются элементом беспорядков на каторге [12, с. 251].

Таким образом, положение исправляющихся каторжных по закону было облегчено, по сравнению с отрядом испытуемых. Эта категория арестантов каторги отбывала наказание без оков, могла заключать браки, а также по отдельному разрешению – проживать вне стен острога, где преступники могли построить себе дом. Но последняя льгота при неправомерном поведении вольной команды отбиралась, этим правом в конце XIX века могли пользоваться только семейные каторжные, построившие себе жильё.

Источники и литература

1. Волочаева А. В. Виды труда на Нерчинской каторге во второй половине XIX в. // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / ред. А. А. Иванов. – Иркутск: Оттиск, 2011. – Вып. 6. – 720 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1 т. о. – Оп. 1. – Д. 100.
3. ГАЗК. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 5.
4. ГАЗК. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 18.
5. ГАЗК. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 29.
6. ГАЗК. – Ф. 28. – Оп. 3. – Д. 9.
7. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 86.
8. ГАРФ. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 4.
9. ГАРФ. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 2593.
10. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). – СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – Т. 2. – 400 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 35 за 1860 год. Отдел 1. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – 962 с.
12. Правительственное сообщение. По поводу предстоящего преобразования каторги и ссылки // Тюремный вестник. – 1899. – № 5. – С. 246–253.
13. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 17.
14. Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей, и о ссыльных. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – Т. 14. – 909 с.

УДК 351.741

ББК ТЗ-36(2Рос-4Чит)

Роман Артурович Евтехов,

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,

г. Москва, Россия,

e-mail: Romachka1818@rambler.ru

Дмитрий Борисович Фартусов,

Бурятский государственный университет,

г. Улан-Удэ, Россия,

e-mail: d.fartusov@mail.ru

Организация и штат полиции Забайкальской области после реформы 1867 года¹

В статье освещаются основные сведения о штате дореволюционной полиции городов Забайкалья. Сравнивается состав полицейских учреждений их организационные особенности и влияние полицейской реформы 1867 г. на общее положение полиции в Забайкальской области. Автором поднимается так же вопрос финансирования полиции и отражение преобразований полиции в её финансировании.

Ключевые слова: полиция, Забайкальская область, городничий, штат полиции, полицейская реформа 1867 года

Roman A. Evtekhov,

Moscow Financial and Industrial University "Synergy",

Moscow, Russia,

e-mail: Romachka1818@rambler.ru

Dmitry B. Fartusov,

Buryat State University,

Ulan-Ude, Russia,

e-mail: d.fartusov@mail.ru

Organization and Staff of the Police of the Transbaikalian Region after the Reform of 1867

In article highlights the main information about the state of the pre-revolutionary police of the cities of Transbaikal. The composition of the police institutions, their organizational characteristics and the influence of the police reform of 1867 on the overall situation of the police in the Transbaikalian region are compared. The author also raises the issue of police funding and a reflection of the transformation of the police in its financing.

Keywords: police, Transbaikalian region, governor, police staff, police reform of 1867

Полиция – один из важнейших институтов регулирования общественных отношений, который в России приобрёл наиболее резонансное положение благодаря узости непосредственного штата и чрезмерной широте компетенции. Учитывая исключительную роль полиции в истории России, любая реформа данной области особо сказывалась на уровне порядка и безопасности в обществе. Модернизация полиции последней трети XIX века задумыва-

лась, в том числе, и для адаптации штатной и внештатной организации к местным условиям. Недостаточность штатов и жалования полицейских при чрезмерном функционале – одна из наиболее обсуждаемых проблем в литературе.

На период начала проведения реформ полиции в 1867 году существовало два основных организационных типа: городская полиция и земская (земский суд). Проект штата полиций

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова «Общественная повседневность национальной республики в 1920-1930-е гг. (на примере Бурят-Монгольской АССР)» № 19-06-0502.

Восточной Сибири был составлен в совете ГУВС ещё в 1865 году, затем 27 января 1866 года генерал-губернатором проект представлен министру внутренних дел [1, л. 7–7 об.]. Главной идеей проекта было соединение городских и земских полиций в единый состав. На основании указа 12 июня 1867 года на заседании совета ГУВС были приняты решения относительно нового устройства полиции в Забайкалье [Там же, л. 2–3 об.]. Согласно новым преобразованиям военный губернатор Н. П. Дитмар предложил поступить следующим образом: земские суды Забайкалья: Верхнеудинский, Селенгинский, Нерчинский и земские управления Нерчинское и Баргузинское переименовываются в окружные полицейские управления. Городовые управы (во главе с городничими) в Верхнеудинске и Нерчинске упраздняются, а городские полиции Читы и Троицкосавска переименовываются в городские полицейские управления.

Во главе окружных полицейских управлений становились окружные исправники, чаще всего ими назначались ранее возглавлявшие земскую полицию – исправники. Первым начальником Верхнеудинского окружного полицейского управления стал бывший земский исправник Ф. В. Куркин, его помощником – один из заседателей. В должностях трёх заседателей оставались те же участковые заседатели, секретарём – прежний секретарь. Переводчиком назначался ученик Ургинской школы Гомбоев. Прочие должности – полицейские надзиратели, три столоначальника и другие – назначались по воле окружного исправника, через его особое представление высшему начальству.

По Читинскому окружному полицейскому управлению ко временному исполнению вакансии окружного исправника был представлен бывший Нерчинский земский исправник Шатилов, а вместе с ним и большинство его прежних подчинённых с должностей Нерчинского земского суда. В Нерчинске были упразднены не только земский суд, но и должность городничего, которую занимал князь Ухтомский, он был назначен в кандидаты на должность штатного полицейского пристава Читинского окружного полицейского управления, который должен находиться в Нерчинске. На должность Селенгинского окружного исправника был назначен бывший Селенгинский земский исправник Кугульский, в качестве заседателей бывшие заседатели суда, секретарём – бывший там же секретарь, а выбор двух столоначальников и журналиста оставался на усмотрение Кугульского. По Баргузинскому управ-

лению на должность и. о. окружного исправника было решено назначить есаула, в помощники ему – коллежского регистратора. В Нерчинское окружное полицейское управление на должность окружного исправника назначался бывший земский исправник Казаченко, помощником ему – коллежский регистратор.

В Читинское городское полицейское управление к исправлению должности полицмейстера назначены служившие в полиции (очевидно, Читы) подполковник Терентьев и двое канцелярских служащих. В Кяхтинском городском полицейском управлении полицмейстером стал капитан Телятчиков, при нём следственный пристав, двое полицейских надзирателей.

Известно, что должность городничего повсеместно упраздняялась в 1862 году, что подтверждается в большинстве трудов по истории полиции. Но приведённые выше материалы свидетельствуют о более длительной службе городничих в восточной Сибири, как минимум до середины 1867 года, а вероятнее всего, до конца года. Перетасовка кадров и штатных единиц свидетельствует о достаточном уровне экономии, с которой управляющие губернией подошли к созданию новых учреждений. В то же время это свидетельствует об отсутствии новых кадров, ведь почти на все должности были назначены ранее занимавшие должности земских исправников. Возможно это вызвано необходимостью более плотной работы как раз-таки с окраинами, а не городами.

Фактически больше штатных единиц полиции не стало, даже наоборот, многие были сокращены. При этом очевидна попытка сохранить всех так или иначе важных чиновников, потому все они были переведены в новые управления. Кадровый состав полиции совершенно не поменялся, были полностью упразднены должности хозяев городов – городничих. Такое существенное сокращение кадров полиции не могло не сказаться на качестве службы, безусловно, была удалена излишняя документная волокита, так как все вопросы теперь решались внутри одного ведомства. Главной задачей сначала было создание городских и земских полиций в едином составе, что и было достигнуто при минимальном отступлении.

Важнейшим вопросом реформирования полиции стал вопрос финансирования. На все полиции Восточной Сибири планировалось ежегодно тратить 234 845 р. Ранее на земскую полицию Восточной Сибири тратилось 135 510 р. в год. Эта сумма формировалась из государственного земского сбора – 82 525 р., из казны (государственного казначейства) –

11 950 р. На городскую полицию из казны – 34 550 р., из городских доходов – 6335 р., из страхового сбора – 150 р. [1, л. 7 об.], таким образом, предполагаемая по проекту сумма превышала расход на полицию почти в два раза. Совет ГУВС предложил в проектируемую сумму включить ранее определённую сумму на все полиции – 135 510 р., остальную часть суммы добирать из городских доходов: г. Енисейска (2000 р.), Троицкосавска (650 р.), 1200 р. – за счёт особого сбора (предложеного генерал-губернатором 18 сентября 1862 г., о котором ниже), 5500 р. – за счёт отпускаемых средств на упразднённые Енисейский и Минусинский окружные управления, остаток – 89 985 р. возложить на счёт государственного земского сбора.

Что касается источников особого сбора, за счёт которого ГУВС планировало увеличить штат городской полиции Иркутска, то ими должны были стать жители Иркутска. Эта идея была не нова, её основой стало положение о Московской полиции, по которому с жителей взимались деньги за выдачу видов на проживание и передвижение, за удостоверение на получение подорожных, за прописку подорожных, за освидетельствование копий и разных актов по золотопромышленности, подписей на банковских билетах в зависимости от суммы, за выдачу полицией взысканных с частных лиц по документам денег в зависимости от суммы [Там же, л. 8 об.]. Основными доходными статьями были сборы с крестьян, мещан, купцов. Но, очевидно, что правительство оставило прерогативу сбора денег с жителей только полиции Москвы, и предложенные сборы введены не были, а требуемая сумма была отнесена на счёт городских доходов.

В целом сумма содержания полиции Восточной Сибири, предложенная советом ГУВС, была существенно скорректирована. По Высочайше утверждённому 12 июня 1867 года штату полицейских управлений в Сибири, опубликованному при указе Правительствующего сената от 15 июля на содержание окружных и городских полицейских управлений ежегодно полагалось отпускать 189 650 р. Эта сумма формировалась из казны (государственного казначейства) – 52 000 р. (из них 5500 р. – средства, выделяемые ранее на енисейское и минусинское управления, которые упразднены), из государственного земского сбора – 127 315 р., из городских доходов – 10 185 р. (6335 из прежних городских доходов и добавленные к этому сборы

с городов Енисейск, Троицкосавск и Иркутск), из страхового сбора – 150 р.

Нагрузка на государственное казначейство осталась прежней, главным источником содержания полиции стал земский сбор (основным источником его пополнения были сборы с торговых документов, с земель и подушный), из объёма которого дотация на полицию была увеличена на 30 %. Кроме того, увеличился сбор с крупнейших городов Восточной Сибири. Но в целом финансовая политика свидетельствует о том, что политика финансирования изменена не была.

Таким образом, реформа полиции была осуществлена на общих принципах, отдельные городские полиции были слиты с земскими судами в единый орган, что способствовало устранению разобщённости местных полицейских органов, повышению оперативности деятельности в условиях усиления миграционных потоков, связанных с отменой крепостного права. Были существенно изменены вопросы компетенции общей полиции, в частности, передача от неё другим ведомствам функций суда, предварительного следствия, сужения хозяйственной, административной деятельности, а также организации местного аппарата и исполнительных структур полиции, её подразделений и политического сыска. Главным же является начало отхода от принципов феодальной организации полиции, основанной на натуральной повинности, к полиции вольнонаёмной и профессиональной.

Финансирование новой организации полиции было организовано таким образом, чтобы как можно меньше нагрузить казну, поэтому и увеличение штатов полиции не было существенным, скорее, наоборот, оно оставалось фактически прежним. Ранее выделяемые средства перераспределялись внутри без существенных влияний извне, за исключением роста статьи земского сбора. Таким образом, можно сделать вывод, что реформа полиции позволила увеличить финансирование полиции примерно на 30 %. В то же время это было сделано максимально «безопасно» для казны. Организация городских полиций в Забайкалье не требовалась в силу их дорогого содержания. Городские полиции сохранились только в «статусных» городах: Чита (как областного центра) и Троицкосавск (как центр международной торговли). Управляя крайне скудными финансами, никаких дорогостоящих нововведений просто не позволялось.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1. – Оп. 1 общ. – Д. 12523.

2. Малыгина О. А. Геополитическая стратегия усиления позиций Российской империи в Забайкалье в середине XIX в. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 47–49.

3. Паликова Т. В. Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX – начала XX в. // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Сер. Филология, история, востоковедение. – 2011. – № 2. – С. 80–84.

4. Свиридова Н. Б. Деятельность городского общественного управления Забайкальской области в последней четверти XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2015. – 198 с.

5. Шитова Т. В. Полиция в административно-правоохранительной системе Сибири в XIX – начале XX в. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т ФСКН России, 2006. – 152 с.

УДК 94 (571.55)

ББК ТЗ(2)534

Елена Васильевна Севостьянова,

Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета,

г. Чита, Россия,

e-mail: Sevostyanova.elena@mail.ru

Комиссии Елизаветинского благотворительного комитета в сельских поселениях Забайкалья в годы Первой мировой войны

В статье рассматривается создание и принципы деятельности сельских комиссий Забайкальского отделения Комитета её Императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (ЗОКЕФ). Выявлено общее количество благотворительных организаций, формы сельскохозяйственной помощи.

Ключевые слова: Елизаветинский комитет, благотворительность, призрение, Забайкалье, Первая мировая война

Elena V. Sevostyanova,

Chita Institute (branch) of Baikal State University,

Chita, Russia,

e-mail: Sevostyanova.elena@mail.ru

Commission Elizabeth's Charity Committee in Rural Settlements of Transbaikalia during the First World War

The creation and principles of the activities of the rural committees of the Transbaikalian Branch of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elizabeth Feodorovna to provide charitable assistance to families of persons called up for war (TOCEF) are being considered. The total number of charitable organizations and forms of assistance has been identified.

Keywords: Elizabethan Committee, charity, Transbaikalia, First World War

На 1 января 1914 года сельское население Забайкальской области составляло 85,9 %. Всех сельских обществ было 951 [1]. Сельское население распределялось между тремя категориями населения – крестьяне, казаки, «инородцы». Крестьяне подлежали призыву из запаса и ополчения на общем основании; казаки призывались на укомплектование своих частей в случае убыли в них; «инородцы» воинской повинности не отбывали. Самыми многочисленными реципиентами благотворительно-

сти было крестьянское и казачье население, однако в региональной историографии недостаточно работ, посвящённых организации благотворительной помощи в сельских поселениях.

После начала мобилизации военный губернатор Забайкалья распорядился, чтобы крестьянские начальники способствовали принятию сельскими обществами мирских повинностей по уборке урожая у семей мобилизованных. В казачьих станицах в этом случае

«для большей производительности» устанавливался надзор со стороны атаманов [2, л. 65]. Случаев, когда сельский сход отказывал в мирской (общественной) помощи семьям в уборке урожая, было мало: так в Селенгинском уезде из 21 селения четырёх волостей отказались помочь только в одном [3, л. 49, 50]. Некоторые селения принимали на себя дополнительные обязательства, например, обеспечение дровами [4, л. 13].

Хотя мобилизация началась в разгар полевых работ, уборка прошла «вполне удовлетворительно»: крестьянская взаимопомощь, хороший урожай и «потребительская кооперация, державшая цены», облегчили экономическое положение семей [5, с. 5]. Однако последующие мобилизации не могли не сказаться на проведении посевной 1915 года. По подсчётам статистического отдела Забайкальского переселенческого района, до июня 1915 года из области было призвано 18 000 крестьян и 7606 казаков. Основной рабочей силой в селениях становились женщины. Добровольный корреспондент статотдела писал в мае 1915 года: «Село, где я проживаю, имеет около 500 дворов. Почти в каждом доме взяты на войну, есть дома, в которых не осталось ни одного работника-мужчины». Другой сообщал, что в его селении из 33 дворов работать на пашню вышли 26 женщин, чего ранее «совершенно не замечалось» [12, с. 11]. По данным сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 годов, 76 % женщин трудоспособного возраста принимали участие в сельхозработах. Положение осложнялось перераспределением сенокосных участков, чересполосицей, пахотные участки одного хозяйства находились иногда на расстоянии в 10–15 вёрст [13].

Все благотворительные организации, в задачу которых входила помощь семьям мобилизованных в селениях Забайкалья, можно разделить на несколько типов: волостные и приходские попечительства; общества, созданные по частной инициативе и отделения центральных Комитетов. Волостных и станичных попечительств было к 1 января 1915 года открыто 117. По решению Синода от 20 июля 1914 года попечительства о семьях запасных открывались во всех православных приходах. Епархиальный комитет по сбору пожертвований на нужды войны при Братстве Кирилла и Мефодия к 1 января 1915 года открыл в Забайкалье 215 приходских попечительств. В попечительства Братства входили от 3 до 8 человек. Но были и исключения: в с. Подлопаточное при Пророко-Ильинской церкви в попечительство вошли 14 человек [4, л. 6–7; 5, л. б/н].

В августе 1914 года начало свои действия «Забайкальское отделение Комитета её Императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну» (ЗОКЕФ). Военный губернатор 27 октября 1914 года обратился к населению с воззванием об открытии сельских комиссий ЗОКЕФ. Не везде воззвание нашло отклик, так, учительница села Михайловское писала губернатору, что жители «не сочувствуют» открытию комиссии «за отсутствием в селе сильно нуждающихся семей». В станице Олочинская не только открыли комиссию, но и решили, что помощь в селениях должна быть не только материальной, но и духовной, «особенно» в условиях «сухого закона»: было устроено три спектакля, народные чтения с диапозитивами, «освещающими техническую сторону войны», инициировано открытие библиотеки-читальни [6, л. 3, 4, 12, 24, 36].

На заседании ЗОКЕФ 1 октября 1914 года решили волостные комиссии не создавать, поскольку территория волости «нередко тянется на несколько сот вёрст, что затруднит их деятельность». Однако фактически в некоторых волостях комиссии были созданы. Так, в мае 1915 года была учреждена Успенская волостная комиссия (с. Верхне-Ключевское, Нижне-Ключевское, Шивкинское, Борщевское, Монастырское) [7, л. 74, 75]. Дог-Инская комиссия включала в сферу своей деятельности девять посёлков, в каждом из которых было открыто местное сельское отделение (из 3–5 чел.). Сельские церковные приходы, «как более дробные организации», были, напротив, признаны «соответствующими цели ячейками», потому приходским попечительствам предлагалось (при наличии желания) войти в состав ЗОКЕФ. Сельские священники соглашались, мотивируя тем, что «нужда велика», а свои сборы «ничтожны». Кроме того, было решено, что образование сельских комиссий ЗОКЕФ должно быть «направлено в те районы», где нет никаких организаций, оказывающих благотворительную помощь, в том числе, в места компактного проживания раскольников, на которых не распространялось распоряжение Синода об образовании приходских попечительств. К декабрю 1914 года ЗОКЕФ было открыто 72 сельских комиссии. В 1915 году в Читинском уезде их было 10, в Селенгинском – 11, в Акшинском – 16, в Нерчинском – 18, в Верхнеудинском – 20, в Нерчинско-Заводском – 26, в Троицкосавском – 8 и в Баргузинском уезде – 6. ЗОКЕФ не раз отмечало, что «главными руководителями в образовании ко-

миссий в сёлах были народные учителя и учительницы», священники [10].

ЗОКЕФ имело полуофициальный статус: с одной стороны, председательство военного губернатора, участие чиновников разных рангов, привлечение к помощи агрономических организаций. С другой стороны – широкое добровольное участие жителей и благотворительные пожертвования как финансовая основа деятельности. Потому крестьянским и инородческим начальникам военный губернатор советовал помогать не «раздачей указаний», а непосредственной работой в комиссиях. В заседаниях участвовать «наравне с крестьянами», помня, что и крестьяне, и их начальники – «совершенно одинаковые добровольные работники». В циркуляре центрального Елизаветинского комитета от 23 июня 1915 года говорилось, что благотворительная помощь, как дополнение к помощи правительственной, зиждется на том принципе, что «общество, в широком смысле этого слова, *само обязано помогать* тем из своих сочленов, которые призваны на защиту Родины». Каждое сельское общество «несёт на себе нравственную обязанность обеспечить, в пределах возможности, жён и детей своих односельчан [8, л. 28].

В полевые сезоны 1915–1916 годов по совместному решению губернской власти, областной агрономической службы и ЗОКЕФ по всей области была организована сельскохозяйственная помощь семьям мобилизованных в разных формах (денежные пособия, снабжение сельскохозяйственными машинами, семенами, помощь по найму работников) [9]. Общим присутствием Забайкальского областного управления 4 июля 1915 года было отпущено в распоряжение ЗОКЕФ на организацию помощи 14 747 р.

В 1914 году Главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин разрешил агрономам предоставлять в бесплатное пользование имеющуюся сельхозтехнику. Однако для Забайкалья это решение не имело определяющего характера: в 1913 году в области было только 9 прокатных станций. Потому особенное значение придавалось закупке техники. В 1915 году за счёт средств ЗОКЕФ было приобретено 32 сенокосилки, 23 конных грабель, 38 жаток-самосбросок, 58 жатвенных аппаратов, 76 точил наждачных. Технику в аренду просили как у торговых предприятий (например, американский трест «Международной компании жатвенных машин в России» в льготной аренде отказал), так и у госструктур. Переселенческое управление отпустило из Читинского склада 15 сенокосилок,

3 конных грабель с арендной платой 10 р. и 5 жнеек с арендной оплатой по 20 р. за машину на весь рабочий сезон [14].

Если с простым инвентарём женщины и подростки могли справиться (об одноконном плуге Липгарта корреспондент писал, что он «очень удобен и легко налаживается даже ребятами»), то для работы с более сложной техникой нужны были специалисты – рабочие, монтеры. На наём рабочих при уборочных машинах в осенний сезон 1915 года ЗОКЕФ ассигновал 9000 р. [11]. Так, в с. Александровский Завод было доставлено 2 сенокосилки и конные грабли. Были приглашены двое рабочих, которые проживали, переезжая от одной солдатки к другой. Лошадей рабочим предоставляли солдатки. Рабочих удалось нанять только благодаря высокой заработной плате в 25 р. в месяц, им платили ещё и по 50 к. с десятины, чтобы заинтересовать в повышении производительности труда. Всего было выкошено 200 десятин для 40 хозяйств. В 1916 году сельскохозяйственная комиссия ЗОКЕФ при помощи областной агрономической службы организовала курсы на 30 слушателей по подготовке монтеров сельхозмашин. В декабре 1916 года Управление земледелием и государственными имуществами Иркутской губернии и Забайкальской области выделило на организацию ремонта сельскохозяйственного машинного инвентаря 13 740 р.

С 1915 года ЗОКЕФ были установлены строгие сроки подачи сведений о нуждающихся в благотворительной помощи: к 15 мая – на вспашку паров, к 15 июня – на сенокос, к 20 июля – на уборку хлеба. Причин строгой регламентации было две: ограниченность финансов и опасение, что семьи потратят деньги на другие нужды. Один из сельских корреспондентов писал военному губернатору, что крестьяне, пока не продадут урожай, «всегда безденежны», поэтому простая раздача денег является неэффективной формой благотворительности. Деньги потому выдавались «не вообще в пособие», а строго на определённые нужды: «на уборку десятины хлебов», на покупку сена, на покупку пуды ржаной муки и т. д. За нецелевое использование выданных средств могли вообще лишиться права на получение пособия «в назидание другим».

Попытки организовать сельскохозяйственные дружины из учеников училищ (Нерчинск, Чита, Троицкосавск), из каторжников и военнопленных были успешны, но остались единичными. В массе своей казаки и крестьяне отказывались от их помощи, мотивируя экономиче-

ской нецелесообразностью, неприспособленностью таких работников к сельскому труду. Активно оказывало помощь бурятское население, в основном, сбором пожертвований, иногда выделением подвод, редко сельхозработами, но и такие случаи были. Так, в распахке 50 десятин в с. Барском Куналейской волости помощь оказали буряты Барун-Харгантской и Цолгинской волостей.

К оказанию помощи привлекались учреждения мелкого кредита. В Забайкалье: количество кредитных товариществ увеличивалось ежегодно: на 1 октября 1913 года было 63, в 1914 году – 93, в 1916 году – 100. Со ссудно-сберегательными кассами всех учреждений мелкого кредита было 116 [16]. В целом, взносы кредитных товариществ на благотворительность не превышали 100 р. Так, зимой 1914 года в пользу семей отчислили по 25–50 р. Мухор-Шибирское, Александровско-Заводское, Доронинское, Тонтойское товарищества. В с. Мильгидунское Зюльзинской волости только благодаря Утанскому кредитному товариществу удалось засеять четырём семьям две десятины, одной солдатке покрыть крышу

[17]. Зоргольское кредитное товарищество 14 февраля 1915 года решило отчислить 100 р. на устройство прокатного пункта для обслуживания трёх поселков: Зоргольского, Буринского и Средне-Борзинского.

В целом в 1916 году в сельских поселениях Забайкалья в сфере благотворительности и призрения работали 117 волостных и станичных попечительств (выдававших казённые пособия), 109 сельских комиссий ЗОКЕФ, 88 кредитных товариществ, 51 приходское попечительство. После Февральской революции сельскохозяйственная помощь семьям мобилизованных перешла Забайкальскому областному комитету общественной безопасности. Был образован Забайкальский областной продовольственный комитет, при нём открыта сельскохозяйственная комиссия, которой были переданы от ЗОКЕФ принадлежавшие ему сельхозмашины и 35 000 р. Однако уже в сентябре 1917 года Продовольственный комитет уведомил, что ходатайства о помощи на вспашку паров и уборку трав не могут быть удовлетворены «за полным отсутствием средств для такой помощи».

Источники и литература

1. I отдел. Территория и население // Статистический ежегодник России 1914. – СПб.: Центр стат. ком. МВД. 1915 // Проект «Исторические материалы». – URL: <http://www.istmat.info/node/25514> (дата обращения 25.04.2019). – Текст: электронный.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 57.
3. ГАЗК. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 4721.
4. ГАЗК. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 6.
5. ГАЗК. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 44.
6. ГАЗК. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 24.
7. ГАЗК. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 52.
8. ГАЗК. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 57.
9. Проект мероприятий по оказанию сельскохозяйственной помощи семьям запасных Забайкальской области в 1915 г. Доклад областного агронома // Забайкальский хозяин. – 1915. – № 8. – С. 5.
10. Севостьянова Е. В. Читинская уездная комиссия Елизаветинского комитета в годы Первой мировой войны // Приграничный регион в историческом развитии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году единения российской нации и 80-летию высшего педагогического образования в Забайкалье: в 3 ч. Ч. 2. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 146–149.
11. Сельскохозяйственная помощь семьям призванных // Забайкальский хозяин. – 1916. – № 15. – С. 13–14.
12. Соколов В. Н. Обработка и обсеменение полей в семьях запасных и ратников ополчения Забайкальской области в 1915 г. По сообщениям добровольных корреспондентов Статистического отдела. – Чита: Электротипо-лит. т-ва Бергут, сын и К°, 1917. – 49 с.
13. Станица Улятуйская // Забайкальский хозяин. – 1916. – № 15. – С. 18.
14. Хроника // Забайкальский хозяин. – 1915. – № 10. – С. 21.
15. Курсы для монтеров сельскохозяйственных машин // Забайкальский хозяин. – 1916. – № 5–6. – С. 23.
16. Герте. Что делать кредитным товариществам с избытком средств // Забайкальский хозяин. – 1915. – № 3. – С. 10.
17. Село Мильгидунское // Забайкальский хозяин. – 1915. – № 16. – С. 16.

УДК 94(47+57)
ББК ТЗ(2)5-414

Эдуард Валентинович Костяев,

*Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Россия,
e-mail: edikost@bk.ru*

Из забайкальской ссылки во Временное правительство: русский революционер и историк Николай Рожков

Статья содержит анализ биографии вообще и периода пребывания в сибирской ссылке в частности выдающегося российского экономиста, историка и политика Н. А. Рожкова. Его деятельность в ссылке весьма редко становилась предметом специального научного исследования. Между тем, именно здесь, в Восточной Сибири, Н. А. Рожковым были предсказаны явления, поразившие вскоре экономику России и внёсшие вклад в формирование недовольства царским режимом массы крестьян в серых шинелях, ставших одной из главных сил революционных событий 1917 года.

Ключевые слова: Забайкалье, ссылка, Рожков, Первая мировая война, группа «сибирских циммервальдистов», Временное правительство

Eduard V. Kostyaev,

*Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Saratov, Russia,
e-mail: edikost@bk.ru*

From Transbaikal Exile to the Provisional Government: Russian Revolutionary and Historian Nicholas Rozhkov

The article contains an analysis of the biography in general and the period of stay in the Siberian exile, in particular, the prominent Russian economist, historian and politician N. A. Rozhkov. His activities in the exile very rarely became the subject of special scientific research. Meanwhile, it is here, in Eastern Siberia, N. A. Rozhkov predicted phenomena that soon hit the Russian economy and contributed to the formation of discontent with the tsarist regime of a mass of peasants in gray overcoats, which became one of the main forces of the revolutionary events of 1917.

Keywords: Transbaikalia, exile, Rozhkov, First World War, group of "Siberian Zimmerwaldists", Provisional Government

Николай Александрович Рожков известен широкой публике как выдающийся экономист, социолог, философ, политик и историк, специалист по аграрному вопросу в России, автор, среди прочих трудов, 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» (1918–1926). Однако мало кто знает и, уж во всяком случае, делает специальный акцент в своих научных исследованиях на восточносибирском, в том числе забайкальском, периоде жизни этого человека. Между тем для многих политических деятелей того времени сибирская ссылка стала не мрачным финалом, а блестящим стартом политической карьеры в революционной России (в том числе для лидера революционной демократии меньшевика И. Г. Церетели, прибывшего в бушующий Петроград в марте 1917 года именно «из глубины сибирских руд»).

Подобным же трамплином в высокую политику стала сибирская ссылка и для Н. А. Рожкова. Но для начала несколько слов о том, какие жизненные пути его туда привели. Родился Николай Александрович 24 октября 1868 года на Урале, в городе Верхотурье Пермской губернии в семье учителя. В 1891 году окончил историко-филологический факультет Московского университета, а с 1898 года являлся его приват-доцентом. В 1900 году там же защитил магистерскую диссертацию «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке», получившую высокую оценку его научного руководителя – выдающегося российского историка В. О. Ключевского. Уже в начале XX века Рожкова можно было назвать известным историком, поскольку он являлся автором и ряда значимых публикаций в журналах «Жизнь», «Образование», «Мир Божий», «Вестник воспита-

ния» и научных сборниках, и учебников, в том числе «Обзора русской истории с социологической точки зрения» (1903–1905).

Марксистом Н. А. Рожков стал ещё в процессе работы над диссертацией, убедившись, что именно экономика даёт ключ к пониманию политики. Это привело его в апреле 1905 года в ряды РСДРП, он входил в редакции большевистских газет «Борьба» и «Вперёд», в 1906 году редактировал и издавал легальную фракционную газету «Светоч», а после непродолжительного ареста перешёл на нелегальное положение и переехал в Петербург. В 1907 году участвовал в V съезде РСДРП, был избран членом её ЦК, вошёл в состав его Русского бюро и играл большую роль в его работе после отъезда В. И. Ленина в эмиграцию. Однако в апреле 1908 года Рожкова арестовали и доставили в Москву, приговорили к пожизненной ссылке в Сибирь, куда он и был отправлен летом 1910 года. Поскольку в своих статьях Николай Александрович выступал за легальную партию и отказ от подпольной революционной деятельности, это определило его разрыв с большевиками и переход к статусу внефракционного социал-демократа. Находясь в ссылке, Рожков активно сотрудничал с местными газетами и журналами демократического направления – «Иркутское слово», «Новая Сибирь», «Голос Сибири», «Забайкальское обозрение».

Наиболее активно публицистической деятельностью он занимался в годы Первой мировой войны, входя в основное ядро группы «сибирских циммервальдистов», ратовавшей за немедленное прекращение мирового конфликта путём подписания всеобщего справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение. Взгляды членов группы были изложены в двух номерах «Сибирского журнала» и «Сибирского обозрения», увидевших свет и тут же закрытых и конфискованных властями в конце 1914 – начале 1915 года. Лидер группы И. Г. Церетели вспоминал: «Для подготовки этих номеров мы устраивали частые встречи и собрания сотрудников то в Усолье, то в Иркутске. Эти собрания носили... оживлённый характер. Мы обменивались взглядами о теоретических и практических вопросах, без фракционных предубеждений, с желанием не спорить, а выяснить друг другу свою точку зрения, и эти собрания создали то единство взглядов в нашей среде, ту прочную политическую спайку, которую мы сохранили и в последующей революционной работе. Из меньшевиков к этому тесному кругу принадлежали Ермолаев, Вайнштейн, Гольдман, Горнштейн, Дан и я. Из

большевиков – Анисимов, Войтинский, Ю. С. Вайнберг. Нефракционный – Н. А. Рожков» [5, с. 11].

В одной из своих статей данного периода тему экономической подоплёки начала мирового конфликта Н. А. Рожков развил анализом «специфически русских причин войны». Торговый договор 1904 года являлся, по мнению автора, «бельмом на глазу и русских фабрикантов, и сельских хозяев». Поэтому и правительство, и торгово-промышленные круги в течение 1914 года готовили условия договора, который был призван «оградить границы России... стеной высоких таможенных тарифов». Правившие же классы Германии, нуждавшиеся в российском рынке для своих фабрикантов, видели, утверждалось в статье Рожкова, эту грозную для них опасность и всё более убеждались, что «отвратить они её смогут только силой оружия». А союз России с Францией и соглашение с Англией, этой центральной державой Тройственного соглашения и главной соперницей Германии, нападение Австро-Венгрии на Сербию и военные приготовления всех великих держав, по убеждению Рожкова, лишь дополнили указанные выше «специфически русские причины войны» [3, с. 23].

Эта тема более глубоко была проанализирована в другой его работе, увидевшей свет ещё в первом номере журнала «сибирских циммервальдистов». «Кроме огромных человеческих, есть ещё бескровные жертвы войны, – писал в ней Рожков, – это потери и перемены, производившиеся ею в народном хозяйстве (в производстве, денежном обращении, кредите, финансах, в хозяйственном положении народа)». При этом он был убеждён, что без учёта таких жертв «осталось бы непонятным всё громадное значение войны в настоящем и все её последствия, рисующиеся в будущем». Обратившись к анализу сельского хозяйства, автор статьи с сожалением констатировал, что начавшийся мировой конфликт пресёк всякую возможность осеннего вывоза российского хлеба за границу. А вот потерпели бы они окончательный ущерб, простиравшийся до 300 млн р., зависело тогда от того, можно ли было возобновить вывоз хлеба весной 1915 года, то есть закончилась бы к тому времени война: «Если не закончится, – был убеждён Рожков, – русское зерновое хозяйство ждёт огромный кризис» [2, с. 21–23].

Сюда же, по мнению автора, следовало присоединить ещё одно могущественное влияние войны, действовавшее в разрушительном ключе не только на крепостнические помещи-

чи, но и на капиталистические сельскохозяйственные предприятия – «огромное, более чем в семь раз, сокращение винной монополии, этой матери-благодетельницы русского винокурения». Ещё характерными признаками кризиса в зерновом хозяйстве России Н. А. Рожков называл огромные различия в ценах на хлеб в отдельных регионах (в конце октября 1914 г. в Петрограде рожь оценивалась на 30 %, пшеница на 41 %, а овёс даже на 100 % дороже, чем на крупных хлебных рынках Нижнего Поволжья и Западной Сибири) и начавшееся тогда на большей части рынков страны падение этих цен. А масштабы падения были видны из того, что, например, в Нижнем Поволжье пшеница в конце октября продавалась на 8 %, рожь на 11 %, а ячмень на 16 % дешевле, чем месяц назад. Это Рожков считал «явным признаком резко обозначившегося кризиса» [Там же, с. 23].

«Из других отраслей сельского хозяйства, – констатировал он, – мировой конфликт поразил пока лишь те, которые были ориентированы на внешний рынок – льноводство, маслоделие, вывоз яиц, лесное хозяйство и сбыт пушнины. Вывоз леса, например, осенью 1914 года сократился вшестеро. С пушнинной дело обстояло ещё хуже, поскольку Германия (в частности, Лейпциг) была почти единственной покупательницей данного товара». Таким, по мнению Рожкова, в главных чертах было влияние войны на хозяйство деревенской России – «сельские хозяева капиталистического типа и зажиточное... крестьянство отсрочили ещё для себя наступление кризиса... до весны; но крестьянская беднота страдает от безденежья, а помещики-крепостники уже сейчас разорены почти окончательно» [Там же, с. 23, 24].

В 1915 году из села Бельское Иркутской губернии он переехал в Читу, где некоторое время редактировал журнал Забайкальского торгово-промышленного товарищества кооперативов «Наше дело». В отличие от редактировавшего журнал с сентября 1914 года большевика В. Н. Соколова, настаивавшего при поддержке рабочих на придании «Нашему делу» партийной социал-демократической окраски, Н. А. Рожков выступал за защиту на его страницах исключительно профессиональных интересов трудящихся. По подсчётам Т. С. Аверячкиной, на страницах журнала Рожковым было

опубликовано 24 статьи, посвящённых ключевым вопросам жизни тогдашней России (к примеру, «Положение и задачи забайкальской кооперации», «Смертный грех кооперации» и др.) [1, с. 93]. Однако в апреле 1915 года, как написал сдружившийся с Николаем Александровичем в ссылке меньшевистский историк Б. И. Николаевский, издание было закрыто по распоряжению губернатора Восточной Сибири за «вредное направление» [4].

Февральская революция застала Н. А. Рожкова в Новониколаевке (ныне Новосибирск), где он являлся товарищем (заместителем) председателя революционного комитета. Пиком же его политической карьеры стало назначение 17 мая 1917 года на должность товарища министра почт и телеграфов Временного правительства. Им тогда являлся его близкий по ссылке знакомый И. Г. Церетели, который и предложил Рожкову занять этот пост. В своих воспоминаниях Церетели указывал впоследствии, что согласился в начале мая возглавить данное министерство только после уверения главы Временного правительства Г. Е. Львова, что от него не будут требовать «участия в ведомственной работе, которую я всецело могу предоставить выбранным мною товарищам министра» [5, с. 163].

Находясь в составе кабинета министров, Николай Александрович выступал за создание однородного социалистического правительства и подчинение его вплоть до созыва Учредительного собрания Советам рабочих и солдатских депутатов. Когда же после июльского кризиса расстановка политических сил в революционном Петрограде изменилась не в пользу Советов, он покинул в начале августа Временное правительство и стал членом ЦК партии меньшевиков. 13 ноября 1917 года на совещании при Викжеле о составе однородного социалистического правительства на должность министра финансов среди прочих предлагался и Н. А. Рожков. Как видно из всего вышеизложенного, Николай Александрович явил собой один из многих примеров революционных деятелей, для которых сибирская ссылка стала трамплином для довольно успешной политической карьеры на общероссийском уровне, ярко продемонстрировав, как бывший забайкальский ссыльный может быстро превратиться в заместителя министра тогдашнего правительства России.

Источники и литература

1. Аверячкина Т. С. Периодическая печать Забайкальской области (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.). – Чита: ЗИП СибУПК, 2015. – 160 с.
2. Наров. Война и хозяйство России // Сибирский журнал. – 1914. – № 1. – С. 20–25.

3. Наров. Россия накануне войны // Сибирское обозрение. – 1915. – № 1. – С. 22–27.
4. Николаевский Б. И. Группа «сибирских циммервальдистов» // Hoover Institution Archives. Boris I. Nicolaevsky collection. – Series 249. – Box 510. – Folder 22.
5. Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. – Paris: Mouton & CO Haye, 1963. – Кн. 1. – 493 с.

УДК 93:630*742
ББК Т(2)612-9:У428

Денис Николаевич Беспалько,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: bspalkodenis84@mail.ru

Развитие законодательной базы Дальневосточной республики (1920–1922) о торговле пушниной и сырьём¹

В статье рассмотрена политика правительства Дальневосточной республики, направленная на государственную монополизацию сфер заготовок, хранения, торговли пушниной и сырьём, в том числе на внешнем рынке. Под действие издаваемых постановлений и законов одинаково попадали все виды цветной пушнины и лекарственно-технического сырья. Данная политика носила крайне ограниченный характер, в силу общей неподготовленности исполнительного аппарата власти и нежелания населения подчиняться законам, ущемляющим его имущественные права.

Ключевые слова: закон, государственная монополия, конфискация, внешняя торговля, пушнина

Denis N. Bepalko,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: bspalkodenis84@mail.ru

The Development of the Legislative Framework of the Far Eastern Republic (1920–1922) about the Fur Trade and Raw Materials

The article deals with the policy of the government of the far Eastern Republic, aimed at state monopolization of procurement, storage, trade of furs and raw materials, including in the foreign market. Under the action of the issued resolutions and laws all kinds of colored furs and medicinal and technical raw materials equally fell. This policy was extremely limited, due to the General lack of training of the Executive apparatus and the reluctance of the population to obey the laws that infringe its property rights.

Keywords: law, state monopoly, confiscation, foreign trade, furs

Продукты охотничье-промыслового хозяйства на территории ДВР практически сразу попали в разряд контрвалюты, контроль над которой осуществлялся правительством. Законодательная база республики последовательно расширяла полномочия Министерства продовольствия и торговли (Минпродторг) в деле регулирования процесса заготовки пушно-мехового сырья, поступления на склады хране-

ния заготовительного отдела и дальнейшей реализации на внешнем рынке при помощи контрагента – Центросоюза.

6 декабря 1920 года выходит первое постановление о запрещении вывоза товаров за границу республики. Под временный запрет попадает и пушнина. Право международной торговли и определения контрагента остаётся в компетенции только Минпродторга. Начиная

¹ Статья выполнена в рамках реализации научного гранта № 265-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «История развития охотничье-промыслового хозяйства Забайкальского края в первой половине XX в.».

ется процесс выработки новых правил учёта и регламентации запасов пушно-мехового сырья, порядка выпуска его за границу. Пунктом 3 постановления объявлялось, что в случае обнаружения факта нарушения запрета виновному грозила конфискация товара, в отдельных случаях привлечение к уголовной ответственности за контрабанду в особо крупном размере [4, л. 3]. Тем самым предпринималась попытка пресечения незаконного экспорта и импорта, необлагаемого пошлиной. Проблемы пересечения границы, вывоза/ввоза нелегальных товаров и мошеннических действий иностранных торговцев стояли в ДВР особенно остро. Пограничные службы ежедневно докладывали о всё возрастающей спекуляции китайских купцов, выкачивающих у населения за всевозможную чепуху продукты сельскохозяйственного производства и пушнину. Это разоряло народное хозяйство и подрывало финансовую систему республики. Поэтому пограничным частям отдавались распоряжения конфисковывать у китайских купцов все вывозимые с русской территории товары как монопольные и имеющие контрвалютное значение [2, л. 13].

Следующим постановлением правительства ДВР от 23 декабря 1920 года был опубликован «Закон о государственной монополии на пушнину и сырьё». Под действие закона попадали следующие категории: пушнина – выделанные и невыделанные шкуры зверей, лекарственно-техническое сырьё – рога-панты, медвежья желчь и струя; сырьё – невыделанные кожи домашних животных и др. Целью издания закона было стремление правительства сгруппировать всю пушнину в своих руках, создав, таким образом, фонд контрвалютных товаров для оперирования ими на внешнем рынке. За контрвалюту приобретались всевозможные электротехнические принадлежности, аппараты и машины, сельскохозяйственные орудия и т. д. [3, л. 9]. Предполагалось создание иностранных концессий с широким набором заготовительных прав и льготных привилегий.

Для проведения в жизнь положений закона на пушнину были выработаны твёрдые цены в золотом рубле, с гибкой системой определения качества по 5 сортам. Цены на основные виды варьировались в следующем диапазоне: белка – 15–25 к., волк – 1–2 р. (щенки – 50 к.), куница – 2–5 р., соболь – 30–75 р., лиса, песец – 1–10 р. [4, л. 35–37]. Как выяснилось, цены оказались настолько минимальны по сравнению с существующими на внешнем рынке, что правительству не удалось собрать по таковым сколько-нибудь приличную пар-

тию. Отношение населения, занимающегося пушным промыслом, к изданию этого закона и определению закупочных цен было резко отрицательным. Закон запрещал свободную продажу пушнины, таковая должна была сначала представляться на учёт, а затем уже покупаться правительством по установленным ценам. Ввиду их общей незначительности, пушнина оказалась с одной стороны спрятанной, с другой же наблюдалась тенденция к провозу её контрабандным путём за пределы территории ДВР, на предмет продажи по существующим значительно выше ценам за иную, свободно котируемую на внутреннем рынке валюту.

Принудительные меры к отчуждению пушнины в связи с изданием закона ни к чему не привели, если не считать несколько мелких реквизиций и взятой на учёт партии, которая в момент издания закона уже находилась на складах кооперативных и общественных организаций. Население, недовольное законом, прятало заготовленное пушно-меховое сырьё в недоступные места, а в случае ужесточения контроля за пушным оборотом грозило свести на нет промысел. Охотничье-промысловый контингент и правозащитники республики требовали отмены закона о монополии. В итоговом докладе врид. начуправторга С. Бутурлина отмечалась настоятельная необходимость предоставить населению ДВР свободно торговать ею по всей территории, а ввиду того, что вся добытая пушнина поступает на иностранные рынки, то в виде особого налогового обложения сохранить вывозную пошлину в размере 10 % натурой, что организация аппарата для сбора этого налога будет для республики не обременительной, т. к. её следует установить только на приграничных пунктах. Натуральный же фонд пушнины при упомянутом налоге будет значительным, ибо население охотнее пойдёт на указанную налоговую систему, чем на монополизацию и связанные с монополией принудительные меры [Там же, л. 15 об.]. Что касается создания концессий на пушной промысел, то от таковых следовала рекомендация воздержаться, т. к. они в зародыше убивали всякую конкуренцию в смысле регулирования цен внутреннего рынка на пушно-меховое сырьё при высоком спросе его за границей. Это могло составить безусловный ущерб для населения, ибо всякий концессионер находился в привилегированном положении перед другими иностранцами, желающими вступить на пушной рынок ДВР [4, л. 16].

Закон о монополии в конечном итоге оказался провальным и не оправдал возлагав-

шихся на него надежд. Монополизация пушнины была мыслима только при хорошо организованном государственном аппарате, имея в виду строгий надзор за проведением в жизнь этой монополии, равно как и правильную постановку дела приёмки пушнины при непременно условии компенсации за таковую. Но для организации надзора и приёмки пушнины следовало набрать значительный и дорогостоящий персонал специалистов, осуществляющий свою деятельность по всей территории ДВР. Для компенсации затрат промышленникам нужно было иметь довольно солидные оборотные средства, имея в виду огромные размеры пушного рынка в Забайкалье, Примурье и Приморье, тогда как финансовое состояние молодой республики находилось в удручающем состоянии.

Поэтому уже 15 мая 1921 года в Минпродторге по вопросу о пушнине было решено признать необходимым, что всю заготовленную кооперацией пушнину до введения пушной монополии и сданную после в заготовительный отдел, возвратит по принадлежности. Реализацию пушнины, полученную в период действия закона, поручить Центросоюзу [1, л. 23–23 об.]. В целях поощрения развития торговых оборотов ДВР путём расширения пределов частной торговой инициативы, правительство на основании 48 ст. п. 7 Конституции, 29 сентября 1921 года закон о государственной монополии на торговлю пушниной и сырьём отменяло. Однако государство отказывалось прощать недоимки, случившиеся во время его действия. Так, вся пушнина, поступившая в распоряжение правительства с 23 декабря 1920 по 29 сентября 1921 года, оставалась собственностью государства. А та, что была взята на учёт Минпродторгом и не сдана, всё равно должна была поступить в государственную собственность [6, л. 1].

В сентябре–октябре 1921 года с целью выяснения реального положения дел с пушными заготовками в период действия монопольного закона, проводились ревизионные мероприятия. В ходе проверок вскрылись грубые нарушения: хаотическое состояние делопроизводства заготовительного отдела, полное отсутствие отчётности, по которым можно было бы судить о состоянии собранной и конфискованной пушнины. Отсутствовал постоянный учёт количества пушных партий, отправленных за границу для реализации и сведения о суммах, вырученных при их продаже. В силу указанных

причин по данным заготовительного отдела не представляется возможным выяснить точные результаты пушной монополии [7, л. 27].

Новый закон о торговле пушниной и сырьём вышел 3 октября 1921 года. Скупка с целью перепродажи внутри республики и для вывоза за границу объявлялась свободной. Для предпринимателей устанавливался особый промысловый налог: 1) за скупку пушнины на сумму свыше 200 тыс. золотых р. – налог составлял 500 р. золотом; 2) от 100 до 200 тыс. р. – 300 р. золотом; 3) от 10 до 100 тыс. р. – 100 р. золотом; 4) до 10 тыс. р. – 50 р. золотом. Взамен отменяемой государственной монополии вводилось прямое регулирование торговли под учётом и контролем государства. Добыча, покупка с целью перепродажи и вывоз за границу осуществлялись по разрешению государственных органов власти и с уплатой вывозной пошлины в размере 10 % от стоимости вывозимого [5, л. 19–19 об.; 6, л. 1–1 об.]. Таким образом, закон подразумевал, что пушно-меховое сырьё являлось собственностью лиц и организаций, получивших от Минпродторга право на заготовку и вывоз, торговлю и обработку. Государство в свою собственность могло его получить только на общих основаниях от частных лиц и организаций, т. е. путём свободных, добровольных сделок.

В мае 1922 года выходит закон о поштучном сборе с пушнины. Налог устанавливался в 2 формах. Оплачивалось: 1) право: а) производства промысла – т. е. охотничий билет (от 3 мая 1922 г.), б) торговли пушниной – промысловое свидетельство (закон от 3 января 1922 г.); 2) торговая прибыль: а) на внутреннем рынке – поштучный сбор; б) на внешнем рынке – таможенная пошлина. Охотники, продающие лично добытую пушнину и представители охотничьих артелей, сдающие пушнину по поручению организации, от выборки промысловых свидетельств освобождались. Перекупщиков же, для произведения легального торга, обязывали его выбирать [8, л. 53].

Результат отмены монопольного закона и возвращения свободных торгов положительно сказался на пушном товарообороте. Если в 1920 году (с апреля по декабрь) через таможенные учреждения ДВР за границу было вывезено пушнины на сумму 531 146 р., то за весь 1921 год – на 623 331 р. (сумма приблизительно), а в первое полугодие 1922 года – на 1 255 014 р. [8, л. 50].

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-18. – Оп.1. – Д. 9.

2. ГАЗК. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 46.
3. ГАЗК. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 62.
4. ГАЗК. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 69.
5. ГАЗК. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 72.
6. ГАЗК. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 73.
7. ГАЗК. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 135.
8. ГАЗК. – Ф. Р-441. – Оп. 1. – Д. 2.

УДК 069:39(571.55)
ББК Ч91:Т521(253.57)

Марина Владимировна Пряженникова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: klichca85@yandex.ru

Этнографические экспозиции читинского краеведческого музея им. А. К. Кузнецова в 1920–1930-е годы¹

В основу статьи легли материалы газеты «Забайкальский рабочий», в которых дано описание деятельности Читинского краеведческого музея им. А. К. Кузнецова в 1920–1930-е годы. Автор статьи проанализировала небольшую часть работы музея, а именно этнографические коллекции, которые были собраны музеем на протяжении многих лет и представлены посетителям в указанные годы. Эти коллекции частично отражали жизнь и быт малочисленных народов Забайкалья: бурят, гольдов, орочено-тунгусов.

Ключевые слова: музей, коллекции, этнография, быт, буряты, орочен, гольды

Marina V. Pryzhennikova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: klichca85@yandex.ru

Ethnographic Expositions of the Chita Museum of Local Lore A. K. Kuznetsova in 1920–1930s

The article is based on materials from the “Zabaykalsky Rabochy” newspaper, which describes the activities of the Chita Museum of Local Lore A. K. Kuznetsova in the 1920–1930s. The author of the article analyzed a small part of the work of the museum, namely, the ethnographic collections that were collected by the museum over the years, and presented to visitors in the years indicated. These collections partially reflected the life and life of the small peoples of Transbaikalia: the Buryats, the Golds, the Orochen-Tungus.

Keywords: museum, collections, ethnography, life, the Buryats, the Orochen, the Golds

Читинский краеведческий музей (ныне Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова) был открыт при Читинском отделении Приамурского отдела Императорского русского географического общества 16 апреля 1895 года стараниями Н. В. Кириллова и А. К. Кузнецова, чье имя музею было присвоено в 1921 году. С момента своего создания и по настоящее время музей яв-

ляется богатым и систематическим собранием различных экспонатов по целому ряду отделов.

Однако до 1914 года музей не имел своего стационарного помещения, а путешествовал по общественным квартирам и так называемым «квартиркам», неоднократно горел, утрачивая часть своих коллекций. С 1914 года он находился в собственном, специальном

¹ Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Нормативное регулирование конфессиональных отношений на приграничных территориях Забайкалья, Северного Китая и Монголии: история и современность (компаративный анализ)».

музейном здании, но к концу 1920-х годов коллекции музея настолько увеличились, что не хватало залов для их экспозиций. Музей организовывал периодические, событийные выставки, вёл научно-исследовательскую и экскурсионную работу. Недостаточность средств мешала на должном уровне проводить научно-исследовательскую работу, зато экскурсионная и выставочная деятельность были организованы вполне удовлетворительно. Например, с октября 1927 года по июнь 1928 года на экскурсии пришло 20 тыс. человек, в числе которых были рабочие, служащие, учащиеся и красноармейцы [1, с. 4].

С 1 октября 1925 года согласно новому постановлению о музеях Дальневосточной области изменился порядок посещения Читинского краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. Посещение музея на основании соответствующего постановления Совнаркома вводилось платное. Бесплатно могли посещать музей лишь экскурсии от красноармейских частей, учебных заведений, партийных, профсоюзных, рабочих и других организаций. Следовательно, платно посещали музей индивидуально отдельные граждане.

В соответствии с этим, Учёным советом музея был утверждён следующий порядок посещения: в воскресенье с 10 до 13 часов – платные посещения (10 к. за вход); среда-четверг – для экскурсий при условии предварительной записи (лично у директора или по телефону); вторник – день для отдельных, бесплатных посещений музея [4, с. 8].

Как уже говорилось выше, краеведческий музей был богат разными экспонатами, среди которых не последнее место занимали материалы, связанные с этнографией Забайкалья. Так, обращали на себя внимание орочено-тунгусские коллекции, которые давали почти исчерпывающие сведения о жизни бродячих орочено-тунгусов. Этих коллекций, особенно по материальной культуре, было бы гораздо больше, если бы взятые в 90-х годах XIX века на парижскую и нижегородскую выставки более 50 предметов были возвращены.

Имевшиеся коллекции поступили в музей от следующих лиц и организаций: Сафьянникова (баргузинские орочены), Н. З. Кириллова (орочены по р. Нерче), Туземской секции и членов особой маньчжурской экспедиции 1894 года – Андронникова, Логиновского и других (орочены, маньчжуры и солонь).

В коллекцию входили следующие экспонаты: летняя ураса (чум-юрта) из бересты, почти в натуральную величину; в урасе – ма-

некен орочена-тунгуса, сидящего около котла. Возле урасы располагались манекены взрослого орочена в зимней и летней одежде и ребёнка в целом костюме (унты, штаны, куртка). Ребёнок – работа сотрудника музея Аверина. Также экспозицию дополняли большая коллекция фотографий, среди которых были увеличенные портреты, отражавшие тяжёлую жизнь; одежда шаманки – вдовы Далаевой – со всевозможными уникальными атрибутами шаманского культа. По отзывам современников, образ шаманки привлекал к себе внимание, помимо постоянной публики, всех исследователей и путешественников. Так, например, французы давали за неё 12 тыс. франков.

Также в коллекции были представлены отдельные предметы быта, располагавшиеся в одном шкафу, который был переполнен так, что содержимого хватило бы на целую небольшую комнату. Здесь обращало на себя внимание ружьё-кремнёвка со своеобразными сошками, служащими и как ездовые палки (при езде верхом на олене) и как посохи при беге на лыжах. Также были экспонированы детские колыбели, в которых детей крепко закупорили и подвязывали по обе стороны вьючного оленя. При этом видны были только личики детей.

Как и многие другие предметы быта, поражали своей лёгкостью и портативностью олени сёдла. Одежда и обувь были крепко сшиты, иногда их украшал орнамент, правда, не особенно замысловатый. Ороченки замечательно выделывали под замшу кожи зубра, оленя и пр. Обращала на себя внимание разная посуда, выдолбленная из дерева и сшитая из бересты, часто тоже с орнаментом.

Среди экспонатов была оленья матка. Когда надо было из леса позвать оленя, хозяйка брала кожаный мешочек, наполненный солью. К нему привязывали побрякушки из копытцев. Олень приходил из тайги, и в награду получал соль, которую он очень любит.

Музей, несмотря на полноту коллекции, всё же нуждался в некоторых предметах. Было мало коллекций по духовной культуре орочен, а по фольклору не было совершенно ничего [2, с. 8].

С целью пополнения коллекции данными материалами в географическом обществе неоднократно обсуждался вопрос о научно-исследовательской экспедиции к ороченам. Правление общества обратилось в Наркомпрос с просьбой ускорить уже ранее обещанное ассигнование на экспедицию и одновременно приступило к созданию специального

местного фонда для этой цели. В члены общества изъявил желание вступить местный китайский консул Чжан, который располагал ценными коллекциями и являлся большим любителем старины [3, с. 8].

В краеведческом музее также был развёрнут особый гольдский уголок. Гольды – ветвь большой, когда-то могущественной тунгусской семьи. Жили они по низовьям рек Амур, Уссури и Сунгари. Они принадлежали к народности, по различным причинам, главным образом, экономическим, шедшей по пути медленного угасания. По переписи 1897 года их числилось около 5660 душ обоего пола, к 1925 году – около 3500 душ.

Из экспонатов музея, прежде всего, обращали на себя внимание художественно исполненные акварелью портреты гольда и гольдячки, орнаментированные по кругу. Монтированы они были известным этнографом В. К. Арсеньевым, занимавшим в то время пост директора Хабаровского музея. Из фотографий выделялись одетые в специальные костюмы шаманы. На других фотографиях можно было увидеть гольдячку с серьгой в носу, поминки по умершим и пр.

Из предметов материальной культуры были мужские и женские халаты с художественным орнаментом, рукавицы из меха оленя, наконечники, турсук из бересты тоже с орнаментом и пр. Во всех поделках гольдов были видны развитие, в большей степени, усидчивости, смекалки и даже художественного чутья [6, с. 8].

Большого внимания заслуживали рисунки из жизни и быта бурят Агинского аймака Бурят-Монгольской республики, работы ламы Отсора Будаева, сделанные с необычайной лёгкостью, наблюдательностью и остротой. Его рисунки были насыщены выразительностью, являлись ценнейшими иллюстрациями по быту. Большую художественную ценность представлял костюм шаманки. Имелся ряд бурханов (богов) монгольской и китайской работы [1, с. 4].

Также в музее находился ряд интереснейших и ценных экспонатов в виде манекен – фигур бурят, ороченов, буддийских масок – богов и т. п. Манекены в течение многих лет стояли без витрин, не защищённые совершенно от внешних влияний. Специальных ассигнований на эту цель не производилось, хотя средства были нужны и сравнительно небольшие (до 500 р.), устройство стеклянных витрин давало возможность сохранить ценные экспонаты. Некоторые из указанных экспонатов неповторимы, например, бурятка

в праздничном наряде, одяние масок из мистерии «Цам» и т. п. [8, с. 5].

В августе 1940 года в Читинский областной краеведческий музей из дацана Агинского национального округа было доставлено большое количество предметов ламайского культа. Статуя Будды – третий большой экземпляр в Советском Союзе. Ряд бронзовых изображений божеств – Дамдинга (покровителя лошадей), Джамсарана (бога войны), Чойжила (царя ада) и других, новая большая статуя бурхана. Есть основания предполагать, что эта статуя была получена из-за границы перед закрытием дацана и находилась в разобранном виде. Высота её с пьедесталом была около 2 м.

В музей поступили разные алтари изящной работы, масса шёлковых балдахин. Огромная чугунная курильница с изображением на крышке льва с разинутой пастью, сделанная старым Петровским чугунно-литейным заводом.

Часть предметов ламайского культа из дацана музеем были переданы в Академию наук СССР, Ленинградскому антирелигиозному музею передана статуя Будды Майтреи высотой 13 м 40 см, а также «Райсукованти», состоявший почти из 1000 фигур бурханов различной величины, во главе с Амитабой, которого буряты звали Абида (глава рая) [7, с. 4].

Далеко не все экспонаты можно было разместить в музее, т. к. помещений не хватало. Кроме того, было мало специалистов в этнографическом отделе, отдел не пополнялся новыми экспонатами. Музеем была недостаточно развёрнута исследовательская и краеведческая работа. Также не было необходимых условий для хранения экспонатов. Паровое отопление требовало переоборудования, в комнатах было холодно. Помещения не имели капитального ремонта более 10 лет. Оплата работников была низкая, большинство из них работали по совместительству, мало времени уделяя музею. Несмотря на то, что помещений не хватало, в них ещё жили бывшие сотрудники музея, которых никак не удавалось выселить. И горсовет, и гороно, и горкоммуноотдел мало интересовались работой музея, несмотря на то, что Читинский музей – музей областного значения [5, с. 4].

Стоит отметить, что, несмотря на многочисленные трудности, которые возникали в работе Читинского краеведческого музея, его сотрудники смогли сохранить, дополнить и собрать ряд вещей, которые отражали жизнь малочисленных народов Забайкалья – ороченов, тунгусов, гольдов. Были также представ-

лены буряты. Часть этих предметов в 1920–1930-е годы вошли в состав нескольких экспозиций, которые привлекали население, вызвали неподдельный интерес.

Источники и литература

1. Беляев В. Краевой музей им. А. К. Кузнецова // Забайкальский рабочий. – 1928. – № 206. – 5 сент. – С. 4.
2. Богатство нашего краевого музея. Орочены-тунгусы (по коллекциям Читинского краевого музея им. А. К. Кузнецова) // Забайкальский рабочий. – 1925. – № 6. – 8 янв. – С. 8.
3. В географическом обществе // Забайкальский рабочий. – 1925. – № 47. – 26 февр. – С. 8.
4. В музее // Забайкальский рабочий. – 1925. – № 230. – 8 окт. – С. 8.
5. В музее // Забайкальский рабочий. – 1936. – № 74. – 30 янв. – С. 4.
6. Добромыслов А. Гольды. По коллекциям Читинского краеведческого музея // Забайкальский рабочий. – 1925. – № 80. – 8 апр. – С. 8.
7. Новые экспонаты ламайского культа в музее // Забайкальский рабочий. – 1940. – № 193. – 21 авг. – С. 4.
8. Экспонаты необходимо сохранить // Забайкальский рабочий. – 1926. – № 73. – 31 марта. – С. 5.

УДК 94
ББК ТЗ(2)614-68

Сергей Анатольевич Жданов,
г. Москва, Россия

Пограничники Забайкалья в боях на Халхин-Голе. Горячий 1939 год

Восточные рубежи России – отдельный форпост и «окно» в Азию – всегда бдительно охраняли пограничные войска Забайкалья. По этой тематике накоплен значительный массив научных исследований, монографической литературы, книг и брошюр, журнальных и газетных публикаций. Вместе с тем история боевых действий забайкальских пограничников против милитаристской Японии весной и летом 1939 года, на наш взгляд, пока не получила научного исследования и освещения в должной степени. Данное обстоятельство актуализирует и то, что до сих пор, в связи с двусмысленной неопределённостью позиции японской стороны, между Россией и Японией не заключён мирный договор, не решён вопрос о так называемых «северных территориях» – русских островах Курильской гряды.

Ключевые слова: Забайкалье, МНР, Маньчжурия, опасность нападения Японии, Советско-монгольский протокол о взаимной помощи, совместные боевые действия против агрессора, Г. К. Жуков, Х. Чойбалсан, Г. Н. Штерн, героизм забайкальских пограничников и монгольских воинов

Sergey A. Zhdanov,
Moscow, Russia

The Border Guards Transbaikal in the Battles at Khalkhin Gol. Hot 1939

The Eastern borders of Russia – a separate Outpost and a “window” to Asia – has always been vigilantly guarded by the border troops of Transbaikalia. A considerable amount of scientific research, monographic literature, books and brochures, magazine and newspaper publications have been accumulated on this subject. However, the history of fighting TRANS–Baikal border guards against militaristic Japan in the spring and summer of 1939, in our opinion, has not yet received scientific research and coverage to the proper extent. This circumstance also makes it relevant that, due to the ambiguous uncertainty of the Japanese side’s position, a peace Treaty has not been concluded between Russia and Japan, and the issue of the so – called “Northern territories” – the Russian Islands of the Kuril chain-has not been resolved.

Keywords: Transbaikalia, MPR, Manchuria, danger of attack of Japan, the Soviet-Mongolian Protocol on mutual assistance, joint military operations against the aggressor, G. K. Zhukov, H. Choibalsan, G. N., Stern, heroism of Transbaikal border guards and Mongolian soldiers

Поражение японской армии в боях в районе озера Хасан не только не убедило японские правящие круги в авантюристичности планов антисоветской войны, а, напротив, вызвали стремление взять реванш. С осени 1938 по весну 1939 года японский генеральный штаб спешно разрабатывал обновлённый оперативный план войны, получивший кодированное название «План операции № 8». Из двух вариантов этого плана был принят вариант «Оцу». После провала вылазки у озера Хасан японское командование, убедившись в прочности советской обороны на восточном направлении, искало такое место для удара, «где противник не ждал нападения» [4, с. 87–89].

По этому варианту командованием Квантунской армии было решено нанести удар с западного направления, быстро оккупировать Монгольскую Народную Республику, выйти к Байкалу и на Транссибирскую железную дорогу, а затем, в случае успеха, захватить обширную советскую территорию от Иркутска до Владивостока.

Опасность нападения Японии на МНР и раньше являлась реальностью. Советское правительство ещё в феврале 1936 года заявило, что Советский Союз поможет Монголии защитить её независимость. Вслед за этим 12 марта 1936 года состоялось подписание Советско-монгольского протокола о взаимной помощи против агрессора. Тогда это возымело эффект, и японский генералитет на время решил отложить намечавшийся захват МНР.

За первые три с половиной месяца 1939 года японская сторона совершила свыше 30 нарушений советской границы, на территории МНР значительно расширилась её агентурная сеть. В маньчжурском прикормонье японцы усилили военные гарнизоны, провели паспортизацию населения и другие режимные мероприятия. На читинском участке регулярно происходили вооружённые нападения на пограничные наряды, выброски диверсионных банд для захвата пограничников и проживающих в приграничной зоне граждан, имели место другие диверсионные акты [8, л. 1, 2].

Опасность нового военного нападения на восточных рубежах СССР нарастала. Охрана забайкальского участка государственной границы усиливалась. В пограничную зону были переброшены дополнительные воинские части, возводились новые пограничные укрепле-

ния и заставы. Улучшилось взаимодействие погранвойск с подразделениями и частями Красной армии. В необходимых случаях формировались комбинированные группы пограничников и красноармейцев. К охране границы привлекался партийный и советский актив. В военных операциях участвовали и бывшие красные партизаны, отряды чоновцев. В Иркутской и Читинской областях, Бурят-Монгольской АССР прошла частичная мобилизация военнослужущих запаса. В Читинской области было призвано около 30 тыс. запасников. Забайкалье стало прифронтовым тылом: промышленность, транспорт, связь, сельское хозяйство, медицина обслуживали сражающиеся войска [3, л. 32].

В феврале 1939 года народный комиссар внутренних дел СССР в докладной записке в ЦК ВКП(б) и СНК обосновал необходимость усиления пограничной охраны восточных рубежей страны. В записке содержались конкретные предложения по данному вопросу. В частности, из общего количества личного состава, необходимого для охраны границ СССР, 75 % предполагалось использовать для усиления восточной и дальневосточной границ. В марте была проведена реорганизация пограничных и внутренних войск НКВД СССР, направленная на укрепление пограничных войск, совершенствование управления ими, усиление охраны государственной границы на всём протяжении, особенно на восточном направлении, в том числе на забайкальском участке советско-маньчжурской границы [7, л. 27, 28; 9, л. 100–103; 10, л. 57].

Граница в Забайкалье, как и на всём Дальнем Востоке, жила напряжённой жизнью. Заставы пограничного округа были приведены в полную боевую готовность. Пограничники охраняли рубежи страны, давали твёрдый отпор вылазкам японцев. Сообщения с границы напоминали сводки с фронтовых полей.

С весны 1939 года начались затяжные тяжёлые бои против японского агрессора. Перелом наступил с прибытием в район сражений Г. К. Жукова, направленного по поручению Сталина на места событий и назначенного командующим корпусом, затем 1-й армейской группой войск с подчинением наркомун СССР. Оценив обстановку, Георгий Константинович сразу определил, что эти события не являются пограничным конфликтом и надо ждать в ближайшее время действий более широкого мас-

штаба. Он доложил нарком, что японцы намерены наступать, поэтому необходимо прочно удерживать оборону на восточном берегу Халхин-Гола и готовить удар из глубины.

Командующий 1-й армейской группой советских войск в Монголии комкор Г. К. Жуков. МНР, Халхин-Гол, 1939 г.

План был одобрен. Обеспечив надёжную защиту плацдарма на восточном берегу, Г. К. Жуков разработал и осуществил план широкомасштабной наступательной операции. Свидетельством её полного успеха явилось победное Баин-Цаганское сражение.

По просьбе Военного совета для проведения операции в 1-ю армейскую группу было направлено серьёзное подкрепление. Часть войск Забайкальского военного и пограничного округов была переброшена в район боевых действий. Монгольскими войсками руководил маршал Х. Чойбалсан. Общую координацию действий советских войск с Монгольской народно-освободительной армией осуществляло фронтовое управление во главе с командармом 2-го ранга Г. М. Штерном.

Благодаря военно-организаторскому таланту Г. К. Жукова замыслы японского командования были сорваны. 28 августа развернулись бои за ликвидацию последнего узла сопротивления японцев – высоту на правом берегу реки Хайлас-Тай-Гол. Поздно вечером на гребне высоты было водружено победное Красное знамя. Территория МНР была полностью очищена от врага.

Слева направо: командарм 2-го ранга Г. М. Штерн, маршал МНР Х. Чойбалсан и комкор Г. К. Жуков на командном пункте Хамар-Даба

В ходе боевых действий на Халхин-Голе командование Красной Армии использовало пограничников главным образом для ведения разведки, охраны командных пунктов и других особо важных объектов. Наряду с этим подразделения погранвойск выполняли задачи армейского командования по обороне отдельных участков местности и, особенно, по поиску и ликвидации диверсантов и шпионов, пробравшихся в советский тыл. В каждом бою, в

каждой операции пограничники показывали образцы мужества и отваги.

В боях на Халхин-Голе принимали участие пограничники Кяхтинского, Мангутского и Даурского отрядов. Пограничники образовали сводный батальон особого назначения двукратного состава. Батальон был укомплектован лучшими кадрами. Командиром назначили начальника штаба Кяхтинского погранотряда майора А. Е. Булыгу, комиссаром – старшего политрука

Г. П. Солдатова, командирами рот и их заместителями – наиболее опытных и подготовленных командиров и политработников пограничных комендатур и застав [11, л. 141, 142].

Полковник А. Е. Булыга – командир сводного пограничного отряда, участвовавшего в боях на Халхин-Голе, и красноармеец того же отряда С. В. Жданов

Совершив 700-километровый марш на машинах в трудных условиях, по незнакомой местности и под угрозой нападения авиации противника, батальон прибыл к месту назначения, поступив в распоряжение советского командования. Батальон насчитывал более 500 пограничников. На подразделения батальона возлагались разнообразные и ответственные задачи с учётом подготовки пограничников и их служебно-боевого опыта. Они занимались очисткой прифронтового тыла от вражеских элементов, охраняли командный пункт армейской группы, переправы через Халхин-Гол, выполняли специальные задания командования по борьбе со шпионами и диверсантами. Благодаря высокой бдительности и образцовой службе пограничников, японской разведке не удалось выявить расположение армейского командного пункта. Японские самолёты, не имея точных данных о расположении советского командования, сбрасывали бомбы на пустынные места. Используя свой богатый опыт разведывательной работы, пограничники умело пресекали все попытки японской агентуры проникнуть в воинские части и совершить диверсии.

Только за 12 дней июля пограничники задержали несколько десятков агентов, которые под видом парикмахеров, торговцев, музыкантов пытались проникнуть в воинские части и совершить диверсии. Почти ежедневно они задерживали лазутчиков, используя при выполнении боевых задач смекалку и различные приёмы. Особый эффект приносили ночные секреты. Расставлялись они так: грузовик со

спущенными бортами на средней скорости шёл по густой траве, и пограничники буквально выкатывались из кузова в заранее определённых местах. В итоге все наряды находились на службе, а места их расположений оставались неизвестны противнику. Узнав эту тактику, Г. К. Жуков дал высокую оценку находчивости пограничников [5, с. 23].

Во всех сражениях с японскими захватчиками пограничники сводного батальона выходили победителями. На завершающем этапе боевых действий батальон принял непосредственное участие в разгроме частей окружённой 6-й японской армии. Когда японские части были полностью окружены, пограничники уничтожали мелкие группы противника, прорывавшиеся из окружения, рассеивали его резервы.

Немало и других примеров отваги и мужества забайкальских пограничников, проявленных в боях на Халхин-Голе.

Героически сражался взвод под командованием лейтенанта С. И. Казначеева. Получив ранение, он не покинул поле боя, продолжал руководить действиями пограничников. В решающий момент штурма высоты он смог прикрыть командира отделения Е. В. Красинского, который под шквальным огнём японцев водрузил на вершине высоты красный флаг. Этот флаг, пробитый пулями и осколками, хранится в Музее пограничных войск в Москве.

29 августа С. И. Казначеев вновь повёл взвод в атаку, был снова ранен, но не оставил поле боя. Отвага и мужество командира взвода были отмечены орденом Ленина.

Героически действовал в бою пограничник Афиногенов. Когда рота оказалась под сильным артиллерийским и пулемётным огнём, потребовалось установить связь с командным пунктом. Первые два пограничника, посланные с донесением, погибли. Доставить донесение вызвался Афиногенов. Сняв сапоги и верхнюю одежду, он стремительно преодолел зону огня и доставил донесение на командный пункт [1, с. 23].

Во время наступления на сильно укрепленный пункт врага на сопке «Ремизова» пограничники попали под ураганный огонь японцев. Наступление захлебнулось. В этой сложной обстановке проявил отвагу пограничник политрук Ф. П. Бурда, заменив погибшего старшего лейтенанта Ирхина, командовавшего 4-й ротой курсантов. Стремясь отомстить за товарища, политрук вызвался на ночной поиск и повёл взвод в район высоты Номон-Хан-Бурд-Обо, примыкавший к границе Монголии с Маньчжурией. Пройдя под покровом ночи около шести километров, взвод Бурды

натолкнулся на боевое охранение противника, атаковал его. Бой был коротким. Бойцы взвода и сам Бурда, перекинув через плечо отличительные белые ленты и орудя штыками, смяли вражеский заслон и почти целиком уничтожили его.

В этом бою политрук Бурда и рядовой Мартышкин взяли в плен до смерти перепуганного солдата из японского заслона. Пленного доставили в штаб полка, где с помощью переводчика – монгольского капитана Лувсан-Шарапова допросили. Доставленный оказался солдатом 7-го Баргутского кавполка, только что прибывшего в район озера Узур-Нур. Там же сосредоточились усиленные части 23-й и 7-й пехотных дивизий японцев. Сведения были важными, поэтому баргута немедленно сопроводили к Г. К. Жукову, который ещё раз убедился, что японцы затевают что-то серьёзное. Комкором были срочно приняты контрмеры, о чём свидетельствовало победоносное Баян-Цаганское сражение.

И это не единственный подвиг пограничника Бурды. В одном из тяжёлых боёв он умело организовал атаку своих бойцов, штурмом

взявших, казалось бы, неприступную высоту противника, первым ворвался на неё и водрузил Красное знамя. Был ранен, но вернулся в строй – «добивать самураев», как выразился он сам. Ф. Ф. Бурда был награждён орденом Ленина и монгольским орденом «За боевые заслуги» [2, с. 16–19].

Патриотизм и мужество пограничники проявляли не только в боях с противником. Они проникали в тыл, добывали ценные сведения о противнике. Японское командование уже после поражения, в октябре 1939 года, издало приказ, запрещающий армейским соединениям и частям, расположенным вблизи советско-монгольской границы, вызывать любые столкновения с советскими войсками. Однако часть наиболее фанатично настроенных офицеров, не участвовавших в боях на Халхин-Голе, отнеслась к приказу неодобрительно. Продолжавшиеся вскоре провокационные вылазки на границе были делом, прежде всего, этих офицеров. Но все их попытки спровоцировать крупные вооружённые конфликты пресекались решительными действиями забайкальских пограничников [6, л. 94].

Монгольские воины в боях на Халхин-Голе

После разгрома японских милитаристов часть пограничников была переведена во второй эшелон советских войск и занималась работой по сбору трофеев. Во время переговоров о перемирии с 17 сентября по 15 октября пограничники обеспечивали охрану членов комиссии и линии связи в ходе переговоров, а также несли службу по охране командных пунктов и мест дислокации советских войск, переправ.

15 сентября 1939 года в Москве было подписано соглашение о ликвидации конфликта на Халхин-Голе. Победа, одержанная советскими и монгольскими войсками, имела огромное военно-политическое значение. Она означала полный крах планов японской военщины, сокрушительное поражение крупной отборной группировки японской армии – одной из лучших в империалистическом лагере, отбила у японцев охоту нарушать советскую границу, избавила Советское государство от нападения Японии после начала Великой Отечественной войны.

Выступая на заседании штаба Забайкальского военного округа с анализом итогов прошедших сражений, Г. К. Жуков назвал их «необъявленной войной» – войной против Советского Союза. «В Халхин-Гольской операции удалось повторить Канны, – сказал он, отметив храбрость советских и монгольских воинов, тактическую и стратегическую грамотность командного состава. – Защищая братскую Монголию, советские воины защищали вместе с тем Москву».

12 октября 1939 года в приказе командующего 1-й армейской группой войск в районе реки Халхин-Гол комкора Г. К. Жукова «О действиях отдельного пограничного батальона в составе армейской группы» отмечалось: «В разгроме японской группировки приняли активное участие наши доблестные пограничники, проявившие в боях доблесть, героизм и отвагу. Отдельный пограничный батальон,

действовавший в составе армейской группы, с честью выполнил возлагавшиеся на него Военным советом армейской группы задачи на фронте и по очищению тыла от шпионов и диверсантов... Всему личному составу отдельного пограничного батальона объявляю благодарность и желаю впредь быть ещё более стойкими борцами за Советскую Родину!».

Многие бойцы, командиры и политработники отдельного пограничного батальона за героизм и отвагу в сражениях были представлены к боевым наградам. Среди них: А. В. Булыга, командир батальона, награждён орденом Боевого Красного Знамени и орденом Монгольской Народной Республики «За боевые заслуги»; комиссар – старший политрук Г. П. Солдатов награждён орденом Красного Знамени; командиры подразделений С. В. Жданов, М. М. Ковалёв, Е. В. Красинский награждены также орденами Красного Знамени; десятки пограничников, награждённых орденами Красного Знамени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Молох репрессий и кадровых чисток второй половины 1930-х годов, прокатившийся по советским вооружённым силам, не миновал и пограничные войска. Но пограничники Забайкалья продолжали нести бдительную охрану восточных рубежей страны. Халхин-Гол – один из примеров привлечения пограничных войск к проведению наступательных операций за пределами границ Советского Союза. Опыт боевых действий, накопленный командным и личным составом войск Забайкальского пограничного округа при отражении нападения японских милитаристов, сыграл большую роль в усилении мобилизационной готовности страны, в обучении пограничных войск накануне Великой Отечественной войны, а впоследствии и при их участии в Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 года.

Источники и литература

1. 80 лет на страже восточных рубежей Родины. – Чита: Экспресс-изд-во, 2010. – 135 с.
2. Бубнов Н. С. Осколки памяти. – Чита: Экспресс-изд-во, 2008. – 736 с.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 4307. – Оп. 1. – Д. 674.
4. Кошкин А. А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. – М.: Вече, 2011. – 384 с.
5. Пограничник. – 1979. – № 8. – С. 23.
6. ЦОА ФСБ РФ (Центральный объединённый архив ФСБ России). – Д. № Н-18861.
7. ЦПА (Центральный пограничный архив). – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 175.
8. ЦПА. – Ф. 14. – Оп. 224. – Д. 3111.
9. ЦПА. – Ф. 14. – Оп. 4. – Д. 9.
10. ЦПА. – Ф. 19. – Оп. 8946. – Д. 5.
11. ЦПА. – Ф. 97. – Оп. 1. – Д. 865.

УДК 373
ББК 442

Ольга Анатольевна Яремчук,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: oyaremchuk@yandex.ru

Военно-физическая подготовка школьников г. Читы в предвоенные годы

В статье дана характеристика военно-физической подготовке школьников г. Читы в предвоенные годы. Рассматриваются основные нормативно-правовые документы, регулирующие содержание оборонной работы в учебных заведениях СССР, раскрывается программа занятий по военному делу и физическому воспитанию в средних, неполных средних и начальных школах города, деятельность кружков противовоздушной и химической обороны, ворошиловских стрелков и др.

Ключевые слова: военно-физическая подготовка, военное дело, физическая культура, Чита, школьники, оборонные кружки

Olga A. Yaremchuk,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: oyaremchuk@yandex.ru

Military-Physical Training for Schoolchildren of the City of Chita in the Prewar years

In the article the characteristics of military-physical preparation of schoolchildren of the city of Chita in the prewar years. Discusses the main legal documents regulating the content of defense work in educational institutions of the USSR, reveals the training program in military science and physical education in middle, Junior high and elementary schools of the city, the activities of the circles of air and chemical defense, Voroshilov shooters etc.

Keywords: military-physical training, military science, physical education, Chita, schoolchildren, defense circles

В конце 1930-х – начале 1940-х годов в связи с начавшейся Второй мировой войной и милитаризацией всего жизненного уклада населения Советского Союза в деятельности органов народного просвещения и в содержании учебно-воспитательного процесса огромное значение приобретает военно-физическая подготовка учащихся. Организация физической культуры и оборонной работы в образовательных учреждениях в указанные годы регулировалась комплексом нормативно-правовых документов, одним из которых было Постановление СНК СССР от 26 ноября 1939 года «О введении нового физкультурного комплекса ГТО» с 1 января 1940 года. В новом комплексе предусматривались нормы, обязательные и по выбору. В этой редакции комплекса ГТО большой акцент делался на военизированные упражнения [3, с. 52]. Кроме этого, в качестве одной из обязательных школьных дисциплин стало военное дело. В связи с её введением была разработана «Программа до-

призывной военной подготовки учащихся средних школ, техникумов, рабфаков и равных им учебных заведений» (1940 г.). Она была подготовлена Управлением начальной и допризывной военной подготовки при Главном управлении Красной армии и включала в себя следующие темы: Красная армия и Военно-морской флот, сведения об организации Красной армии и уставах РККА, физическое воспитание и строевая подготовка, стрелковая подготовка, военная топография, противовоздушная и противохимическая защита, военно-санитарное дело, тактическая подготовка. Для формирования среднего медицинского персонала в ней было предусмотрено также обучение старшеклассниц санитарному делу [4].

Таким образом, в предвоенные годы, а затем и в годы Великой Отечественной войны учебные планы и школьные программы разрабатывались не только в учреждениях Наркомпроса, но и в Комиссариате обороны СССР. Так, приказ народного комиссара обороны

К. Е. Ворошилова № 51 от 7 марта 1940 года гласил: «1. Ввести в действие объявленную программу допризывной военной подготовки учащихся 8, 9 и 10 классов средних школ, техникумов, рабфаков, школ ФЗУ и высших учебных заведений. 2. Программой допризывной военной подготовки учащихся руководствоваться всем директорам и военным руководителям средних школ, техникумов, рабфаков, школ ФЗУ и высших учебных заведений, где согласно закону о всеобщей воинской обязанности установлена допризывная военная подготовка учащихся» [4].

Из отчётной документации Читинского городского отдела народного образования (ГорОНО) известно, что программа военно-физической подготовки школьников предусматривала проведение военных походов и сборов, знакомство с огнестрельным оружием, проведение конкурсов рисунков и сочинений по военной тематике и др. Для учащихся старших классов проводились лектории, в рамках которых велось обсуждение вопросов международной обстановки [1, л. 6 об.]. В 1939–1940 учебном году они прошли в нескольких средних школах Читы: № 1, 2, 3, 4, 6 и 7. В школе № 3, например, состоялась встреча с участниками событий на р. Халхин-Гол [1, л. 17–17 об.]. С 1940 глда в Чите стали проводиться военизированные игры школьников «На штурм» и «Разведчик» [3, с. 52].

На военное дело и физическое воспитание в старших классах отводилось 120 учебных часов в год [4]. Как и по другим учебным предметам, в школах на общих основаниях осуществлялся учёт успеваемости по допризывной военной подготовке. Например, в отчётах читинского ГорОНО за первое и второе полугодие 1939–1940 учебного года приводятся сводные таблицы об успеваемости школьников города. В них указано, что данный показатель по предмету «Военное дело» в 9–10-х классах составил 100 % в обоих полугодиях [1, л. 4, 11 об.].

Одним из слабых участков в школах города Читы были уроки физкультуры в 5–10-х классах, которые в полном объёме велись только в 5 средних школах (№ 2, 3, 4, 6, 10), оборудование в физкультурзалах имелось только в 2 школах [Там же, л. 17 об.]. Военного дела в СОШ № 4 и 8 в 1939–1940 учебном году не было, физкультуры – в № 1, 7, 8, 9, 15 и 26 [Там же, л. 10 об.].

В военно-физической подготовке молодого поколения в указанное время значительную роль играли не только учебные дисциплины «Физическая культура» и «Военное дело», но

и созданные в школах оборонные кружки и внешкольные учреждения (детская спортивная школа, аэроклуб и т. п.). В учебных заведениях г. Читы были организованы кружки ворошиловских стрелков (ВС), противовоздушной и химической обороны (ПВХО), «Готов к санитарной обороне» (ГТО) и другие, участники которых соревновались в стрельбе, стремились к выполнению нормативов на получение соответствующих знаков отличия и др.

В отчётах ГорОНО отмечается, что оборонная работа в школах города в 1939–1940 годах была поставлена довольно хорошо. В Чите в рассматриваемое время действовали 16 кружков ПВХО (570 чел.), 6 кружков ВС (131 чел.), 5 кружков ЮВС (172 чел.), 3 пулемётных кружка (75 чел.), 2 кружка инструктажа по ПВХО (26 чел.), 9 кружков ГСО (355 чел.), 2 физкультурных кружка (32 чел.). Всего насчитывалось 43 кружка с общей численностью школьников 1361 чел. [Там же, л. 7].

Большое значение военно-физической подготовке учащихся уделялось в двух городских школах (№ 2 и 3). В них активно работали физкультурные кружки различного профиля, которые в своём составе насчитывали значительное число участников. Например, в школе № 2 работал волейбольный кружок, включавший 50 человек, 2 гимнастических кружка с общей численностью 32 человека и др. [Там же, л. 7]. Общее количество участников кружков в этой школе насчитывалось 98 чел., а в школе № 3 – 150 человек. Именно среди учащихся этих школ было немало членов городских физкультуробществ, сдававших нормы ГТО.

Улучшение качества военно-физической подготовки стало особенно заметно в связи с проведением в Чите школьных оборонных соревнований. Активную роль в их реализации сыграли комсомольские организации [Там же, л. 18]. В школьных оборонных соревнованиях в 1939–1940 учебном году приняли участие 2062 учащихся, лучшими командами по стрельбе стали команды школы № 1, по санитарной обороне – школа № 8. От школы № 1 на республиканские соревнования было отобрано 8 человек. Значкистов по школам имелось: ПВХО («Противовоздушная и химическая оборона») – 1254 учащихся, ГСО («Готов к санитарной обороне») – 603, БГСО («Будь готов к санитарной обороне») – 298, ВС («Ворошиловский стрелок») – 86, ЮВС («Юный ворошиловский стрелок») – 229 учащихся [Там же, л. 18].

В делопроизводственных документах Государственного архива Забайкальского края неоднократно встречаются примеры организации оборонно-физкультурной работы в на-

чальных школах города Читы. Например, в школе № 10 действовало 4 кружка ПВХО, 1 стрелковый, 1 физкультурный [2, л. 62 об.]. В школе № 11 были созданы стрелковый и ПВХО кружки, в школе № 12 – кружок ПВХО, в школе № 13 – 2 оборонных (ПВХО и ГТО) и 1 физкультурный, в школе № 20 – кружок ПВХО, в школе № 24 – стрелковый кружок [Там же, л. 23, 55]. В других школах города военная и физическая подготовка учащихся была представлена значительно слабее.

Для осуществления оборонной работы в учебных заведениях было организовано шефство воинских частей. Особенно заметную роль сыграла воинская часть «Железнодорожная бригада» в школе № 1 и ВПУ в школе № 4, которые вели систематическую работу в школьных лекториях и руководили военными кружками, помогали комсомольским организациям школ [1, л. 19].

Руководителями оборонных кружков являлись как школьные учителя, так и представители вооружённых сил и правоохранительных органов. К примеру, в начальной школе № 10 двумя кружками ПВХО руководил Соловьев из воинской части, двумя другими кружками ПВХО – Зыков и Пузков из областной милиции, стрелковым – Щербakov из воин-

ской части. За один учебный год Соловьев, активно работавший со школьниками, сумел подготовить среди них 58 значкистов [2, л. 62 об.]. В 1939–1940 учебном году им были организованы 4 похода в противогазах. Учащиеся на его занятия стремились даже в выходные дни [Там же, л. 63]. В другой начальной школе (№ 11) кружок ПВХО возглавлял Патруков, кружок ГСО – Дробышев. Оба сотрудники 3-го отделения милиции. Режим занятий в указанных кружках – один раз в пятидневку [Там же, л. 79 об.].

Таким образом, одним из основных показателей работы школ в предвоенные годы стала военно-физическая подготовка учащихся, которая регламентировалась официальной нормативно-правовой базой. Не исключением стали школьные учреждения города Читы, где в 1939–1940 годах наблюдается активная реализация задач оборонной работы – обеспечение 100 % успеваемости старшеклассников по военному делу, привлечение военных специалистов в учебно-воспитательный процесс, организация деятельности кружков ПВХО, ВС, ГТО, ГСО и других, выполнение нормативов на получение соответствующих знаков отличия. Эта тенденция будет сохраняться и в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-2241. – Оп. 1. – Д. 4.
2. ГАЗК. – Ф. Р-2241. – Оп. 1. – Д. 5.
3. Физическая культура и спорт в Забайкалье: история и современность / В. Я. Киселев [и др.]. – Чита, 2008. – 108 с.
4. Школьные программы по физической культуре в предвоенные, военные и послевоенные (1940-е) годы. – URL: <https://www.studfiles.net/preview/1620133/page:26> (дата обращения: 05.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 2:94(571.54)

ББК Э2:ТЗ(2)632(2Рос-6Бу)

Евгений Викторович Дроботушенко,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия,

e-mail: drzz@yandex.ru

Антирелигиозная работа в Бурятской Автономной Советской Социалистической Республике в преддверии единовременного учёта религиозных организаций 1961 года¹

В статье даётся характеристика антирелигиозной деятельности уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР перед проведением единовременного учёта религиозных организаций в

¹ Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет по теме «Нормативное регулирование конфессиональных отношений на приграничных территориях Забайкалья, Северного Китая и Монголии: история и современность (компаративный анализ)».

1961 году. Автор говорит о том, что данная проблематика, на сегодняшний день, не подвергалась серьёзному научному анализу, что предопределило отсутствие научных и научно-популярных публикаций по теме статьи. В основу работы легли отдельные документы Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Ключевые слова: религия, религиозная ситуация, религиозные процессы, антирелигиозная работа, единовременный учёт, уполномоченный Совета по делам религиозных культов, Бурятская Автономная Советская Социалистическая Республика

Evgeny V. Drobotushenko,
Transbaikal State University
Chita, Russia,
e-mail: drzz@yandex.ru

Antireligious Work in the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic on the Eve of One-Time Registration of Religious Organizations in 1961

In the study the characteristic of anti-religious activities of the Commissioner of the Council for religious Affairs under the USSR Council of Ministers before carrying out one-time accounting of religious organizations in 1961, the Author suggests that this issue is, to date, not been subjected to serious scientific analysis, which explains the lack of scientific and popular scientific publications on the topic of the article. The work is based on separate documents of the State archive of the Republic of Buryatia (GARB) and the State archive of the Russian Federation (SARF).

Keywords: religion, religious situation, religious processes, anti-religious work, one-time registration, authorized representative of the Council for religious Affairs, Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic

История религий в Забайкалье, на сегодняшний день, восстановлена только частично. Относительно неплохо изучен досоветский период. Определённое количество достаточно серьёзных публикаций вышло из печати по начальному советскому этапу [15–18; 20–22; 24–28]. Однако за границами научного интереса исследователей остались религии в период после Великой Отечественной войны. Данная проблематика только становится предметом изучения [1–9; 24–28]. В то же время полной, всесторонней картины нет. Это предопределило использование архивных источников. Основу работы составили некоторые документы Государственного архива Республики Бурятия и Государственного архива Российской Федерации. Это отчётные документы уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Бурятской АССР, его переписка с Советом.

В конце 1961 года в СССР был проведён единовременный учёт зарегистрированных религиозных организаций, а также незарегистрированных религиозных сообществ. Это единственный, в своём роде, учёт, давший богатейшие статистические данные по религиозной ситуации в Республике. Ни до, ни после ничего подобного не было. На наш взгляд, относительно полную религиозную картину в по-

слевоенной советской истории можно составить только по 1961 году и именно в связи с названным учётом. По отдельным регионам достаточно показательные отчёты присутствуют и за иные годы, однако ни Забайкалье, ни Читинская область, ни Бурятская АССР подобным похвастаться не могут.

В фондах ГАРБа и ГАРФа хранятся документы, характеризующие религиозную ситуацию в Бурятской АССР накануне учёта 1961 года. В частности, они, содержат информацию по антирелигиозной работе в Республике. Следует также сказать, что 13 января 1960 года появилось Постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством Советского законодательства о культах» [11, л. 5; 19; 23].

Вопросами существования и развития религий в рассматриваемое время в регионах СССР и РСФСР занимались уполномоченные двух советов: Совета по делам Русской Православной Церкви (для православной веры) и Совета по делам религиозных культов (для неправославных исповеданий). Упомянутый выше единовременный учёт по Бурятской АССР содержит данные как по православной церкви, так и по неправославным исповеданиям.

В Бурятской АССР на начало седьмого десятилетия XX века действовало четыре заре-

гистрированных религиозных организации: община при буддистском Иволгинском дацане, две общины Русской Православной Церкви в г. Улан-Удэ и Кяхте и одна старообрядческая община в с. Новый Загар. Наряду с этим действовало много незарегистрированных религиозных сообществ [10, л. 1; 11, л. 16; 13, л. 3–46].

Предметное поле статьи определено интереснейшим фактом. Один из документов, составленных уполномоченным Советом по Бурятской АССР, оценивает антирелигиозную работу в регионе очень критично (отчёт за 1960 г.), а второй говорит о значительной проведённой работе (отчёт за 1961 г.) [10, л. 1–6; 11, л. 1–14].

Можно, конечно, предположить, что ситуация кардинально изменилась в столь короткие сроки, тем более этому был повод – называвшееся постановление, однако тональность отчётов меняется слишком сильно, а проверить данные на сегодняшний день не представляется возможным.

В первом из упомянутых отчётов уполномоченный Совет Д. Очиржапов отмечал на начало 1960-х годов, что состояние дел в районах (имея в виду религиозные процессы) неблагоприятное, однако, по его словам, партийные органы работу по исправлению ситуации не вели. При этом зачастую руководствовались принципами «как бы чего не вышло и не наломать бы дров». На местах проводилось мало лекций на антирелигиозные темы, а проводимые цели не достигали, т. к. всех верующих не охватывали, присутствовали на них в основном атеисты. Лекции читались по материалам брошюр на труднодоступном языке. Свои лекции не разрабатывались. К атеистической работе мало привлекалась сельская интеллигенция – учителя, агрономы, врачи, зоотехники и другие руководящие работники, а также районные газеты и радио [10, л. 5].

В целях пресечения деятельности незарегистрированных религиозных сообществ, а также для сокращения объёмов и эффективности работы четырёх зарегистрированных организаций культов, уполномоченный Совет предлагал достаточно объёмный перечень мер:

«Провести разъяснительную работу, что вопрос борьбы является делом всех местных партийных организаций, делом всей ответственности.

По линии обкома КПСС написать письмо в научные организации Республики о необходимости укрепления атеистической пропаганды на местах.

Во всех аймачных центрах провести совещания-семинары атеистов с привлечением научных работников комплексного института и квалифицированных лекторов-атеистов.

Усилить антирелигиозную работу среди верующих, особенно женщин и молодёжи, широко применяя индивидуальную форму воспитательной работы.

Обратить внимание на разработку лекций на местных примерах, для разоблачения шарлатанов широко использовать местные газеты, радио.

Создавать вокруг незаконно действующих служителей культа нестерпимую обстановку, создавать против них общественное мнение всеми методами, вплоть до привлечения к уголовной ответственности и штрафам.

Вести работу по разложению существующих незарегистрированных групп.

Ламам Иволгинского дацана, священникам Вознесенской, Успенской и Ново-Заганской церкви запрещены выезды в районы с целью обрядов. Органы власти должны соблюдать выполнение этого запрета на местах.

С целью сокращения паломников в Иволгинский дацан и святые места Читинской области систематически вести воспитательную работу.

Райкомам и исполкомам Кяхтинского и Мухоршибирского аймаков вести постоянную работу по разложению религиозных общин Кяхтинской и Ново-Заганской церквей.

Обязать общество по распространению научных и политических знаний разработать и создать квалифицированные лекции по ламаизму, старообрядчеству и РПЦ на местном материале.

Обязать редакции газет «Правда Бурятии», «Бурят-Унэн», «Молодёжь Бурятии» и районные газеты, Комитет по радио информировать и впредь периодически выступать с разоблачением реакционной сущности культов.

Потребовать от Министерства просвещения, Обкома ВЛКСМ усилить воспитательную работу среди молодёжи и учащихся школ.

Обязать Министерство культуры республики улучшить культурное обслуживание трудящихся на селе» [Там же, л. 5, 6].

Упомянутый уполномоченным комплексный институт – это Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения Академии наук СССР. Такое название получил в 1958 году в связи с переименованием Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики в Бурятскую АССР и в связи с реорганизацией существовавшего до того научно-ис-

следовательского института культуры [14, с. 25]. Данный институт, помимо прочего занимался изучением религиозной ситуации в Республике. Об этом встречаем упоминания в архивных источниках [12, л. 13–16].

Как отмечалось выше, в самом начале 1960 года появилось Постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством законодательства о культурах». Данное постановление повлекло за собой усиление антирелигиозной работы. Весной в Бурятской АССР было проведено совещание с секретарями и заведующими отделами райкомов КПСС по вопросам атеистической пропаганды и агитации, а также по усилению атеистической работы на местах.

Документы Государственного архива Российской Федерации говорят нам о проведении в середине 1961 года семинара в Бурятской АССР с названием «Об усилении контроля за соблюдением законодательства о культурах». Он проведён для представителей городских и районных исполнительных комитетов по вопросам соблюдения закона и по вопросам учёта религиозных сообществ [13, л. 3, 4].

В свою очередь, по указанию Республиканского Комитета КПСС в районах были проведены совещания и семинары с пропагандистами, агитаторами, а также лекторами общества «Знание». Отдельно проведено совещание с директорами школ.

Было проведено большое совещание с руководителями республиканских министерств и ведомств, на котором обсуждались самые разные вопросы, связанные с антирелигиозной работой. Так, речь шла о недопустимости выделения строительных материалов религиозным организациям, в том числе и зарегистрированным. Обращено внимание руководство таксопарка г. Улан-Удэ о необходимости ограничить выезды такси в Иволгинский дацан и т. д.

По линии Республиканского Комитета КПСС и общества «Знание» в аймаки Бурятской АССР отправлены лекторы, которые читали лекции на бурятском и русском языках. Проведён семинар лекторов-атеистов в адми-

нистративном центре республике – г. Улан-Удэ. В клубах крупнейших предприятий города, мясокомбината и лесозавода, проведены вечера вопросов и ответов.

Помимо отмеченного, проведены общественные суды над так называемыми ламами-шарлатанами. Подобные процессы состоялись в Джидинском и Тункинском районах. В последнем за участие в шаманском обряде из рядов КПСС исключено два человека [11, л. 5].

Значительное внимание уделяется антирелигиозной работе, по словам уполномоченного Совета по делам религиозных культов, республиканскими и районными газетами. В колхозных и аймачных библиотеках сделаны витрины антирелигиозной пропаганды. Республиканским обществом «Знание» выпущен ряд брошюр по антирелигиозной проблематике [Там же, л. 6].

Итогом проведённого исследования стало несколько выводов. Первый заключается в мысли, что антирелигиозная работа в Бурятской АССР на рубеже шестого-седьмого десятилетий XX века велась. Данные об этом находим в архивных документах как регионального, так и федерального архивов. Вторым важнейшим выводом является замечание о том, данная работа сложно измерима. Общие фразы о проведении семинаров и каких-либо встреч по вопросам антирелигиозной работы не дают конкретных данных. Даже, на первый взгляд, конкретные отсылки к судебным разбирательствам (в рамках общественного суда) или к исключению из рядов КПСС не несёт в себе ни дат, ни фамилий. С учётом значительного количества замечаний со стороны руководства Совета по делам религиозных культов и Совета по делам Русской Православной Церкви в адрес уполномоченных совета сначала в Бурят-Монгольской, а затем в Бурятской АССР по поводу отсутствия отчётной документации по религиозной ситуации в регионе или относительно её низкого качества, представляется, что данная проблематика должна найти дальнейший научный анализ. Здесь основной станут архивные источники.

Источники и литература

1. Васильева С. В. Восстановление церковной соборности старообрядчества в контексте институциональных трансформаций XX–XXI вв. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 41–44.
2. Васильева С. В. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 204 с.
3. Васильева С. В., Бураева С. В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 166 с.
4. Васильева С. В. Старообрядчество Бурятии в условиях формирования государственной вероисповедной политики советского общества // Старообрядчество: история и современность, мест-

- ные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 7–8 авг. 2015 г.). – Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2015. – С. 63–68.
5. Горбатов А. В. Государственно-конфессиональные отношения в Сибири (1947–1974 гг.) // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. – 2004. – Вып. 8. – С. 85–98.
6. Горбатов А. В. Государственно-церковные отношения в Сибири (1949–1952 гг.) // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 310, № 3. – С. 166–170.
7. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. – 408 с.
8. Горбатов А. В. Государство и христиане веры евангельской в Сибири (1945–1970 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4–3. – С. 68–73.
9. Горбатов А. В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 35–47.
10. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. Р18–57. – Оп. 1. – Д. 20.
11. ГАРБ. – Ф. Р18–57. – Оп. 1. – Д. 24.
12. ГАРБ. – Ф. Р18–57. – Оп. 1. – Д. 31.
13. ГАРБ. – Ф. Р6991. – Оп. 4. – Д. 301.
14. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (к 90-летию института) / науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2012. – 351 с.
15. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. – Чита: ЗабГГПУ, 2007. – 204 с.
16. Косых В. И. Поездка забайкальских архиереев по епархии (конец XIX – начало XX века) // Забайкалье: судьба провинции. – Чита: Поиск, 2008. – Вып. 7. – С. 111–117.
17. Косых В. И. Решение кадрового вопроса в Забайкальской епархии (конец 1920-х – начало 1930-х) // Государство. Общество, церковь в истории России XX века: материалы XIV Междунар. науч. конф. (г. Иваново, 18–19 марта 2015 г.). – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2011. – Ч. 1. – С. 170–178.
18. Косых В. И. Советская власть и Забайкальская епархия: февраль–август 1918 г. – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. – 369 с.
19. Одинцов М. И. Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства // Российское объединение исследователей религии. – URL: <https://www.rusoir.ru/president/president-works/president-works-118> (дата обращения: 03.04.2019). – Текст: электронный.
20. Саввин Д. В. Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений // Вестник церковной истории. – 2009. – № 1–2. – С. 173–202.
21. Саввин Д. В. Обновленчество в Забайкалье // Вестник церковной истории. – 2012. – № 1–2. – С. 269–295.
22. Саввин Д. В. Монашество в Забайкалье в 1923–1929 годах // Седмица.RU. – URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/688087> (дата обращения: 03.04.2019). – Текст: электронный.
23. Федотов Алексей, священник. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом // Азбука веры. – URL: https://www.azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-v-1943-2000-gg-vnutritserkovnaja-zhizn-vzaimootnoshenija-s-gosudarstvom-i-obshestvom/2_2 (дата обращения: 03.04.2019). – Текст: электронный.
24. Цыремпилова И. С. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917–1930-е гг.): историография и источники. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИИ, 2008. – 135 с.
25. Цыремпилова И. С., Злыгостева Ю. Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940–1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. – 2010. – № 10. – С. 47–50.
26. Цыремпилова И. С. Документальное наследие РПЦ в исследовании государственно-церковных взаимоотношений в 1917–1930 гг. на территории Байкальского региона // Власть. – 2012. – № 9. – С. 160–163.
27. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИИ, 2008. – 300 с.
28. Цыремпилова И. С. Трансформация церковно-административного управления в 1917–1930-х гг. (на примере Забайкальской епархии) // Религия, общество, государство. – 2015. – № 10. – С. 146–151.

УДК 622(571.55)
ББК 33(2Рос-4Чит)

Ирина Витальевна Мезенцева,

Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета
г. Чита, Россия,
e-mail: iv_mezenceva@mail.ru

Балей: «золотая» история флагмана золотодобычи Забайкалья и реалии современности

Статья посвящена истории города Балей и добыче золота в Забайкалье. В XX веке из недр Балей извлекли более 400 тонн чистого золота, что для золотодобывающей отрасли страны в целом и отдельного района Восточного Забайкалья является весьма весомым показателем. Созданный на основе крупных рудных месторождений комбинат «Балейзолото» назывался «валютным цехом страны» и занимал ведущие позиции в системе «Главзолото» Министерства цветной металлургии СССР. Являясь живой историей добычи золота в Забайкалье, сегодня городское поселение Балей переживает трудные времена.

Ключевые слова: Забайкалье, Балей, комбинат «Балейзолото», Тасеевское месторождение, золото, золотодобывающая промышленность

Irina V. Mezentseva,

Chita Institute (branch) of Baikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: iv_mezenceva@mail.ru

Baley: “Golden” History of A Gold Mining Flagship of Zabaikalye and the Realities of Today

In the XXth century, more than 400 tons of pure gold were extracted from the depths of Baley, which is a very significant indicator for the gold mining industry of the country as a whole and a separate region of Eastern Transbaikalia. Created on the basis of location of major ore deposits plant “Baleygold” was called “country’s currency foundry” and took leading positions in the “Glavzoloto” (“Maingold”) system of the Ministry of nonferrous metallurgy of the USSR. Being a living history of gold mining in Transbaikalia, today the urban settlement of Baley is going through difficult times.

Keywords: Transbaikalia, Baley, plant “Baleygold”, Taseevskoye Deposit, gold, gold mining industry

История золотодобывающей промышленности Сибири и Дальнего Востока стала полноценной темой исследования во второй половине XX века и получила новый импульс к развитию в начале XXI века. Различные аспекты деятельности отрасли нашли своё отражение в работах Н. П. Димовой [7], Е. Д. Кочегаровой [12], В. М. Лыскова [14], А. Г. Патроновой [15], А. П. Суходолова [18], В. Н. Целищевой [19], А. В. Шалака [20]. Превращение Ново-Троицкого промысла в крупнейшее золотодобывающее предприятие «союзного значения» не может не поразить воображение человека, интересующегося историей родного края. «Жемчужиной родного Забайкалья» называл Балей поэт В. Никонов.

Развитие городов и рабочих посёлков Забайкалья в 1940-х – первой половине 1950-х годов было непосредственно связано с промышленным освоением региона. В 1960–1970-е го-

ды Балей занимал третье место по количеству населения в Читинской области после городов Читы и Краснокаменска. Грустно констатировать, что с сокращением, а затем и со свёртыванием производства многие из этих населённых пунктов сегодня влачат жалкое существование. Затихла жизнь и в золотоносном Балее. Во всём мире принята практика отчисления большей доли прибыли от использования ресурсов в развитие района, в котором ведётся их добыча, что могло отразиться, в том числе и на социально ориентированном развитии городов и посёлков Забайкалья. Но, являясь до сих пор богатым источником минерального сырья в мире [16], оно остаётся одним из депрессивных регионов современной России.

Судьба многих горных посёлков, как Балей, во многом предсказуема. Уже в начале 1960-х годов были очевидны нарастающие проблемы социально-бытовой сферы и пер-

спектив развития Балея: «...и когда отрабатывались богатые жилы Балеянского месторождения, и когда в буквальном смысле потекла золотая река Тасеевского, никто ни на месте, ни в центре не поставил задачи спроектировать и построить благоустроенный город и *альтернативное производство на случай отработки золотых месторождений* в этом благоприятном для жизни людей уголке Забайкалья» [10, с. 85, 86]. Неужели, зная без преувеличения «золотую» историю Балея [13], мы должны смириться с уже бытующим мнением, что Балея – умирающий город Забайкальского края?

Первые сведения о балеяском золоте относятся к 1838 году, что надолго определило промышленную специализацию этого уникального, с точки зрения геологии, места. Добыча открытым способом начинается на Казаковском (1858 г.) и Ново-Троицком (1892 г.) промыслах, в 1907 году официально зарегистрировано открытие «жильного золота в урочище Балея близ Ново-Троицкого промысла». Первые признаки рудного золота были обнаружены в 1914 году, но частная золотодобыча не могла содействовать дальнейшей разведке месторождения. Значительный прорыв в освоении сырьевой базы Балея произошёл в советский период, когда руководитель «Союззолото» А. И. Серебровский на основе анализа данных о геологических партиях и личных впечатлений на месте пришёл к выводу о перспективности Балеянского рудного месторождения. Политика, направленная на индустриализацию ранее заброшенных, богатых сырьём районов страны способствовала усилению темпов изучения ископаемых богатств Забайкалья. Уже в 1927 году геолог Паншин вскрывает первые кварцевые жилы, в 1928 году поисковая геологическая партия Ерофеева обнаружила новые жилы с высоким содержанием благородного металла. С конца 1920-х годов начинается новая, промышленная веха золотодобычи в Забайкалье.

В годы первых советских пятилеток, 9 сентября 1929 года, вводится в строй первая бегунная амальгационная фабрика, в 1933 году построена и сдана в эксплуатацию Балеянская обогатительная фабрика, производительные мощности которой позволяли перерабатывать 600 тонн руды в сутки. Осознанные перспективы в развитии предприятия привели к изменениям в руководстве – директором был назначен А. И. Мильчаков, при котором Балея приобрел «славу жемчужины золотой промышленности страны».

Нельзя не согласиться с Ю. А. Игнаткиным в том, что «любое повествование бес-

сильно воспроизвести всю сложность и масштабы задач, которые пришлось тогда решать руководителям и специалистам при строительстве Балеянского горно-обогатительного комбината – предприятия, по сложности и размаху работ которого золотодобывающая промышленность страны до этого не знала» [10, с. 72, 73]. В 1934 году пройдена и сдана в эксплуатацию капитальная Балеянская шахта № 1, начала работать первая в Забайкалье 210-литровая драга. Вместе с предприятием рос и горняцкий посёлок – были построены три трёхэтажных дома для горняков, стадион, рабочий клуб, школа, заложен парк. В 1935 году пущена в строй новая золотоизвлекательная фабрика, которой была уготована завидная судьба – «переработав руды Балеянского, а позднее и наиболее богатую часть Тасеевского месторождения, она дала столько золота, сколько не давала ни одна фабрика страны» [Там же, с. 74].

В середине 1930-х годов трест «Балеязолото» занимал второе место по добыче золота в стране, но именно тогда появились первые сомнения о перспективах его дальнейшего развития. «Находились горе-теоретики, – писал в 1949 году, в году двадцатилетнего юбилея предприятия директор «Балеязолото» И. С. Витковский, – предсказывавшие, что Балея вот-вот выдохнется и превратится в рядовое предприятие. Правда, в известной степени *основания для таких разговоров были*. Разведка на комбинате отставала от темпов роста добычи металла. Некоторые из тогдашних руководителей *недооценивали разведку*, забывая о том, что разведка – глаза горного предприятия, его взгляд в будущее. Это и послужило основой для рождения «теории затухания» Балеянского месторождения. Однако коллектив разведчиков и инженерно-технических работников на основе многолетнего изучения месторождения доказали, что Балея имеет все возможности для развития» [1]. Крупным событием в истории предприятия стало открытие в 1934 году Тасеевской аномалии, позволяющее сделать вывод о наличии здесь рудных золото-содержащих жил. Дальнейшая разведка месторождения прервалась в связи с началом Великой Отечественной войны.

В годы войны работа всей золотодобывающей отрасли Забайкалья происходила без преувеличения в чрезвычайных условиях военного времени, несмотря на то, что находилась в глубоком тылу. Непомерными усилиями своих работников «Балеязолото» не снижал и даже наращивал добычу золота, за что в 1944 году коллективу треста на вечное хране-

ние было передано Красное Знамя Государственного комитета обороны СССР [17, с. 43]. И это всё в условиях снижения уровня материально-технического снабжения, катастрофической нехватки рабочих забойной группы, на которых не распространялось бронирование от призыва в действующую армию.

В ходе первой послевоенной пятилетки перед комбинатом «Балейзолото» была поставлена ещё более высокая производственная задача – значительно увеличить добычу золота, для выполнения которой необходимо было проделать громадную работу по капитальному строительству, реконструкции и механизации основных и вспомогательных цехов комбината: «геологи уверены, что в окрестностях Балая таятся ещё не вскрытые запасы золота... Реконструкция и строительство будут проходить одновременно со всё увеличивающейся программой добычи золота и широкими геологоразведочными работами на рудных и россыпных месторождениях» [9]. Вместе с ростом производственных мощностей предприятия новые задачи были определены и в культурно-бытовой сфере. Но в 1947 году вновь поднялась проблема «затухания» Балая – необходимо было подтвердить перспективность Тасеевского месторождения.

Переработка первых тонн Тасеевской руды началась в 1948 году, что вывело предприятие на показатели довоенного уровня добычи. Об этом свидетельствуют сухие цифры статистики: в 1940 году государственная добыча золота составила 126 % к плану, в 1941 году – 103 %, в 1948 году – 102 %, в 1950 году – 110 % [2, л. 17]. Особенности извлечения «тасеевского золота» привели к изменениям в материально-техническом оснащении предприятия – началось строительство Тасеевского горно-обогатительного комплекса. Балей вступил в период своего интенсивного развития, начали осваиваться новые технологии строительства шахт, обработки руды, золотоизвлечения. Тасеевская золотоизвлекающая фабрика, после выведения её на полную производственную мощность, обрабатывала 1200 тонн руды в сутки. Освоение Тасеевского месторождения быстро выдвинуло комбинат «Балейзолото» под руководством директора И. С. Витковского на одно из первых мест в системе «Главспеццветмет» Министерства внутренних дел СССР, а «высокое содержание золота в руде, позволившее в короткий срок добывать его большое количество, сделало Балей своеобразным регулятором золотодобывающей промышленности в стране» [10, с. 83]. К 1955

году месторождение «Тасеево» позволило увеличить золотодобычу в 4,6 раза по сравнению с показателями 1946 года [3, л. 5–5а]. Согласно практике тех лет, в случае невыполнения показателей годового плана в целом по отрасли передовое предприятие страны получало задание добыть недостающее золото. Зачастую это задание поступало в адрес комбината «Балейзолото».

Вместе с предприятием Балей превращался в крупный культурный и индустриальный город Забайкалья. В 1951 году районный центр Балейского района Балей был переведён в число городов областного подчинения с количеством жителей в 40 тыс. человек, более 60 % из которых работали на комбинате «Балейзолото» (для сравнения – по состоянию на 1 января 1939 г. здесь проживали 23 835 чел.) [4, л. 3, 57]. Город располагал телефонной станцией, больницей с рентгеновской установкой, аптекой. Школьная сеть насчитывала 11 школ, в том числе две полных средних, которые посещали более 5 тыс. учеников, имелись детские ясли и два детских сада на 140 человек. Товарное обслуживание населения осуществлялось предприятиями Балейской конторы «Золотопродснаб».

В 1950-е годы для решения кадровых и социальных проблем при активном участии руководства комбината «Балейзолото» были открыты педагогическое и ремесленное училища, а также школа медицинских сестёр, продолжало свою работу фабрично-заводское училище (ФЗУ), развернулось строительство двухэтажных и трёхэтажных домов, правда, без систем водоснабжения и водоотведения. В 1951 году комбинат «Балейзолото» ввёл в эксплуатацию 2200 кв. м жилой площади, освоив при этом более 3 млн р., что почти в 2 раза больше, чем в предыдущие годы [5, л. 14]. Для сравнения можно привести данные за 1948 год: на строительство жилья было затрачено 865 тыс. р. при плане 700 тыс. р. и введено в строй 1700 кв. м новой жилой площади [6, л. 18].

Разработка Тасеевского месторождения завершилась ровно через пятьдесят лет после начала его освоения, в 1997 году. Сокращение запасов привело к прекращению работы градообразующего предприятия – ГОК «Балейзолото» и к началу социального кризиса.

«По золоту мы ходим, С голоду мы мрём, Других обогащаем, Дворцы им создаём», – эти, несколько перефразированные, стихи политического каторжанина из Новотроицка, приведённые в книге Н. Тарасова «Кровавое золото», во многом отражают современные

реалии городского поселения Балеи. 25 марта 2007 года население Балея и Балейского района на местном «объединительном» референдуме приняли решение об изменении статуса районного центра с городского округа на городское поселение [8]. На фоне «золотой истории флагмана золотодобывающей промышленности Забайкалья» очевиден регресс в развитии. Как досадно, когда жизненные приоритеты регионов одной и той же страны различаются в сотни и даже тысячи раз, когда город Балеи не может остановить отток насе-

ления, решить финансовые и социально-бытовые проблемы с годовым бюджетом в сто раз меньшим, чем уже реализующийся проект «реновации» – сноса «хрущёвок» в столице? Во многом возрождению этого района могли бы содействовать развитие предпринимательства в сфере золотодобычи [21], появление закона о вольнопринимательстве и повышение инвестиционной привлекательности [16], применение новых методов оценки эффективности обработки месторождений в некогда богатых районах золотодобычи [11].

Источники и литература

1. Витковский И. Годы напряжённого труда // Забайкальский рабочий. – 1949. – 3 сент.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-1246. – Оп. 6. – Д. 46.
3. ГАЗК. – Ф. Р-1246. – Оп. 6. – Д. 90.
4. ГАЗК. – Ф. Р-260. – Оп. 2. – Д. 51.
5. ГАЗК. – Ф. Р-1646. – Оп. 2. – Д. 21.
6. ГАЗК. – Ф. Р-1560. – Оп. 1. – Д. 97.
7. Димова Н. П. Золотодобывающая промышленность Забайкалья в восстановительный период и годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1922–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 1984. – 174 с.
8. Забелин С. Балеи в ожидании перемен // Забайкальский рабочий. – 2007. – № 75.
9. Иванов К. Пятилетка комбината «Балеизолото» // Забайкальский рабочий. – 1946. – 16 апр.
10. Игнаткин Ю. А. По диким степям Забайкалья... (Очерки золота Забайкалья). – Чита, 1994. – 112 с.
11. Костромитинов К. Н., Лысков В. М. Оценка эффективности обработки месторождений драгоценных металлов. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – 529 с.
12. Кочегарова Е. Д. Государственная политика в золотодобывающей промышленности Дальнего Востока России (1917–1940 годы). – Новосибирск: Сибпринт, 2011. – 223 с.
13. Кривеньшев А. Балеи – умирающий город Забайкальского края // Коммунист Забайкалья. – 2010. – № 8.
14. Лысков В. М. Органы управления и контроля государственной и старательской золотопромышленностью в Сибири и Забайкалье (1917–1991) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2015. – Иркутск, 2015. – С. 69–84.
15. Патронова А. Г. История развития золотодобывающей промышленности Забайкалья в 1832–1916 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 1971. – 23 с.
16. Салихов В. Ежегодно 20 тонн золота может давать стране Забайкалье // Забайкальский рабочий. – 2018. – 19 окт.
17. Сечуков Г. В. История возникновения и развития золотодобычи Забайкалья. – Чита: ЧитГТУ, 2000. – 63 с.
18. Суходолов А. П. Из истории золотопромышленности Забайкалья // Историко-экономический научный журнал. – 2007. – № 2. – С. 36–42.
19. Целищева В. Н. Частное предпринимательство в золотодобывающей промышленности Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 // disserCat – электронная библиотека диссертаций. – URL: <https://www.dissercat.com/content/chastnoe-predprinimatelstvo-v-zolotodobyvayushchei-promyshlennosti-zabaikalskoi-oblasti-vo-i> (дата обращения: 07.04.2019). – Текст: электронный.
20. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – 356 с.
21. Шуплецов А. Ф., Латышева М. А. Разработка механизма развития предпринимательства в области освоения малоэффективных золотоносных россыпей // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: материалы 4-й Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1 (г. Иркутск, 17 мая 2018 г.). – Иркутск, 2018. – С. 66–69.

УДК 93:331.105.44
ББК ТЗ-421

Татьяна Петровна Урожаева,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: olgoy@ya.ru

Деятельность областного совета профсоюзов Приангарья во второй половине 1990-х – середине первого десятилетия 2000-х годов

В статье проведён анализ профсоюзного движения и, в частности, деятельности областного совета профсоюзов Иркутской области. Автор акцентирует внимание на различных формах борьбы профсоюзов за свои права: пикетирование зданий органов власти, митинги, демонстрации, коллективные обращения в суды высшей инстанции и т. д. Именно в судьбоносных ситуациях для предприятий решающее слово оставалось за коллективами, ведомыми профлидерами. В очередном переделе собственности, в процедурах банкротства и в подборе внешних управляющих они проявляли дальновидность и твёрдость характера.

Ключевые слова: областной совет профсоюзов, социальное партнёрство, коллективный договор

Tatiana P. Urozhaeva,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: olgoy@ya.ru

The Activities of the Regional Council of Trade Unions Angara in the second half of the 1990s – the middle of the first decade 2000's

The article analyzes the trade Union movement and in particular the activities of the regional Council of trade unions of the Irkutsk region. The author focuses on various forms of trade unions struggle for their rights: picketing of government buildings, rallies, demonstrations, collective appeals to the courts of the highest instance, etc. It is in crucial situations for enterprises that the decisive word was left to the collectives led by professional leaders. In the next redistribution of property, in bankruptcy proceedings and in the selection of external managers, they showed foresight and firmness of character.

Keywords: regional Council of trade unions, social partnership, collective agreement

Отделение профсоюзов от государства, их «разгосударствление», поставило российские профсоюзы в конце 1980-х – начале 1990-х годов в очень сложное положение. На этот период пришёлся пик выхода работников из профсоюзов. Таким образом, проявился кризис в профсоюзах, обусловленный изменением их статуса и, прежде всего, правового. В 1991 году в России до 89 % лиц наёмного труда (немногим более 50 млн чел.) являлись членами профсоюза [1, с. 83].

Социальная трансформация в России в 1990-е годы резко ухудшила общее положение работающего населения в экономическом и социальном плане, обострила проблему занятости, усугубила антагонистичность обще-

ственного развития. Ухудшение материального положения, проблемы заработной платы и совершенно неудовлетворительные условия труда, и прочие трудности, с которыми столкнулись широкие слои населения, существенно изменили их отношение к органам власти, общественным организациям и работодателям, вызвали брожение, рост оппозиционных настроений в их среде и постепенно переросли в решительные акции протестного характера [11, с. 47].

Начиная с 1993 года, наблюдался постепенный рост забастовочного движения в отрасли образования, который в 1995–1996 годам привёл к двум всероссийским забастовкам работников народного образования, в которых

приняли участие более 1 млн педагогов [12, с. 17]. Всероссийские акции профсоюзов регулярно проводились в 1997–2003 годах.

В марте 1997 года прошла общероссийская акция протеста под лозунгом «За труд, зарплату и социальные гарантии». В Иркутск съехались представители большинства городов и районов области. О бедственном положении говорили посланцы Усть-Илимска, Братска, Черемхова, Ангарска. Ими были поставлены вопросы: «Почему падают объёмы промышленного производства, почему всё за бесценок отдаётся за рубеж?», «Кто защитит отечественного товаропроизводителя?», «Почему дети не посещают школу?», «Кто покончит с задолженностью по зарплате, пенсиям и пособиям?» [2, с. 3].

9 апреля 1998 года по городам и районам Приангарья прокатилась волна митингов, шествий и забастовок.

Председатель областного совета профсоюзов А. Оболкин заявил, что «по уровню жизни Иркутская область отстала от соседей – Красноярского края, Новосибирской, Томской областей, Кузбасса. Очень тревожил людей рост задолженности по зарплате, которая в целом по области превышала 2 млрд денонмированных рублей, в том числе бюджетникам – 125 млн р., что больше, чем летом 1997 года. Неудержимо росла безработица, а активной политики занятости не проводилось. Трудящихся угнетала неуверенность, нестабильность, непонимание того, что происходило в стране, куда вели реформы?» [4, с. 2].

В сентябре 1998 года на очередном пленуме облсовпрофа обсуждалась социально-экономическая ситуация в стране и области, а также участие профсоюзов во Всероссийской акции протеста 7 октября 1997 года. Накапливались долги по зарплате, пенсиям и пособиям, увеличивались неплатежи предприятий. Треть населения Приангарья имела доходы ниже прожиточного минимума (457 р.). Армия безработных составила 31 220 чел., а если прибавить сюда граждан с неполной занятостью и находящихся в отпусках без содержания, то это число пополнилось ещё 129 тыс. чел. Всего около 20 % трудоспособного населения не работало [8, с. 3].

В феврале 2000 года в Иркутске прошла XXI конференции областного совета профсоюзов.

В отчётном докладе председатель облсовпрофа А. Оболкин подчеркнул, что «в условиях крутых социально-экономических перемен вся тяжесть реформ легла на плечи трудящихся. Самокритично оценивая свою деятель-

ность, профсоюзные лидеры считали, что эта массовая общественная организация выстояла в сложнейших условиях, окрепла и сохранила своё влияние на положение дел в области. К примеру, два с половиной года продолжался конфликт профкома и стачкома Усть-Илимского ЛПК с собственником и управляющей компанией. Можно было смело утверждать, что наряду с другими мерами активная роль профсоюза, в котором насчитывалось почти 13 тыс. членов, позволила лесопромышленному комплексу выйти из глубокого кризиса. А его работники отвоевали у руководителей максимум социальных благ: дважды повышалась средняя зарплата, почти полностью были погашены долги».

Пример объединённого профкома УИ ЛПК уже в своём развитии стал применяться и на других крупных предприятиях области – АНХК, Саянском химпроме, Коршуновском ГОКе, Востсибугле и др. Именно в судьбоносных ситуациях для предприятий решающее слово оставалось за коллективами, ведомыми профлидерами. В очередном переделе собственности, в процедурах банкротства и в подборе внешних управляющих они проявляли дальновидность, мужество и твёрдость характера. Интересы коллективов, родных предприятий были для них превыше всего. Разумеется, на внешне благополучных предприятиях (энергетика, алюминиевые заводы, ВСЖД, АО «Кедр», Иркутский масложиркомбинат, мясокомбинат, Иркутскпищепром и других) профсоюзы находились как бы в тени, не проявляя озабоченности, не вступая в оппозицию администрациям.

Удивительно и то, что профсоюзы нередко брались за такие проблемы, которые призваны были решать другие органы. К примеру, профком химиков был очень обеспокоен растущей наркоманией, распространением ВИЧ-инфекции и начал активно участвовать в их профилактике. Для предотвращения краж квартир организовали рабочие дружины. Действовала торговая инспекция, которая выявляет много некачественных продуктов, нарушений правил торговли. Выявили ужасающие факты, когда в лечебных учреждениях кормили больных хуже, чем заключённых в тюрьме. Сама жизнь диктовала профсоюзам, чем им заниматься, какие вопросы решать. Непременным законом их деятельности стало заключение коллективных договоров с администрацией. К сожалению, коллективные договоры были приняты лишь в 62,6 % профорганизаций [5, с. 3].

Профсоюзные лидеры успешно участвовали в выборах в местные и региональные ор-

ганы власти. Так, в декабре 2000 года состоялись выборы депутатов Законодательного Собрания в 14-м (г. Ангарск) и 34-м (г. Усть-Илимск) избирательных округах. В итоге в Ангарске победил председатель профкома АНХК А. Украинцев, набравший 48,3 % голосов. А в Усть-Илимске выборы закончились полным триумфом другого профсоюзного лидера – В. Лукина. Председатель профкома УИ ЛПК набрал 93,4 % голосов [7, с. 2].

В декабре 2001 года работодатели региона согласились с проектом трёхстороннего соглашения по регулированию социально-трудовых отношений в Иркутской области. Соглашение разрабатывалось областными властями, профсоюзами и работодателями. Стороны сели за стол переговоров, чтобы снять трудовые и социальные противоречия, которые возникают между рабочими и руководителями предприятий и учреждений [3, с. 2].

В сентябре 2003 года иркутские областные профсоюзы провели пикетирование здания исполнительной и законодательной власти региона. Таким образом, они поддержали Всероссийскую акцию протеста профсоюзных работников. В ходе акции протеста профсоюзы выдвинули требования незамедлительно принять закон об увеличении минимального размера оплаты труда и предоставить право областной администрации самостоятельно устанавливать уровень «минималки». А. Оболкин сообщил, что в акции протеста приняли участие все областные организации профсоюзов. Митинги протеста также прошли в г. Усть-Илимске, Ангарске и Братске [9, с. 3].

За первый квартал 2006 года государственная инспекция труда по Иркутской области зафиксировала 10 тыс. 156 нарушений. Основная масса – около 8 тыс. – вопросы, связанные с заключением трудовых договоров и их неисполнением (остальные 2 тыс. – охрана труда). Заместитель руководителя Государственной инспекции труда по Иркутской области Л. Бендер заявила: «Это была самая сложная проблема. Нет договора – можно не платить, эксплуатировать по 12 часов в день, увольнять без объяснения». На крупных пред-

приятиях, где были сильные профсоюзы, коллективный договор стал предметом торга. «Труд – это товар. Профсоюзам хотелось дороже продать, а работодателю – купить дешевле», – говорил В. Лукин [10, с. 5].

Несмотря на финансовые трудности, профсоюзы предприятий занимались также благотворительностью. Так, например, на протяжении многих лет представители профсоюза «Иркутскэнергосбыта» приезжали с подарками в детские дома, помогали ветеранам войны и одиноким пенсионерам, несколько раз в месяц сдавали кровь. Всё это – на добровольной основе. Параллельно проводили различные праздники в домах престарелых. У «Иркутскэнергосбыта» сложились давние хорошие отношения со многими социальными организациями области – детскими домами, реабилитационными центрами для несовершеннолетних и домами малютки. «Детский дом в Тулуне, дом малютки в Братске, приют для глухонемых детей в Черемхове, детдома в Бохане, Харате, Кыцигировке, Урике, областной онкоцентр в Иркутске, Ангарский дом малютки, дом малютки на Синюшиной горе в Иркутске», – перечислила Л. Манюк. В компании создали волонтерскую группу помощи детям, больным онкологическими заболеваниями. Проводилась финансовая поддержка и встречи с маленькими пациентами онкологического отделения областной детской больницы [6, с. 3].

За годы реформ профсоюзы Иркутской области как социальный институт накопили богатейший и поучительный опыт в регулировании социально-трудовых отношений и в реализации производственных профессиональных интересов трудящихся. Профсоюзные работники осуществляли свою деятельность непосредственно в трудовом коллективе и поэтому, в отличие от других органов, имели возможность быть очевидцами нарушений прав трудящихся на рабочем месте, что позволяло им оперативно фиксировать нарушения, вступать в переговоры с работодателем, проводить информационно-разъяснительную работу с работниками, принимать меры по устранению нарушений их законных прав.

Источники и литература

1. Башмаков В. И. Профсоюзы как социальный институт. – М.: Гум. ун-т, 2001. – 113 с.
2. Богачев Е. Что последует за криком «Долой»? // Вечерний Иркутск. – 1997. – 29 марта. – С. 2.
3. В работодателях согласие есть // СМ-номер один. – 2001. – 11 дек. – С. 2.
4. Волков Н. 9 апреля по городам Приангарья прокатилась волна митингов, шествий и забастовок // Восточно-Сибирская правда. – 1998. – 15 апр. – С. 2.
5. Волков Н. Не дать себя обмануть // Восточно-Сибирская правда. – 2000. – 16 дек. – С. 3.
6. Время добровольцев // Сибирский энергетик. – 2006. – 31 авг. – С. 3.
7. Люстрицкий Д. На выборах побеждают профсоюзы // СМ-номер один. – 2000. – 19 дек. – С. 2.
8. Профсоюзы готовятся к стачке // СМ-номер один. – 1998. – 10 сент. – С. 3.

9. Профсоюзы ставят пикеты // Пятница. – 2003. – 9 сент. – С. 2.
10. Сергеева, Ю. Рабы работодателей // Конкурент. – 2006. – 29 апр. – С. 5.
11. Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России. Документы. Статистика. Библиография / отв. ред. А. М. Кацва. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 211 с.
12. Хроника забастовочного движения // Лидеры образования. – 2001. – № 6. – С. 17.

УДК 94:398

ББК ТЗ(2)522-68:Ш23(2)

Владимир Леонидович Кляус,

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Россия,
e-mail: v.klyaus@mail.ru*

«Турецкая компания» в устной истории потомков забайкальских казаков в Австралии

Статья посвящена упоминаниям русско-турецких войн XIX века в сообщениях потомков забайкальских казаков, проживающих в Австралии. Приводятся фрагменты песен, бытовавших в том числе в Китае, откуда они уехали в Австралию. В них, видимо, также сохранилась память о «турецкой компании», а именно о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, участие в которой в историях Забайкальского казачьего войска не описывается.

Ключевые слова: русско-турецкие войны XIX века, забайкальские казаки, историческая память

Vladimir L. Klyaus,

*A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: v.klyaus@mail.ru*

“Turkish Company” in the Oral History of the Descendants of the Transbaikal Cossacks in Australia

The article is devoted to the references of the Russian-Turkish wars of the XIX century in the reports of the descendants of the Transbaikal Cossacks living in Australia. There are fragments of songs that existed including in China, where they left for Australia. They also seem to have preserved the memory of the “Turkish company”, namely the Russian-Turkish war of 1877–1878, the participation in which in the stories of the Transbaikal Cossack army is not described.

Keywords: Russian-Turkish wars of the XIX century, Transbaikal Cossacks, historical memory

Глубина исторической памяти потомков забайкальских казаков в Австралии достигает XVIII столетия, периода, когда началось активное освоение Забайкалья. Конечно, рассказы и сообщения о предках, пришедших за Байкал из европейской части России, не отличаются массовостью, они кратки, но само их наличие указывает, что в семьях тех, кто ушёл в Китай в 1920–1930-е годы, а затем в 1950–1960-е годы перебрались в Австралию, довольно долго сохранялась память о казаках-первопоселенцах и основателях их родных забайкальских деревень и станиц.

В Сиднее, от Виталия Ивановича Патрина, потомственного забайкальского казака, автор

услышал следующее сообщение о его прапрадедушке:

Я только прапрадедушку знаю. У меня, значит, был отец, был Иван – Иван Петрович, Петр Павлович и Павел Гаврилыч, значит. Дедушка был у меня Петр, его..., прадедушка был Павел и прапрадедушка был Гавриил.

Ещё раз о прапрадедушке Гаврииле, по его словам, георгиевском кавалере, и своей прапрабабушке Виталий Иванович вспомнил, когда мы с ним разговаривали об образовании в России:

А потом ещё советские хвастаются тем, что, дескать, грамотными сделали (народ – В. К.). Грамот, грамоту ещё при царе

началась! Грамота началась. Уже вот моя бабушка, она в восемьсот, в восемьсот, в тыща восемьсот восемьдесят седьмом году родилась. Но она уже до девять..., тыща девятьсотого года, она уже в школе училась. У ней бабушка была с высшим образованием! Барыня была! Земля была у них – двадцать пять вёрст в окружности была. И это был надел от императора Николая Первого за турецкую компанию. Он был по-моему... три креста носил, георгиевских. И вот за это ему, значит, в вечное пользование дана, дана была земля. У него было семь сыновей и четыре работника. Они жили вот в Забайкалье (В. И. Патрин, 1943 г. р., Сидней, 2009).

О жизни своих предков во времена императорской России потомки забайкальцев в Австралии помнят, видимо, не очень много. Интересно замечание Виталия Ивановича о том, что его прапрадед получил землю за участие в «турецкой компании».

В XIX веке было несколько русско-турецких войн. Упоминание Николая I говорит о том, что речь может идти о Крымской войне 1853–1856 годов, начавшейся буквально через два года после создания Забайкальского казачьего войска. И здесь нужно сказать, что в этой войне забайкальские казаки, действительно, получили своё боевое крещение, правда, не в Крыму, а на Дальнем Востоке, при защите залива Де-Кастри от англичан. Правда, в списке забайкальских казаков, приведённых И. Г. Пешковым, Гавриила Патрина, прапрадеда Виталия Ивановича, мы не находим [6, с. 86–89]. Скорее всего, «турецкая компания» в его рассказе – это Русско-турецкая война 1877–1878 годов, которая шла во времена царствования уже другого императора – Александра II. Забайкальские казаки не принимали в ней массового участия, но всё же отдельные подразделения войска против турок воевали.

Есть сведения о том, что забайкальцы-артиллеристы защищали от турок Севастополь. Об этом упоминается в книге «Герои и деятели русско-турецкой войны 1877–1878» [2, с. 135]. В этой связи совершенно иначе можно понимать историю песни забайкальских казаков-батарейцев «Вспомним, братцы забайкальцы»:

Вспомним, братцы забайкальцы,
Как стояли мы в топах.
Как стояли мы в топах,
Туркам наводили страх.

Мы казаченьки военные,
Будем с турком воевать.
Будем с турком воевать,
Им удары воздавать. <...>

Существует точка зрения, что песня была сложена забайкальцами позже, в Первую мировую войну. К примеру, В. Л. Сафронов, живший долгое время в Китае, в своём сборнике приводит лишь начальную строфу «Песни Кавказского фронта (1914–1917)», вероятно, варианта «Вспомним, братцы забайкальцы»:

Вспомним, братцы, то мы, время,
Кто во Турции бывал!
Вспомним стычки удалые,
Топорийский перевал! [8, с. 82].

В одном из вариантов песни упоминаются *Карпаты*, что выглядит довольно странно, так как турки никогда не доходили до Карпат ни в одну из войн, и военные действия с ними там не велись:

Вспомним, братцы забайкальцы,
Как стояли мы в Карпатах.
Как стояли мы в Карпатах,
Туркам наводили страх [1].

Замена на «в Карпатах» произошла при непонимании лексемы «в топах» когда песня получила более широкое распространение.

Один из исследователей песни приводит цитаты из мемуаров участников Первой мировой, из которых следует, что «топы» – это несколько переиначенное турецкое слово, обозначающее дороги: «Необходимо иметь в виду, что на Армянском театре многие гребни водоразделов между двумя соседними бассейнами являются естественными путями, которые в Турции именуется «топ-иолами», т. е. пушечными дорогами» [4]; «Правее направлялся 9-й корпус по дороге “топел”. <...> Потом вследствие плохих путей к Кетеку со стороны “топел”, было решено направить обходные колонны на Сарыкамыш» [3; 5] Понятно, что и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов слово употреблялось и могло быть воспринято забайкальцами.

Память о «турецкой компании» осталась как минимум ещё в одной песне, бытовавшей у забайкальских казаков – «По ущельицам Турции», которая была хорошо известна казакам, ушедшим в Китай:

По ущельицам Турции дальней
Проезжал молодой казачок
Он лицом бледным, печальным
Возвращался порой на восток. <...>

В героя песни прилетает «пуля-злодейка», и она прерывает мысли «молодого казачка» о родине [10, с. 88].

Более развёрнутый вариант этого песенного текста находим в рукописи И. В. Ушакова, родившегося в Китае и переехавшего в СССР

в 1950-х годах. В нём, погибая, казак ещё и обращается к своему коню:

<...>

Ты слетай же в родное Забайкалье,
Передай мой платочек кровяной,
Передай же моёй ты невесте,
Что твой милый женился на другой.
Обвенчала его пуля быстра,
Остра шашка свахою была [9; 16].

В тексте, как видим, использованы чисто типичные сюжетные ситуации для воинских и казачьих песен, и она могла быть просто приуроченной к «турецкой компании». Оба варианта из репертуара потомков забайкальских казаков, бежавших в 1920–1930 годах в Китай. Кстати, известен вариант, где казак едет «По долинам Маньчжурии дальней» [8, с. 75]. При этом, что первично в песне – Маньчжурия или Турция – судить сейчас сложно.

В пос. Кадая Забайкальского края в 2014 году автор встретился с Прасковьей Антоновной Озариковой (1929 г. р.), прабабушка

которой была грузинкой. Прадед Прасковьи Антоновны, живший в Средней Борзе, привёз прабабушку «с Кавказа», видимо, после участия в той же «турецкой компании». Известно, что одной из отличительных черт Русско-турецкой войны 1877–1878 годов было активное участие на Кавказском театре военных действий кавказских и закавказских народов, и казак-забайкалец, видимо, не устоял перед красотой грузинской девушки, которую увёз на родину.

Сообщение Виталия Ивановича Патрина о прапрадеде, которое по времени однозначно сопоставимо с сообщением о прадеде Прасковьи Антоновны Озариковой, наряду с косвенными данными, в том числе и приведёнными песнями, говорит о том, что забайкальские казаки участвовали в войне с Турцией 1877–1878 годов, хотя историки Забайкальского казачьего войска [7] об этом ничего не пишут. Возможно, поиски в архивах подтвердят то, что осталось в устной истории потомков забайкальских казаков.

Источники и литература

1. Вспомним, братцы забайкальцы // Казачья музыка. – URL: <http://www.cossacksmusic.ru/vspomnim-bratczyi-zabajkalczyi.html#ixzz5mxcYeFKh> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.
2. Герои и деятели Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. – СПб.: В. Турба, 1878. – 184 с.
3. Забайкальцы в турецких топах // Восточная окраина. – URL: <https://www.albert-motsar.livejournal.com/1009238.html> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.
4. Корсун Н. Г. Эрзерумская операция: на Кавказском фронте мировой войны в 1915–1916 гг. – М.: Гос. воен. изд-во, 1938. – 178 с.
5. Масловский Е. В. Великая война на Кавказском фронте, 1914–1917 гг. – М.: Вече, 2014. – 543 с.
6. Пешков И. Г. Списки забайкальцев – защитников Де-Кастри и их награды за Крымскую войну 1853–1856 годов // Забайкальское казачество: история и современность: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 85–89.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ашмаров И. А. – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Воронежский государственный институт искусств, г. Воронеж, Россия.

A. Ashmarov – Candidate of Economic Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of humanitarian and socio-economic disciplines of the Voronezh State Institute of Arts, Voronezh, Russia.

Бабаков В. В. – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия.

V. Babakov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Department of History and philosophy of East Siberian State Institute of culture, Ulan-Ude, Russia.

Батуева И. Б. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия.

I. Batueva – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of History and philosophy of East Siberian State Institute of culture, Ulan-Ude, Russia.

Беспалько Д. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

D. Bepalko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Богомазов Н. И. – канд. ист. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

N. Bogomazov – Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of St. Petersburg state University, St. Petersburg, Russia.

Вайраух Т. – внештатный учёный, офис Министерства внутренних дел Германии, Хойхельхайм, Германия.

T. Weyrauch – Freelance scientist at the office of the German Ministry of the interior, Heuchelheim, Germany.

Ванина И. Ю. – канд. ист. наук, доцент, Иркутский научно-исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия.

I. Vanina – Candidate of Historical Sciences, Docent of Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

Василенко В. А. – канд. ист. наук, доцент кафедры прикладной информатики и документоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

V. Vasilenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of Applied Informatics and Records Management of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Васильев М. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

M. Vasiliev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of Russian history of Pskov State University, Pskov, Russia.

Волочаева А. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

A. Volochaeva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Вэй Хунбо – соискатель, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Wei Hongbo – Postgraduate Student of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Гавриков А. А. – канд. ист. наук, преподаватель Педагогического института, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

A. Gavrikov – Candidate of Historical Sciences, Lecturer of Pedagogical Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Гребенкин А. Н. – д-р ист. наук, доцент, доцент кафедры государства и права, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Орёл, Россия.

A. Grebenkin – Doctor of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of State and Law of the Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА, Orel, Russia

Евтехов Р. А. – канд. ист. наук, куратор, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Россия.

R. Evtehov – Candidate of Historical Sciences, Curator Moscow of Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia.

Дроботушенко Е. В. – канд. ист. наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

E. Drobotushenko – Candidate of Historical Sciences, Docent, Dean of the Faculty of History and Philology of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Ершов Б. А. – д-р ист. наук, доцент, профессор, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия.

B. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.

Жданов С. А. – г. Москва, Россия.

S. Zhdanov – Moscow, Russia.

Кальмина Л. В. – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

L. Kalmina – Doctor of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher of Department of History, Ethnology and Sociology of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Камнева Г. П. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Историко-филологический институт Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия.

G. Kamneva – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of History of Russia of the middle ages and modern times of Historical and Philological Institute of Moscow Region State University, Moscow, Russia.

Карасёв С. В. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин заочно-вечернего института, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия.

S. Karasyev – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of General Education of the Faculty of Extramural Education at Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

Карчанова Л. М. – начальник отдела научно-исследовательской работы и использования документов, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

L. Karchanova – Head of the Department of Research Work and Use of Documents of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Клестова М. С. – волонтер при Музее-архиве русской культуры, Сан-Франциско, в Лиге русско-американских женщин, в Русской школе при Храме Всех Святых в Земле Российской Просиявших, Бурлингем, Калифорния, г. Сан-Франциско, США.

M. Klestoff – Volunteer at Museum of Russian Culture, San Francisco, Russian-American Women’s League, Russian School at Orthodox Church of All Russian Saints, Burlingame, CA, San Francisco, USA.

Кляус В. Л. – д-р филол. наук, заведующий отделом фольклора, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Сведения об авторах

- V. Klyaus** – Doctor of Philology Sciences, Head of the Department of folklore of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.
- Ковалёва Н. Н.** – канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь.
- N. Kovaleva** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Professor Department of Humanities of Brest state technical University, Brest, Belarus.
- Ковычев Е. В.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
- E. Kovychев** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of History of Transbaikalian State University, Chita, Russia.
- Константинова Н. Н.** – канд. ист. наук, учёный секретарь, заведующая отделом истории и этнографии, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.
- N. Konstantinova** – Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary, head of the Department of history and Ethnography of the Zabaikal Regional Museum of local lore named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia.
- Костяев Э. В.** – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории Отечества и культуры, Институт социального и производственного менеджмента Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А., г. Саратов, Россия.
- E. Kostyaev** – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of History and culture of the Institute for social and production management of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia.
- Косых В. И.** – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
- V. Kosyh** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of History of Transbaikalian State University, Chita, Russia.
- Косых Е. С.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия.
- E. Kosykh** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law of Bashkir State University Sterlitamak Branch, Sterlitamak, Russia.
- Кузнецов В. В.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, проректор по воспитательной и социальной работе, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
- V. Kuznetsov** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of History, Vice-Rector for Social and Educational Work of Transbaikalian State University, Chita, Russia.
- Кузьмин Ю. В.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
- Yu. Kuzmin** – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of World Economy and International Business of Baikal State University, Irkutsk, Russia.
- Ланцова Ю. Н.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
- Yu. Lantsova** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of History of Transbaikalian State University, Chita, Russia.
- Лобанов К. Н.** – д-р полит. наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И. Д. Путилина, г. Белгород, Россия.
- K. Lobanov** – Doctor of Political Sciences, Docent, Associate Professor Department of Humanitarian and Sociopolitical Disciplines of I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Belgorod, Russia.
- Макеева С. Б.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
- S. Makeeva** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of oriental and Asia-Pacific regional studies of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

- Мезенцева И. В.** – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- I. Mezentseva** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World economy, Entrepreneurship and Humanities of Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.
- Митыпова Г. С.** – д-р ист. наук, руководитель центра воспитания и дополнительного образования, Бурятский республиканский институт образовательной политики, г. Улан-Удэ, Россия.
- G. Mityrova** – Doctor of Historical Sciences, Head of the center of education and additional education of Buryat Republican Institute of educational policy, Ulan-Ude, Russia.
- Мякинская А. В.** – преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Беларусь.
- A. Miakinskaya** – The teacher of humanities of Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus.
- Мясников А. В.** – науч. сотрудник, Государственный архив Забайкальского края; Музейно-выставочный центр Забайкальского края, г. Чита, Россия.
- A. Myasnikov** – Researcher of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Museum and exhibition center of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.
- Мясникова Г. В.** – ст. преподаватель кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
- G. Myasnikova** – Senior Lecturer of Department of History of Transbaikalian State University, Chita, Russia.
- Петров И. В.** – канд. ист. наук, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.
- I. Petrov** – Candidate of Historical Sciences, assistant of St. Petersburg state University, St. Petersburg, Russia.
- Петрушин Ю. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия.
- Yu. Petrushin** – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of Philosophy and Social Sciences of Humanities, Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia.
- Пешков И. Г.** – индивидуальный предприниматель, г. Санкт-Петербург, Россия.
- I. Peshkov** – Individual businessman, Saint-Petersburg, Russia.
- Посаднев Ю. В.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
- Yu. Posadnev** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of History, of Transbaikalian State University, Chita, Russia.
- Постников А. В.** – д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, г. Москва, Россия.
- A. Postnikov** – Doctor of technical Sciences, Full Professor, Chief scientific officer of Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology, Moscow, Russia.
- Пригодич Н. Д.** – педагог доп. образования, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.
- N. Prigodich** – The teacher of additional education of Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.
- Пряженникова М. В.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
- M. Pryazhennikova** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of History of Transbaikalian State University, Chita, Russia.
- Севостьянова Е. В.** – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- E. Sevostyanova** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World economy, Entrepreneurship and Humanities of Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Сведения об авторах

- Сотников А. А.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Историко-филологический институт Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия.
- A. Sotnikov** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of History of Russia of the middle ages and modern times of Historical and philological Institute of Moscow Region State University, Moscow, Russia.
- Сотников С. А.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Историко-филологический институт Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия.
- S. Sotnikov** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of History of Russia of the middle ages and modern times of Historical and philological Institute of Moscow Region State University, Moscow, Russia.
- Ставропольский Ю. В.** – доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.
- Yu. Stavropolsky** – Associate Professor Department of General and Social psychology of Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
- Суходолов А. П.** – д-р экон. наук, профессор, первый проректор – проректор по науке, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
- A. Sukhodolov** – Doctor of Economic Sciences, Full Professor, First Vice-rector – Vice-rector for science of the Baikal State University, Irkutsk, Russia.
- Урожаева Т. П.** – канд. ист. наук, науч. сотрудник лаборатории исторической демографии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
- T. Urozhaeva** – Candidate of Historical Sciences, Researcher laboratory of Historical demography of the Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.
- Фартусов Д. Б.** – канд. ист. наук, заведующий сектором научной библиотеки, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.
- D. Fartusov** – Candidate of Historical Sciences, Head of the sector of the scientific library of the Buryat State University named after Dorji Banzarov, Ulan-Ude, Russia.
- Федосеева К. В.** – соискатель кафедры источниковедения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.
- K. Fedoseeva** – Postgraduate student of Department of Source of Moscow State University, Moscow, Russia.
- Филимонов А. В.** – канд. филос. наук, доцент кафедры менеджмента, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
- A. Filimonov** – Candidate of Philosophy, Associate Professor Department of management of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Харитонов А. М.** – науч. сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.
- A. Kharitonov** – Researcher of the Pacific Geographical Institute of FEB RAS, Vladivostok, Russia.
- Чапыгин И. В.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
- I. Chapygin** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of World History and International Relations of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.
- Чапыгин И. И.** – стажёр кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
- I. Chapygin** – Intern of the Department of World History and International Relations of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.
- Черепанов К. В.** – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия.
- K. Cherepanov** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of General history of Dostoevsky Omsk State University.
- Чирков М. С.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества, Самарский государственный институт культуры, г. Самара, Россия.

M. Chirkov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of History of the Fatherland of Samara State Institute of culture, Samara, Russia.

Якунин В. Н. – д-р ист. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности, Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти, Россия.

V. Yakunin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for scientific and innovative activities of the Volga Region State University of Service, Togliatti, Russia.

Яремчук О. А. – канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

O. Yaremchuk – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Department of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Научное издание

Scientific publication

**Приграничный регион в историческом развитии:
партнёрство и сотрудничество**

Часть 1

**Historical Development of the Border Region:
Partnership and Cooperation**

Part 1

Редактор В. К. Демиденко
Вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 19.08.2019.
Форм. бум. 60×84/8.
Печать цифровая. Гарнитура Arial.
Усл. печ. л. 26,4. Уч.-изд. л. 22,3.
Тираж 150 экз. Заказ № 19119.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

